
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В. В. МИРОНОВ

**ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Монография

2017

УДК 337(410.1)
ББК 63.3(4Вл)-6я73
М641

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. кафедры всеобщей истории
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского *А.В. Свешников*;
д-р ист. наук, проф. кафедры документоведения
и всеобщей истории НВГУ *В.Н. Ерохин*

Миронов, В. В.

М641 Очерки развития Английской школы международных отношений : монография / В. В. Миронов. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 436 с.

ISBN 978-5-7779-2064-5

Рассматривается возникновение и научная эволюция специфического кластера теоретических рассуждений о международной политике, получившего известность как Английская школа международных отношений. Анализируются вопросы происхождения и развития концепции международного общества, вклад отдельных ученых в создание школы, эволюция тематики исследований сообщества, которое со временем стало восприниматься как олицетворение всего английского подхода к международным делам. Также представлена попытка определить пути дальнейшего развития Английской школы в теории международных отношений XXI века.

Для студентов, аспирантов, преподавателей международных отношений и всех тех, кто интересуется теоретическими вопросами международной политики.

**УДК 337(410.1)
ББК 63.3(4Вл)-6я73**

ISBN 978-5-7779-2064-5

© Миронов В. В., 2017
© ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Происхождение концепции и основатели	16
1.1. Чарльз Мэннинг и «Природа международного общества»	16
1.2. Герберт Баттерфильд как участник Английской школы международных отношений.....	37
1.3. Британский комитет по изучению международной политики и оформление концепции международного общества.....	58
Глава 2. Мартин Уайт и система государств в Английской школе международных отношений	84
2.1. Проблемы колониального управления в творчестве Мартина Уайта в 1940–1950-х годах.....	94
2.2. «Силовая политика» как проявление реализма в творчестве Мартина Уайта	100
2.3. «Три традиции» Мартина Уайта как различные концептуальные основания изучения международных отношений.....	105
2.4. Мартин Уайт и «Дипломатические исследования»	116
2.5. «Система государств» Мартина Уайта как программа международных исследований Английской школы.....	129
Глава 3. Хедли Булл и оформление концепции международного общества	147
3.1. Стратегические исследования и вопросы контроля над вооружениями в творчестве Хедли Булла	155
3.2. Гроцианские ценности и основы международного общества в творчестве Хедли Булла	169
3.3. Баланс сил в международном обществе и международной системе в интерпретации Хедли Булла	181
3.4. Институты поддержания международного порядка в концепции Хедли Булла.....	189

3.5. Восстание против Запада и проблемы справедливости в международных отношениях	208
3.6. Теория международных отношений как наука и дисциплина в представлении Хедли Булла	227
Глава 4. Второе поколение Английской школы и развитие концепции международного общества	233
4.1. Фредерик Нортгейдж и Лондонская школа экономики в становлении Английской школы международных отношений	233
4.2. Джон Винсент и «гуманитарное» направление в Английской школе	248
4.3. «Стандарты цивилизаций» Геррита Гонга в истории международного общества	274
4.4. Адам Уотсон и его вклад в развитие концепции международного общества	295
Глава 5. Развитие Английской школы в конце XX – начале XXI века	339
5.1. «Экспансия международного общества» как этап в развитии совместной практики Английской школы международных отношений	339
5.2. Плюралистско-солидаристские дебаты как источник развития Английской школы международных отношений в 1980–1990-х годах	357
5.3. Вопросы прав человека и гуманитарной интервенции в работах представителей Английской школы на рубеже XX–XXI веков	386
Развитие Английской школы в XXI веке (вместо заключения)	408
Библиографический список	423

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к изучению истории Английской школы международных отношений диктовался несколькими составляющими. Во-первых, теория международных отношений как наука и учебная дисциплина появилась в США – в стране, где не было такого долгого исторического опыта общения с другими государствами. Не лишним будет напомнить, что долгое время американская внешняя политика придерживалась изоляционистских позиций, а дипломатические контакты были весьма ограниченными. В связи с этим вспоминается известный афоризм патриарха американской политики и науки Генри Киссинджера о том, что на протяжении большей части своей истории целью американской внешней политики было то, чтобы ее не существовало¹. В известном смысле выход Соединенных Штатов в число влиятельных в плане международных отношений стран в XX столетии побуждал науку «компенсировать» теоретическими подходами нехватку исторического опыта взаимодействия с другими державами. До сих пор львиная доля литературы по теории международных отношений выходит в США, причем в таком объеме, что в последние двадцать лет не раз приходилось слышать перефразированное высказывание Стэнли Хоффмана о том, что теория международных отношений представляет собой разновидность американского обществоведения.

Иные «национальные» научные центры сформировались не везде и, как правило, находятся на периферии теоретического дискурса о международных отношениях. Обычно говорят об английской, французской школах и некоторых скандинавских центрах теоретического изучения международных отношений. Российская теоретическая школа также находится в процессе своего становления. И хотя теоретико-методологическая ситуация в ней считается

¹ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 12.

неоднородной, многие специалисты отмечают явное доминирование вестернизированных подходов в российской теории международных отношений². Такая ситуация требует, в свою очередь, понимания различных аспектов зарубежной теории международных отношений. Английская школа считается в этом плане частью западного дискурса рассуждений о международной политике. Хронологически она возникает вместе с американской наукой, сохраняет свое идейное своеобразие и обнаруживает растущее количество приверженцев.

Во-вторых, вторая половина XX века была периодом, на который пришлось коренное изменение роли науки, обозначаемое подзабытым ныне термином «научно-техническая революция». Следствием данного процесса явилось формирование множества частных научных дисциплин и подходов к изучению различных сторон общественной жизни. Изменились представления о роли знания в современном мире, что требует обновления инструментария изучения тех или иных сторон жизни общества. Знакомство с «новыми» теоретическими подходами к изучению истории международных отношений позволяет конкретизировать и уточнить наши представления о таких базовых категориях историографического изучения, как школа, течение, направление, применительно к современным условиям.

Английская школа интересна в этой связи тем, что, возникнув в интеллектуальной среде, близкой к консервативному направлению в британской исторической науке, она успешно вписалась в процессы глобализации науки, фрагментации теоретического знания, появления экспертных сообществ и развития прикладных исследований в современности.

В-третьих, Великобритания относится к числу стран, имеющих долгую и богатую дипломатическую историю. В рамках ее изучения связь между историей, политикой и дипломатией была столь тесной, что порой и сегодня имплементирование научных подходов в ткань современной дипломатической практики способно дать некоторые результаты относительно понимания мотивов действия страны на международной арене. Отношение власти и общества

² См.: Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005. С. 23.

к таким сложным проблемам, как гуманитарная интервенция, права человека, международные режимы и институты, выступает в качестве актуальных тем при формировании британского внешнеполитического курса. Подходы, разработанные научным сообществом Великобритании, способствуют созданию общего понимания и играют роль экспертных оценок при трактовке этих неоднозначных проблем современным поколением британских политиков и дипломатов.

В-четвертых, сама Английская школа теории международных отношений за период своего существования имела непростую научную судьбу. Ее создатели свою причастность не ощущали вплоть до 1980-х годов. В значительной степени осознанию себя в качестве школы способствовала весьма критическая статья Роя Джонса 1981 года, где автор заговорил об окончании и распаде школы³. Далеко не все ее участники были англичанами, и не все английские международники разделяют ее идеи. Иначе говоря, сформировался круг многочисленных вопросов, который требует внимания при изучении истории формирования и эволюции научного сообщества.

Резюмируя все сказанное, впору говорить о феномене Английской школы, поскольку предметом данной работы выступает уникальное образование, присущее лишь ряду стран. Эта школа не является ни национальной, ни собственно английской в том смысле, что ее постулаты разделяют далеко не все британские международники, и наоборот, ее идеи активно апробируют за рамками Великобритании неанглийские ученые. Факт ее существования периодически ставился под сомнение, но сама концепция Английской школы международных отношений стала настолько влиятельной, что иногда выступает синонимом всей британской теории международных отношений.

В связи с этим необходимо несколько слов сказать о соотношении Английской школы и науки международных отношений в Великобритании. Данный вопрос один из центральных как для характеристики самой школы, так и для определения ее места в теоретических исследованиях в стране. Известный британский

³ См.: *Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // Review of International Studies. 1981. Vol 7, № 1. P. 185–206.*

международник Крис Браун в одной из своих работ говорит о трех поколениях развития международной теории в Великобритании⁴. С его делением на этапы вполне можно согласиться, хотя некоторые аспекты требуют дополнительного уточнения.

Первое поколение в развитии международной теории в стране сформировалось в межвоенные годы под сильным воздействием опыта Первой мировой войны. Первые кафедры и исследовательские центры начинают возникать именно в это время. В 1919 году создается центр им. В. Вильсона в университете Эйберсвита, в 1924 году – кафедра международных отношений в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований, в 1930 году – кафедра в Оксфорде. Тогда же возникает институт международных отношений в Чатем Хаусе. Некоторые из этих научных центров основывались при поддержке филантропов, которые желали не допустить повторения разрушительных последствий Первой мировой войны.

Особую роль среди первых британских международников на этом этапе теоретических размышлений о международной политике сыграл Эдвард Карр (1892–1982), который вплоть до 1949 года возглавлял кафедру (центр) в Эйберсвите (Уэльс). После Второй мировой войны он охладел к теоретическому дискурсу в международных отношениях, который, с его точки зрения, предопределял взгляд на их анализ. Тем не менее Э. Карр считается одной из классических фигур в разработке и становлении такого влиятельного направления в международной теории, как политический реализм. Многие воспринимают его таким английским Гансом Моргентау. Его работа «Двадцать лет кризиса в международных отношениях» 1939 года стала оцениваться как классическая платформа постулатов реализма. Его аргументы в спорах с либералами, которые были озабочены проблемами функционирования международных организаций в 1930-х годах и не уделяли должного внимания национализму в отношениях между государствами, до сих пор не потеряли своего значения. Э. Карр, таким образом, стал знаковой фигурой, сблизившей

⁴ См.: *Brown C. The Development of International Relations Theory in the United Kingdom: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories // International Studies. 2009. Vol. 46, № 1–2. P. 221–237.*

своими аргументами реалистов и обеспечившей их диалог по обе стороны Атлантики. В силу этого английская и американская теории считаются развивавшимися в одном направлении и определявшими базовую линию теоретического дискурса о международных отношениях. Такая оценка сегодня выглядит далеко не бесспорной. Э. Карр, в частности, поддерживал политику умиротворения кабинета Чемберлена, а, следовательно, видеть в его суждениях однозначную альтернативу либеральному взгляду на международные отношения не всегда представляется корректным.

Таким образом, сущностью первого этапа представляется не формирование первого поколения британских международников, но формальная институализация изучения международных отношений в Великобритании. Здесь ведущая роль принадлежала отдельным знаковым фигурам ученых вроде Э. Карра и А. Тойнби, сотрудничавшим с институтом в Чатем Хаусе.

Второй этап в развитии британской теории, по мнению К. Брауна, приходится на период с 1958-го по 1977 год⁵. Хронологические рамки данного этапа требуют уточнения и выделены несколько искусственно, поскольку отражают неоднородные критерии периодизации. Начальной точкой периода выступает решение о создании так называемого Британского комитета по теории внешней политики. Он начал работу под руководством известного кембриджского историка сэра Герберта Баттерфильда в 1959 году. С известными оговорками данный комитет продолжает функционировать и сегодня, хотя классический период работы этого форума пришелся на 1960-е – середину 1980-х годов. Конечной точкой периода выступает выход работы Хедли Булла «Анархическое общество» в 1977 году. Согласно К. Брауну, эта книга стала точкой отсчета в развитии более диверсифицированных подходов в современной британской международной теории.

Однако с чем невозможно не согласиться, так это с тем, что Британскому комитету принадлежала важная роль в становлении национального дискурса по международной теории. Хотя Г. Баттерфильд был организатором работы данного форума, он не играл ведущей роли в разработке концепции, ставшей отличительным маркером

⁵ См.: *Brown C. Op. cit. P. 224–226.*

рассуждений о внешней политике. Такой концептуальной основой Английской школы стала идея международного общества, в создании которой решающую роль внутри Комитета сыграли выходцы из Лондонской школы экономики и прикладных политических исследований Мартин Уайт и Хедли Булл. В свою очередь, они отталкивались от идей Чарльза Мэннинга, возглавлявшего кафедру международных отношений в данном научном центре. Но не вуз, а Комитет стал междисциплинарным форумом, который обеспечивал обсуждение ключевых идей школы в формате периодически созываемого научного семинара. Уже в 1966 году появляется первая коллективная монография «Дипломатические исследования», ставшая своего рода программным манифестом научного сообщества, а в 1984 году выходит вторая, не менее знаковая для судьбы школы, коллективная монография «Экспансия международного общества», которая подводила итог общей (классической) линии развития Английской школы.

На этом этапе школа, таким образом, заявляет о себе как о самостоятельном теоретическом подходе, не связанном с американской традицией. Семинар стал площадкой, соединяющей не только представителей разных дисциплин, занимавшихся изучением международных отношений, но и центром, объединившим разнородное сообщество британских международныхников. Сущностью этого этапа было создание специфического кластера размышлений о международных отношениях в стране.

Кроме того, завершение этапа можно связывать еще с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, с уходом из жизни наиболее ярких представителей первых поколений школы: в 1972 году умер М. Уайт, в 1978-м – Ч. Мэннинг, в 1979-м – Г. Баттерфильд, в 1985-м – Х. Булл. Объективно встал вопрос о привлечении новых участников для продолжения работы научного сообщества. Во-вторых, в 1981-м выходит уже упоминавшаяся статья Р. Джонса, где были озвучены первые критические аргументы в адрес школы, а не отдельных исследователей. Иначе говоря, школа начала восприниматься как некое целостное научное сообщество извне, со стороны. Напротив, сами участники себя как единое научное сообщество до 1980-х годов не позиционировали вплоть до окончания «классического» периода школы.

Третий – современный – этап в развитии британской теории международных отношений начинается, по К. Брауну, с 1977 года.

На этом этапе британская международная теория диверсифицируется. Сегодня ее развитие идет по нескольким различным направлениям: здесь присутствуют и критическая теория, и конструктивизм, и гендерные исследования, неомарксизм, международная политэкономика и ряд других направлений и частных научных подходов. Английская школа на этом этапе переживает некоторый внутренний раскол, связанный с делением на солидаристов и плюралистов, происходит смена поколений ученых, адаптация научной проблематики к новым реалиям постбиполярного мира. Некоторые исследователи считают этот период кризисом и даже концом школы на том основании, что креативный период сменился интерпретативным. Комитет в старом формате перестал существовать, тем самым была разрушена и институциональная основа школы.

Однако в начале XXI века был отмечен новый виток интереса к Английской школе. Ее адепты появились во многих странах. Работы Х. Булла и М. Уайта стали переводиться и публиковаться в других странах, разделы, посвященные школе, стали составной частью учебной литературы по международным отношениям, а сама она стала признанной частью мировой науки о международных отношениях и продолжает позиционировать себя в глобальном масштабе. Такие тенденции подчеркивают некоторое устаревание понятия «школа» в отношении данного научного сообщества, тогда как в действительности можно говорить о формировании научного направления.

В силу такой уточненной периодизации можно сделать вывод, что Английская школа на определенном этапе развития знания о международных отношениях в Великобритании задала тон и сформировала лицо «национального» подхода в сфере анализа и прогнозирования международных проблем как минимум во второй половине XX века. Шестидесятилетняя история школы заслуживает внимания с многих точек зрения, как и процесс расширения ее содержательного влияния в современной мировой науке о международных отношениях.

Жанр очерков, вошедших в состав данной книги, не предполагает тщательного анализа того, что представляет собой научная школа в условиях второй половины XX – начала XXI века. Безусловно, этот вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения и предполагает серьезное изучение теоретико-методологических процессов,

происходивших в социальном и гуманитарном знании. Вместе с тем необходимо предварительно сформулировать рабочее определение Английской школы, чтобы избежать спекулятивных оценок и отождествления данного научного сообщества со всей британской традицией изучения международных отношений.

При использовании понятия «школа» автор данной работы следовал содержанию термина, закрепившемуся в отечественной историографии благодаря работам Е.В. Гутновой. В одной из своих книг в 1970-х годах она писала: «Термин “школа” мы применяем для обозначения еще более узкой группы историков, составляющих ответвление широкого “течения” или даже “направления”. Критерием выделения “школы” чаще всего служили методические приемы, объединяющие такую группу историков, иногда же то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого или группировались вокруг одного университета»⁶. Данное определение традиционно для отечественной исторической науки и предполагает размещение термина в контексте ряда специфических понятий – «направление», «течение», «школа». В этом значении его можно адаптировать и применять для анализа Английской школы международных отношений.

Сложности возникают с характеристикой прилагательного «английская» и его стыковкой с концептом «школа». Понятие «Английская школа» исторически возникло в Великобритании в 1980-х годах. Тогда довольно узкая группа ученых, занимавшихся изучением весьма специфических проблем в международных отношениях, одним из критиков была названа именно так. Ясно, что это понятие не может исчерпывать всего содержания исследований международной жизни в Великобритании и не подменяет собой наличие в английской науке о международных отношениях различных подходов, борьбы мнений между различными течениями и направлениями. Теория международных отношений в мировом масштабе не демонстрирует к сегодняшнему дню общности теоретических постулатов и консенсуса по ключевым аспектам изучения международного взаимодействия. Нет такой единой международной теории

⁶ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М.: Высшая школа, 1974. С. 10.

и в Соединенном Королевстве. Тем не менее Английская школа сегодня сумела занять свое место в мировой науке в качестве одного из ключевых центров по изучению международных отношений. Более того, число ее сторонников растет. Вопросы, как и почему концепция, разработанная небольшим и не совсем устойчивым научным коллективом, стала олицетворением национальных размышлений о международных отношениях, проблемах и перспективах развития Английской школы, и составили предмет данной работы.

История создания и развития школы представляет историю творческих поисков конкретных людей, которые ставили определенные вопросы, сходились и расходились в мнениях на предмет занимавших их исследований. В результате был сформирован круг тем, впоследствии терминов и идей, которые привели к появлению концепции и знаменовали формирование общего кластера размышлений о международной политике. Чтобы понять своеобразие данного способа изучения международных проблем, необходимо концептуализировать ключевые темы исследований представителей данного научного сообщества, объединившие ученых. Для этого за основу можно взять некоторые из критериев отнесения к Английской школе, сформулированные Ивером Ньюманном в совместной работе с Оле Вайвером⁷.

И. Ньюманн выделял пять содержательных тем, которые развивались представителями данного научного сообщества. Не все темы представляются обоснованными и не все выглядят равнозначными для характеристики проблематики исследований в Английской школе. Однако поскольку речь в данном случае идет о формировании определенного кластера мышления, то можно выделить направления исследований внутри школы, видоизменив отдельные вопросы, которые отмечал И. Ньюманн. При этом они нуждаются в некоторой квантификации и историческом анализе, что и предлагается сделать в данной работе.

Первая черта, характеризующая Английскую школу, – рассмотрение международных отношений сквозь призму того, что Х. Булл называл обществом государств, или международным обществом. Это

⁷ См.: The Future of International Relations: Masters in the Making / ed. by I. Neumann, O. Waever. L.: Routledge, 1997. P. 38–65.

«визитная карточка» школы, о которой писали многие, а не только И. Ньюманн. В целом такой подход в британской науке был разнообразностью системного анализа, примененного в отношении международной политики. Анализ социальных систем стал парадигмой в гуманитарной науке во второй половине XX века благодаря работам Т. Парсонса, Д. Истона, Л. Берталанфи. Однако нельзя нивелировать при этом автономный характер понимания международной системы представителями Английской школы и специфику трактовки международного общества. Особенности понимания системности и выступают первым отличительным маркером школы.

Приверженцев Английской школы интересовала сравнительная характеристика международных систем во времени и пространстве, что можно считать второй чертой, предопределявшей направление изучения международных отношений. Такой подход отличал работы Г. Баттерфильда, М. Уайта, Х. Булла, А. Уотсона, Р. Джексона, Б. Бузана и других представителей научного сообщества. Здесь были как конкретно-исторические идеи, так и аспекты, которые сегодня мы называем исторической социологией международных отношений. Кроме того, исторический подход в том виде, в котором он представлен в Английской школе, противопоставлялся американской теории международных отношений с ее акцентом на бихевиоризме в политике государств.

Изучение международного общества предполагало выделение его структуры, которая состояла из международных норм и институтов. Классические институты международного общества были выделены и проанализированы Х. Буллом, который к их числу относил баланс сил, войну, дипломатию, международное право и управление посредством великих держав. Однако впоследствии перечень институтов и их значение для международного общества породили полемику, в ходе которой у школы появилось второе название – британский институционализм. Поэтому интерес к нормам и институтам международного общества можно считать третьей ведущей темой школы.

Четвертой характеристикой выступало то, что участники изначально исходили из невозможности создания общей международной теории. Эта предпосылка была принесена в школу М. Уайтом, который констатировал наличие разных традиций освещения международной политики. Объясняя невозможность создания единой

теории, он писал о реализме, который идет от Гоббса, рационализме (гроцианстве) и революционизме (кантианстве). Как следствие, представители школы опирались на разные интеллектуальные практики европейской общественно-политической мысли и пытались применить их к интерпретации истории и современности. Концептуализацию понятий через разные подходы общественно-политической мысли, как и интерпретативный подход к истории международных отношений, можно считать также отличительной характеристикой школы.

Наконец, представителей данного научного сообщества интересовал вопрос об изменениях в международном обществе. Эта тема обращала исследователей к широкому кругу проблем, связанных с различными аспектами международного взаимодействия. Например, что представляет собой международный порядок? Как он соотносится со справедливостью в международных отношениях? Что есть международная легитимность? Данные проблемы также породили расхождения между учеными, но сама история этой полемики по различным аспектам развития международных отношений может служить показателем формирования Английской школы.

Вопросам методов исследования международных отношений представители школы изначально внимания не уделяли, сосредоточившись на концептуализации и операционализации основных понятий, к которым относились концепты «международное общество», «система государств» и «мировое общество». Такой подход они считали «классическим», опирающимся на историю и философию науки, и с этих позиций критиковали новые научные (сциентистские) подходы. Достаточно напомнить в этом отношении, что второй «большой спор» в международной теории в 1960-х годах начался с полемики между докладом Х. Булла и работой М. Каплана.

Таким образом, выделенные черты данного научного сообщества не противоречат принятому в отечественной науке подходу к анализу школы, но позволяют сосредоточиться на историографическом анализе отдельных тем, непосредственное развитие которых привело к формированию кластера размышлений о международных отношениях в рамках концепции международного общества, ставшего олицетворением национальной традиции изучения международных отношений.

Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ОСНОВАТЕЛИ

1.1. Чарльз Мэннинг и «Природа международного общества»

Чарльз Энтони Вудвард Мэннинг (1894–1978) – один из пионеров изучения международных отношений в Великобритании. Ряд современных британских исследователей считают именно его основателем Английской школы, отражающей специфику «национального» научного подхода к вопросам международного порядка. Вместе с тем его интеллектуальное и творческое наследие остается слабо изученным и характеризуется подчас противоположными оценками.

Так, например, Эндрю Линклейтеер и Хидеми Суганами замечали, что по формальным критериям Ч. Мэннинг вряд ли попадает в число общепризнанных классиков Английской школы при господствующем ныне подходе ее определения в терминах «институционального» измерения¹. Объективно он не принимал участия в работе Британского комитета по внешней политике. Не было его работ и в двух знаковых монографических исследованиях школы – «Дипломатических исследованиях» и «Экспансии международного общества», которые можно считать базовым набором теоретических идей представителей первого и второго поколения школы.

О нем вообще известно немного. Так, в фондах библиотеки Академии наук в Петербурге формуляр его работы спутан с формуляром работы американского историка Кларенса Аугустуса Мэннинга из-за совпадения фамилий. Хотя Чарльз Мэннинг был первым профессором Великобритании по международным отношениям, он не являлся даже англичанином по происхождению. Его взгляды по некоторым вопро-

¹ См.: *Linklater A., Suganami H. The English School of International Relations. A Contemporary Reassessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 15.*

сам международной жизни вызывали скандальный резонанс из-за чрезмерной оригинальности и категоричности некоторых его суждений. Он не мог похвастать большим количеством научных работ, но даже в сравнении с теоретиками-международниками, получившими известность благодаря одной яркой книге, его имя не так известно, как, допустим, имена Г. Моргентау или Э. Карра.

Он родился и получил среднее образование в церковной школе в Южной Африке. В Европу приехал в 1914 году для получения профессионального образования и почти сразу оказался в английской армии. По окончании войны был принят в Оксфордский университет (Брасенос-колледж), где изучал право и философию. В 1922 году он становится адвокатом и вскоре начинает заниматься преподавательской деятельностью в новом колледже Пемброук (Оксфорд), где в общей сложности он проработал около шести лет с двумя перерывами. В 1925–1926 годах Ч. Мэннинг выиграл научный грант и при поддержке Фонда Рокфеллера проходил годичную стажировку в Гарвардском университете в США. После этого он оказывается в штате сотрудников Международной организации труда, а затем становится личным помощником Генерального секретаря Лиги Наций. Не прекращал в эти годы он и преподавательскую деятельность. В частности, его приглашали ассистировать Альфреду Циммерну, преподававшему право в Женевской школе международных исследований. В Швейцарии в то время размещалась штаб-квартира Лиги Наций. В конце 1920-х годов он возвращается в Великобританию к постоянной преподавательской деятельности в Оксфорде, но в начале 1930 года Ч. Мэннинг перебирается в Лондонскую школу экономики и политических исследований на должность профессора международных отношений. Вскоре он возглавляет кафедру и сохраняет этот пост вплоть до своей отставки в 1962 году. В годы Второй мировой войны он сотрудничал еще и с колледжем Чатхэм².

² Биографические данные о Ч. Мэннинге немногочисленны и встречаются в аннотациях к двум изданиям его книги, а также в сборнике, посвященном его восьмидесятилетию (см.: *The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning* / ed. by A. James. L.; N. Y.: Oxford University Press, 1973. P. VII; *Manning C.A.W. The Nature of International Society*. 2nd ed. L.: London School of Economics and Political Science, 1975. P. IX).

После своего ухода с должности заведующего кафедрой в начале 1960-х годов он продолжал еще какое-то время преподавать в Лондонской школе экономики в качестве профессора. При этом уже упоминавшийся Х. Суганами, слушавший его лекции в начале 1970-х годов, вспоминал, что, уже будучи известным ученым, почтенным профессором, Ч. Мэннинг каждый раз как ребенок волновался по поводу того, какое количество студентов придет к нему на первую лекцию³. Приходило немного, но те, кто приходил, попадали под его несомненное влияние. В 1970-х годах он читал лишь спецкурс в магистратуре, который сам предпочитал называть «Структура международного общества». Его биография демонстрирует то, что большую часть своей жизни он был преподавателем и тем запомнился большинству будущих английских международников.

Как ученый он опубликовал за свою жизнь около 40 работ⁴. Но в основном это были работы статейного характера, небольшие по объему, а некоторые из них имели еще и публицистическую направленность и до сих пор вызывают неоднозначные оценки. Так, например, в Великобритании Ч. Мэннинг возглавлял одно время общество выходцев из Южной Африки. А поскольку ЮАР проводила политику апартеида и колониальную политику в отношении Намибии, то страна его детства часто оказывалась в поле критики общественности. В этих условиях в 1960-х годах он написал ряд статей, где оправдывал политику Претории и критиковал действия Международного суда ООН, пытавшегося осудить политику Южно-Африканской Республики.

Собственно, центральной монографией, работой всей его жизни, обобщившей интерес к международным отношениям, стала книга «Природа международного общества», вышедшая в 1962 году⁵. Если учитывать его многолетний опыт в качестве преподавателя, такая ситуация не может не свидетельствовать о том, что он был

³ См.: *Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations // Review of International Studies*. 2001. № 27. P. 92.

⁴ Полная библиография работ Ч. Мэннинга содержится в статье Х. Суганами (см.: *Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations*. P. 106–107).

⁵ См.: *Manning C.A.W. The Nature of International Society*. 1st ed. L.: London School of Economics and Political Science, 1962.

глубоко сомневающимся человеком. Писал он несоизмеримо меньше, чем думал и рассуждал о международных отношениях. Сам он с известной долей иронии относился к тому, что за тридцать с лишним лет работы написал только одну большую книгу. Одному из своих учеников он говорил, что «его жизнь состоит из трех частей: треть посвящена изучению философии, треть – преподаванию, треть – чтению газет»⁶.

Однако без ссылок на его работу не обходилось ни одно серьезное исследование по международным отношениям в Британии в 1960–1970-х годах. На два десятилетия книга Ч. Мэннинга стала концентрированным выражением большинства идей для английских исследователей, пишущих на международные темы. Примечательно, что, не имея такого отклика, какой имела работа Э. Карра, книга Ч. Мэннинга была переиздана в 1975-м. Небезынтересно и то, что работ такого уровня было немного в то время и в США – общепризнанном центре развития международной теории. Сравнимые по значению монографии появились лишь в конце 1970-х годов. Это «Теория международной политики» Кеннета Уолтца в США и «Анархическое общество» Хедли Булла в Великобритании. Однако последний также лично выражал признательность Ч. Мэннингу еще в «Дипломатических исследованиях» за те идеи, которые Х. Булл развивал в своих книгах⁷. Кроме того, обе упомянутые работы вышли в конце 1970-х годов.

Остановимся, в силу данных обстоятельств, на ключевых пунктах творчества Ч. Мэннинга, которые позволяют оценить его вклад в создание Английской школы международных отношений.

Первоначальным интересом к анализу международных проблем стал его юридический подход к определению их природы. Как юрист, он не мог не констатировать анархического содержания международной политики. Международные отношения отличаются от внутригосударственной политики тем, что в них отсутствует единая верховная власть. Поэтому о международной сфере нельзя судить с позиций внутренней аналогии. Собственно, термин «внутренняя

⁶ *Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations. P. 92.*

⁷ См.: *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics* / ed. by H. Butterfield, M. Wight. L., 1966. P. 35.

аналогия», или «ошибка внутренней аналогии», стал ключевым для многих ученых, пытавшихся разработать автономную международную теорию. Особенный характер международной сферы в дальнейшем отстаивался коллегами Ч. Мэннинга по Лондонской школе экономики – Мартином Уайтом и Хедли Буллом, став отправной точкой в их рассуждениях о международных отношениях.

В то же время, несмотря на анархию, для Ч. Мэннинга было очевидным существование некоего порядка в международной сфере. Из этого ученым стала развиваться идея международного общества как особого вида социальных отношений. В основе этого общества, полагал Ч. Мэннинг, лежат нормы международного права. Более того, как человек, писавший предисловие к учебникам по юриспруденции, ученый считал, что порядок и анархия не являются антагонистами. Такова была традиция, идущая от Л. Оппенгейма в правоведении. Изучение порядка в международной сфере он и делает ключевым элементом анализа международных отношений. В основе международного порядка, по Ч. Мэннингу, лежит специфика международного общества, которое, хотя и не похоже на общество внутригосударственное, имеет те же социальные регуляторы.

В этом отношении вовсе не случайным представляется то, что сам Ч. Мэннинг называл свой предмет в магистратуре «Структура международного общества». Ему нужны были твердые основания, чтобы улучшить «знание жизни». Вот та цель, которая ставилась в качестве необходимости изучения международных отношений. Это, в свою очередь, повлияло на восприятие международных отношений как на особую разновидность отношений социальных. Остается догадываться, почему тогда название ключевой монографии он обозначил как «Природа международного общества». В этом, в сравнении с названием его любимого курса, чувствуется что-то метафизическое, почерпнутое от его философского образования и характерное для его неповторимого дискурса как международного юриста. Видимо, к концу жизни он стал осознавать, что право далеко не всегда выступает валидным средством изучения международной сферы, и предпочел сохранить философский подход к ее анализу. Возможно также и то, что успехи структурализма в 1960–1970-х годах заставили его более осторожно обращаться с понятием «структура», чего не наблюдалось в моменты написания курса в Лондоне в 1930–1950-х годах.

Не менее важным последствием юридического подхода Ч. Мэннинга к международным отношениям было то, что он транслировал в предмет их изучения гроцианское понимание роли международного права. Для стран системы общего права, в основе законодательства которых лежит не просто право внутригосударственное, но прецедент, это было весьма нестандартным достижением.

Здесь необходимо отметить, что вопрос о соотношении внутреннего и международного права в законодательстве разных стран и науке решается до сих пор по-разному. В юридической доктрине XIX–XX веков сложились две монистические и одна дуалистическая концепции в трактовке данного вопроса. С позиций многих историков права, первичным правопорядком считается порядок внутренних. Правовые нормы возникают внутри страны, санкционируются государством, и, если нормы права не соблюдаются внутри конкретных держав, вряд ли они будут соблюдаться в международном сообществе. Согласно дуалистической трактовке проблемы международное и внутригосударственное право – автономные системы права, имеющие различную юридическую природу. Одним из первых, кто подошел к этому вопросу с позиций приоритетности международного права над правом внутригосударственным был как раз нидерландский юрист Гуго Гроций.

Гроций в условиях Тридцатилетней войны в Европе писал, что именно международное право должно выступать верховным правопорядком, так как никакое другое право в условиях вооруженных конфликтов не действует, а антиподом международного права выступает не право внутригосударственное, а война и хаос. В основе же международного права лежат естественные права человека и право народов. Очевидно, что международного права в том виде, в каком о нем мечтал Гуго Гроций, не существует и сегодня. Субъектами международного права выступают в первую очередь государства, а не люди. Хотя действующее международное право во второй половине XX века пошло по пути признания частичной правосубъектности индивидов, законодательство многих стран неоднозначно разрешает данную правовую коллизию. Сегодня вопрос о приоритетности одного права над другим в науке не ставится. Поэтому заслуга Ч. Мэннинга в трактовке данной проблемы состояла не в том, что он решал этот вопрос в столь нехарактерной для англо-саксонского

правоведения манере, а в том, что он транслировал определенный тип ценностей политико-философской мысли в изучение международных отношений. И такая позиция ученого сослужила ему не очень хорошую службу как юристу.

С позиции британской системы права вовсе не случайным представляется то, что написанное в 1930 году предисловие Ч. Мэннинга к учебнику сэра Джона Салмонда по правоведению было удалено в переизданиях 1950-х годов известным английским юристом Х.Л. Хартом как неклассическая трактовка правопонимания⁸. Сам Чарльз Мэннинг, однако, говорил об этом 40 лет спустя, что «ничего из того, что я писал тогда, не изменилось в моем мнении относительно права и суверенитета»⁹.

Интерес к гроцианству как определенному типу международного понимания правопорядка стал впоследствии центральным и для других знаковых фигур английской теоретической традиции. Существенную роль гроцианские ценности играли в творчестве Мартина Уайта, Джона Винсента, Хедли Булла и др.¹⁰ Бэрри Бузан вообще полагает, что отношение к ключевым теоретическим традициям политической мысли внутри Английской школы – гроцианству, гоббсизму и кантианству – породило плюралистско-солидаристские дебаты. Они, в свою очередь, являлись основным источником внутреннего развития Английской школы в 1980–1990-х годах¹¹. Вряд ли напрямую весь комплекс данных вопросов можно связывать с идеями Ч. Мэннинга в 1950–1960-х годах, но нет сомнения в том, что он способствовал становлению школы как определенного кластера рассуждений о международных отношениях. Его понимание

⁸ См.: *Suganami H.* C.A.W. Manning and the Study of International Relations. P. 93.

⁹ *Manning C.A.W.* The Legal Framework in a World of Change // *The Aberystwyth Papers: International Politics 1919–1969*. L.: Oxford University Press, 1972. P. 305.

¹⁰ См., например: *Bull H.* The Grotian Conception of International Society // *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. P. 51–73; British Committee on the Theory of International Politics 15 April 1962 // *Hedley Bull on International Society* / ed. by K. Anderson, A. Hurrell. L.; N. Y.: Macmillan Press Limited, 2000. P. 119–123.

¹¹ См.: *Buzan B.* From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 39–161.

международного порядка как среза общественных, а не внешнеполитических взаимодействий было, безусловно, новаторским. Английская школа формировалась как своеобразный интеллектуальный клуб с характерным набором идей, где гроцианство выступало в качестве несущей интеллектуальной опоры.

И все же для многих он оставался в первую очередь преподавателем. Как отмечали его современники, преподавал он в неповторимой авторской манере. В частности, Алан Джеймс в предисловии к сборнику статей, приуроченных к восьмидесятилетию Чарльза Мэннинга, отмечал: «Его метод был сократовский. Он ходил по классу вперед-назад, рассказывал, часто задавал вопросы, обменивался мнениями. Он не превращал чтение лекций в монолог и не рассматривал обучение как получение готового знания. Это был интеллектуальный тренинг для слушателей»¹².

Видимо, эту оценку его коллеги можно считать суждением, близким к действительности, несмотря на то, что она связана с юбилейной темой, предполагающей определенные и только положительные каноны написания. Сам Ч. Мэннинг, как уже отмечалось, ставил своеобразные цели при изучении студентами международных отношений. Например, в докладе, подготовленном для конференции ЮНЕСКО в 1954 году, он писал, что «необходимо пойти на встречу потребностям студентов, желающих постепенно расширить знание о природе международных отношений как между государствами, так и между людьми, и даже улучшить сложившуюся международную ситуацию через передачу опыта государственным деятелям. Цель преподавания международных отношений, если ее выразить в одной фразе, – поддержать студенческие усилия в направлении понимания жизни, поскольку эта жизнь протекает в обществе государств»¹³. Показательно в этом отрывке его желание учить, чтобы улучшить понимание жизни. Наверное, такое несколько высокопарное заявление было рассчитано на аудиторию конференции ЮНЕСКО. Даже ближайшие коллеги вроде М. Уайта были настроены

¹² The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning. P. VII.

¹³ Manning C.A.W. The University Teaching of Social Science: International Relations: A Report Prepared on Behalf of the International Studies Conference. P.: UNESCO, 1954. P. 14.

более пессимистично. М. Уайт, в частности, писал в «Дипломатических исследованиях», что идея прогресса вряд ли применима к анализу международных отношений, поскольку последние представляют собой «бесконечное царство повторов и репетиций»¹⁴.

Происхождение оптимизма Ч. Мэннинга в том, что его взгляды относительно природы международных отношений формировались под влиянием его личного опыта работы в Лиге Наций. Он был убежден, что мир можно изменить к лучшему за счет знания и «хороших» людей. Отсюда преподавание для него было не только родом деятельности, но и мировоззренческим кредо на протяжении большей части жизни. Опыт работы в Лиге Наций и Международной организации труда предоставил ему некоторую надежду на то, что международными отношениями можно управлять, как и социальными процессами. Он, выражаясь современным языком, искренне полагал, что социальная реальность конструируема. Как отмечал в одной из своих статей Хидеми Суганами, изучавший творчество ученого, «в более современном контексте Ч. Мэннинг напоминает нам, что конструктивизм не есть новая доктрина в международных отношениях»¹⁵. Неудивительно поэтому, что разница между объяснением и пониманием, популяризированная в современной теории международных отношений Мартином Холлисом и Стивом Смитом в 1990 году, была озвучена еще Ч. Мэннингом в 1960-х годах. Он читал Дильтея и посвятил ему несколько фрагментов в своей центральной работе¹⁶.

В этом плане любопытным представляется, что в международных отношениях он видел то, что там могло, а по его убеждению, и должно было возникнуть, а не то, что было в действительности. Это не столько наивный идеализм ученого, сколько философский и теоретический подход к международным делам, вытекавший из оксфордского образования. Такое кредо Чарльза Мэннинга принесло ему репутацию весьма оригинального мыслителя еще в молодости, а в зрелые годы это же стремление приводить все в логически непротиворечивую систему взглядов с помощью философского

¹⁴ Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. P. 21.

¹⁵ Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations. P. 104.

¹⁶ См.: Manning C.A.W. The Nature of International Society. 1st ed. P. 25.

дискурса создавало для него ряд трудностей. Это касается и определения его роли в становлении Английской школы.

В частности, еще в 1930-х годах он слишком оптимистично оценивал Лигу Наций, которая на протяжении всей его последующей жизни оставалась второй ведущей темой его творчества, помимо юриспруденции. Он писал в 1932 году: «По моему глубокому убеждению, если все члены международного общества примут Лигу Наций, как это сделали британские доминионы и Канада, то мир будет безопаснее, чем он есть сейчас»¹⁷. Иначе, полагал британский исследователь, для доминионов Великобритании Лига будет оставаться лишь частным агентством. Не принимая подлинного участия в работе, такие страны будут лишь формально сопричастны к мировой повестке. «Как жизнь людей улучшается совместными усилиями, так и жизнь наций обогащается через освобождение и гармонизацию внутри международного сообщества государств»¹⁸. В этих высказываниях наглядно видно, что аналогия оставалась его излюбленным приемом. А, кроме того, если вспомнить, что 1932-й – это время японской агрессии в Маньчжурии, оценки Ч. Мэннинга можно назвать не только спекулятивными, но и антиисторичными.

Несвободны они и от политической ангажированности и частных интересов. Ратуя за расширение состава Лиги путем привлечения в нее британских доминионов, Великобритания объективно пыталась не столько компенсировать отсутствие в Лиге важных международных держав (США, Россия, Япония), сколько обеспечить себе большинство в принятии ключевых решений за счет зависимых от Лондона игроков. Ч. Мэннинг в цитируемых отрывках поэтому не столько претендовал на выражение национальных интересов Великобритании в международной организации, сколько почувствовал провисание этой структуры изнутри. Философский дискурс восполнял, таким образом, не незнание фактов, а политически мотивируемые интересы ученого. Недостатком такого подхода британского международника был своего рода этноцентризм, который впоследствии перекочевал и в британскую теоретическую традицию.

¹⁷ Manning C.A.W. The Politics of British Dominions in the League of Nations. L., 1932. P. 152.

¹⁸ Ibid. P. 153.

Впрочем, ряд британских авторов вовсе не собирались считать этноцентризм недостатком, а лишь неизбежным взглядом на мир с позиций собственного государства¹⁹.

Продолжая развивать свои взгляды относительно улучшения международного взаимопонимания посредством совершенствования Лиги Наций, Ч. Мэннинг в 1937 году выступает в качестве руководителя проекта по проблемам мирных перемен в международных отношениях. Результатом его усилий стала конференция и на ее основе сформированный сборник статей, где самому Ч. Мэннингу принадлежали разделы введения и заключения²⁰. Но примечательно, что для обсуждения столь сложной темы – как происходят перемены в сфере внешней и мировой политики – ему удалось привлечь в Лондонскую школу целую плеяду знаковых ученых того периода. Здесь были публикации Арнольда Тойнби. Напомним, что подлинным властителем дум и классиком британской исторической науки Тойнби становится после Второй мировой войны²¹. Кроме него в обсуждении темы приняли участие известный правовед Хирш Лаутерпахт, Карл Мангейм с философическим эссе «Уроки истории», С.К. Уэбстер. В данном случае нет необходимости говорить о разноплановых идеях, обсуждавшихся участниками этого форума. Гораздо важнее то, что Чарльз Мэннинг общий рефрен сборника видел не в суммировании научных взглядов авторов, а в необходимости именно лекционной формы, возможности практического использования этого опыта в политике и образовании²². Это свидетельствовало о развитии его интереса к прикладному постижению природы международных отношений.

После крушения Лиги Наций Ч. Мэннинг с трудом пересматривал свои взгляды. Собственно, опыт работы в Лиге привел его на путь международных исследований, участие в качестве эксперта в деятельности Женевского института международных отношений

¹⁹ См.: *Booth K. Strategy and Ethnocentrism*. L.: CROOMHELM, 1979. P. 179–181.

²⁰ См.: *Peaceful Change. An International Problem* / ed. by C.A.W. Manning. L., 1937. 193 p.

²¹ См.: *Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 73.

²² См.: *Peaceful Change. An International Problem*. P. V.

способствовало его трансформации в преподавателя-международника из лектора-юриста. Здесь он заменил будущего нобелевского лауреата (1959 год), министра британских колоний, известного эксперта по вооружениям послевоенного времени Филипа Ноэль-Бейкера. В силу этих обстоятельств Ч. Мэннингу было сложно отделить собственные карьерные успехи, творческие идеи молодости и объективную оценку деятельности международной организации. В Лиге Наций на протяжении всей жизни ученый видел клуб цивилизованных наций и вовсе не собирался переносить подобный взгляд на ООН в годы после окончания Второй мировой войны.

Справедливости ради отметим, что в такой трактовке соотношения ООН и Лиги Наций у британского профессора были веские основания. Он видел контраст между двумя самыми известными универсальными политическими организациями XX века. Если Лига Наций – это клуб наиболее развитых стран для ученого, то в Уставе ООН он видел признание субъектами международного права и акторами международных отношений все государства, а не только «цивилизованные». Такое расширение делало «клуб» (т. е. международное общество) неработающим. Ч. Мэннингу было сложно, как и многим в стране, пережить крушение Британской колониальной империи, вслед за которым последовало и снижение роли Великобритании в мировых делах.

Кроме того, по Уставу ООН субъектами международного права признавались нации и народы, сражающиеся за самоопределение, международные межправительственные организации. Если в Лиге Наций он видел прообраз международного общества, объединенного международным правом и разделяющего общие ценности политики и дипломатии, то аналогичного не ощущалось в структуре Объединенных Наций. ООН на этом фоне выступала не клубом наиболее избранных, а скорее сообществом различных типов участников международных отношений. Все это способствовало тому, что в послевоенные годы тематика Лиги не эволюционировала к тематике ООН, а Ч. Мэннинг сосредоточился на изучение причин краха первой.

В целом в британской науке можно выделить 4 ключевых позиции в объяснении причин провала Лиги Наций в межвоенный период. Первый подход акцентировал внимание на том, что организация

главной своей целью ставила согласование интересов различных государств. Она была призвана формировать политический консенсус по ключевым вопросам международных отношений. Но для решения данной задачи Лиге не хватило надлежащей структуры, чему способствовал недостаток опыта систем коллективной безопасности. В итоге образовался неизбежный разрыв между целью, которую никто не оспаривал, и средствами, которые оказались недостаточными для достижения данной цели.

Второй подход в центр причин провала международной организации ставил неустойчивость самой системы международных отношений. Отражая компромисс между интересами нескольких государств-победителей в Первой мировой войне, Версальско-Вашингтонская система международных отношений содержала в себе огромное количество внутренних противоречий. В результате Лига Наций провалилась не потому, что была не способна поддерживать мир, а потому, что сам этот мир представлял двадцатилетнее перемирие. К этому подходу был близок Э. Карр.

Третья линия аргументации провала Лиги Наций исходит из ее внутренней приверженности к либеральному, а отсюда и слишком идеологичному пониманию роли права и порядка в международных отношениях. В основе Лиги лежали идеи американского президента Томаса Вудро Вильсона. В то же время большинство государств в мире имели в тот период авторитарные политические режимы. Социально-политические процессы межвоенного времени способствовали формированию как крайне правых, так и радикально левых политических идей, что вовсе не укрепляло либеральные международные ценности. Образовался разрыв между внутренней и внешней политикой стран, в условиях которого либеральный тип международного взаимодействия не мог закрепиться.

Наконец, четвертый подход в объяснении провала Лиги Наций обращает внимание на нехватку политической мудрости у тех, кто игнорировал опыт концепции баланса сил в Европе. Лига не стала альтернативным проектом балансу сил, как и не учитывала национальные интересы многих государств.

Ч. Мэннинг, анализируя причины провала Лиги после Второй мировой войны, склонялся к основаниям первого подхода. Он считал, что организации не хватило времени, опыта и функций. Именно

к этому он активно призывал в 1930-х годах. Собственный опыт практической работы в международной сфере и сформировавшееся философское кредо ученого не давали возможности взглянуть на проблему с иных теоретико-методологических позиций. Ч. Мэннинг считал, что международная теория есть лишь обобщение практической деятельности. Кроме того, он до конца не считал этот опыт провальным. С его точки зрения, Международная организация труда продолжила свое существование, а мандатная система стала прообразом процессов деколонизации второй половины XX века.

Таким образом, Лига Наций как одна из основных тем исследования международных отношений в творчестве Ч. Мэннинга способствовала формированию представлений о международном обществе. В этом смысле показательной представляется следующая оценка ученого ко второму изданию его книги в 1975 году: «Международное общество в буквальном смысле не является ни международным, ни обществом. Все это лишь переносные значения термина»²³. Оно представляет собой возможность функционирования международного права в анархической системе. Это право, которое существует не между нациями, но между суверенными государствами, поскольку именно страны, а не народы выступают единицами, образующими данное общество²⁴.

Третьей важной темой творчества Ч. Мэннинга, объясняющей систему его взглядов в сфере международной политики, на протяжении всей жизни была Южная Африка. Он, как уже отмечалось, был выходцем из этой страны. Связь с ней ощущал и впоследствии. Он имел звание почетного доктора философии в университете Претории. В Великобритании он входил в Южноафриканское сообщество Соединенного Королевства, Канады и США, а с 1964 года возглавлял его в качестве президента. В 1965 году он был экспертом по самоопределению народов при Международном суде и впоследствии стал активно критиковать позицию этого международного органа за попытку наложения санкций на Южно-Африканскую Республику. Ч. Мэннинг очень болезненно и эмоционально реагировал на критику страны его происхождения. Во всяком случае, он написал ряд

²³ *Manning C.A.W. The Nature of International Society. 2nd ed. P. X.*

²⁴ См.: *Ibid.*

статей в защиту политики апартеида и даже опубликовал эти, по существу публицистические, идеи в научных изданиях.

Так, в статье с говорящим названием «В защиту апартеида» Ч. Мэннинг доказывает правомерность претензий ЮАР в отношении территории Намибии²⁵. В 1970–1972 годах он опубликовал целую серию работ с критикой Международного суда и оправданиями политики ЮАР²⁶. Правда, находились они уже не в научных, а в публицистических изданиях, хотя были написаны ученым. Ключевыми аргументами автора были рассуждения о коллективной собственности на землю в Африке, основанные на национальных представлениях о ней. Этнические представления о земле в условиях племенной разобщенности населения, с его точки зрения, содержали огромный потенциал конфликтности, конструировали враждебную идентичность народов в отношении друг друга. В данных обстоятельствах политико-правовая система ЮАР оказывала стабилизирующее влияние на межплеменные отношения. Он твердо верил, что такими умозрительными аргументами можно доказать, что небелые все еще были не способны принимать самостоятельные политические решения. Иной взгляд он осуждал как доктринерский и безответственный.

Структура международного общества в том виде, в каком представлял ее себе Ч. Мэннинг, отражала небольшой срез реальности межвоенного периода. Тема политики ЮАР в этом контексте примечательна тем, что показывает не столько субъективизм профессора, сколько его консерватизм, ригидность концепции, созданной на философско-правовых основаниях 1930-х годов. Деление мира на «цивилизованный» и «остальной» демонстрировало некоторые реалии международно-правовых подходов к управлению международными процессами Версальско-Вашингтонского периода и совсем не вписывалось в международное право второй половины XX века и ценности эпохи деколонизации. Эволюции взглядов уче-

²⁵ См.: *Manning C.A.W. In Defence of Apartheid // Foreign Affairs. 1964. Vol. 43, № 1. P. 135–149.*

²⁶ См.: *Manning C.A.W. "Empire" into "Commonwealth" // South Africa Society Papers. 1970. № 3; Idem. The United Nations and South West Africa // Ibid. 1971. № 6; Idem. Political Justice at the Hague // Ibid. 1972. № 8.*

ного по данному вопросу не происходило. Он по-прежнему был уверен, что знает ситуацию в Южной Африке лучше, чем кто-либо в Великобритании. В то время когда Ч. Мэннинг написал статьи, ему было уже за семьдесят, он перестал руководить кафедрой, и странно было бы в такой ситуации ждать от него преодоления этноцентризма и личных убеждений. Таким образом, данная тематическая область показывает, по выражению Х. Суганами, что наши недостатки есть лишь продолжение наших достоинств.

Вслед за Ч. Мэннингом многие британские международники не избежали этноцентричного взгляда на мир. Мир, разделенный на государства, способствовал формированию взглядов ученых, подспудно отражающих национально-государственные интересы. Холодная война способствовала в этом смысле трансформации «британоцентризма» в «западоцентризм». Появились даже работы, считающие такой подход вполне естественным и органически присущим творчеству международников. Например, один из представителей британской теоретической традиции, Кен Бус, писал в 1979 году: «Этноцентризм – это неотъемлемая черта теоретических размышлений и практической стратегии... Это не просто дань уважения национальной традиции, но важный источник при изучении всех аспектов международных отношений»²⁷. Как минимум многие не считали такой подход недостатком.

Английская теоретическая традиция не пошла по пути американской науки с ее акцентом на бихевиоризм в изучении внешней политики, заложенным еще Г. Моргентау. Британская международная теория имела в основе иные интеллектуальные источники, культурные предпосылки и ценности. В период формирования школы философский подход к анализу международных отношений предоставил возможность создания собственной методологии как концепции международного общества, основанной на гроцианском видении роли международного права, институциональном видении мировых проблем. Вместе с тем недостатком такого взгляда на предмет был вневременной характер теоретического знания. А, кроме того, с течением времени неизбежно возникал вопрос об эволюции

²⁷ Booth K. Op. cit. P. 179.

самой теории. Творчество Чарльза Мэннинга демонстрирует это в полной мере. Из всех «отцов-основателей» школы лишь Хедли Булл ставил вопросы о конце эпохи доминирования западного восприятия международного общества в контексте проблем деколонизации. Для Ч. Мэннинга как ученого важно было найти инструменты, адекватно показывающие международные отношения как социальную реальность. Набор этих инструментов привел к использованию понятия международного общества в первую очередь в образовательных целях в работах данного ученого. Наличие цивилизованного международного общества отражает существование определенного порядка в международных делах, а площадками взаимодействия в обществе становятся международные организации. Каким будет международный порядок, зависит от многих факторов, которые и анализировались Ч. Мэннингом в его лекциях.

Из этого видно, что в ключевых теоретических постулатах Чарльз Мэннинг может вполне заслуженно считаться основателем Английской школы международных отношений как по идейным достоинствам, так и по концептуальным недостаткам. Однако признанию такого статуса мешает тот факт, что ученый не принимал участия в работе Британского комитета по изучению внешней политики. Этот институт считается основной площадкой разработки общей практики школы. Совет стал функционировать с 1959 года и осуществлял свою деятельность в течение более 25 лет. Многие из тех, кто принимал в нем участие, были коллегами и учениками профессора Ч. Мэннинга. Более того, Мартин Уайт и Хедли Булл были председателями Комитета в разное время. Нередко именно факт отсутствия профессора из Лондонской школы экономики выступает как демонстрация его позиции в отношении данного сообщества и школы в целом. Это подталкивает к выводу о том, что Ч. Мэннинг лично определил свое отношение к семинару.

Однако вопрос об участии профессора в Комитете вовсе не такой простой, как это может показаться. Как отметил в недавнем своем исследовании канадский профессор Д. Лонг, активно интересующийся разработками школы, неучастие Ч. Мэннинга затрагивало не только вопросы анализа взглядов конкретного профессора, но и поднимало сущностные проблемы финансирования и организации

научных сообществ²⁸. В условиях научно-технической революции второй половины XX века вопрос о подобных проектных исследованиях отражал существенные подвижки внутри самой науки. Кроме того, судьба Ч. Мэннинга демонстрирует различное понимание существа предмета изучения международных отношений внутри Английской школы.

Проект семинара, посвященного изучению теоретических проблем в изучении международных отношений, финансировался Фондом Рокфеллера, с которым у Ч. Мэннинга была долгая история связей. Лонг полагает, что львиную долю финансовых ассигнований на научные исследования своей кафедры в Лондонской школе экономики Ч. Мэннинг получал при содействии этого фонда. В 1950-х – начале 1960-х годов он находился на пике своей карьеры. Его кафедра выросла до шести полных ставок, его лекции пользовались популярностью, заканчивалось третье десятилетие его заведования. Словом, Ч. Мэннинг решил обратиться к Фонду в очередной раз с просьбой о содействии в организации факультета и специальности «Международные отношения». Кафедра, по его мнению, накопила значительный опыт преподавания и научных исследований. Она была второй после Эйберсвита специализированной структурой по изучению международных отношений в Великобритании и одной из первых в мире.

Необходимо также отметить, что предложение Ч. Мэннинга было весьма своевременным и выстраданным. В 1954 году ЮНЕСКО организовала конференцию по вопросам развития науки и формирования новых областей знания. Ч. Мэннинг был приглашен туда в качестве эксперта-международника. Он выступил с уже упоминавшимся докладом, где впервые заговорил о формировании международных отношений как отдельной научной дисциплины²⁹. В США после конференции была создана специальная рабочая группа, и она получила финансовую поддержку от указанного фонда. Но американский проект исходил из того, что международные отношения –

²⁸ См.: Long D. C.A.W. Manning and Academic International Relations. URL: <http://www.rockarch.org/publications/resrep/long.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).

²⁹ См.: Manning C.A.W. The University Teaching of Social Science: International Relations.

это особый раздел политической науки, нуждающийся в теоретической проработке. Ч. Мэннинг же еще в 1930-х пришел к выводу, что международные отношения – часть социологии, хотя много в них и от истории. В тот период, по его мнению, социологи не желали трудиться над решением данных проблем, и он самостоятельно стал заниматься теоретическими аспектами изучения международных отношений. Опубликовав ряд проблемных сборников по международным организациям и переменам в международной сфере в 1930-х годах, о чем речь шла выше, британский профессор приходит к заключению, что международные отношения – это самостоятельная наука, не сводимая ни к какой другой. Отстаивая подобную позицию, он вступает в переписку с Фондом Рокфеллера и просит выделить пятилетнее финансирование на организацию учебной специальности.

Фонду потребовалось проработать данный вопрос на уровне экспертов. Хотя Ч. Мэннинг считался к тому времени звездой в изучении международных отношений в Великобритании, эксперты констатировали, что у него не было значительных научных исследований с 1930-х годов³⁰. Многие отмечали оригинальность его взглядов на данный предмет. Сам проект особых сомнений в необходимости не вызывал. Но если американский проект носил научный характер, то Ч. Мэннинг предлагал проект учебный. Это препятствовало, хотя и не исключало полностью, развитию диалога между британским и американским семинаром, в чем был заинтересован Фонд.

Засомневавшись в некоторых моментах, руководство Фонда Рокфеллера обратилось и к руководству Лондонской школы экономики по поводу возможности организации факультета, а глава вуза занял весьма специфическую позицию. Директор школы Александр Карр-Сандерс в письме к Дину Раску, возглавлявшему с 1954-го по 1960 год Фонд Рокфеллера, 19 ноября 1954 года писал: «В школе Мэннинг имеет незначительную поддержку, если говорить об организации международных отношений как отдельной специальности. Он читает курсы международного права и историю международных отношений»³¹. При этом А. Карр-Сандерс заговорил о целесообразности объединения данных курсов в одном проекте, но проект тогда

³⁰ См.: Long D. Op. cit. P. 2–4.

³¹ Ibid. P. 5.

приобретал междисциплинарный характер, а Ч. Мэннинг был приверженцем не международных исследований, а международных отношений как специальной дисциплины, как это вытекало из его понимания их автономной природы. А. Карр-Сандерс волновало количество кафедр, занимающихся преподаванием международных отношений в школе. Иначе говоря, что делать с международной экономикой, правом, литературой, географией, если будет создана только одна специальность. Таким образом, Ч. Мэннинг не сумел обеспечить поддержку собственного руководства школы, исходя из своих научных предпочтений. Видимо, он надеялся вначале получить финансирование, а затем оговаривать реализацию проекта в вузе. Как результат переписка между Дином Раском и директором Лондонской школы экономики Александром Карр-Сандерсом привела к тому, что Д. Раск ответил Ч. Мэннингу: «Мы не готовы ответить на вопрос о финансировании специальности, если не существует единства мнений о ее необходимости среди коллег внутри университета»³².

В 1960-х годах Ч. Мэннинг ожидал возможности возобновления финансирования своих научных проектов, но Фонд, заинтересованный в развитии не учебного, а научного семинара по международным отношениям отдал предпочтение историкам Герберту Баттерфильду и Мартину Уайту. Уайт к тому времени возглавлял факультет в университете Суссекса и считался более перспективным ученым и менеджером. Он легко сумел убедить маститого английского историка Герберта Баттерфильда в необходимости организации такого проекта, а авторитет и статус Баттерфильда гарантировали отсутствие проблем, которые возникли в Лондонской школе экономики. Для Ч. Мэннинга это было ударом не только потому, что он считал данный проект своим, а Уайт был когда-то его коллегой по кафедре, но еще и потому, что к 1960-м годам к учебному проекту проявило интерес британское правительство.

По воспоминаниям Адама Уотсона, изначально Британский комитет по изучению внешней политики планировался как автономный аналог американского и поэтому строился на междисциплинарной основе Баттерфильдом и Уайтом. Для работы в нем были

³² Long D. Op. cit. P. 7–8.

приглашены ученые, военные и эксперты из различных ведомств. Это шло вразрез с представлениями Ч. Мэннинга. Поэтому стоит признать, что все же как по форме, так и по содержанию это были два разных проекта. Если Мэннинг предлагал проект образовательный по созданию новой учебной специальности в вузе, то Уайт и Баттерфильд были заинтересованы в научном обсуждении даже не международных отношений, а практических и теоретических аспектов внешней политики.

Став после Г. Баттерфильда вторым председателем Британского комитета, М. Уайт посылал приглашения для участия Ч. Мэннингу, который отказывался, ссылаясь на свою занятость в вузе. Но из биографии Ч. Мэннинга видно, что с 1962 года он перестал быть заведующим, его занятость в школе постепенно снижалась, а свои научные взгляды за тридцать лет он обобщил в книге, вышедшей в 1962 году³³. Парадокс, но именно прекращение проектного финансирования заставило ученого написать работу, которая может считаться первой теоретической работой Английской школы по международным отношениям.

В том, что многие из современных определений международных отношений начинаются с фразы: «Международные отношения – это особый род социальных отношений...» – есть немалая заслуга британского профессора, который может по праву считаться одним из создателей английской теоретической традиции, даже не будучи англичанином по происхождению.

³³ См.: *Manning C.A.W. The Nature of International Society. 1st ed.*

1.2. Герберт Баттерфильд как участник Английской школы международных отношений

Имя английского историка сэра Герберта Баттерфильда (1900–1979) известно многим ученым. Отечественные специалисты считают его знаковой фигурой для английской исторической науки XX века, а его творчество не раз становилось предметом самостоятельного историографического изучения¹. Обычно исследователей интересовала теоретико-методологическая сторона взглядов британского ученого². Этому в немалой степени способствовало то, что одна из его ранних работ – «Вигская интерпретация истории» (1931 год) была признана своего рода манифестом консервативного направления английской исторической науки XX века.

Между тем, будучи известным специалистом, профессором новой истории Кембриджского университета, он выступил еще и как участник и организатор Британского комитета по внешней политике. Такое сочетание качеств консервативного историка, крупного религиозного мыслителя и пионера междисциплинарного, можно сказать, сциентистского подхода к международной политике заслуживает более пристального внимания. Тем более любопытной в данном историографическом контексте представляется попытка посмотреть на его творчество и биографию в качестве одного из основателей Английской школы теории международных отношений.

Чаще всего в качестве «отцов-основателей» школы в английской литературе называют имена Мартина Уайта и Хедли Булла. Однако имя Баттерфильда также можно отнести к числу тех, кто формировал научное сообщество британских международников. Как и Ч. Мэннинг, он не оставил после себя такого крупного интеллектуального наследия для изучения международных отношений, какое

¹ См.: *Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. М.: Наука, 1991. С. 8; *Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. С. 73–84.

² См.: *Butterfield H.* Writing on Christianity and History / ed. and introd. by C. McIntire. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1979. P. XI–XVI; *Coll A.* The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and Philosophy of International Politics. Durham: Duke University Press, 1985. P. 141–152.

оставили Х. Булл и М. Уайт, но его вклад в становление Английской школы вовсе не сводился лишь к формальному руководству вышеупомянутым Комитетом. Для анализа его научного наследия в данной сфере представляется целесообразным остановиться на формировании некоторых аспектов личности и взглядов ученого.

Г. Баттерфильд родился и вырос в деревне Оксенхоуп в Западном Йоркшире, вобрав в себя и без того не очень горячий темперамент английского Севера, какой сами англичане называют термином “tuke”. По воспоминаниям С.Т. Макинтайра, начальное образование Г. Баттерфильд получал в торговой и грамматической школе в Кейгли³. На его мировоззрение серьезным образом повлияла методистская церковь, принадлежность к которой, согласно биографии, написанной профессором университета Глазго Брэнноном Хэнкоком, он скрывал вплоть до 1948 года⁴. Спустя многие годы, даже будучи вице-канцлером Кембриджского университета, он регулярно продолжал посещать методистскую церковь, принадлежность к которой выдавали лишь его личная скромность и неприхотливость в быту. А. Уотсон описывает его как художавого человека небольшого роста, скромно одевавшегося в твидовый костюм или пальто, ходившего без головного убора в любую погоду, с людьми разговаривавшего спокойно, практически как священник⁵. Он и планировал в молодости стать методистским священником, а они в диссентерстве ничем не должны были выделяться среди обычных прихожан.

В школе он учился хорошо, и в 19 лет, видя его успехи в обучении, родители отправляют его в Кембридж для получения трехлетнего образования в колледже Питерхаус. При этом его семья не была богатой, а оплачивать обучение помог работодатель отца – собственник небольшой фермы по производству шерсти, у которого молодой Герберт также успел поработать и, по-видимому, заслужить некоторое уважение. Отец Г. Баттерфильда Альберт желал для своего сына судьбы священника, что, скорее всего, было следствием собственного неосуществленного желания. Из-за преждевременной

³ См.: *Butterfield H.* Writing on Christianity and History. P. XII.

⁴ См.: *Hancock B.* Herbert Butterfield. Biography. URL: <http://www.giffordlectures.org/Author.asp?AuthorID=32> (дата обращения: 13.05.2015).

⁵ См.: *Watson A.* Introduction // *Coll A.R.* Op. cit. P. IX.

смерти своего отца, т. е. деда Герберта, Альберт вынужден был взять на себя содержание семьи и рано прекратил учебу. Отправляя сына в Кембридж, Альберт надеялся, что тот станет методистским епископом⁶. Но годы, проведенные в Кембридже, изменили и стезю, и судьбу Герберта.

В 1922 году, закончив трехлетнее обучение, он получил диплом историка и занялся преподавательской и научной деятельностью. После 20 лет работы в Питерхаусе он получил профессорское звание (1944 год).

Герберт Баттерфильд
после Второй мировой войны

В 1931 году появляется его небольшая по объему, но принесшая ему известность в стране работа «Вигская интерпретация истории»⁷. Выступив сторонником «технической» истории, он критиковал любое целеполагание в историческом процессе, за исключением религиозного. Как диссентер он развенчал идею веротерпимости, отождествлявшуюся у вигов с пуританизмом эпохи революции. Поэтому термин «вигская история» становится символом неприятия любой идеологизированной истории для сторонников консервативного взгляда на написание истории в Великобритании.

Получив известность, он быстро становится редактором Кембриджского исторического журнала (1938–1952 годы). Здесь в период войны, как и в послевоенные годы, проявились его организаторские способности. Он помог восстанавливать исторический факультет в Кембридже, чья деятельность была нарушена войной. Впоследствии он становится вице-канцлером Кембриджа, ректором родного для него колледжа Питерхаус. С 1955-го по 1958 год Г. Баттерфильд – Президент исторической ассоциации Великобритании, и в завершении своей карьеры, в 1965 году, он получил титул сэра.

⁶ См.: *Butterfield H. Writing on Christianity and History*. P. XII–XIII.

⁷ См.: *Butterfield H. The Whig Interpretation of History*. L.: G. Bell, 1931.

Кроме того, он много преподавал в университете Ирландской республики. Там же он входил в комиссию по высшему образованию. При этом многочисленные награды и звания он воспринимал спокойно. Более того, ценил и дорожил творческой частью своей профессии. Будучи серьезной административной фигурой, он как-то писал М. Уайту: «Я ценю каждую милю, которая отделяет Кембридж от Лондона». Видимо, это также было следствием некоторого религиозного скептицизма и демонстрировало сдержанное отношение ученого к власти. Возможно и то, что у него было сильное внутреннее чувство к гармонии. По воспоминаниям коллег, он искренне любил европейскую литературу и музыку нового времени – периода, которым занимался всю свою научную жизнь⁸.

Он был одним из первых историков, который попытался через радио сделать историческое знание популярным. Его лекции по новой истории, будучи спецкурсом для всех желающих, стали пользоваться популярностью у студентов и собирали до 1 000 человек. Поэтому одна из радиокompаний пригласила его прочитать курс лекций в октябре 1949 года, что он и сделал, объединив лекции в цикл программ «Христианство и история»⁹.

Он состоялся и как семьянин, но и эта сторона его жизни была омрачена трагедией, способствовавшей укоренению его религиозного кредо. У него было трое сыновей в браке, один из которых умер в детстве, другой стал преподавателем, а третий католическим священником в Ирландии¹⁰.

В силу таких факторов и обстоятельств его биографии становится понятным, почему Г. Баттерфильд сформировался как консервативный религиозный историк и мыслитель. Через годы он пронес в себе свое внутреннее религиозное чувство, и, видимо, оно придавало особую религиозную телеологию многим его работам. Как минимум все свои произведения он рассматривал как части единого «Словаря исторических идей» – работы, которая должна была объединить разрозненные исследования в единый опыт исторического познания прошлого. Для иллюстрации данного тезиса обратимся

⁸ См.: *Watson A.* Introduction. P. X.

⁹ См.: *Butterfield H.* Writing on Christianity and History. P. XV.

¹⁰ См.: *Hancock B.* Op. cit.

к анализу лишь двух тем, которым Г. Баттерфильд придавал особое значение в своем творчестве, – роли личности в истории и передаче исторического знания от поколения к поколению.

Как и большинство историков XX века, по первому вопросу Баттерфильд придерживался позиции, согласно которой личность детерминируется определенными обстоятельствами. Индивида он никогда не помещал в центр своих исторических изысканий. Напротив, как исследователь, он стремился выделить набор факторов и реконструировать широкую панораму процессов, объясняющих то или иное событие. Более того, внутреннее религиозное чувство подталкивало его к принятию идеи предопределения. Но как историк английской исторической школы, где политическая биография является едва ли не самой неотъемлемой частью политической истории, как специалист, изучающий новое время, он тем не менее признавал выдающуюся роль отдельных людей в истории. Например, им, безусловно, признавались заслуги Уинстона Черчилля, в котором Г. Баттерфильд видел политика, способного детерминировать чаяния и потребности многих людей и действующего в демократическом стиле. Это позволило британскому премьеру усмирить собственный эгоизм и определить правильный вектор движения всей страны¹¹. Таким образом, детерминистский взгляд Г. Баттерфильда был альтернативой марксистскому варианту детерминированности личности массами с традиционных позиций исторической практики реконструкции политической истории в Великобритании.

Равным образом он рассматривал вопрос о передаче исторического знания от поколения к поколению с консервативных позиций. Разрывы между поколениями в истории он считал одним из факторов социальных и политических трагедий. Наиболее полно эта позиция была выражена в его публичной лекции в Кембриджском университете под названием «Разрывы между поколениями в истории и их эффект в передаче политического опыта»¹². Здесь в ранкеанской манере английский историк замечал, что развитие истории в будущем будет демонстрировать пределы индивидуальных человеческих возможностей. Необходимо развивать и воспитывать

¹¹ См.: *Coll A.R.* Op. cit. P. 146.

¹² См.: *Ibid.* P. 147.

долговременные политические традиции как в сфере внешней, так и в области внутренней политики. Историкам при этом необходимо не только обобщать опыт исторического прошлого, но и постоянно обращать его на настоящее. Иначе провалы вигского (либерального) взгляда на историю будут с необходимостью воспроизводиться в условиях иных разрывов социальных традиций.

Парадокс исторического знания в этом отношении заключается, по мысли британского ученого, в том, что и знание традиций не есть панацея от социального хаоса, а историческое знание не представляет собой прямую трансляцию исторического опыта через уста историков. Историки не всегда могут преобразовать историческую память в уроки исторического опыта. Видимо, такие серьезные и современно звучащие рассуждения Г. Баттерфильда имели в основе не только опыт вигской интерпретации исторического процесса, но и переосмысливали роль фашизма в Европе после окончания Второй мировой войны. Оба данных вопроса своеобразно проецировались на опыт изучения международных проблем историком.

Один из ключевых вопросов, который в этой связи заслуживает внимания, – это причины обращения историка к теоретическим аспектам изучения международных отношений. Это вопрос о формировании научных приоритетов у конкретного исследователя. В целом можно выделить три фактора, способствовавших становлению научного интереса к указанной тематической области.

Первый заключается в том, что, занимаясь изучением новой истории Европы, в сферу научных интересов Г. Баттерфильда стали попадать сюжеты, связанные с историей дипломатии и внешней политики отдельных европейских государств. При этом интерес к международным отношениям у Г. Баттерфильда начал формироваться сразу после окончания университета. Одной из первых работ, написанных молодым ученым, стала «Мирная тактика Наполеона в 1806–1808 гг.», вышедшая в 1920-х годах. Книга как раз демонстрировала возможности творческой (субъективной) реконструкции прошлого историком¹³. Наиболее важным последствием этой работы Г. Баттерфильда стал подход к международным отношениям как к истории в первую очередь определенных идей и установок. Кроме того,

¹³ См.: *Butterfield H. The Peace Tactics of Napoleon, 1806–1808. L., 1929.*

возникнув как один из частных сюжетов изучения истории нового времени, в последующем интерес к внешней политике и международным отношениям развился и стал одной из ключевых тем, которые интересовали сэра Герберта всю оставшуюся жизнь.

Второй фактор – это личные связи ученого. Как сам Г. Баттерфильд вспоминал в своей лекции, посвященной памяти М. Уайта, проект создания совета по изучению внешней политики ему подсказал его друг. В 1958 году Кеннет Томпсон, эксперт по международным вопросам, вице-президент Фонда Рокфеллера, озвучил ему данную идею¹⁴. К. Томпсон говорил о том, что если будет создан комитет, аналогичный американскому, то такой проект может быть профинансирован.

Было бы слишком просто свести формирование научной школы лишь только к личным связям и организаторским способностям Г. Баттерфильда. Этому препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, и до К. Томпсона у кэмбриджского историка были контакты с американским комитетом, занимавшимся международными отношениями. Как отмечал сам Г. Баттерфильд, он даже написал для американского проекта небольшой случайный доклад¹⁵.

Во-вторых, письмо К. Томпсона не было гарантией финансирования английского проекта Комитета. История с проектом, подготовленным профессором Ч. Мэннингом, который после конференции ЮНЕСКО 1954 года обращался за поддержкой в Фонд, показала, что это не было слишком простым вопросом. Потребовалась работа экспертов и личная переписка между Президентом Фонда Дином Раском и ректором Лондонской школы экономики Александром Карр-Сандерсом, чтобы принять решение о финансировании вопросов подобного рода. Такие проекты междисциплинарного характера, да еще и по специфическим проблемам, требовали более глубокой проработки, организационной базы, экспертных заключений. К. Томпсон просто задействовал имеющиеся личные связи для обсуждения профессионального вопроса, что часто встречается при реализации научных проектов с участием экспертного сообщества.

¹⁴ См.: *Butterfield H. Raison d'état. The Relations Between Morality and Government.* URL: <http://www.mwmt.co.uk/documents/butterfield.pdf>.

¹⁵ См.: *Ibid.*

В-третьих, Г. Баттерфильд писал, что не считал себя докой в данном вопросе и не мог полностью взять на себя организацию семинара в одиночку. Он полагал, что необходимы четкие знания по международной политике. Поэтому здесь нужны были именно исследователи соответствующего профиля, а не преподаватели и организаторы. Отказ Ч. Мэннингу наглядно об этом свидетельствовал.

Поэтому личный фактор сыграл роль импульса при организации семинара на начальной стадии, но не был решающим в становлении всей Английской школы. Он способствовал лишь институциональному оформлению теоретического подхода, который уже существовал и развивался внутри определенной группы ученых.

Третьим фактором, способствовавшим становлению интереса к теоретическим аспектам международной политики у Г. Баттерфильда, было неприятие так называемого вигского подхода к интерпретации истории. Вследствие этого он стал активно интересоваться альтернативными теоретическими подходами, а история международных отношений открывала широкие возможности для обобщения. Как и в отечественной науке, в британской – международники изначально «рекрутировались» из историков политики и бывших дипломатов.

Еще в начале 1930-х годов Г. Баттерфильд подверг критике базовые установки либеральной историографии. В частности, он не разделял идею линейного и прогрессивного развития исторического процесса: «История – это не изучение происхождения чего-то, скорее анализ всех попыток примирения, которые обрекли прошлое на современность»¹⁶. Вигский метод интерпретации истории объясняет современность через историю и предполагает неизбежное деление исторического процесса на друзей и врагов прогресса¹⁷. Он сводится к драматизации исторического повествования, так как ставит в центр борьбу сил, которая в действительности имеет место быть внутри каждого поколения¹⁸. Вигский метод связывает разрозненные исторические источники идеей целеполагания в истории, он вводит прогрессивную линию в развитие исторического процесса.

¹⁶ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. N.Y.: Norton Company, 1965. P. 47.*

¹⁷ См.: *Ibid. P. 5.*

¹⁸ См.: *Ibid. P. 39.*

Ошибочность подобного взгляда на историю, по Г. Баттерфильду, заключается в самом подходе, с помощью которого урезается комплексность истории. В результате практики наложения абстрактного мышления теряется связь с реальным историческим контекстом, а историк берет на себя роль судьи и организует повествование от прошлого к настоящему¹⁹. В действительности, согласно Г. Баттерфильду, то, что может сказать историк о прошлом, почти всегда тавтологично. Историк не просто наблюдатель, он еще и плохой наблюдатель, так как его воображение делает прошлое чувствительным к современности.

В этом далеко не полном перечне идей Г. Баттерфильда чувствуется живой интерес двадцатидевятилетнего ученого к теоретическим аспектам исторического знания. В практике собственных исторических изысканий ученый почти всегда полагался на тщательную работу с историческими источниками и в их интерпретации редко давал волю произвольной трактовке. Это вовсе не значит ригидности мышления ученого или его ретроградности. Он пишет не о национальных интересах, а о “*raison d’etat*”, о “*dignity*”, а не национальной стратегии. При этом его работы отличает и богатое воображение, и широкий исторический кругозор. Его собственный подход часто напоминает искусство исторической реконструкции. Он не принимал вульгаризации истории, с одной стороны, но он не был сторонником и «технической истории» – с другой.

В 1940-х годах, когда историк находился в расцвете своих творческих сил, он продолжил развивать некоторые аргументы критики вигского взгляда в работе «Англичанин и его история»²⁰. Более того, он укрепился в своей позиции. Уже на первых страницах данной книги Г. Баттерфильд говорит о вигском подходе как о синониме английской традиции интерпретации истории. Теперь это не просто специфический взгляд на английскую историю, но фактор, формирующий британское общественное сознание²¹. Тори, в отличие от вигов, собственной традиции исторической интерпретации не создали. Либералы

¹⁹ См.: *Butterfield H. The Whig Interpretation of History*. N. Y., 1965. P. 30.

²⁰ См.: *Butterfield H. The Englishman and His History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. 142 p.

²¹ См.: *Ibid.* P. 2.

же в своих исходных взглядах на историю сумели объединиться с протестантами, в то время как тори и католики друг друга критиковали²².

Вигские историки не наносили вреда тем, что они симпатизировали каким-либо событиям в историческом прошлом. Но они обращали внимание на такие исторические сюжеты, которые вызывали симпатию только у них²³. Поэтому английская история стала восприниматься с позиций развития протестантского Провидения и как история компромиссов²⁴. Этот подход они имплицитно противопоставляли взгляду на французскую традицию, в которой видели прежде всего череду разрывов и революций.

Такие оценки показывают, что историк со временем лишь укрепился в своей позиции осторожного подхода к изучению истории после Второй мировой войны. В целом он отстаивал консервативный позитивистский взгляд на практику историописания. Поэтому если необходимо изучать историю международных отношений, то это должны делать специалисты и лица, которые корректно относятся к историческим источникам и их интерпретации. Здесь истоки его представлений о балансе сил как основе изучения международной политики в истории. Он редко упоминал в своих трудах понятие «международное общество». В силу чего его подход – это лишь констатация требования профессионализма, но не потребность в абстрактном теоретизировании. Он предупреждал об опасности использования теоретических схем и даже не всегда оправданного манипулирования такими понятиями, как государство, общество или Германия, полагая, что за ними стоят конкретные люди, а не просто абстрактные слова²⁵.

Он придавал большое значение вопросам морали в международных отношениях прошлого и настоящего. В частности, Г. Баттерфильд писал об опасности конфликта идеалов между коммунизмом и демократией в 1970-х годах. С его точки зрения, миссионерское начало в коммунизме выражено сильнее. Западу такой общей цели

²² См.: *Butterfield H. The Whig Interpretation of History*. N. Y., 1965. P. 12.

²³ См.: *Butterfield H. The Englishman and His History*. P. 71.

²⁴ См.: *Ibid.* P. 83, 92, 97.

²⁵ См.: *Butterfield H. International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View*. Connecticut: Greenwood Press, 1974. P. 15.

не хватает. Отчаянные попытки сохранения status quo – тот максимум, на который может рассчитывать эта позиция, следуя балансу сил в международных отношениях. Поэтому вопросы морали в идеологических конфликтах XX века увеличивали свой вес. В качестве альтернативы он пытался предложить некоторое религиозное видение мира.

Как писала в предисловии к одной из книг историка Рут Аншен, современный человек привык считать мир результатом своего творения. Это следствие секуляризма и вульгарного натурализма. Г. Баттерфильд же отстаивал веру в трансцендентное. Она предполагает видение мира не как существующей данности, а как единства субъекта и объекта²⁶. Тем не менее в 1950–1970-х годах в рамках работы Комитета, несмотря на сохраняющий теоретический скепсис, Г. Баттерфильд выдвинул ряд частных гипотез по теоретическим аспектам изучения международных отношений.

Подходя к истории международных отношений с позиций особой ответственности за мир между государствами и рассматривая их как историю определенных идей, ключевой темой изучения исследователь данной сферы ставит идею баланса сил. В своей работе «Христианство, дипломатия и война» 1953 года он попытался объединить данные составляющие в общую логику анализа международной жизни. Здесь он писал: «Нет парадокса более странного, чем отношения между силой и этическим порядком в международных отношениях. В ходе мировой истории в процессе осмысления этого парадокса господствовали две взаимоисключающие идеи. Первая – христианская традиция, считавшая необходимым осуществить отказ в применении силы, вторая, идущая от К. фон Клаузевица, напротив, рассматривала силу в качестве лучшего арбитра в международных отношениях»²⁷. Собственно совмещение этих двух идей и подготовило появление баланса сил в истории международных отношений в качестве центральной темы изучения истории европейской дипломатии.

²⁶ См.: *Butterfield H. International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View.* P. 7.

²⁷ *Butterfield H. Christianity, Diplomacy and War.* L.: Epworth Press, 1953. P. 66.

Творческим рассветом для Г. Баттерфильда, безусловно, стали послевоенные годы. И.И. Шарифжанов вообще считает, что вместе с А. Тойнби Г. Баттерфильд может считаться символической фигурой, олицетворявшей ключевые тенденции развития британской исторической науки во второй половине XX века²⁸. При этом для некоторых английских историков даже в сравнении с А. Тойнби Г. Баттерфильд выглядел более популярным в сознании читающей публики в Великобритании того времени. Именно в эти годы Г. Баттерфильд показывает почти универсальный исследовательский диапазон как историк, социальный философ, религиозный мыслитель и историограф. Символично, что в 1944 году он становится профессором Кембриджа.

Вряд ли справедливо будет утверждать, что только в это время его звезда зажглась на небосклоне английской исторической науки. Яркие моменты в его творческой биографии были и раньше, но именно в послевоенные годы он сумел реализовать наиболее интересные свои идеи. Это справедливо как в отношении его творчества в целом, так и в отношении его вклада в Английскую школу международных отношений.

Первые ростки интереса к этой сфере у него возникли, как уже отмечалось, в связи с изучением наполеоновской эпохи. Заметим, что и в отечественной науке Тильзитский период в истории наполеоновских войн продолжает оставаться предметом полемики среди ученых и характеризуется подчас противоположными оценками: от постыдного мира России с Францией до формирования необычной европейской подсистемы в международных отношениях, существовавшей с 1807-го по 1812 год. На этом фоне работа двадцатидевятилетнего историка, посвященная данному периоду, характеризует его интерес к наиболее сложным проблемам истории европейских международных отношений. Она написана с позиций классических канонов британской политической истории, и, видимо, здесь Г. Баттерфильд впервые ощутил нехватку теоретических основ, к поиску которых он обращается в послевоенные годы.

В 1958 году к нему как к Президенту Ассоциации британских историков обратился Фонд Рокфеллера с нестандартным научным

²⁸ См.: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. С. 73–79.

проектом – организовать серию семинаров, посвященных изучению внешней политики и международных отношений. Г. Баттерфильд стал первым председателем этого семинара, впоследствии получившим название «Британский комитет по изучению внешней политики». Прилагательное «британский» не столько подчеркивало стремление к изучению основ внешней политики Великобритании (напротив, Комитет интересовался скорее общим спектром теоретических проблем в изучении международных отношений), сколько отличало Комитет от аналогичного американского проекта, также финансируемого Фондом Рокфеллера. Взаимодействие между этими семинарами, на что рассчитывал Фонд, организуя данный проект, было небольшим, хотя и не осталось номинальным. Был опубликован ряд работ, которые представляли скорее совместные проблемные сборники, чем общую концепцию, упорно разрабатываемую внутри Английской школы²⁹.

Объединения семинаров не произошло, и через некоторое время Фонд утратил интерес к финансированию проекта. Но на удивление работа Комитета не прекратилась. Он функционировал вплоть до 1985 года за счет средств из других фондов и на деньги самих участников. Собственно говоря, эта форма работы стала основной общей практикой школы в становлении и развитии британской теоретической традиции. Комитет действовал сессионно и представлял собой междисциплинарный проект. Основной формой участия стали встречи для обсуждения статей, из которых впоследствии возникли две общих монографии школы.

Первая из этих работ – «Дипломатические исследования» – вышла в 1966 году. Здесь Г. Баттерфильду принадлежала одна из ключевых теоретических глав, посвященная балансу сил³⁰. Интересно и то, что в сборнике имелось две главы с аналогичным названием. Помимо Г. Баттерфильда, такая же работа была презентована М. Уайтом – соруководителем проекта и вторым Председателем

²⁹ См., например: *The "Special Relationship". Anglo-American Relation Since 1945* / ed. by R. Louis, H. Bull. Oxford, 1986. 408 p.

³⁰ См.: *Butterfield H. Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. P. 132–148.

Комитета после ухода с этого поста сэра Герберта в 1967 году³¹. Не являясь соавторами, коллеги по Комитету просто написали работы, с разных ракурсов посвященные балансу сил. Если М. Уайт интересовался им как теоретическим понятием, то Г. Баттерфильда волновали идея его появления и эволюция политической практики применения.

Как глубоко христианский мыслитель он видел в международных отношениях если не Провидение, то определенную логику, отступление от которой было чревато трагедией. В этом смысле баланс сил выступал обобщающей основой, объединяющей в себе внешние политики различных стран. Именно ему принадлежит сравнение баланса сил с законами физики. Он пишет, что понятие играет роль закона для международных отношений, как законы Ньютона играют важную роль в физике³². И хотя такая аналогия поверхностна, она поднимает понятие на уровень стержня исторической методологии изучения международных отношений. Это сравнение отличает британский подход от американской теоретической традиции, где балансу сил внимания не уделялось, а в центре оказывалась концепция национальных интересов государств.

Г. Баттерфильд прослеживает путь формирования идеи баланса сил в европейской политической мысли от XV–XVI веков. Он отмечает главенствующую роль Н. Макиавелли в формулировании и развитии этой идеи в политическом дискурсе. Правда, полагает, что последнему не хватало теоретической основы для ее глубокого понимания. Поэтому симпатии английского историка находятся на стороне исторического наследия Ф. Гвиччардини в развитии и интерпретации идеи баланса сил. Отмечалась роль Филиппа де Коммина во Франции в утверждении рациональной основы концепции баланса сил.

Применительно к XVII–XVIII векам Г. Баттерфильд выделяет уже сформировавшиеся недостатки концепта в политике: его консервативный характер в истории формирования европейских отношений, практику разделов Речи Посполитой и стабилизирующую роль в отношении слабых стран.

³¹ См.: *Wight M. Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics.* P. 148–175.

³² См.: *Butterfield H. Balance of Power.* P. 132.

Как англичанин он корректно подметил, что когда Австрия, Пруссия и Россия объединялись вместе, то Англия и Франция были не в состоянии остановить данную коалицию. Поэтому разделы Польши в известном смысле были предопределены. Он вовсе не стремится ни объяснить, ни тем более оправдать разделы Польши в истории. Баланс сил здесь лишь констатирует факт разделов. Но он не считает разделы и формами девиантного поведения крупных государств по отношению к слабым, в то время как это следует из традиций либеральной трактовки международной политики. Это лишь этап и эпизод в развитии важной международной идеи³³.

Более того, в отличие от историков, считающих баланс сил девиацией, демонстрирующей политический, а не научный характер данного принципа, Г. Баттерфильд считает идею фактором, помогающим выжить слабым государствам, например Османской империи в XVIII–XIX веках. Самостоятельно Порты была уже не в состоянии себя защитить, но уберегало ее от распада то, что она значилась во внешнеполитических расчетах европейских стран. Учитывая, что Англия была основным проводником поддержки «смертельно больного человека» в описываемый период, такой пассаж в творчестве английского историка можно даже считать попыткой преодоления этноцентричного характера британской теории и практики внешней политики.

Стабилизирующая, хотя и консервативная по существу роль идеи баланса сил проявляется и в отношении малых стран. «Баланс сил не только гарантирует существование малых государств, но и утверждает за ними некоторую автономию и право на независимость. Он охраняет независимость в сфере внешней политики. Он сделал возможным существование малых стран, которые теперь выступают не просто сателлитами. В существующей системе малые страны даже более свободны в выборе союзников, чем крупные государства при формировании альянсов»³⁴. В целом Г. Баттерфильд считает баланс сил порождением европейской политики, а затем уже практикой применения дипломатии нового времени. Его истоки – в необходимости поддержания мира и сохранения свободы, но,

³³ См.: *Butterfield H. Balance of Power*. P. 144–146.

³⁴ *Ibid.* P. 142–143.

сформировавшись как консервативный механизм в поле международного взаимодействия, он стал служить лишь цели сохранения мира. Поэтому его нельзя рассматривать в качестве «неписаной конституции Европы». В этом контексте интересно посмотреть на отрицание баланса сил современными демократическими государствами. Противопоставление «стабильности» и «поддержания свободы» – один из редких моментов в британской политической мысли XX века.

Как фактор международной жизни баланс сил отображает прежде всего идею, требующую абстрактного мышления и особого понимания. Баланс сил ограничивает анархию, но система государств складывается не только на основе его одного. Она отражает комплекс идей и ценностей, формирующих международный порядок. Здесь он ссылается на мнения немецких историков в понимании природы международной системы. Сам термин «система государств» Г. Баттерфильдом не использовался, но представители Комитета заимствовали его у немецких историков геттингенской школы XIX века.

Анализируя вклад Г. Баттерфильда в творческой составляющей работы Комитета по внешней политике, а не только в организаторском аспекте Английской школы, нельзя не остановиться на некоторых критических замечаниях, высказанных в последнее время в его адрес. В частности, профессор Поль Шарп из университета Миннесоты в одной из своих работ 2009 года писал, что участие в этом проекте Г. Баттерфильда представляло проблему для становления английской теоретической традиции³⁵. Исследователь упрекает Г. Баттерфильда в преувеличении роли норм дипломатии нового времени, в разрыве с которыми кембриджский историк видел причины разрывов между поколениями дипломатов. Для него существовало четкое деление между новой (демократической) и исторической дипломатией.

При таком подходе П. Шарп группировал работы Г. Баттерфильда, касавшиеся изучения международных отношений, в три категории:

- 1) работы, посвященные проблемам дипломатии;

³⁵ См.: *Sharp P. The English School, Herbert Butterfield and Diplomacy*. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20021100_cli_paper_dip_issue83.pdf.

2) работы, в которых он затрагивал вопросы международных отношений как теолог;

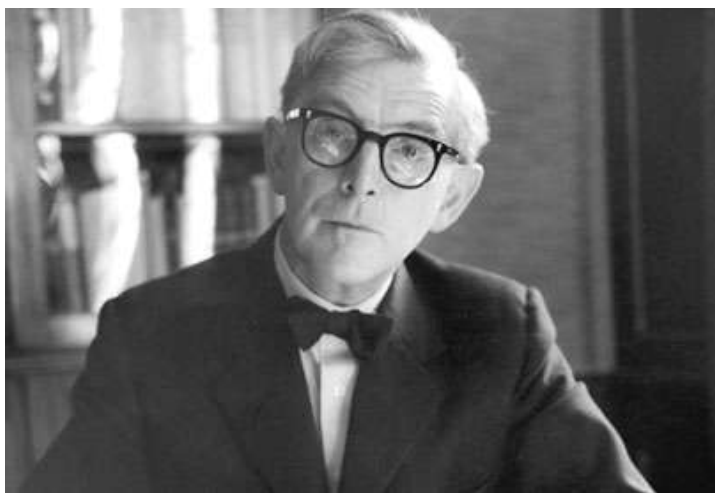
3) историографические исследования, под которыми П. Шарп понимал собственно эмпирические сюжеты в изучении истории международных отношений ученым³⁶.

Сама по себе эта классификация не в полной мере отражает спектр научных интересов Г. Баттерфильда в изучении международных отношений. Она носит инструментальный характер; несвободна от недостатков, в частности вытекающих из смешения конкретного исторического исследования и историографии П. Шарпом, но приоткрывает некоторые интересные грани в анализе интеллектуального вклада Г. Баттерфильда в формирование школы.

Например, две главы с одинаковым названием «Баланс сил» в «Дипломатических исследованиях» действительно воспринимаются странно. Можно, конечно, разделить эти главы по проблемно-тематическому критерию и говорить, что М. Уайт писал о теоретических аспектах данного концепта, в то время как Г. Баттерфильд интересовала историко-генетическая сторона в происхождении концепции политического равновесия. Но не менее важно, что эта тема, пожалуй, впервые показала и разницу в восприятии баланса сил учеными Английской школы. Почти все ее представители уделяли балансу сил ту или иную долю внимания. Для Х. Булла это был основной институт, на котором строится международное общество. Подход Г. Баттерфильда демонстрировал, что ученый воспринимал баланс по истории формирования концепции политиками XVI–XVIII веков. Ему казалось, что, противопоставив этот подход новой дипломатии XX века, можно будет избежать ряда проблем в международных отношениях. Здесь, безусловно, свою роль сыграли две мировые войны, свидетелем которых был ученый и его система консервативных моральных ценностей. В связи с последними обстоятельствами Г. Баттерфильд замечал, что баланс сил – это не подарок, но подход, который нуждается в заботе, вдумчивом отношении и осторожном воплощении в практике дипломатии³⁷. Этим объясняется его интерес к дипломатической истории.

³⁶ См.: *Sharp P. Op. cit. P. 2.*

³⁷ См.: *Butterfield H. The New Diplomacy and Historical Diplomacy // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. P. 182–183.*

Герберт Баттерфильд. 1970-е годы

Кроме того, по стилю данное эссе Г. Баттерфильда напоминает моральные наставления в духе «Политического завещания» кардинала Ришелье. Историк стремится сформулировать некоторые дипломатические максимы, и, вероятно, в этом он видел смысл собственного участия в организации данного научного семинара. Этой позиции придерживался Тимоти Дюнн, анализировавший работу Комитета. Однако выводы кембриджского профессора были основаны на частных примерах, эмпирически они не всегда подкреплялись материалом, а сами заключения носили предельно широкий характер. Они несли следы системы своеобразных индивидуальных ценностей историка и отражали специфический нормативный подход: Г. Баттерфильд считал институты и нормы европейской дипломатии специфическими христианскими ценностями, унаследованными из средневековья. Эти дипломатические нормы стали разрушаться в связи с «восстанием масс»³⁸.

Такие взгляды ученого можно легко соотнести с определенными формами консерватизма. В работе «Христианство, дипломатия и война» он писал: «Идея греха как преступления перед Богом была

³⁸ Sharp P. Op. cit. P. 12–13.

заменена идеей греха как преступления перед человеком, но это не означало искоренения жестокости»³⁹. Гуманизм в международных отношениях он поэтому считал не избавлением от проблем, а отходом от магистральной линии развития дипломатии, предопределенной историей и религией.

Его историческое видение идеи баланса сил было основано на опыте Вестфальской эпохи международных отношений – на том периоде, где порядок обеспечивали великие державы, а остальные государства Европы вынуждены были балансировать между их интересами. Если этот подход возможно воспроизвести в условиях XX века, то, по мысли ученого, это позволит стабилизировать отношения между государствами.

Дипломатическая история нуждается в хладнокровии и расчете. Работой по Наполеоновским войнам Г. Баттерфильд как раз показывал, что высокомерие и надменность в отношении данного принципа, как и переоценка Пруссией своих сил, представляли назидательные уроки, из которых следовало сделать выводы при проведении политики, основанной на соотношении сил.

Все это объясняет, почему в разработке концепции международного общества Г. Баттерфильд в ходе встреч Комитета был вынужден перейти на вторые роли. Его подход был субъективным и глубоко историческим, а его собственные идеи заслоняли единую научную концепцию, слабо вписываясь в общую линию развития школы. В то же время сам Комитет без него не мог функционировать до 1967 года в силу особенностей организации данного научного сообщества. Отсюда, оценивая вклад Г. Баттерфильда в формирование Английской школы международных отношений, необходимо отметить, что он может по праву считаться одним из ее создателей. Его роль проявилась в двух направлениях, из которых первое заслонило второе. Первое – это его организаторский вклад в создание и руководство Комитетом по внешней политике. Будучи известным историком, он смог в данном проекте сформировать нестандартное междисциплинарное научное сообщество. И хотя А. Уотсон пишет в своих мемуарах о работе Комитета, что формально уже с первых встреч существовало два председателя, основная содержательная

³⁹ *Butterfield H. Christianity, Diplomacy and War. P. 76.*

роль постепенно переходила к М. Уайту, явно лидирующему в обсуждениях, но на сессиях Комитета всегда председательствовал Г. Баттерфильд⁴⁰. В 1967 году после записки кембриджского историка М. Уайт становится председателем. Это говорит о спокойной смене руководства в проекте, занимающегося творческой деятельностью. Не стоит забывать, что в жизни они оставались друзьями, а смерть М. Уайта в 1972 году была тяжелым потрясением и для самого Г. Баттерфильда.

Второе, и несомненно, важное направление – это творческий вклад Г. Баттерфильда в формирование идейных основ школы. Здесь уместно заметить, что влияние его интеллектуального наследия можно проследить в творчестве представителей различных поколений школы.

Так, например, с М. Уайтом его сближает религиозное восприятие мира. М. Уайт начинал как христианский пацифист в межвоенный период. Более того, видимо, религиозное кредо и стало основой разработки его телеологической концепции системы государств. Как минимум религиозность нельзя считать случайностью в биографии двух основателей школы. Возможно, теоретический анализ международных отношений был рациональной альтернативой выхода из мировоззренческого кризиса для обоих мыслителей. М. Уайт и Г. Баттерфильд были единомышленниками, а не конкурентами в предметном поле изучения международных отношений. Этот творческий тандем позволил сформировать преемственность в работе Комитета по изучению внешней политики. Примечательно и то, что ключевую для каждого из них проблему баланса сил ученые изучали совместно, а разность подходов к исследованию данной темы была скорее следствием своеобразного разделения труда, чем конкуренцией между двумя поколениями в школе.

С Х. Буллом Г. Баттерфильда роднит понимание международной системы как международного общества. Классическое определение международного общества обоими было воспринято у историков Геттингена, а не заимствовано из теории систем и работ американских реалистов.

⁴⁰ См.: *Watson A. The British Committee for the Theory of International Politics.* URL: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>.

С Ричардом Литтлом Г. Баттерфильда объединяет интерес к идеям и дискурсу в международных отношениях. Если Г. Баттерфильд в равновесии видит центральную идею международной политики, то Р. Литтл в балансе – метафору и миф⁴¹. Но примечательно, что работы обоих написаны на почти одних и тех же источниках по международной политической мысли. Оба отталкиваются от Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини, оба уделяют внимание воплощению идеи в одних и тех же текстах международных европейских договоров нового времени.

С Александром Вендтом, представляющим еще одно направление в современном постпозитивизме, Г. Баттерфильда роднит конституирующая роль идей в международной сфере. А. Вендт объясняет то или иное явление через концепты политики. Г. Баттерфильд же из центральной для него идеи выводил собственное представление о международных отношениях в целом⁴².

Такие интеллектуальные параллели свидетельствуют не столько о еще не очень хорошо изученной стороне таланта историка, сколько о том, что концепция международного общества как раз была той частной научной теорией, которая позволяла сохранять преемственность при передаче знания от поколения к поколению. Эта центральная тема творчества Г. Баттерфильда была им не только осмыслена, но и отчасти реализована в Английской школе международных отношений. Он не является создателем концепции международного общества, но эта центральная категория разрабатывалась внутри школы при его непосредственном идейном участии.

⁴¹ См.: *Little R.* The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 50–87.

⁴² См.: *Wendt A.* On Constitution and Causation in International Relations // The Eighty Years Crisis: International Relations 1919–1999 / ed. by T. Dunne, M. Cox, K. Booth. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 101–117.

1.3. Британский комитет по изучению международной политики и оформление концепции международного общества

В последние годы за рубежом вышло несколько работ, посвященных анализу роли Британского комитета по изучению международных отношений в становлении и развитии Английской школы¹. В дискуссиях на эту тему приняли участие как сами «школьники» (А. Уотсон, Т. Дюнн), так и люди, чье творчество рассматривается как развитие британского подхода к международным отношениям, хотя сами они не всегда идентифицируют себя с указанной научной традицией (Р. Литтл, Э. Линклейтер). Также в обсуждении данной темы приняли участие лица, занимающиеся исследованием школы (Х. Суганами, Брунелио Вигецци). Любопытно, что ни «внутренний» взгляд на историю школы, ни взгляд «со стороны» не внес ясности в понимание роли и места Британского комитета в становлении и развитии школы. Напротив, указанные публикации скорее породили волну дискуссий по некоторым аспектам работы Британского комитета. К числу наиболее важных тем, по которым возникли разногласия, принадлежат следующие:

- соотношение Британского комитета по изучению внешней политики и Английской школы международных отношений;
- персональный состав участников и Английская школа;
- формирование повестки и эволюция концепции международного общества в работе Британского комитета по изучению международной политики;
- окончание работы Комитета и английская теоретическая традиция сегодня.

¹ См.: *Dunne T. Inventing International Society: A History of English School*. L.: Macmillan, 1998. 305 p.; *Linklater A., Suganami H.* Op. cit.; *Dunne T. The English School // The Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smith, D. Snidal*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 267–285; *Epp R. The British Committee on the Theory of International Politics // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green*. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 25–36; *Vigazzi B. The British Committee and International Society: History and Theory // Ibid*. P. 37–58; *Watson A. The British Committee for the Theory of International Politics*.

Несмотря на то, что предложение о создании Комитета, аналогичного американскому, было направлено Фондом Рокфеллера в 1958 году Г. Баттерфильду, подбором участников занимался М. Уайт². В момент создания Комитета именно М. Уайт был организатором и вдохновителем работы. Это признавал и сам Г. Баттерфильд. По воспоминаниям А. Уотсона, именно М. Уайт включил в работу Комитета кроме Десмонда Вильямса из католического колледжа в Дублине, на кандидатуре которого настаивал Г. Баттерфильд, шотландского профессора этики и крупного религиозного философа Дональда Маккиннона, военного историка Майкла Ховарда, А. Уотсона, работавшего в то время на Форин Офис, и своего ученика Х. Булла. По замыслу М. Уайта, эта была одна из первых попыток создания междисциплинарного семинара по изучению международных отношений в Великобритании.

А. Уотсон объясняет подбор участников Комитета двумя факторами. Во-первых, при сборе людей из разных регионов и областей наук оказывался возможным некоторый вариант «мозгового штурма». Концентрация внимания только узких специалистов на проблемах международных отношений не дала бы прорывов в исследовании и не обеспечила бы разработку общего понимания участников, на чем настаивал Фонд Рокфеллера.

Во-вторых, изучение международных отношений в Великобритании того времени имело определенную специфику. В тот период в стране еще не было отдельных факультетов международных отношений в том виде, в котором они существуют сейчас, и необходимо было сближать разные подходы ученых при изучении международных проблем. Как писал Г. Баттерфильд в одном из писем к М. Уайту: «Нельзя изучать дипломатическую историю обычным способом, не обсуждая текущие проблемы и не определив базовые основания, которые лежат внутри дипломатической деятельности; причины, по которым страны проводят определенную внешнюю политику; этические предпосылки международных конфликтов и пространство, в котором международные отношения можно изучать научно»³.

² См.: *Epp R.* Op. cit. P. 26.

³ *Watson A.* The British Committee for the Theory of International Politics. P. 1.

Таким образом, изначально в состав Комитета входил небольшой круг дипломатов и ученых, лично знакомых друг с другом. В определенном смысле подбор участников Комитета отражал аристократический характер предмета изучения международных отношений. По взглядам это были люди, которых сближал Оксбридж – элитарные образовательные и научные учреждения Великобритании. Тогда закономерно возникает вопрос: насколько справедливо отождествлять такой узкий круг людей со всей национальной школой, а еще шире – с британской теоретической традицией изучения международных отношений?

Х. Суганами из Эйберствита приводит в этой связи любопытную оценку Градера, высказанную ученым еще в 1988 году: «Видеть в этих британских исследователях школу, значит, видеть в них то, что сами они в себе не видели»⁴. Собственный термин Х. Суганами для обозначения Английской школы – «британский институционализм». Такое понятие подразумевает акцент в работе школы на анализе норм и институтов международного общества и противопоставляется бихевиористскому подходу американской науки к международным отношениям в 1960-х годах⁵.

Кроме того, акцент на отождествлении Комитета с Английской школой внутренне нивелирует роль Ч. Мэннинга, Ф.С. Нортейджа, А. Джеймса и тех других, кто знакомился с концепцией международного общества и развивал ее в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований. Именно здесь следует искать истоки формулирования самой идеи международного общества. Термин «международное общество», центральный для анализа концепции школы, вошел в научный обиход благодаря Ч. Мэннингу, который развивал функциональный анализ социальной антропологии, предложенный Б. Малиновским в школе экономики, и стремился адаптировать данный подход к предметному полю преподавания международных отношений.

Более того, интеллектуальная повестка научных исследований в Комитете в 1959–1961 годах оставалась аморфной и показы-

⁴ Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 13.

⁵ См.: Ibid. P. 21.

вала несогласие собранных специалистов из разных наук в отношении целей и направлений совместной деятельности.

Как уже отмечалось, прилагательное «английская» в отношении школы впервые употребил не участник, но критик школы Р. Джонс в известной статье 1981 года⁶. Сами участники школы себя так не идентифицировали. По мнению Р. Джонса, авторы Английской школы отделяли собственные интересы от классической теории политики, а именно: они игнорировали либеральные традиции экономической и политической мысли XVIII–XIX веков. Поэтому такой подход Р. Джонс находил узким, когда писал: «Их стиль легко обнаружить. Он состоит из небольшого количества статистики, без геометрии и еще меньше алгебры; здесь нет вульгарной агонии по поводу так называемых мировых проблем – бедности, обеспеченности продовольствием, монетарными реформами и тому подобными темами. Хотя там есть некоторая философская привлекательность, их собственная философская позиция не определена и не завершена»⁷. Таким образом, Р. Джонс нехотя наделил участников данного научного сообщества родовым понятием «Английская школа».

В такой критической оценке, по мнению Х. Суганами, звучал внутренний личный мотив ученого⁸. Р. Джонс был валлийцем и писал из Кардиффа. Он был критически настроен не только к Лондонской школе экономики, но и в отношении английской внешней политики того периода, что и прозвучало в его оценках. При этом содержательные упущения школы исследователь подметил, в общем-то, верно. Английской школе явно не хватало интереса к вопросам экономики, как и не было в итоге создано общего понимания по вопросам теории международной политической мысли, не было еще пристального внимания к методам. Они позиционировали себя как представители классического подхода, не расшифровывая, что это значило. По существу, они ставили проблемы изучения международной жизни и занимались концептуализацией понятий на базе истории и философии.

⁶ См.: *Jones R.* Op. cit. P. 185–206.

⁷ Ibid. P. 185–186.

⁸ См.: *Linklater A., Suganami H.* Op. cit. P. 18.

Но то, что Р. Джонс отмечал как недостаток, другие интерпретировали и как достоинство подхода, способствовавшее распространению идей школы за пределы Великобритании. Концепция международного общества, развитая в Комитете как основная исследовательская практика Английской школы, оказалась частной научной концепцией, востребованность которой обнаружилась впоследствии. В ее основании лежал примиряющий различные теоретические позиции подход, или, как говорил М. Уайт, *via media*, который оказывался совместимым с реализмом, либеральным институционализмом и конструктивизмом. Таким образом, определенный парадокс школы состоит в том, что небольшая группа лично знакомых между собой людей, многие из которых даже не были англичанами, собравшаяся для обсуждения широкой повестки международных вопросов, не имевшая четко сформулированной общей научной концепции, воспринимавшаяся враждебно критиками, стала олицетворением всей национальной теоретической традиции изучения международных отношений.

Еще более сложный вопрос, если делать акцент на работе Комитета как институциональной основы школы: каковы должны быть критерии, определяющие принадлежность к Английской школе? Т. Дюнн был одним из тех, кто признавал значение Британского комитета в создании сообщества международных в Великобритании. И хотя в работе 1998 года он не ставил знак равенства между Комитетом и школой, именно он создал представление о том, что ключевые участники Комитета занимали в школе главные позиции. За счет такой постановки вопроса Ч. Мэннинг и Ф.С. Нортейдж исключались из числа членов школы, а М. Уайт и Х. Булл признавались в ней центральными фигурами⁹.

Однако важной чертой работы Т. Дюнна была попытка идентифицировать принадлежность к школе через определение ее критериев. К их числу он относил следующие три:

- 1) самоидентификацию исследователя с набором определенных вопросов, которые задавались к международным отношениям;
- 2) интерпретативный подход к истории;

⁹ См.: *Dunne T. Inventing International Society: A History of English School*. P. 15.

3) признание теории международного общества нормативной основой изучения международных отношений¹⁰.

В целом такие критерии не порождали новое понимание Английской школы, но укрепили «институциональный» подход, который идентифицировал принадлежность к школе на основании членства в Комитете.

Похожую линию в определении роли Комитета восприняли Р. Литтл и Х. Суганами. И тот и другой считают, что школа не создавалась в один момент. Напротив, ее контуры видны лишь в развитии идей. Так, Р. Литтл пишет, что она имела в качестве цели создание концептуального пространства, необходимого для изучения международного общества¹¹. Он не хотел помещать в фокус изучения школы лишь работы М. Уайта и Х. Булла. Более того, сформулированная концепция формировалась из разных теоретических позиций как минимум трех традиций политической мысли, на которых настаивал М. Уайт. Поэтому школу нельзя идентифицировать исключительно через перспективу концепции международного общества. Подход Р. Литтла был более гибкий и широкий в сравнении с идеями Т. Дюнна. А потому Р. Литтл стал «раздражителем» сложившегося среди ученых консенсуса о роли Комитета, сформировавшегося после работы Т. Дюнна, который отражал видение школы в 1980-х – начале 1990-х годов.

Аналогичным образом и Х. Суганами считал, что школа – это скорее кластер определенных размышлений о международных отношениях, а не четко фиксированный клуб по интересам с формализованными условиями членства, участия и набора тезисов¹². Поэтому научная школа не имеет фиксированных границ, а Британский комитет изначально имел очень сильное чувство исключительности. Вывод, к которому приходит Х. Суганами: школу и комитет нельзя отождествлять, даже если участники последнего были центральными фигурами в школе. Английская школа появилась как результат долгих дискуссий и представляла собой сообщество ученых, рабо-

¹⁰ См.: *Dunne T. Inventing International Society: A History of English School*. P. 6–9.

¹¹ См.: *Buzan B., Little R. International System in World History. Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 29–30.

¹² См.: *Linklater A., Suganami H. Op. cit.* P. 39.

тающих в Великобритании и размышляющих о проблемах международной жизни внутри некоторого общего кластера мышления. Комитет был одной из основных площадок по формированию такого кластера¹³.

Результатом данного понимания стала «реабилитация» Ч. Мэннинга как основателя школы, хотя он и не был участником Комитета. Именно он сформулировал и развивал идею международного общества, но по разным причинам не был приглашен в Комитет. Аналогичным образом и другие ученые из школы экономики (Ф.С. Нортейдж, А. Джеймс, Дж. Майалл и др.) сегодня относятся к числу членов Английской школы. Однако они не входили в Комитет и не принимали участия в его работе, хотя лично были знакомы с М. Уайтом, Х. Буллом и другими его участниками.

Результатом нового понимания школы, появившегося в ходе дискуссий в указанных работах, было и то, что принадлежность к школе исследователи не стали трактовать безгранично. Так, например, одно время Т. Дюнн относил к числу участников Э. Карра¹⁴. В отличие от Ч. Мэннинга Э. Карр никогда не приглашался к участию в работе Комитета. Более того, он никогда не отождествлял себя с указанной группой специалистов по международным отношениям. Т. Дюнн включил его на том основании, что его работы повлияли на М. Уайта и Х. Булла. Действительно, Э. Карр был известной фигурой в научном мире. Его взгляды были близки реализму. Тем самым он скорее помогал формированию мейнстрима американской теории международных отношений, а не развитию Английской школы. Хотя нет никаких сомнений в том, что ученый был одним из первых британских международников с мировой известностью. Но огромный авторитет исследователя не предрешает его автоматического отнесения к Английской школе теории международных отношений.

Более того, как замечал Х. Суганами, внутри британского сообщества международников на Э. Карра повлияла концепция международного общества, а не наоборот. Как минимум в первом издании его работы «Двадцать лет кризиса в международных отношениях»

¹³ См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 41–42.

¹⁴ См.: Dunne T. *Inventing International Society: A History of English School*. P. 93.

ученый выражал личную признательность Ч. Мэннингу за его понимание того, что собой представляет международное сообщество¹⁵.

Проблематичным с точки зрения работы в Комитете было участие Г. Баттерфильда и Д. Маккиннона. Последний сложно вписывался в коллектив историков. В первые годы функционирования Комитета Д. Маккиннон стал активно предлагать философские темы для анализа вроде соотношения этики и международной политики, ответственности за применение ядерного оружия. Это были темы, безусловно, важные, новаторски звучащие для начала 1960-х годов, но далекие от концепции международного общества. В итоге Д. Маккиннон не задержался в Комитете надолго, хотя и тепло вспоминал впоследствии о своем участии в нем¹⁶.

Непросто пришлось даже такому «звездному» участнику, как Г. Баттерфильд. Несмотря на то, что он являлся организатором и председателем Комитета, ему сложно было найти свое место в общей проблематике работы. Тон в Комитете вскоре стали задавать работы М. Уайта и Х. Булла. Подход А. Уотсона к разработке исторической социологии международных отношений требовал кропотливого погружения в тему. А. Уотсон «нашел себя» в историческом анализе концепции международного общества, но его работа на выбранном направлении завершилась лишь в начале 1990-х годов, когда ему, наконец, удалось опубликовать книгу, развивавшую линию исторической социологии международных отношений¹⁷.

Г. Баттерфильд в Комитете не ставил перед собой такие большие задачи, но попытался адаптировать свои сложившиеся научные интересы к проблематике, которую задавали другие. Ему удалось это сделать, предложив свое историческое видение того, что представляла система государств. Он открыл для участников Комитета свое понимание системы, основанное на прочтении работ историков геттингенской школы и в первую очередь трудов А.Г.Л. Геерена. Однако в 1967 году после издания первой монографии школы

¹⁵ См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 37.

¹⁶ См.: Mackinnon D. Power Politics and Religious Faith: The Fifth Martin Wight Memorial Lecture // British Journal of International Studies. 1980. № 6. P. 1–15.

¹⁷ См.: Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. L.; N. Y., 1992.

«Дипломатические исследования» он не захотел более председательствовать в Комитете и передал бразды правления М. Уайту.

Вопрос о составе участников осложняется еще и наличием нескольких поколений внутри Английской школы и функционированием Комитета в течение довольно продолжительного времени. Т. Дюнн впервые разделил участников школы на представителей классического и постклассического периодов. В работе 2010 года изменилось и его понимание школы: «Под Английской школой я подразумеваю группу исследователей, работающих главным образом в Великобритании, которые объединены общими онтологическими суждениями и критически настроены в отношении сциентистских методов, разделяемых позитивистами»¹⁸.

При таком понимании школы к числу представителей классического периода (1950–1980-е годы) он относит Ч. Мэннинга, Г. Баттерфильда, Х. Булла, А. Уотсона и Дж. Винсента. В постклассической фазе (с 1990-х годов) ключевыми исследователями внутри школы стали Б. Бузан, Э. Харрел, Р. Джексон, Э. Кин, Э. Линклейтер, Р. Литтл, Дж. Майалл, Х. Суганами, Н. Уилер¹⁹.

Из этого видно, что, в сравнении с работой 1998 года, Т. Дюнн, во-первых, пересмотрел свою позицию, отождествляющую Комитет и Английскую школу. Данное обстоятельство позволяет заключить, что роль Комитета в значительной степени определяется тем, как понимается Английская школа, но не наоборот.

Во-вторых, заслуживает внимания попытка выделения фаз в работе рассматриваемого научного семинара. При этом у самого Т. Дюнна первая фаза школы совпадает по хронологии с периодом работы Комитета – 1959–1985 годы. Это говорит лишь о модификации ранее сформулированного подхода. Однако результатом дискуссий 1990-х годов между исследователями школы стало включение Т. Дюнном Ч. Мэннинга в состав участников и даже его признание как основателя концепции «международного общества»²⁰.

Не менее странным при таком современном «историографическом» повороте в оценке роли Комитета выглядит включение

¹⁸ Dunne T. The English School. P. 267.

¹⁹ См.: Ibid.

²⁰ Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations. P. 91–107.

Дж. Винсента в число представителей классического периода. Известно, что он был учеником Х. Булла, т. е. самого младшего из участников Комитета, чье творчество считается самостоятельным этапом в развитии исследовательской повестки семинара. В действительности, творчество Дж. Винсента ознаменовало переход к новой повестке исследований международного общества, стимулировав процесс внутришкольных дискуссий между так называемыми солидаристами и плюралистами в 1990-х годах. Тогда, если фазы, предложенные Т. Дюнном, отражают процесс смены поколений в школе, их было явно больше, чем две, а внутренняя проблематика исследований была неоднородна даже в первой фазе работы Комитета.

В-третьих, позиция Т. Дюнна позволяет идентифицировать участников школы не по формальному членству в работе Комитета, но по отношению к проблематике школы, что свидетельствует о новом восприятии Английской школы как своеобразном кластере мышления ученых-международников. Здесь необходимо иметь в виду, что спектр изучаемых тем менялся во времени. Как кластер анализа международных отношений школа не может быть сведена только к пониманию проблематики международного общества, но включает все более широкий спектр вопросов международной жизни. Это и международная система, и мировое общество, и вопросы прав человека, и экономическая повестка.

В этой связи в число «школьников» попадают у Т. Дюнна и Б. Бузан, и Дж. Майалл, и Р. Джексон, и Дж. Винсент. При этом Б. Бузан работает в различных теоретических парадигмах, хотя и популяризирует Английскую школу. Р. Джексон и Дж. Майалл в своих работах скорее полемизировали друг с другом, нежели выступали с единых теоретических позиций. Э. Линклейтер, сторонник критической теории международных отношений, также включается в состав участников школы. При тематическом критерии в определении школы в разных работах к ее представителям относят: К.Я. Холсти, разделяющего нормативный подход к анализу международных институтов²¹, А. Вендта, который уделяет школе особое внимание²²;

²¹ См.: Guide to the English School in International Studies. P. 85.

²² См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 32.

А.Г. Дугин к числу ее представителей относит даже Джона Бертон, который высказывал критические замечания в адрес Английской школы со сциентистских позиций²³.

Д. Грин предпочитает термин «волны» развития Английской школы. Критерии их выделения автор не поясняет, но пишет о трех волнах за приблизительно шестидесятилетний период существования школы²⁴. Первая волна, как и классическая фаза Т. Дюнна, включала основателей, работающих в Британском комитете по изучению международной политики. В основе волны лежал камень, брошенный в 1966 году в виде «Дипломатических исследований» – «прямого продукта работы Комитета», как замечает Д. Грин. Кроме того, ключевые элементы идентичности школы создавались в 1970-х работами Х. Булла и М. Уайта. Эти идеи были «недружественны» американским подходам того периода, которые склонялись к бихевиоризму, количественным оценкам анализа внешней политики государств и тому, что впоследствии стало называться неореализмом в науке о международных отношениях.

Вторая волна включает таких «школьников», как Дэвид Армстронг, Б. Бузан, Брюс Кронин, Т. Дюнн, Э. Харрел, Р. Джексон, Э. Линклейтер, Р. Литтл, Дж. Майалл, Корнелия Навари, Яннис Стивахитс, Х. Суганами, Дж. Винсент, Йонгчин Чэнг, Джон Вильямс. Все эти люди продолжили развитие тем, заложенных основателями. Они внесли ясность в ключевую проблематику и развивали идеи школы, которые привлекли внимание мирового научного сообщества к ней. Особого отношения на этом этапе заслуживает работа «Экспансия международного общества» 1984 года.

Третья волна была сформирована Б. Бузаном, который популяризировал и еще дальше стал продвигать идеи школы в рамках встреч Ассоциации британских международных исследований (British International Studies Association, BISA) с 1999 года. Благодаря его усилиям старые темы приобрели новое звучание и переформатировали исследовательскую повестку. В силу этого в начале

²³ См.: Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теория, социология. М., 2013. С. 59.

²⁴ См.: Green D. Introduction to the English School in International Studies // Guide to the English School in International Studies. P. 2.

XXI века новое поколение исследователей в лице У. Бейна, А. Беллами, М. Кохран, Э. Кина, К. Реус-Смита, Л. Шознборга, П. Шарпа и других основали секцию Английской школы в Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA)²⁵.

Автономность последней волны заложена в новой исследовательской повестке (Б. Бузан), в прогрессе развития методов школы, наконец оттолкнувшихся от интерпретативного подхода и идеальных типов, отраженных в нескольких ключевых концептах (К. Навари), и в развитии контактов с представителями других теоретических подходов (критическая теория, конструктивизм), которые пересматривают концептуальные наработки школы как евро- и западноцентричные подходы в условиях постколониального развития мира. При таком видении школы роль Комитета определяется как первый формообразующий шаг в становлении многоуровневой теоретической платформы изучения международных отношений, которая сегодня перешагнула территорию Великобритании и получила признание в Америке, Азии, Австралии.

В целом попытки обозначить роль Комитета через различные критерии определения школы остаются на сегодняшний день незавершенными и дают возможность по-разному трактовать персональный состав участников школы, как и определять вклад Британского комитета по международной политике в создании Английской школы.

Темы, поднятые в ходе дискуссий последних лет, отчетливо поставили вопрос о границах и критериях Английской школы, но не прояснили роль Комитета в формировании особого кластера мышления на основе концепции международного общества. Тем не менее с точки зрения эволюции общей концептуальной проблематики школы рассмотренные подходы позволяют говорить о трех внутренних этапах в развитии Британского комитета:

- 1-й период (конец 1950-х – начало 1960-х годов) – определение повестки и направлений работы Комитета;
- 2-й период (1966–1970-е годы) – «булловский» период, хотя не весь этот срок он был Председателем Комитета, но проблематику исследований в целом определяли именно его работы. Условно это

²⁵ См.: Green D. Op. cit. P. 2.

время от «Дипломатических исследований» 1966 года до «Анархического общества» 1977-го;

- 3-й период (1980–1985 годы) – поворот к вопросам справедливости и гуманитарной повестке в изучении международных отношений. Исторически это совпало со смертью Х. Булла в 1985 году и прекращением «классического периода» встреч в Комитете в 1985 году.

Охарактеризуем содержание данных этапов. Согласно Б. Вигецци, в первые два года Комитет занимался исследованием оснований международной политики²⁶. При этом поиск этих детерминирующих содержание международных вопросов факторов был предельно широким. Повестка работы Комитета разным его участникам виделась по-разному. Одни считали, что необходимо выделение структуры международных отношений, другие полагали, что важно правильно определить роль международных институтов в поддержании международного порядка, третьи делали акцент на этическом измерении международных отношений и обращали внимание на влияние естественного права на международную жизнь. Сохранялся и интерес к отдельным проблемам истории международных отношений.

«Столкновение» с международным обществом в Комитете произошло в 1961–1962 годах. По времени это совпало с кооптацией Х. Булла в Комитет. Однако знакомством с концепцией международного общества Комитет обязан не ему. Сам термин был не новым. Многим он был известен через идеи Ч. Мэннинга в Лондонской школе экономики. Но употребление понятия «международное общество» Х. Буллом, М. Уайтом и Г. Баттерфильдом на встречах Комитета потребовало внесения определенности в его содержание. История этой дискуссии видится следующим образом.

На весенней встрече 1961 года М. Ховард представил свой доклад «Суверенитет в ядерный век», где говорил о необходимости поэтапного разоружения исходя из общей для международного общества потребности в безопасности. Доклад произвел на Х. Булла, уже известного как эксперт по разоружению, сильное впечатление. На осенней встрече 1961 года Х. Булл начал развивать эту тему, за-

²⁶ См.: Vigezzi B. Op. cit. P. 38.

являя, что международное общество действует лишь в условиях международного порядка.

При этом Ч. Мэннинг считал международный порядок приоритетной темой изучения, а международное общество – вторичным предметом, неким социальным конструктом, умозрительным понятием. Уже в предисловии к книге он отмечал, что международное общество не является ни обществом, ни международным в буквальном смысле. Это лишь поле, в котором у государств есть возможность действовать через международное право²⁷. Он изначально вслед за Р. Нибуром делил участников международных отношений на «детей света» и «детей тьмы» и хотел, чтобы первых со временем было больше и они укрепляли бы международное общество²⁸.

Х. Булл считал иначе. Он переосмысливал представления Ч. Мэннинга об обществе после доклада М. Ховарда. Для него существование международного общества было объективной данностью. Его можно обнаружить и среди диких племен, и среди современных суверенных государств. Это поле политических, экономических и социальных отношений, в котором создаются свои нормы, ценности и институты. В этом проявлении Х. Булл противопоставлял международное общество гоббссианской природе государства как «войны всех против всех». Общество выступало почти синонимом существования порядка в международных делах²⁹. Основными авторитетами в осмыслении роли общества в международных отношениях для Х. Булла выступали Гроций и Локк, писавшие о необходимости соблюдения правил даже в условиях войны.

М. Уайт не соглашался с естественным характером международного общества, но находил определенную пользу в том, что сама идея подобного общества может поддерживать международный порядок³⁰. В целом видение Х. Булла он считал слишком абстрактным и односторонним. Главное отличие его подхода от взглядов своего

²⁷ См.: *Manning C.A.W.* The Nature of International Society. 2nd ed.. P. X.

²⁸ См.: *Ibid.* P. IX.

²⁹ См.: *Williams J.* Order and Society // *The Anarchical Society in a Globalized World* / ed. by R. Little, J. Williams. L.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 25.

³⁰ См.: *Dunne T., Little R.* The International System – International Society Distinction // *Guide to the English School in International Studies*. P. 92–93.

ученика состояло в том, что для образования общества необходима общность культурных факторов. Общество формируется на основе общей культурной традиции. Эта позиция нашла свое выражение в известном эссе М. Уайта³¹. Х. Булл так не считал и позднее в «Анархическом обществе» исходил из того, что порядок может поддерживаться по-разному.

Х. Булл, действительно, как философ мыслил идеальными типами, которые могли приводить к противоречивым оценкам. Так, с одной стороны, международная система и международное общество могли совпадать. Такая позиция также нашла свое отражение в «Анархическом обществе», где в целом эти понятия рассматривались как различные: «Система государств (или международная система) формируется тогда, когда государства находятся в регулярных контактах друг с другом и когда они выступают существенным элементом в расчетах своих интересов»³².

С другой стороны, бывает ситуация, когда присутствуют государства, но они не образуют международную систему. Для ее формирования не хватает норм и институтов. Это мир, о котором как раз писал Томас Гоббс. Можно представить и еще вариант: есть международное общество, и оно выступает источником формирования международной системы. В этом качестве Х. Булл смотрел на глобальную международную систему XX века, в основании которой, по его мнению, находилось европейское международное общество, сформировавшееся в новое время. Развитие эта модель получила в 1980-х годах в «Экспансии международного общества».

Есть и четвертый вариант: международная система и международное общество существуют параллельно. Данный подход к понятию нашел свое воплощение в классическом определении международного общества Х. Буллом: «Общество государств (или международное общество) существует тогда, когда группа государств, осознавая общность своих интересов и общность ценностей, формирует общество в том смысле, что они создают общую сеть правил

³¹ См.: *Wight M. De systematibus civitatum // System of State / M. Wight; ed. by H. Bull. Leicester: Leicester University Press, 1977. P. 26–27, 33.*

³² *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N. Y.: Colombia University Press, 1977. P. 9–10.*

и отношений между собой»³³. Общий итог размышлений Х. Булла заключался в том, что необходимо проводить различие между международным обществом и системой государств.

Согласно Р. Литтлу и Т. Дюнну, важный факт этого спора начала 1960-х годов в Комитете состоял в том, что два ключевых представителя школы изначально имели разные взгляды на понимание международной системы и международного общества³⁴. Историзм М. Уайта приводил его к необходимости эмпирического изучения воздействия социальных норм на государство. Отсюда и термин «система государств» понимался в нормативном смысле. Он не находил разницу между системой и обществом обоснованной. Он лишь верил, что существуют некие общие модели поведения государств в международных отношениях, основанные на схожести социальных норм, которые покоятся на общности культуры.

К дискуссии присоединился и Г. Баттерфильд, который как историк попытался подойти эмпирически к анализу международного общества, а как Председатель Комитета – занять примирительную позицию между М. Уайтом и Х. Буллом. Г. Баттерфильд признавал значение социальных норм, общественный характер международных отношений. Здесь его подход совпадал с мнением Х. Булла, и именно он увидел некоторые важные аспекты в теме, которую поднял Х. Булл. Но в конечном счете Г. Баттерфильд встал на сторону взглядов М. Уайта, когда начал говорить о единстве культуры как предпосылке формирования общества государств, да и более предпочтительным ему казался термин «система государств», а не «международное общество».

Г. Баттерфильд поделился перед участниками Комитета своим пониманием термина «система», которое сформировалось у него под влиянием работ историков геттингенской школы и в первую очередь под влиянием прочтения работ А.Г.Л. Геерена. В центре концепции последнего лежало понятие «государство-система», которое переводилось на английский язык как политическая система, или система государств. Используя данную конструкцию, А.Г.Л. Геерен привлекал внимание к тому обстоятельству, что страны Европы

³³ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 13.

³⁴ См.: Dunne T., Little R. Op. cit. P. 93.

исповедовали одну религию, выросли из схожей культурной традиции, что помогало создавать общие подходы по вопросам внутренней и международной политики или как минимум с пониманием относиться к нуждам соседей. Поэтому историки могут анализировать историю европейских стран в качестве общества по аналогии с обществом, состоящим из индивидов. Такой подход давал возможность видеть социальную основу и общественные перспективы международных отношений. Это не просто суждение по аналогии для Г. Баттерфильда. В одной из ранних своих работ он как раз критиковал подобные приемы анализа³⁵.

При этом А.Г.Л.Геерен писал о нескольких системах государств, существовавших в Европе XVIII века (период, который особенно интересовал Г. Баттерфильда). Для А.Г.Л.Геерена в ту эпоху действовала Северная система, в которую входили Россия, Швеция, Речь Посполитая, Дания. В Южную систему входили Франция, Испания, Англия, Голландия, Святой престол и Османская империя. Эти две системы были автономны, но не изолированы друг от друга, а Пруссия, по мысли геттингенских историков, могла связать обе системы в одну. Таким образом, даже в изначальной трактовке системы государств, помимо исторического компонента, существовала сильная политическая составляющая.

Г. Баттерфильд, используя аргументы и логику работы немецких историков, помог создать подход к анализу международных отношений, преодолевающий разрыв между их историческим и теоретическим изучением. Х. Булл принял этот подход, чтобы избежать проблемы философского редуционизма, неизбежно возникающей между теоретическим пониманием системы и ее эмпирическим обоснованием через отдельные исторические факты. Он, видимо, не очень уютно чувствовал себя в кругу историков, которые задали тон дискуссии о международной системе.

Для М. Уайта, напротив, было важным посмотреть на исторические возможности, которые открывало применение системной терминологии. А. Уотсон пытался устранить различие между подходами Х. Булла и М. Уайта, показав большую историческую ретроспективу международных систем. В итоге в Комитете появилась

³⁵ См.: *Butterfield H. The Englishman and His History*. P. 88–92.

общая основа анализа вопросов международного порядка, но ключевые фигуры в школе по-разному представляли содержание понятия, ставшего важной темой семинара. М. Уайт до конца жизни оперировал термином «система государств», Х. Булл сохранил это название в посмертном издании рукописей М. Уайта. А. Уотсон считал эти термины лишь разными аналитическими перспективами изучения международной реальности, а А. Джеймс относился к этим терминам как к синонимам³⁶.

Второй период работы Комитета условно можно датировать 1966–1977 годами. Это время от выхода «Дипломатических исследований», где стала просматриваться проблемная повестка, направления работы Комитета и школы в целом, до выхода «Анархического общества» Х. Булла и «Системы государств» М. Уайта. Последняя книга – это посмертное издание его работ, которые честно систематизировал Х. Булл, сохранив специфику подхода своего учителя и коллеги. Здесь анализ международного общества через международные институты был проработан в деталях, а сама Английская школа стала восприниматься как относительно автономный научный подход, получив второе название – британский институционализм. Поскольку центральная проблематика была связана с идеями Х. Булла, то этот период работы Комитета условно можно называть его именем, хотя с 1972-го по 1978 год Председателем Комитета был А. Уотсон, а Х. Булл возглавлял работу семинара с 1978-го до своей смерти в 1985 году.

Концепция международного общества для Х. Булла обеспечивала широкую основу для изучения различных сторон международных отношений. Она соединяла в себе многие аспекты международной жизни, исторический и теоретический уровни исследования. Несмотря на полемический характер прочтения терминов, что нашло отражение в «Дипломатических исследованиях», где основные протагонисты остались при своем мнении, сама идея международной системы была принята за основу дальнейших действий по изучению международных отношений.

Для М. Уайта в его нескольких эссе в «Дипломатических исследованиях» важным оказывалось то, что подход с позиций системы

³⁶ См.: *Dunne T., Little R. Op. cit.* P. 95.

государств перевел повестку семинара из сферы изучения международного права в область международных отношений³⁷. М. Уайт также почувствовал глубину идеи на этом этапе и считал, что в международной системе необходимо в первую очередь разграничивать объективную и субъективную составляющие.

Объективные возможности применения концепта нашли выражение в его эссе о хронологических и территориальных рамках современной международной системы³⁸. Субъективные возможности исследовались ученым в статье, посвященной международной легитимности³⁹. Все работы предварительно обсуждались на встречах Комитета в указанный период. Кроме того, М. Уайт стал развивать тезис о значении культурного единства при формировании норм и ценностей системы государств. Также он пытался перекинуть мостик от современности к истории, где с помощью данного концепта он хотел сравнить греко-персидскую, китайскую и современную системы государств⁴⁰. Эти его работы также были написаны для Комитета в 1960-х – начале 1970-х годов. Они свидетельствуют о пересмотре собственных научных приоритетов, которые волновали исследователя до знакомства с понятием и разработкой концепции международной системы. Однако, в связи со смертью исследователя в 1972 году, публикацией и систематизацией работ ученого пришлось заниматься Х. Буллу, который, надо отдать ему должное, с исследовательской честностью сохранил различия с собственными представлениями о международном обществе и даже пытался их проанализировать во введении к данной работе⁴¹.

Г. Баттерфильд в 1970 году утратил интерес к проблематике Комитета, а А. Уотсон, напротив, не успевал проработать исторический срез исследований международного общества. Поэтому ключевыми аспектами дальнейшего развития концепции занимался Х. Булл.

³⁷ См.: *Vigazzi B.* Op. cit. P. 46.

³⁸ См.: *Wight M.* The Origins of Our State-system: Chronological Limits // *System of State*. P. 128–152; *Idem.* The Origins of Our State-system: Geographical Limits // *Ibid.* P. 110–128.

³⁹ См.: *Wight M.* The International Legitimacy // *System of State*. P. 153–172.

⁴⁰ См.: *Wight M.* De systematibus civitatum. P. 21–41; *Idem.* Hellas and Persia // *System of State*. P. 73–112.

⁴¹ См.: *Bull H.* Introduction // *System of State*. P. 1–19.

Чтобы понять, как ученый пришел к необходимости изучения международных институтов и сделал эту тему центральной для второго периода работа форума, необходимо пару слов сказать о вкладе еще одного участника в развитие концепции и Комитета – Д. Маккиннона. Д. Маккиннон (1913–1994) был довольно известным философом, этиком и богословом в Великобритании. Еще до включения в Комитет Х. Булла он пытался ввести в изучение международных отношений этическую проблематику и предложил две идеи, которые, с его точки зрения, подлежали обязательному обсуждению в Комитете.

1. Моральная основа в международных отношениях представлена в концепции естественного права.

2. Этическое измерение международных отношений может быть основано на необходимости баланса интересов участников ради общей пользы⁴².

В ходе встречи Комитета в 1960 году он пояснял, что в естественном праве он видит идиому протеста против неограниченной власти государств и тиранов⁴³. В подобном взгляде его поддержал и Г. Баттерфильд, утверждавший, что естественное право – это светская форма некогда религиозной позиции, обращенной против приоритета материальных (силовых) факторов в международной системе. Сам Д. Маккиннон апеллировал к Канту, творчеством которого он много и долго занимался, и к идее разрыва между идеальным и действительным при осуществлении шагов в политике. В обсуждение этических проблем был вовлечен и ирландский историк Д. Вильямс, который, в свою очередь, стал склоняться к тому, что моральная основа действий государств в международной сфере состоит в признании естественного права, которое стало общей практикой взаимодействия⁴⁴. Такими взглядами участники Комитета укрепили «общественную» перспективу изучения международных отношений, внутренне противопоставляя свой подход бихевиориз-

⁴² См.: *Cohran M. The Ethics of the English School // The Handbook of International Relations. P. 288.*

⁴³ См.: *Cohran M. Normative Theory in the English School // Guide to the English School in International Studies. P. 188.*

⁴⁴ См.: *Cohran M. The Ethics of the English School. P. 289.*

му, основанному на национальных (эгоистических) интересах государств.

М. Уайт был не согласен с таким видением проблемы. В «Дипломатических исследованиях» его интересовали «западные ценности», а не общая практика государств, отраженная в признании естественного права нормативной основой современных международных отношений. Позднее он все же прислушался к некоторым аспектам морального изучения в международной сфере и стал проводить различие между моралью политика и интересами государства, которые он трактовал в духе реализма и Realpolitik. Как и по другим вопросам, М. Уайт пытался найти среднюю линию, которую, с его точки зрения, представляло понятие политической этики.

В центре политической этики лежала идея о том, что обязанности, которые накладываются решением правительства, разделяются всем народом. Поэтому он полагал, что решения политиков, вытекающие из интересов государства, детерминируются волей народа в системе государств. Отсюда он не отрицал моральное вето народа. Более того, он считал, что международная мораль способна усилить и поддерживать международный порядок, чем и объясняет-ся его примирительная позиция по международной этике.

По существу, дебаты между Д. Маккинноном и Д. Вильямсом с одной стороны и М. Уайтом и Г. Баттерфильдом – с другой изначально поднимали вопрос о наличии самостоятельной этики в международных отношениях. Как и любая этика, международная должна была быть воплощена в определенных нормах, которые и пытался найти и исследовать Х. Булл. Он считал, что нормативный подход сделает полемику внутри семинара предметной, а концепция международного общества давала дополнительные возможности для поиска нормативной основы международного порядка.

Х. Булл стал развивать известный юридический подход Харта, который задавался теоретическим вопросом: как создаются правовые и социальные нормы. Кроме того, Х. Булл размышлял и о социальном консенсусе Д. Маккиннона, отражавшем принятие идей естественного права как общей нормативной основы международного порядка. Обращение этих вопросов на сферу международных отношений означало поворот в исследованиях ученого в сторону разработки онтологии международного общества. Изначально Х. Булл полагал, что междуна-

родный порядок существует в двух разновидностях (плюралистической и солидаристской), применяемых для описания двух разных форм социального взаимодействия в международной сфере.

Ключевым различием между подходами был вопрос о том, чьи права отстаивает международный порядок. Плюрализм предполагал защиту минимальных общих целей для государств в международном обществе – выживание и сосуществование на мирной основе. Это достигалось через функционирование политических институтов: дипломатии, войны, международного права, поддержания баланса сил и управления посредством великих держав. Солидаризм, напротив, предполагал защиту широких целей государств, включая права и свободы индивидов. Здесь справедливость мыслилась как цель международного порядка⁴⁵. Эта основа для взаимодействия участников международных отношений стала активно развиваться в Английской школе в 1980-х годах.

Проблема заключалась в том, что в 1970-х годах Х. Булл отстаивал ценности плюрализма, что нашло отражение в «Анархическом обществе», где автор провел исследование указанных ключевых институтов, которые содержали в себе фундаментальные нормы международного общества. Однако в 1980-х он вместе с Дж. Винсентом стал склоняться в сторону исследований солидаристской повестки с акцентом на вопросы справедливости и прав человека в международной жизни. Эта эволюция создала основу для плюралистско-солидаристских споров внутри школы во второй половине 1980-х – 1990-х годах и сформулировала новую повестку изучения мирового общества, отличающегося от общества международного.

Таким образом, развитие Английской школы как подхода британского институционализма к изучению международных отношений имеет в основании второй период работы Комитета. На этом этапе интерес Комитета развивался в сторону анализа норм и институтов международного общества. Классическая картина предмета была сформулирована Х. Буллом, но к концу периода сам ученый вместе с учениками стал говорить о новой, более широкой, повестке в изучении международных отношений.

⁴⁵ См.: Hurrell A. Order and Justice // Guide to the English School in International Studies. P. 146–152.

Третий период существования Британского комитета был связан с работой над коллективной монографией «Экспансия международного общества» и плюралистско-солидаристскими дебатами. Хронологически он приходится на первую половину 1980-х годов. В это время выходит упомянутая коллективная монография, Х. Булл в своих последних работах изменяет собственный подход к вопросам порядка и справедливости в международных отношениях, выходит книга Геррита Гонга, посвященная стандартам цивилизаций, и исследование Дж. Винсента. Последние работы ознаменовали начало нового этапа в развитии проблематики школы. А судьба Комитета заканчивается со смертью в 1985 году Х. Булла.

Содержательно данный период отличался от «нормативного» следующими факторами:

- акцентом на современном развитии международного общества, а не на истории;
- поворотом к вопросам анализа справедливости в международных отношениях;
- постановкой проблемы диалога цивилизаций в ходе европейской экспансии.

Были и другие аспекты, но эти представляются ведущими. Х. Булл сформулировал анализ основных институтов международного общества, показал отличия последнего от системы государств, опубликовал творческое наследие М. Уайта. Структурные аспекты международных отношений в концепции Английской школы к концу 1970-х годов были проработаны хорошо. Новые вопросы были связаны с исследованием динамики развития международного общества. В «Анархическом обществе» Х. Булл развивал классическую картину появления международного общества из средневековой христианской Европы, которое с течением времени распространилось на весь мир.

Уже в ходе относительно ранних сессий Комитета участники «набросали» и приблизительную модель развития международного общества. М. Ховард обращал внимание на военные и технологические аспекты, которые обеспечивали успех в ходе европейской колонизации⁴⁶. А. Уотсон показывал широкую историческую линию

⁴⁶ См.: *Howard M. The Military Factor in European Expansion // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 32–42.*

эволюции международных институтов, используя анализ, осуществляемый участниками Комитета⁴⁷. Г. Гонг поднимал вопросы закрепления доминирования международного общества через механизмы права и дипломатии⁴⁸. Р. Джексон был одним из немногих в школе, кто назвал «вещи» своими именами, характеризуя европейскую экспансию как колониализм⁴⁹. Вслед за ним отдельные авторы также относят сегодня колониализм к числу ведущих институтов международного общества в истории наряду с европейским международным правом и балансом сил. Таким образом, в 1980-х годах была сформулирована классическая версия развития международного общества в мире, создавшая современную глобальную систему.

Х. Булл был убежден, что переход от европейской к международной системе произошел именно в XX веке. Аналогичных взглядов придерживался и Г. Баттерфильд, который считал, как и А. Уотсон, Первую мировую войну рубежом, отделяющим историю международных отношений от современности⁵⁰. Однако нормативное представление о международном обществе строилось на основе Вестфальской картины международных отношений с ее акцентом на суверенитет, невмешательство, баланс сил и другие ключевые нормы. Перенос представлений о международном обществе на современные международные отношения заставил пересмотреть некоторые основные постулаты работы классического периода или как минимум обозначил ряд новых концептуальных проблем.

Уже А. Уотсон заметил, что европейская экспансия за пределы осевого региона началась раньше, чем в Европе сформировалось международное общество⁵¹. Х. Булл стал интересоваться проблемами

⁴⁷ См.: *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States*. L.: Eyre Methuen, 1982. 239 p.; *Idem. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis*. 337 p.

⁴⁸ См.: *Gong G. China's Entry into International Society // The Expansion of International Society*. P. 172–183; *Idem. The Standard of "Civilizations" in International Society*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 267 p.

⁴⁹ См.: *Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 143.

⁵⁰ См.: *Butterfield H. The New Diplomacy and Historical Diplomacy*. P. 181–191; *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States*. P. 9–10.

⁵¹ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion // The Expansion of International Society*. P. 17.

справедливости в современном ему мире в 1980-х годах⁵². Под влиянием идей Дж. Винсента о расовом равенстве трактовка экспансии в монографии 1984 года стала выглядеть в духе встречи цивилизаций, что, наряду с классическим, создавало новое концептуальное поле в изучении международного общества. В конечном итоге такое развитие привело к существованию нескольких линий анализа современных международных отношений, разрушавших концептуальное единство Комитета и знаменовавших новый период в работе школы, для которого комитетский формат оказывался исчерпавшим свои возможности. Причины окончания работы Комитета в целом сводятся к следующему.

Во-первых, по удачному выражению Роджера Эппа, «креативный период сменился интерпретативным»⁵³. Разное прочтение работ Х. Булла, собственная эволюция его взглядов на международное общество привели к внутренним спорам между солидаристами и плюралистами. Такой внутренний диспут стал источником новых линий развития Английской школы, но разрушил концептуальное единство в понимании международного общества внутри Комитета. Как площадка для развития вполне определенного комплекса идей, которые волновали всех участников, объединенных общей основой, данный институт перестал быть необходимым. Более того, общая концепция создавала почву для разделения исследований на отдельные задачи. Многие трудились в своей нише и ощущали востребованность такого рода труда. Теперь можно было работать и в одиночку.

Во-вторых, «Экспансия международного общества» была высшей точкой достижений и знаком окончания работы Комитета. Здесь сталкивались разные линии понимания процесса динамики международной политики, между которыми трудно было найти компромисс: колониализм как институт международных отношений и диалог цивилизаций в ходе распространения норм и институтов европейского общества. Четыре случая встречи с европейским обществом показывали разные варианты взаимодействия с ним и разную реакцию государств на воображаемую исследователями

⁵² См.: *Bull H. Justice in International Relations: The 1983 Hagey Lectures* (1984) // *Hedley Bull on International Society*. P. 206–245.

⁵³ *Epp R. Op. cit.* P. 33.

основу рассуждений о международных отношениях (Россия, Османская империя, Китай и Япония). Они не сводились в одну логику и провоцировали новые вопросы. Дальнейшее погружение в исторический материал открывало новые грани в виде нормативного анализа «стандартов цивилизаций», но не воспроизводило общую логику эволюции в международных отношениях с прежней необходимостью.

В-третьих, прекращение финансирования работы со стороны Фонда Рокфеллера. Участники пытались компенсировать этот недостаток встречами за свой счет. Это удавалось осуществлять какое-то время. Но сами встречи Комитета становились все менее регулярными, а работа несистематической. Выход общей монографии некоторые участники восприняли как завершение всего проекта.

В-четвертых, смерть М. Уайта, Г. Баттерфильда и особенно Х. Булла в 1985 году поставила вопрос о смене поколений как в Комитете, так и в школе. Становление международных отношений как научной и учебной дисциплины в Великобритании к тому времени состоялось, кроме того, логика времени привела к разделению университетов в Великобритании на «старые» и «новые». Аристократический проект национально ориентированного анализа роли Британской империи, который осуществляли выпускники Оксбриджа, лично знакомые между собой, в эту логику эпохи просто не укладывался. Число международников продолжало расти, связи с Америкой стали интенсивнее, система образования была совместимой с ведущими американскими университетами, что множило число неореалистов, неолибералов, представителей частных научных подходов в изучении международных отношений. Уровень философии истории при изучении международных отношений, разделявшийся в Комитете, просто не успевал за такими переменами.

В-пятых, современность на рубеже 1980–1990-х годов не давала оснований для новой общей основы изучения мирового общества – темы, которая находилась на периферии основного интереса Английской школы и могла стать общим знаменателем дальнейшей разработки общей концепции. Нужны были новые люди, формат и идеи, которые легче было искать за пределами Комитета.

Глава 2. МАРТИН УАЙТ И СИСТЕМА ГОСУДАРСТВ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Биография ученого демонстрирует причудливое сочетание как индивидуальных, так и социально детерминированных факторов, объясняющих своеобразие авторской концепции исследователя. Мартин Уайт родился 26 ноября 1913 года в профессорской семье в Оксфорде. Поэтому выбор места получения образования для будущего ученого особой проблемы не представлял. Творческая часть жизни М. Уайта была связана с несколькими знаковыми для Великобритании институтами. Первым из них в его биографии как раз стал Оксфорд, в атмосфере которого он вырос и получил базовое историческое образование. М. Уайт здесь окончил Школу новой истории в Хертфорде в 1935 году, получив диплом первой степени. Его наставником в Оксфорде был уже тогда известный английский историк Г. Баттерфильд. Влияние Г. Баттерфильда на будущего международника проявилось как в идейном, так и в практическом аспектах. В идейном отношении Г. Баттерфильд способствовал укоренению религиозного мировоззрения в сознании М. Уайта. По своим убеждениям М. Уайт вышел из Оксфорда христианским пацифистом. Пацифизм, впрочем, был своего рода реакцией многих людей его поколения на Первую мировую войну, широко распространенной в европейском обществе в межвоенный период.

Пацифизм М. Уайта основывался на убеждении, что существует противоречие между христианским учением о человеческой жизни и войной, смертной казнью, эвтаназией. Он в то время не призывал к отмене смертной казни или запрету войны, но видел в пацифистской позиции долгосрочную опору по установлению прочного

мира. Нельзя не признать, что его пацифизм носил скорее доктринальный, чем прагматический характер. Он не указывал, насколько можно судить по его статье «Христианский пацифизм», способы достижения конкретного результата, а просто был убежден, что христианская мораль не оставляет никакой альтернативы, кроме как мир между народами¹.

Своим коллегам по Оксфорду он запомнился как страстный сторонник Лиги Наций в 1930-х годах. Определенным кризисом мировоззрения для ученого оказался конфликт в Абиссинии 1935–1936 годов. Для английского общественного мнения эта война также была травмирующим международным опытом. Так или иначе, но с отказом от пацифистских идей после Эфиопии религиозные составляющие его кредо не исчезли и продолжали проявляться в его жизни и в довоенный, и в послевоенный период.

Кроме того, он вернулся в Оксфорд второй раз в военные годы и работал в команде Марджери Перхам с 1941-го до весны 1946 года. После окончания учебы он непродолжительное время числился в Оксфорде и готовился к преподавательской деятельности. Единственным местом в Великобритании, где в то время профессионально занимались международными отношениями, был Центр имени Вудро Вильсона в Эйберсвите (Уэльс). Но в этом центре не было преподавания. Предполагалось, что подготовка студентов будет вестись как раз в Оксфорде и М. Уайт должен будет ассистировать в случае приезда коллег. Однако ассистентом он не стал.

Вторым важным местом деятельности ученого стал Королевский институт международных отношений в Чатем Хаусе, ознаменовавший формирование первых научных центров стратегического планирования в стране. Здесь М. Уайт также работал дважды: первый раз – небольшой отрезок времени в межвоенный период с 1937-го по 1938 годы. Необходимо отметить, что в то время состав Чатем Хауса был небольшим. По воспоминаниям А. Тойнби, в 1924 году штат института составляли всего четыре человека: два исследователя, администратор и секретарь². Поэтому на постоянной основе работать

¹ См.: *Wight M. Christian Pacifism // Theology. 1936. Vol. XXXVIII, № 163. P. 24–39.*

² См.: *Тойнби А. Пережитое // Цивилизация перед судом истории: сборник. М.: Прогресс; СПб.: Ювента, 1996. С. 250.*

здесь было трудно. В 1938 году М. Уайт уходит из института. Видимо, он рассчитывал занять академический пост в вузе, но по каким-то причинам это не получилось. Однако и возвращения в институт не последовало, и М. Уайт следующие два года своей жизни работал школьным учителем в Хайлебери. В 1940 году М. Уайт считал, что его призовут на военную службу, он получил повестку, но его признали негодным по состоянию здоровья. Он страдал бронхиальной астмой. Тогда он вновь возвращается в Оксфорд и работает в команде Марджери Перхам с 1941-го до весны 1946 года.

Второй период работы в Королевском институте международных отношений для него начался после Второй мировой войны, когда он возвращается в 1946 году в Лондон. Именно в Чатем Хаусе М. Уайт выпустил свою «Политику силы» – книгу, благодаря которой ученый получил широкую известность. Здесь же он помогал в подготовке «Обзоров международных отношений» А. Тойнби. Сотрудничество с Королевским институтом международных отношений продолжалось и в 1950-х годах. Но, как и в первый раз, Чатем Хаус не стал постоянным источником доходов для исследователя. Поэтому он совмещал работу в институте с работой журналиста. В частности, в 1946/47 году он был аккредитован в качестве корреспондента журнала «Обозреватель» на сессию Организации Объединенных Наций. К концу 1947 года его сменили, но он и впоследствии продолжал сотрудничество с журналами «Экономист», «Обозреватель», выступал с лекциями на Би-би-си, совмещая работу исследователя, преподавателя и журналиста.

Третьим знаковым институтом для М. Уайта стала Лондонская школа экономики и прикладных политических исследований, где он познакомился с концепцией международного общества Ч. Мэннинга и читал курс лекций по международным отношениям. Здесь М. Уайт стал авторитетным академическим исследователем и популярным преподавателем. Этот период работы длился с 1949-го по 1960 год. Ч. Мэннинг, возглавлявший кафедру международных отношений в школе с 1930-го по 1962 год, сам пригласил М. Уайта и дважды содействовал его трудоустройству. Первый раз – в 1946 году, когда вместе с Г. Баттерфильдом они ходатайствовали перед руководством школы о необходимости привлечения М. Уайта в качестве преподавателя по теории международных отношений, но

Ч. Мэннингу не удалось тогда получить еще одну ставку по кафедре. Вторая попытка трудоустройства была предпринята в 1949 году, когда книга М. Уайта стала широко известной и пользовалась популярностью среди английских студентов, оказалась более успешной. Правда в 1956–1957 годах М. Уайт прервал преподавание в Лондоне и отправился в Чикаго, где «замещал» самого Г. Моргентау, читая курс лекций, посвященный теории международных отношений. Ему предлагали остаться еще на один год в Америке. Но М. Уайт использовал эту командировку для работы над рукописью «Три традиции». Парадокс, но столь значимая для Английской школы работа была набросана ученым в Америке³.

К концу 1950-х годов М. Уайт начинает тяготиться работой в школе и предпринимает ряд шагов по уходу из учебного заведения. Он вел переговоры с Австралийским национальным университетом, с подачи А. Тойнби пытался устроиться в университетский колледж в Лондоне. Причин тому было несколько. Во-первых, он «устал» от предмета, которым занимался. Более того, он хотел отойти от учебной дисциплины, в самостоятельное существование которой он не верил. Отсюда он считал международные отношения не независимой специальностью, а лишь набором некоторых курсов для магистратуры. Во-вторых, как он сам отмечал в одном из частных писем, «необходимо было избежать кризиса наследования Мэннингу»⁴. Видимо, отношения между ними испортились из-за финансирования проекта по созданию Британского комитета по внешней политике Фондом Рокфеллера. В-третьих, ему поступило приглашение от лорда Фултона начать работу в Суссексе.

Последним знаковым университетом для М. Уайта был, таким образом, университет в Суссексе, где он проработал с 1961-го по 1972 год. Университет в Суссексе был для страны так называемым новым университетом, возникшим во второй половине XX века и не связанным с давними и в какой-то мере консервативными традициями британского классического образования. Здесь М. Уайт как

³ См.: *Wight M. International Theory: The Three Traditions* / M. Wight; ed. by G. Wight, B. Porter. Leicester: Leicester University Press, 1991.

⁴ *Hall I. Martin Wight: A Biographical Overview of His Life and Work*. URL: <http://www.mwmt.co.uk/> (дата обращения: 20.11.2014).

Мартин Уайт в молодости

ученый чувствовал себя самостоятельно и имел возможность применить свои взгляды на международные отношения в полном объеме в ходе обширной преподавательской и исследовательской деятельности. Он стал практиковать междисциплинарные курсы, где изучалась история и современность, а для этого необходимо было объединять географию и социологию, демографию и экономику, культуру и международные отношения.

Помимо университетов, сильное влияние на формирование взглядов М. Уайта оказали Г. Баттерфильд и А. Тойнби – две противоположные по взглядам,

но очень яркие судьбы в британской исторической науке второй половины XX века. С последним они познакомились в Чатем Хаусе еще в межвоенные годы. М. Уайту, безусловно, была знакома концепция «постижения истории» и цивилизационный подход ученого. В какой-то мере биография международного ученого сама иллюстрирует гипотезу Ухода-и-Возврата А. Тойнби в научном становлении личности Уайта-ученого. По А. Тойнби, уход «позволяет личности реализовать свои индивидуальные возможности, которые не могли бы найти выражения, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе. Уход дает возможность, а может быть, и является необходимым условием духовного преобразования, но в то же время преобразование лишено цели и смысла, если оно не становится прелюдией к возвращению преобразенной личности в общество, из которого она удалась»⁵.

Отсюда и его обратное возвращение в Чатем Хаус, Оксфорд, две попытки устроиться и два периода работы в Лондонской школе

⁵ Тойнби А. Постижение истории: сборник. М.: Прогресс, 1991. С. 267.

экономики. «Преобравившись» из помощника А. Тойнби со сломанным пацифистским кредо, М. Уайт уходит из института в 1930-х годах. Он пытался работать и торговцем книг, и журналистом, и школьным учителем. Однако обретение новой собственной идентичности ему предоставила лишь работа в группе Марджери Перхам во второй период работы в Оксфорде. В результате уже как «реалист» он возвращается в Королевский институт международных отношений во второй половине 1940-х годов. При этом А. Тойнби в своих воспоминаниях отзывался о Чатем Хаусе с особой благодарностью и в творческом, и в личном плане. Кроме ежегодных обзоров по международным отношениям, предоставивших богатый материал для осмысления и, безусловно, способствовавших формированию концепции цивилизаций, А. Тойнби встретил в этом институте и свою будущую супругу Веронику Боултер. М. Уайт же оставался пессимистом в своих стратегических расчетах и во второй период пребывания в институте⁶. Как уже отмечалось, в Чатем Хаусе выходит его «Силовая политика» – работа, которая принесла ему известность как международнику. Но именно в ней М. Уайт с разочарованием констатирует, что «война неизбежна, хотя некоторых войн можно избежать» (фраза, которая свидетельствует о поиске компромисса в сознании ученого между обретенным мировоззренческим реализмом и пацифизмом межвоенной эпохи). Такая концептуальная амбивалентность в целом стала лейтмотивом научного подхода ученого в период развития собственной концепции.

При этом любопытно, что А. Тойнби сам отмечал, правда, в несколько ином контексте, что традиционные отношения «руководитель – ассистент по исследованию», принятые в «провинциальных» университетах Великобритании, его не устраивали. Часто под ассистированием понималось неравноправное положение исследователей в тандеме, где всю основную работу делал ассистент, а затем его труд приписывался более статусному коллеге. А. Тойнби в мемуарах писал, что ассистент должен быть полноправным автором⁷. Поэтому предположить «угнетение» М. Уайта со стороны А. Тойнби при подготовке некоторых «Обзоров» вряд ли было бы

⁶ См.: Тойнби А. Пережитое. С. 238–256.

⁷ См.: Там же. С. 251.

правомерным⁸. Скорее под прессом, побуждающим к уходу, было в данном случае слишком сильное идейное влияние ученого на более молодого коллегу. Известно, что в дальнейшем М. Уайт гордился знакомством и совместной работой с А. Тойнби⁹. Версия конфликта между ними, таким образом, не подтверждается ни документально, ни другими источниками. Сложно также пройти мимо ухода М. Уайта в «никуда» из Чатем Хауса, а с 1938-го по 1941 год будущий международник переменил несколько работ, от книготорговца до школьного учителя, что для выпускника Оксфорда и сына профессора было весьма странным явлением.

Специфику научных отношений между М. Уайтом и А. Тойнби пытался прояснить в одной из статей, написанных в память об ученом в 1979 году, профессор Эли Кедури¹⁰. Исследователь выдвинул достаточно убедительную гипотезу о том, что почвой для ухода из Королевского института могло стать различие во взглядах на вопросы взаимодействия политики и религии. Это не острый идейный конфликт, сколько взросление более молодого коллеги, который считал теологию своим призванием и искал самостоятельный путь в жизни. Э. Кедури отталкивался в своих суждениях от выступления М. Уайта по радио «Баден-Баден» в сентябре 1969 года в честь восьмидесятилетия А. Тойнби. Тогда М. Уайт мельком упомянул, что А. Тойнби «был теологически наивным человеком»¹¹. Он смотрел на религию не как историк, но как прагматик, развивавший собственную концепцию. Пацифистское мировоззрение М. Уайта с этим не могло смириться.

Религия и церковь для А. Тойнби были лишь атрибутами формирования цивилизаций; он смотрел на религиозные тексты как

⁸ Следы участия М. Уайта в творчестве А. Тойнби легко найти по авторским ссылкам в английском варианте (см.: *Survey of International Affairs 1939–1946: The World in March 1939* / ed. by A. Toynbee, F. Ashton-Gwatkin. L.: Oxford University Press, 1952. P. 138–165, 206–365, 508–532; *Toynbee A. Study of History. Vol. VII.* L., 1954. P. 396, note 3, P. 415, note 5, P. 428, note 2, P. 456–457, note 3, P. 460, notes 1, 4, P. 464, note 1, P. 488, note 2, P. 489, note 3, P. 505, note 2, P. 543, note 1, P. 711–715).

⁹ См.: *Wight M. System of State.* P. 2.

¹⁰ См.: *Kedourie E. Religion and Politics: Arnold Toynbee and Martin Wight* // *British Journal of International Studies.* 1979. Vol. 5, № 1. P. 6–14.

¹¹ *Ibid.* P. 8.

на ординарные исторические источники, отдельными ссылками на религиозные сюжеты он подкреплял доводы собственных суждений о цивилизациях в истории. В этом нетрудно убедиться, обратившись как к главе, посвященной церкви в его «Постижении истории», так и к разделу о его религиозных взглядах в «Пережитом»¹². М. Уайт, наставником которого в Оксфорде был не менее известный, чем А. Тойнби, религиозный историк Г. Баттерфильд, не мог с этим примириться. И такое внутреннее несогласие сказывалось и при освещении некоторых иных вопросов.

В частности, расходились они в трактовке значения полиса в формировании европейской культуры. А. Тойнби примыкал к традиции, которую разделяли Фюстель де Куланж, Уильям Милфорд и Якоб Буркхардт: полис – языческий эллинский идеал, из которого выросла тирания европейского абсолютизма. Он предшественник деспотизма в Европе. Язычество и эллинизм требовали признания власти коллектива, что нашло выражение в полисе в форме подавления индивидуальных прав граждан. Христианская традиция привнесла в европейскую культуру как раз понимание индивидуальной свободы человека и смирение. М. Уайт как пронизательный скептик полагал, что вряд ли правомерно говорить об индивидуальной свободе в отношении христианства в целом. Восточное христианство не знало признания прав индивида.

Разумеется, что при таком взгляде совместная работа над седьмым выпуском «Постижения истории» показала, что М. Уайт «вырос» из ассистента и не готов стать полноправным соавтором для А. Тойнби. Поэтому и продолжения работы не последовало. Но в чем состояло значение этого опыта работы для обоих. М. Уайт впоследствии, отталкиваясь от религиозных проблем, поднимал фундаментальные моральные вопросы в международных отношениях, нередко его рассуждения характеризует цивилизационное восприятие мира, а А. Тойнби стал с большим уважением относиться к религиозным темам к концу своей жизни. Если в «Постижении истории» один из параграфов о религии называется «Церковь как раковая опухоль», то в «Пережитом» А. Тойнби соглашается, что «Бог

¹² См.: Тойнби А. Постижение истории. С. 515–529; Его же. Пережитое. С. 282–320.

есть любовь», что не может не свидетельствовать об изменении отношения ученого к сложным вопросам совести¹³. Более того, до конца жизни М. Уайт и А. Тойнби находились в постоянной переписке друг с другом и делились в том числе информацией личного характера¹⁴.

Вдобавок к аргументам Э. Кедури, которые в значительной степени можно назвать убедительными, необходимо отметить, что М. Уайт был глубоко религиозным человеком. Его учителем в «консервативном» Оксфорде был Г. Баттерфильд, который, в свою очередь, пошел получать образование, чтобы стать священником. Именно он привил ему прочные религиозные чувства. Известно, что после университета М. Уайт был не просто пацифистом, но эта его мировоззренческая позиция носила христианский характер. Хотя реакция Лиги Наций на конфликт в Абиссинии в 1935–1936 годах разрушила его пацифистское кредо, но в годы, последовавшие за Второй мировой войной, он был одним из сильных пропагандистов экуменического движения. В послевоенные годы он подготовил доклад по случаю конгресса экуменистов в Женеве в 1948 году¹⁵. Впоследствии этот доклад был опубликован в первом номере экуменического журнала¹⁶. Как и в межвоенный период, его позиция характеризовалась стремлением к миру и носила доктринально-теологический характер.

Английская школа теории международных отношений, в основе которой лежали вопросы международного порядка и концепция «международного общества», возникла в интеллектуальной среде, близкой к консервативному направлению в английской историографии. Не случайно, что среди основателей школы были люди с глубоким религиозным мировоззрением (Г. Баттерфильд и М. Уайт). Встреча М. Уайта и А. Тойнби в Чатем Хаусе сталкивала две историографические традиции в Великобритании – либеральную и консервативную, диалог между которыми в тот период не был возмо-

¹³ См.: Тойнби А. Постигание истории. С. 515; *Его же*. Пережитое. С. 296.

¹⁴ См.: Hall I. Op. cit.

¹⁵ См.: Ibid.

¹⁶ См.: Wight M. The Church, Russia and the West // *Ecumenical Review*. A Quarterly. 1948. Vol. 1. P. 25–45.

жен. М. Уайт внутренне не смог согласиться со своим более известным коллегой, отсюда и первый опыт пребывания в институте оказался не очень долгим, хотя, по-видимому, эта встреча интеллектуально обогатила обоих и способствовала становлению М. Уайта как самостоятельного мыслителя. После войны он вновь вернулся в институт, где также обрел друзей и единомышленников, с которыми впоследствии работал в Комитете по вопросам внешней политики (М. Ховард, А. Джеймс), хотя и по-прежнему не разделял некоторых суждений А. Тойнби, став для него коллегой.

Аналогичное движение Ухода-и-Возврата в терминологии А. Тойнби можно обнаружить и применительно к истории его отношений с Оксфордским университетом, где он учился и воспитывался, и с Лондонской школой экономики. Пожалуй, лишь университет Суссекса в полной мере соответствовал интеллектуальной разносторонности М. Уайта, его кипучей общественной и творческой деятельности, предоставил исследователю самостоятельный участок работы. Неслучайным в этой связи представляется и то, что он продолжил заниматься колониальной темой и вопросами деколонизации, интересовали его проблемы политической мысли и российские исследования.

Интерес М. Уайта к международным отношениям на этом биографическом фоне выглядит закономерно вытекающим, но не единственным и не всегда основным интересом исследователя, журналиста, преподавателя, организатора и общественника. Как и Ч. Мэннинг, М. Уайт за свою жизнь опубликовал не слишком большое количество работ. В контексте формирования Английской школы теории международных отношений наиболее важными представляются те из них, которые вышли из недр Комитета по внешней политике. Для него М. Уайт написал девять работ, три из которых вошли в «Дипломатические исследования» 1966 года, три увидели свет благодаря посмертной публикации Х. Буллом в книге «Система государств», а три остались неопубликованными.

2.1. Проблемы колониального управления в творчестве Мартина Уайта в 1940–1950-х годах

С анализа данных вопросов в момент возвращения М. Уайта в Оксфордский университет начинается период становления ученого как самостоятельного исследователя. Указанная тематика в целом не была ведущим мотивом как в формировании концепции международного общества, так и в становлении Английской школы, хотя отдельные сюжеты впоследствии развивались в творчестве Х. Булла, М. Ховарда, Г. Гонга, Дж. Винсента. Тем не менее эта тема представляется важной в двух отношениях.

Во-первых, она демонстрирует переход от исследования сюжетов конституционной истории, что было так характерно для классической традиции исторического изучения в Оксфорде, к прикладным аспектам исследования международных отношений в научной биографии М. Уайта.

Во-вторых, эта сюжетная линия объясняет движение от эмпирического к теоретическому и социологическому аспекту анализа вопросов международной политики в его концепции. Здесь следует пояснить, что М. Уайт был чрезвычайно разносторонним по интересам ученым и человеком. Это отмечали многие его коллеги и ученики. В частности, Р. Джексон в лекции, посвященной памяти М. Уайта, прочитанной в Лондонской школе экономики в 2007 году, говорил, что грани научного творчества М. Уайта демонстрируют исследовательский диапазон его интересов от теолога, философа и экумениста до историка, международника и социолога¹.

Формированию такой разносторонности, безусловно, способствовал историко-социологический подход, который для ученого стал некой концепцией среднего уровня, позволяющей уловить существо вопроса, а затем проработать его в деталях на эмпирическом уровне. И эта черта была им вынесена из работы в команде Марджери Перхам в Оксфордском университете в 1941–1946 годах.

¹ См.: *Jackson R. From Colonialism to Theology: Encounters with Martin Wight's International Thought // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 2. P. 352–364.*

Результаты этой деятельности были представлены в нескольких монографических исследованиях, вышедших во второй половине 1940-х – 1950-х годах. В работе, посвященной изучению колониальных legislatures 1947 года, его беспокоили усилия, которые вкладывала Великобритания в поддержку колоний. Изучая legislatures в Африке, он выделяет три разных по значению геополитических района². При этом М. Уайт замечает, что количество населения и площадь территории, о которой идет речь, много больше, чем аналогичные параметры самой Великобритании. В этой связи ему представлялось нецелесообразным вкладывать средства в создание конституционных органов управления и формирование системы права во всех данных районах. Такой объем затрат, с его точки зрения, был явно нецелесообразен.

Похожие идеи отстаивались автором и в работе «Британские колониальные конституции», которая вышла в Оксфорде в 1952 году³. М. Уайт пытался здесь дать классификацию зависимых от Великобритании территорий. Он выделял два вида колоний:

- 1) колонии-поселения,
- 2) завоеванные территории⁴.

Различия между ними определялись в манере управления. Лица, проживавшие в колониях-поселениях, имели все права британских подданных, включая такие политические права, как право избираться в местные legislatures и нижнюю палату Британского Парламента. Жители завоеванных территорий, ставших впоследствии колониями, имели лишь те права, которые разрешала корона. Это так называемые королевские колонии, непосредственно управляемые правительством. В ходе революции XVII века и в XVIII веке различия между этими типами колоний стерлись и оба типа колоний стали управляться одинаково. Вывод, который формулирует ученый в этой связи, заключался в том, что старая система правительства со временем стала нормой колониального управления⁵.

² См.: *Wight M. The Gold Coast Legislative Council. Studies in Colonial Legislative. L., 1947. Vol. 2. P. 13–14.*

³ См.: *Wight M. British Colonial Constitutions 1947. Oxford: Clarendon, 1952.*

⁴ См.: *Ibid. P. 5.*

⁵ См.: *Ibid.*

Нетрудно заметить, что М. Уайт здесь, по сути, видит в колониальной политике Великобритании едва ли не демократические механизмы управления. Вместе с тем, не принимая общей логики исследователя и его типологии, нельзя не отметить многогранность моделей управления, которые стремился выявить автор.

Аналогичную позицию он демонстрировал в отношении такой формы управления, как кондоминиум, к которой он относил Новые Гебриды, Судан, архипелаг Феникс. Здесь власть короны была ограничена международным соглашением с другой колониальной державой⁶.

Протектораты подразделялись им на две группы. К первой относились колониальные протектораты – территории, зависимость от Великобритании которых определялась соглашением с местным правительством. Такие «договоренности» М. Уайт даже считает международным договором. То, что такие договоры были навязанными и часто носили неравноправный характер, для М. Уайта оказывалось не так интересно. В связи с этим другой представитель Английской школы Г. Гонг считал, что само понятие «неравноправный договор» – оксюморон сродни понятию «воинствующая дипломатия», а действительно равноправные договоры – большая редкость даже в отношениях между равными державами⁷.

Второй группой протекторатов были «протектируемые государства» в авторской терминологии – страны, в которых правительство передавало контроль над внешней политикой Британской короне, но власть внутри страны оставалась самостоятельной. Английские интересы представлял советник-резидент, который за свои действия отвечал перед государственным секретарем по делам колоний⁸. С точки зрения отечественной исторической науки именно такой способ управления и есть протекторат в собственном смысле этого слова. «Протектируемые государства» отличались от колониальных протекторатов тем, что имели давние традиции государственности и более стабильные формы управления.

⁶ См.: *Wight M. British Colonial Constitutions* 1947. P. 2.

⁷ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society*. P. 7.

⁸ См.: *Wight M. British Colonial Constitutions* 1947. P. 8–9.

Еще одну своеобразную особенность в управлении имели подмандатные и подопечные территории. Юридическими основаниями зависимости таких территорий были Устав Лиги Наций и Устав ООН. Парадокс зависимости Британской империи от всех этих подчиненных ей стран и районов заключался в том, что значительная часть территорий вовсе не принадлежала Великобритании. Поэтому зависимость для М. Уайта лишь термин, описывающий многообразные сообщества, так или иначе связанные с английским управлением.

Позиция ученого для своего времени была тогда попыткой провести дифференцированный анализ важности отдельных регионов в период распада Британской колониальной империи.

Как отмечал Р. Джексон в уже упоминавшейся лекции о М. Уайте, главным для стран Африки было создание действительно независимых государств. Государственность вновь образовавшихся стран была лишь юридической декларацией. Провозгласив суверенитет от колониальных властей и заявив о государственной независимости, вместо укрепления национальных legislatures новые режимы быстро скатывались к личным диктатурам⁹. Позиция М. Уайта отличалась оригинальностью в том смысле, что как эксперт он увидел подобные проблемы при создании новых национальных органов управления и местных legislatures. В свою очередь, это создавало сложности при формулировании и проведении внешней политики на имперском направлении в ходе процесса деколонизации.

Последнему обстоятельству была посвящена еще одна работа М. Уайта, написанная в соавторстве с Артуром Льюисом и Майклом Скоттом¹⁰. В 1950-х годах деколонизация уже стала необратимым процессом, хотя Суэцкий кризис как знаковая точка необратимости распада Британской колониальной империи еще не произошел. М. Уайт и его коллеги по книге в этой связи одними из первых почувствовали необходимость поставить вопросы о практической позиции Великобритании в отношении ряда стран и регионов.

⁹ См.: *Jackson R. From Colonialism to Theology: Encounters with Martin Wight's International Thought*. P. 354.

¹⁰ См.: *Attitude to Africa* / ed. by A. Lewis, M. Scott, M. Wight. Harmondsworth, 1951. 161 p.

Африка в социальном плане представляла собой племенное общество, развивающееся быстрыми темпами. В этих условиях, наряду с племенной организацией, происходило формирование новых социально-политических сил. Между тем британская внешняя политика на этом направлении, по мысли авторов, остается неопределенной, а Форин Офис пытается адаптировать старую политику к новым обстоятельствам¹¹. Эта проблема и стала ключевым вопросом работы.

М. Уайт применительно к Африке выделял три центробежные силы, влияющие на политические процессы в регионе:

- 1) национализм;
- 2) коммунизм;
- 3) территориальные конфликты¹².

Движущими факторами национализма в Африке, по мнению М. Уайта, являются антибелое и антиколониальное движения. Основу общества в этих странах составляет крестьянство, которое выступает силой традиционного и консервативного характера. В этих обстоятельствах европейский национализм разжигает национализм в Африке.

Иную «природу» имеет коммунистическое движение в странах этого региона. Национальные лидеры 1950-х годов вышли из среды буржуазии, что делает их потенциально враждебно настроенными в отношении коммунизма. Однако в условиях племенного общества и относительно отсталой экономики коммунистическое движение может оказаться привлекательным для сил и лидеров, рассчитывающих на внешнюю поддержку. Поэтому коммунизм опасен для Африки в той же степени, в какой он опасен для Азии¹³.

Кроме того, поскольку и национальные, и племенные границы в странах Африки носят условный характер, третьим конфликтотенным фактором здесь выступает конфликт местных национализмов.

Вывод, к которому приходит М. Уайт, состоял в том, что сложные процессы в регионе заставляют выделять новые приоритеты

¹¹ См.: Attitude to Africa. P. 20.

¹² См.: Ibid. P. 14.

¹³ См.: Ibid.

во внешней политике. К числу наиболее значимых факторов при формулировании политической повестки он относил стратегические интересы страны в Южной Африке, центрах промышленного потенциала и морских портах¹⁴. Видимо, такое ранжирование интересов определялось еще и тем, что авторы книги считали возможным сохранить стратегические интересы Великобритании в Северной Африке.

Таким образом, данная книга отличалась от предшествующих «академических» работ по изучению legislatures и методов управления колоний с доминионами. Она представляла собой руководство к действию, и в ней, безусловно, ощущалось, что авторы сумели уловить в слабеющей колониальной державе потребность не в новых исторических изысканиях, а в практических советах экспертов. Работа явно носила прикладной политический характер, что также отразилось и в дальнейшем творчестве М. Уайта.

¹⁴ См.: Attitude to Africa. P. 67.

2.2. «Силовая политика» как проявление реализма в творчестве Мартина Уайта

По существу, первой самостоятельной работой М. Уайта стала книга «Силовая политика». Само название книги, особенно на немецком языке, сразу ассоциируется с реалистической традицией изучения международных отношений¹. Именно категория силы оказывается в центре внимания исследователя. Ассоциации с реализмом обусловлены еще и тем, что почти в то же время в США выходит известная работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями», где центральная для реалистов категория силы в международных отношениях также получает свое обоснование. Известно, что и М. Уайт приблизительно в это время был в США в качестве корреспондента «Обозревателя». Однако необходимо заметить, что источником размышлений о силе для М. Уайта был не только Г. Моргентау, но и английские историки Э. Карр и Гарольд Николсон. Во всяком случае, во втором издании книги отсылки к работам этих авторов можно без труда обнаружить в его сочинении².

Безусловно, что «сила» представляется одним из наиболее важных понятий в науке, посвященной политическим отношениям. В теории международных отношений сложились три трактовки силы: атрибутивная, бихевиористская и структурная. Кроме того, международники не единственные, кто исследует роль силы в международных, политических и социальных отношениях. В этой связи не стоит абсолютизировать следование М. Уайта американскому бихевиористскому варианту реализма. Он писал: «Сила – простое следование традиционному образу действий людей, и если существенное их количество выбирает иную модель поведения, то это делает и страна»³. Здесь очевидны социальные истоки поведения

¹ Немецкий вариант “Machtpolitik” в большей степени отражает содержание ключевого понятия работы. Английский термин “Power Politic” содержит больше вариантов толкований и связанных с ними коннотаций этого словосочетания.

² См.: *Wight M. Power Politics* / ed. by H. Bull, C. Holbrood. Leicester, 1979. P. 19–20, 98–99.

³ *Wight M. Power Politics*. L.: Royal Institute of International Relations, 1949. P. 10.

государств, которые не видны ни в атрибутивной трактовке силы, ни в ее бихевиористском понимании.

Опубликованная в 1949 году в издательстве Королевского института по международным отношениям указанная работа была небольшой по объему. Однако этот оригинальный памфлет стал карманным словариком для нескольких поколений английских студентов и, пожалуй, самой известной работой М. Уайта⁴. В этой книге он целиком и полностью уделил внимание проработке терминологии в сфере международных отношений. Считая, что разговор о них должен идти в строгом научном ключе (термин «сциентизм» он не употреблял), исследователю понадобилось концептуализировать ключевые категории. Из их анализа и вырастает некоторое подобие теоретического дискурса о международных отношениях.

Примечательно, что эта работа, будучи, по существу, первой теоретической, стала для международника и главной работой его жизни. Видимо, к этой своей книге М. Уайт возвращался на протяжении многих лет, добавляя различные сюжеты. Известно, что незадолго до смерти он писал: «Я думаю, что нужен еще один окончательный вариант, в котором объединилось бы огромное количество моих работ, разрозненных статей и фрагментов, которые необходимо свести в одно издание. Это то, чего я жду от нового издания “Силовой политики”. Никсоновские решения по Китаю, вхождение Японии в число Великих держав и другие сюжеты создают необходимость для написания еще одной главы»⁵. К сожалению, сам М. Уайт эту работу закончить не успел. И в предисловии ко второму изданию данной книги Х. Булл, осуществлявший редакторскую правку работы, отметил, что некоторые фрагменты были вставлены из неопубликованных рукописей М. Уайта⁶. Таким образом, его ученики в память об учителе выпустили после его кончины вторую редакцию, более объемную и существенно переделанную по сравнению с первым изданием 1949 года.

Хотя эссе в первоначальной редакции насчитывало всего 68 страниц, оно оказало глубокое воздействие на изучение между-

⁴ См.: *Wight M. Power Politics. L., 1949. 68 p.*

⁵ *Wight M. System of State. P. 15.*

⁶ См.: *Wight M. Power Politics / ed. by H. Bull, C. Holbrod.*

народных отношений в университетах Великобритании. Более того, эта работа выходит почти в то же время, что и известная книга Г. Моргентау, от которой ведет свое происхождение современная теория международных отношений. Конечно, по проработанности отдельных положений первое издание работы уступало труду Г. Моргентау. Однако здесь впервые фиксируется переход от анализа отдельных исторических сюжетов к общей теоретической проблематике, и, во-вторых, по меткому замечанию Б. Бузана, в этой книге содержался конструктивистский потенциал движения от разрозненного анархического сообщества к системе государств⁷. Это и стало линией развития британского теоретического дискурса о международных отношениях внутри школы.

Из данной попытки концептуализации знания о международных отношениях впоследствии вырос лекционный курс, который М. Уайт стал называть международной теорией, и именно данный предмет он считал своим главным достижением, когда работал в Лондонской школе экономики. Для сравнения в СССР впервые курс с аналогичным названием стал читаться в МГИМО в 1970-х годах А.А. Злобиным и М.А. Хрустальевым. При этом М. Уайт не смотрел на данный курс как на попытку сформулировать общую теорию международных отношений, которая бы объясняла настоящее и предвидела будущее, что так было характерно для университетов США. В теории международных отношений он видел воплощение специфической традиции размышлений в сфере международных отношений, своего рода общественно-политический опыт, вытекавший из понимания прошлого. Иными словами, он не создавал теорию, а обобщал практику историко-политической мысли.

В отличие от Э. Карра М. Уайт не обозначал свою позицию как реализм и прямо не полемизировал с реалистами в этом первом издании своей книги. Как отмечал Х. Булл в предисловии ко второму изданию: «Он не считал, что международные отношения – это поле, где успех приходит от опровержения старых доктрин, суммирования книг и журналов в поисках интеллектуального прогресса. Он более корректен. Литература по международным отношениям вообще для

⁷ См.: *Busan B. From International to World Society. English Theory School and Social Structure of Globalization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 24.

него не классика. Он мало уделял внимания американскому стратегическому анализу, изучению недавних теорий международного права»⁸. Он стремился извлечь практические уроки из применения силы. Это стало началом пути, который был лишь намечен в этой книге.

Первый вывод, который следовал из такого его понимания международной политики, состоял в констатации ведущей роли государств в ней. То, что отличает современность от средних веков, по мысли М. Уайта, – это преобладание идеи силы над идеей права. Национализм стал главной чертой, порвавшей со средневековьем и Христианией. Уже тогда многие европейские державы были в сущности национальными. Однако «национализация» политики не всегда сразу трансформировалась в современное национальное государство⁹. Силовая политика в этой связи выступает обобщающим процессом, формирующим межгосударственное взаимодействие в новое время.

Второе следствие, вытекающее из силового характера международных отношений, состояло в том, что в своей внешней политике государства руководствуются интересами. В отличие от Г. Моргентау М. Уайт не использует понятие «национальные интересы», он подходит к их определению более осторожно, исторически. Как минимум они не выступают для исследователя в качестве сущностной основы анализа международного взаимодействия. Он пишет: «Фраза “жизненный интерес” не была обычной до конца XIX века. Более привычное выражение, служащее синонимом, – достоинство, честь и интересы короны (dignity). Это словосочетание определяет политику династической эры, когда интересы государства не отличались от интересов короны»¹⁰. Современный для М. Уайта термин «национальная честь» выглядит старомодным, а потому конструкция «национальный интерес» лишь более емко описывает мотивы поведения государств.

Третьим принципиальным фактором силового регулирования в международных отношениях выступает то, что государства при

⁸ Wight M. Power Politics / ed. by H. Bull, C. Holbrood. P. 20.

⁹ См.: Wight M. Power Politics. L., 1949. P. 9–11.

¹⁰ Wight M. Power Politics / ed. by H. Bull, C. Holbrood. P. 96–97.

взаимодействии формируют некоторую иерархию, основанную на их представлении о силе. Безусловно, выделяются доминирующие державы. К числу признаков доминирования М. Уайт относит не только способность навязывать свою волю другим, но более сложный комплекс разнообразных факторов. Например, официальный язык дипломатии времени правления Людовика XIV свидетельствовал о силе Франции, как и английский язык был «силовым» средством взаимодействия англоговорящих стран до XX века, когда американизированный английский оказался более востребованным, начиная с работы Парижской конференции¹¹. К числу других признаков доминирующей страны можно отнести престиж, по мысли М. Уайта. Это тоже одно из сложных слагаемых международной политики. Престиж подразумевает признание силы государства другими. Это власть морального порядка¹². Власть основана на репутации, но репутация, в свою очередь, основана на силе. Таким образом, несмотря на очевидные параллели с реализмом в США, базовые начала анализа международной политики демонстрируют собственное авторское понимание в содержании международного взаимодействия и частично напоминают современные представления о «мягкой силе» Дж. Ная – мл.

Более того, к анализу ключевых категорий М. Уайт подходит с исторической осторожностью и деликатностью. В этой связи показательно его разграничение между великими и доминирующими странами. Он считает «доминирование» термином научного анализа, в то время как понятие «великая держава» отражает реалии дипломатической практики XIX века¹³.

¹¹ См.: *Wight M. Power Politics*. L., 1949. P. 16.

¹² См.: *Wight M. Power Politics* / ed. by H. Bull, C. Holbrood. P. 98.

¹³ См.: *Wight M. Power Politics*. L., 1949. P. 17.

2.3. «Три традиции» Мартина Уайта как различные концептуальные основания изучения международных отношений

Как уже отмечалось, в 1956–1957 годах М. Уайт оказался в университете города Чикаго в США, где читал курс лекций по теории международных отношений вместо профессора Г. Моргентау. Этот факт лишний раз подчеркивает известность М. Уайта как специалиста в сфере международных отношений к 1950-м годам. Нет особой необходимости много писать и о том, какую роль сыграли Г. Моргентау и реализм в становлении международных отношений как науки и учебной дисциплины. Достаточно отметить лишь то обстоятельство, что науку о международных отношениях до сих пор называют некоторой разновидностью американского политического дискурса, поскольку львиная доля литературы по этому предмету выходит в США. Реализм был представлен и в Великобритании, в частности работами Э. Карра 1930–1950-х годов. Но, видимо, сравнение разных подходов при непосредственном контакте с американской теоретической традицией натолкнуло М. Уайта на мысль о разных способах описания международной политики. Таким образом, появились наброски его будущих лекций о наличии трех традиций в международной политической мысли. Парадоксально, но факт, что непохожесть «английской» теории на другие теоретические подходы была осознана М. Уайтом именно в Америке.

По возвращении из Соединенных Штатов М. Уайт развил эти идеи в рукопись лекций, которые он стал читать в Лондонской школе экономики во второй половине 1950-х годов, а затем опубликовал отдельные фрагменты. В частности, в 1961 году он прочел лекцию в Институте международных исследований в Женеве, которая впоследствии была опубликована после его смерти в 1987 году¹. Работа представляла собой попытку проанализировать в рамках небольшой лекции политическую философию международных отношений, выделенную автором из истории политической мысли нового времени.

¹ См.: *Wight M. An Anatomy of International Thought // Review of International Studies. 1987. Vol. 13, № 3. P. 221–227.*

Эту лекцию М. Уайт начал с привычного по «Силовой политике» пояснения терминов. Сам факт существования политической философии международных отношений отрицался рядом ученых в 1960-х годах. В известном смысле это и сегодня так. Хотя в современной российской науке присутствуют отдельные попытки создания специальной дисциплины с таким названием, но даже они часто воспринимаются как лишь формирующийся предмет изучения в рамках постмодернистской картины современного мира². Что уж говорить о британской науке середины прошлого века, где базовые теоретические идеи о международной политике возникали в историографической среде, близкой к консервативному направлению. Не случайно, что одним из основателей этой традиции был учитель М. Уайта по Оксфорду Г. Баттерфильд.

Отсюда и в название лекции был вынесен термин «международная мысль». Международная мысль, писал М. Уайт, – это то, что мы встретим в спорах людей на улице, в популярной печати. Термин «международная теория» – это целиком сознательно сформированная концепция, иллюстрации которой можно встретить в поведении некоторых государственных деятелей: у В. Вильсона, вероятно, У. Черчилля, Дж. Неру. И. Кант и Дж. Кеннан, Н. Макиавелли и Г. Моргентау также представители этого уровня осмысления международных отношений. Различия между теоретиками и философами определяются частично точностью формулировок и частично степенью их глубины. Международная теория тогда для М. Уайта – это то, что мы найдем в лучшей литературе и надеемся встретить в дипломатических кругах и представительствах министерств иностранных дел³. Поэтому термин «международная мысль» оказывался более предпочтительным и имел родовое значение для обозначения истории международной политической мысли.

Внутри нее М. Уайт выделяет три ключевых понятия, на которых делали акцент представители различных подходов в истории

² См.: Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 24–36.

³ См.: Wight M. *Four Seminal Thinkers in International Theory*. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini / ed. by G. Wight, B. Porter. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 143.

международной философии. Это «международная анархия», которая представляет собой наличие множества суверенных государств, не имеющих над собой высшей политической власти, и которая складывается при отсутствии мирового правительства; «жизненное взаимодействие», выраженное в международных отношениях в институтах международного права, дипломатии, международной коммерции; «моральная солидарность», представляющая собой общность экономики и политики стран и воплощенная в словосочетаниях «общество государств», «семья наций», «мировое общественное мнение»⁴.

Из анализа международной анархии выросла традиция реализма в осмыслении международных отношений, из акцента на моральной солидарности и единстве человеческого рода появился революционизм, а средним, или *via media* в терминологии М. Уайта, был рационализм с его акцентом на международном взаимодействии. Дальнейшее развитие представлений о трех моделях изучения международных отношений, М. Уайт развивал в других лекциях, которые впоследствии также были опубликованы учениками после его смерти в 1991 году⁵.

Один из важных вопросов, который возникает в связи с данной классификацией международной политической теории, – что представляли собой традиции международной мысли и что они дают для понимания теории Английской школы? Как отмечал в предисловии к еще одному посмертному изданию работы М. Уайта Дэвид Йост, каждая традиция означала для ученого наличие некой интеллектуальной преемственности⁶. Рационализм и реализм были здесь наиболее показательны. Истоки первого можно увидеть у стоиков: Ф. Аквината, Г. Гроция, Дж. Мэдисона, А. де Токвиля и А. Линкольна; второе направление берет начало у Ф. Бэкона и Т. Гоббса, О. фон Бисмарка и Э. Карра. Революционизм же, напротив, хотя и ведет свое происхождение от Канта, но в сущности представляет серию

⁴ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini. P. 143–144.*

⁵ См.: *Wight M. International Theory: The Three Traditions.*

⁶ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini. P. XXII.*

прерванных волн в истории международной политической мысли. Характерными чертами революционизма выступают отрицание прошлого и желание начать историю с нуля.

Сам М. Уайт отмечал, что три традиции – это не четко определенные кластеры мышления, но лишь наложение определенной общей матрицы на взгляды различных мыслителей⁷. Он сравнивал свою классификацию с основными цветами спектра, где имеется масса оттенков и полутонов⁸. Более того, ученый в своей работе часто показывал, что выдающиеся международные мыслители почти всегда переходили грани одного подхода, а самые любопытные концепции появлялись на стыке двух традиций. Таковы, например, были концепции Канта и Мадзини.

Критики М. Уайта ставили ему в вину то, что он пытался поместить истоки международной теории в прокрустово ложе трехмерной классификации. Но сам М. Уайт выделял субтрадиции и «аномалии» в каждом из подходов. Он указывал на мягкий революционизм И. Канта и В. Вильсона и жесткий революционизм, который характеризовал подход В.И. Ленина и большевиков; пытался выделить перевернутый революционизм М. Ганди, разделял идеи самого И. Канта и кантианцев.

Ситуацию еще более запутала третья посмертная публикация книги, также основанная на лекциях и специально посвященная трем традициям, где М. Уайт выделял уже четвертый подход, соединявший в себе три обозначенных выше, – это концепция Мадзини. В основе данной публикации лежали рукописи его лекций 1960-х годов, которые он готовил для магистратуры уже в Суссексе⁹.

Не прибавили ясности в этой классификации и небольшие замечания М. Уайта о том, что, помимо Европы, аналогичные подходы можно обнаружить в истории международной мысли неевропейских систем государств. Эти идеи были озвучены в ходе написания статьи для Комитета по внешней политике и опубликованы Х. Буллом так-

⁷ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini.* P. 15.

⁸ См.: *Ibid.* P. 216.

⁹ См.: *Ibid.*

же после смерти М. Уайта в 1977 году¹⁰. Здесь М. Уайт пытался найти похожие традиции в истории мысли Древнего Китая. Он полагал, что китайская школа права напоминает подход Н. Макиавелли, Конфуций и ряд китайских философов, напротив, развивали естественно-правовые и моральные аспекты учения о политике. Они, как и Гроций, верили в существование справедливой войны. Вряд ли такое сравнение выглядит корректным, но эта позиция ученого позволяет прийти к определению значения трех традиций. Таким образом, выделение трех традиций – это попытка перехода от концептуализации отдельных категорий – путь, который М. Уайт заложил в «Силовой политике», – к выделению некоторых основ теоретического анализа международных отношений. В этом смысле три традиции – важный качественный этап в становлении международной теории Английской школы.

Что собой представляли указанные традиции? Н. Макиавелли лучше всего в истории политики понимал, что есть современное государство. Сама природа этого “*stato*” отличалась от полиса и европейского понимания империи универсального типа. Государство мыслилось им, согласно М. Уайту, и как цель практической политики, и как идеал, к которому необходимо стремиться.

Аналогичные идеи развивал учитель М. Уайта и коллега по Британскому комитету сэр Г. Баттерфильд. В одной из своих лекций 1975 года, посвященных происхождению принципа государственного интереса, Г. Баттерфильд доказывал, что идея государства в том виде, в котором о ней размышляли Ришелье и Людовик XIII, оставалась идеалом, который только предстояло реализовать в Европе в новое время¹¹. Г. Баттерфильд с отточенной техникой знатока исторических источников, что было характерно для Оксфорда с его консервативными традициями историописания и глубоким размышлением над материалом, воспроизводил исторический контекст, в котором рождались принципы проведения внешней политики и международных отношений нового времени, а М. Уайт, преподаватель, читавший курс по истории международной политической

¹⁰ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 39.

¹¹ См.: *Butterfield H. Raison d'état. The Relations Between Morality and Government*.

мысли в Лондонской школе экономики, перенес этот контекст на творчество Н. Макиавелли. Он писал в своих лекциях, опубликованных после его смерти в 1991 году, что Н. Макиавелли был «действительным основателем реализма. Он сознательно разорвал с теологическим рационализмом, доминирующим со средних веков, и равным образом с революционизмом или его предшественниками, которые восходили к христианству»¹².

Парадоксальным образом данная оценка напоминает оценку Н. Макиавелли и Т. Гоббса, которую в свое время формулировали классики марксизма в работе «Немецкая идеология»: «Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей нового времени... сила изображалась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение вопросов политики было освобождено от вопросов морали и, по сути дела, был выдвинут постулат самостоятельной трактовки политики»¹³. Этот фрагмент лишний раз наводит на размышления о правомерности постановки М. Уайтом вопроса о схожести некоторых положений политической теории разного времени как «царства повторов и репетиций». Марксистом считать М. Уайта еще сложнее, чем реалистом, но корневые оценки в восприятии политической теории прошлого роднят его со многими выдающимися мыслителями.

В лекциях 1961 года он пояснял, что Н. Макиавелли не случайно выступает символом реализма: «Мы все реалисты в том смысле, что на нас на всех повлияла политическая философия Макиавелли и Гоббса, точно так же как их идеи сегодня воспроизводят Э. Карр в Великобритании и Г. Моргентау в США»¹⁴. В этом смысле реализм – это в первую очередь идея национального государства с его апологией войны всех против всех и защитой национальных интересов¹⁵.

Не менее важную роль играла традиция рационалистская, или гродцианская, названная по имени известного нидерландского юриста и основателя науки международного права Г. Гроция. Эту тради-

¹² Wight M. *International Theory: The Three Traditions*. P. 16–17.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М.: Политиздат, 1988. С. 295.

¹⁴ Wight M. *Four Seminal Thinkers in International Theory*. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini. P. XXXVIII.

¹⁵ См.: Ibid. P. 144–145.

цию он считал *via media* в истории политической мысли. Она примиряла крайности реализма и революционизма. В рамках именно данной традиции писали многие представители школы. Она демонстрирует компромиссный характер подхода и своеобразие Английской школы, которую часто относили то к реализму, то к конструктивизму в теории международных отношений.

Если реализм с его этатизмом утверждал идею цикла в международных отношениях, то революционизм исходил из предпосылки линейного и постепенного прогресса. Гроцианство было, напротив, примиряющим подходом, не отрицающим фундаментальную роль государства в международных отношениях, но объясняющим существование международного порядка в них. Здесь истоки уайтовского самостоятельного понимания международного общества как основы изучения истории международных отношений.

Гроцианство, кроме того, признавало человека в качестве субъекта политико-правовых отношений. Вслед за Г. Гроцием и М. Уайт склонен был видеть социальную природу в международном обществе, а не только набор внешнеполитических взаимодействий и эгоистических интересов государств. Международное общество построено на базе норм, принципов и институтов ради поддержания порядка в специфическом социальном пространстве. Поэтому если большинство историков видели в Г. Гроции основателя науки международного права, то для М. Уайта он пионер в изучении международной политики.

Г. Гроций, кроме того, давал М. Уайту двойственную основу для исторического понимания происхождения международного общества: одна из сторон гроцианства делала акцент на христианском происхождении современной международной системы в Европе, вторая сторона обеспечивала ключ к пониманию трансформации европейского международного общества в общество мировое.

Каждая из этих трех традиций политической мысли оказывалась внутренне многомерной. Есть классический набор представлений реалистов, рационалистов и революционистов, но есть и отвлечения. Как говорил сам М. Уайт, любая классификация схематична; ее цель – обработать сырой материал. Ценность подобных традиций как частей единого спектра проявляется только в точках разрыва. Великие политические мыслители почти всегда переходили

границы двух традиций и почти всегда формировали свою индивидуальную систему взглядов¹⁶.

Кроме того, выделение трех традиций для ученого вовсе не подразумевало их обязательного противопоставления. Показательна в этом отношении четвертая книга, вышедшая после кончины ученого, – «Четыре легендарных мыслителя», в основе которой, как уже упоминалось, лежали лекции М. Уайта, читавшиеся в университете Суссекса в 1960-х годах¹⁷. К трем традициям, выделенным ранее и символически представленным в творчестве Н. Макиавелли, Г. Гроция и И. Канта, исследователь добавил еще одно имя – Дж. Мадзини. В политическом и интеллектуальном наследии Дж. Мадзини соединялись различные подходы. Здесь и идея государства, которая была центральной для реалистов, и человек, участвующий в различных ассоциациях, от карбонариев до космополитов. Интерес к индивиду как к субъекту политических и международных отношений роднит Дж. Мадзини с Г. Гроцием и рационалистами. В более поздний период существования школы этот вопрос стал одним из ключевых аспектов плюралистско-солидаристских споров между ее адептами. Идея преобразовать Италию на иных началах, нежели проект графа К. Кавура, по мысли М. Уайта, должен был показать родство методов Дж. Мадзини с традицией кантианцев. Тогда получается, что эта книга пересматривала ранее сформулированную идею существования трех традиций размышлений в международных отношениях.

Однако не все так просто. Как отмечал во введении к публикации книги Дэвид Йост, интерес к Дж. Мадзини стал развиваться у М. Уайта параллельно с интересом к И. Канту¹⁸. И если революционность концепции Канта заключалась в том, что любое государство должно иметь конституционный политический режим, то приверженность Дж. Мадзини идее национального самоопределения со-

¹⁶ См.: *Wight M. International Theory: The Three Traditions*. P. 258–259.

¹⁷ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory*. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini.

¹⁸ См.: *Yost D. Introduction. Martin Wight and Philosophy of War and Peace* // *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory*. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini. P. XIII.

держала еще более взрывоопасный потенциал. Из этого для М. Уайта формируется потребность концептуального сопоставления внутри революционной традиции международно-политической мысли. Тем более что революционизм с его акцентом на методах преобразований концептуально оказывался чрезвычайно разнообразным и внутренне многомерным.

Доктрина национальности в том виде, в каком М. Уайт представлял ее в восприятии Дж. Мадзини, требовала революции. Италия, разделенная на семь государств, представляла европейское международное общество в миниатюре. Если влияние Австрии, сохранявшееся со времен Венского конгресса, было для Дж. Мадзини нелегитимным проявлением старой имперской политики, то соглашение Наполеона III в Виллафранке, предусматривавшее раздел территории Италии между Францией и Австрией, заставляло итальянского революционера усомниться в легитимности франко-пьемонтского силового варианта Рисорджименто. Никто из итальянских государств не мог выжить в одиночку и самостоятельно реализовать вариант объединения страны. Революционный импульс должен был разрушить старую дипломатию, но этот подход представлял собой альтернативу проектам раздела Италии и традиционной политике баланса сил, которая лежала в основании системы государств. Он был человеком, вышедшим из революции 1848 года, поэтому видел объединение страны в Священном союзе народов, а не государей.

По М. Уайту, идеи Дж. Мадзини реализовались в Версальском урегулировании 1919 года и демонстрировали окончательную победу принципов французской революции над династической дипломатией. В этой связи представляется важным отметить позитивную роль Версальского договора в восприятии М. Уайта. Он выступил в этой работе как историк идей, а потому его оценка итогов урегулирования после Первой мировой войны показывала поиск нестандартных оценок в определении интеллектуальной роли того или иного мыслителя, но в данном случае его оценка не основывалась на анализе текстов мирных договоров.

Тогда интерес к наследию Дж. Мадзини высвечивал для ученого новые грани кантианства, но не формировал самостоятельную традицию международной политической философии. М. Уайт писал об эволюционном и революционном кантианстве, которые отлича-

лись по методам, целям, мотивам¹⁹. Если для И. Канта изменения в обществе необходимы, чтобы искоренить страдания людей, то для Дж. Мадзини необходимо бороться с пороками власти. Если валидные методы для первого – это постепенное развитие конституционализма, то второй утверждал правомерность заговоров и массовых движений. Если у последователей И. Канта, к которым М. Уайт относил В. Вильсона и Дж. Неру, интернационализм был умеренным, то последователи Дж. Мадзини были радикальными космополитами. Таким образом, обращение к четвертому легендарному мыслителю в 1960-х годах у М. Уайта демонстрирует не отказ от идей 1950-х годов, но выделение новых граней внутри существующего спектра подходов в международной мысли.

Три традиции можно обнаружить в истории мировой философии от античности до современности, по М. Уайту. Так, по его мнению, к реалистам в разное время относились А. Августин, Н. Макиавелли, М. Лютер, Т. Гоббс, Г. Гегель; к рационалистам – Аристотель, Ф. Аквинат, Г. Гроций, Дж. Локк, Э. Берк; к революционистам – Платон, А. Данте, Ж. Кальвин, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, К. Маркс, Дж. Мадзини и Дж. Неру²⁰. В этом списке выбор конкретных мыслителей ученым для иллюстрации проявления традиций демонстрировал лишь схожесть ключевых тезисов мыслителей в их взглядах на международные вопросы в разные исторические эпохи.

Значение данной классификации проявляется и в том, что исследователь показывал возможность перевода исторической интерпретации международной политической мысли в прикладную политическую теорию. Это как раз тот теоретический подход, которого не хватало американскому теоретическому дискурсу о международных отношениях. Данной работой М. Уайт отрицал только «силовой» путь измерения международных отношений и создавал предпосылки для формирования широкой автономной международной теории в Великобритании.

Апелляция к истории европейской политической мысли, таким образом, показывает ряд важных аспектов, свидетельствующих

¹⁹ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini.* P. 83–85.

²⁰ См.: *Ibid.* P. 122.

о самостоятельном характере Английской школы теории международных отношений как в вопросах ее генезиса, так и по отдельным проблемам содержания международной теории. В то же время обращение к европейской традиции демонстрирует, что недостатки часто выступают продолжением наших достоинств. Формируя самостоятельный набор концептов для анализа и прогнозирования международного общества, сама проблематика приобретала подчеркнуто евроцентристский характер, что свидетельствовало о нехватке самостоятельности европейской политики рубежа 1950–1960-х годов, когда и происходило появление концепции Английской школы. Поэтому не случайно, что центральная для понимания становления школы работа «Три традиции», изданная после смерти, задумывалась и была написана М. Уайтом именно в Америке.

Еще один важный вывод, который следовал из трех традиций, заключался в том, что классический реализм оказывался теоретически тесной рамкой анализа международной политики. Поэтому если в «Политике силы» в анализе ключевых терминов можно увидеть отдельные «отклонения» от понимания роли силы в международных отношениях, то «Три традиции» показывали иную общую теоретическую перспективу, подчеркивая невозможность изучения международной жизни внутри какого-то одного направления. С этой точки зрения констатация разных традиций – закономерный шаг в эволюции взглядов исследователя. А сама идея выделения традиций подготовила новые вопросы теоретического характера, которые обозначились в 1960-х годах в период его работы в Британском комитете по внешней политике.

2.4. Мартин Уайт и «Дипломатические исследования»

М. Уайт был одним из создателей Британского комитета по изучению внешней политики. Г. Баттерфильд отмечал, что когда в 1958 году ему поступило предложение от Кеннета Томпсона из Фонда Рокфеллера о возможности проведения такого семинара, то он сразу стал искать инициативных людей, способных реализовать эту идею от проекта до воплощения. Сам он не считал себя большим экспертом в данной области и даже хотел отказаться от этой затеи, но, поразмышляв, он вспомнил о своем бывшем ученике в Оксфорде М. Уайте как специалисте по такого рода вопросам и ирландском историке дипломатии Д. Вильямсе¹. В судьбе М. Уайта Г. Баттерфильд принимал участие и ранее. Он считал его действительно незаурядным человеком и не ошибся в расчетах. А. Уотсон в своих воспоминаниях о Комитете писал, что, хотя на встречах с 1959-го по 1968 годы председательствовал Г. Баттерфильд, реально руководителей было двое. Всю переписку и организационную часть встреч взял на себя М. Уайт². Поэтому нет ничего удивительного в том, что со временем Г. Баттерфильд передал председательский пост в Комитете ему и М. Уайт стал вторым председателем после Г. Баттерфильда. Он председательствовал в Комитете в 1968–1972 годах.

Таким образом, при господствующем ныне «институциональном» взгляде на происхождение Английской школы, в котором зарубежные исследователи видят в первую очередь результат работы Комитета, М. Уайт может по праву считаться организатором данного научного сообщества.

Небольшую ложку дегтя в «комитетскую» версию происхождения школы добавляет лишь то обстоятельство, что идея подобного рода семинара принадлежала профессору Ч. Мэннингу, которому М. Уайт был многим обязан. Именно Ч. Мэннинг первый заговорил в 1950-х годах о необходимости специализированного изучения ме-

¹ См.: *Butterfield H. Raison d'état. The Relations Between Morality and Government*. P. 5–6.

² См.: *Watson A. The British Committee for the Theory of International Politics*. P. 1.

ждународных отношений с трибуны конференции ЮНЕСКО. Он пытался получить финансирование подобного проекта вначале у Фонда Рокфеллера, а затем у британского правительства. Однако, как это часто случается, идея Ч. Мэннинга не понравилась заказчикам и реализовалась не совсем в том виде, в каком себе ее представлял профессор из Лондонской школы экономики. Если учесть то обстоятельство, что Ч. Мэннинг и М. Уайт долгое время работали вместе на одной кафедре, ситуация была скандальной. Но и специалистов по международным отношениям в университетах того времени было немного. Поэтому Фонд и обратился к известному историку, а не специалисту-международнику.

Вскоре после создания комитета М. Уайт уходит из школы экономики и прикладных политических исследований. Видимо, его уход с кафедры был связан с комплексом факторов, а не только сложной личной ситуацией: Яан Холл со ссылками на собственные высказывания М. Уайта пишет об усталости ученого от предмета, в самостоятельное существование которого последний не верил. Он занимался международной теорией уже 12 лет, а в Суссексе ему предложили повышение и самостоятельный участок работы. Озвучивалась версия и его собственного отстранения от раздела «мэннинговского наследства»: отношения заведующего с руководством школы в 1960-х годах оставляли желать лучшего, и Ч. Мэннинг был вскоре снят с должности, хотя и оставался профессором в вузе³.

При взгляде на Английскую школу, который в своих работах отстаивает Х. Суганами, как на некий содержательный кластер размышлений о международных отношениях с присущим ему специфическим дискурсом и набором идей⁴ вклад М. Уайта в создание научного сообщества оказывается еще более весомым. Для Комитета он написал девять работ, три из которых были опубликованы в монографии «Дипломатические исследования» 1966 года, ставшей своеобразным манифестом и программой изучения международных отношений для школы до рубежа 1970–1980-х годов. Еще три – посмертно подготовлены к печати Х. Буллом и вышли в 1977 году

³ См.: *Hall I.* Op. cit.

⁴ См.: *Linklater A., Suganami H.* Op. cit.; *Suganami H.* The English School, History and Theory // *Ritsumeikan International Affairs*. 2011. Vol. 9. P. 27–50.

в книге под названием «Система государств», а другие три – оставались неопубликованными до 1990-х годов.

Коллективную монографию «Дипломатические исследования» как первый набросок общей повестки изучения международной системы открывало эссе М. Уайта, посвященное отсутствию теории международных отношений⁵. При этом ученый как эксперт в области истории политической мысли тогда не преследовал цель ее создать ни в рамках одной книги, ни тем более в пределах одной обзорной статьи. Его собственная система взглядов на эту проблему уже была изложена в глоссарии «Силовая политика». Он как историк оперировал лишь обобщениями, формализованными в научных категориях. М. Уайт стремился лишь четко обозначить проблему и наметить некоторые подходы к ее пониманию.

С этой точки зрения первый вопрос, на котором акцентировал внимание М. Уайт в данной статье, – это практическая потребность в теории международной политики в целях преподавания и обучения студентов. Он пишет, что лица, изучающие политическую науку, ищут теорию в истории политических идей и знакомятся с работами мыслителей от Платона до Г. Ласки, а студенты, изучающие международные отношения, так поступить не могут. Международной классики не существует⁶.

Более того, если термин политическая теория привычен, то словосочетание «международная теория» часто требует пояснений и оговорок. Такая ситуация, с его точки зрения, объясняется тем, что политическая теория – это традиция рассуждений о государстве, а в поле анализа международной теории – изучение общества государств⁷. Сам факт существования такового признают далеко не все.

В этом контексте он формулирует второй аспект проблемы отсутствия теории международной политики. Г. Моргентхау полагал, что в центре изучения международных отношений лежит понятие «национальный интерес», а Альфред Циммерн (профессор колледжа Монтэгю Бертон, Оксфорд), напротив, полагал, что в основе – идея

⁵ См.: *Wight M. Why is There No International Theory? // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. P. 17–34.

⁶ См.: *Ibid.* P. 17.

⁷ См.: *Ibid.* P. 18.

создания мирового правительства, проект создания государства в мировом масштабе, то, что в средневековой испанской дипломатии называлось «монархия мира»⁸. Если для первого мыслителя никакой иной твердой основы для изучения внешней политики за рамками интересов, «выраженных в терминах власти», нет, то для второго – теория возможна лишь как отражение некоего международного идеала, который только должен возникнуть в международной политике.

Еще одна позиция, которую, к слову, в то время разделял Г. Баттерфильд, состояла в том, что теория международных отношений есть не что иное, как европейское учение о балансе сил, применявшееся в практике европейской политики от Елизаветы I до О. фон Бисмарка. Здесь также период второй половины XX века демонстрировал, по мысли М. Уайта, кризис расчетов в отношении современного ему государства⁹. И, как это часто бывало в творчестве М. Уайта, он не давал советов, какой путь правильный с его собственной позиции, а лишь констатировал данность. Как справедливо отмечал Р. Джексон, работы М. Уайта выглядят неоконченными, могут даже стать источником разочарования для сторонников точного знания, но это делалось для того, чтобы побудить к самостоятельному размышлению о предмете¹⁰. Комитет по изучению внешней политики и задумывался с такими целями. Таким образом, цели изучения международной жизни не предполагали формирования единой международной теории.

Третья проблема, которая осторожно обозначалась в эссе, – это пределы осмысления международной политики. М. Уайт отмечал интересный факт. Наиболее важные, эпохальные, как сказали бы мы сегодня, события не получили должного, по мнению М. Уайта, осмысления в международном масштабе. Для иллюстрации данного тезиса он останавливается на трех крупных исторических явлениях и процессах, которые затрагивали сразу несколько или много государств, но не получили должного осмысления в международном

⁸ См.: *Wight M. Why is There No International Theory?* P. 21–22.

⁹ См.: *Ibid.* P. 24.

¹⁰ См.: *Jackson R. From Colonialism to Theology: Encounters with Martin Wight's International Thought.* P. 352.

масштабе: реформации и контрреформации, Французской революции конца XVIII века и тоталитарных режимах XX века. М. Уайт считал, что изучение этих явлений за рамками исторического знания стало предметом исследования внутриполитической, но не международно-политической науки.

С его позиции, ни Маркс, ни Ленин, ни Сталин сами не создали систематической международной теории. Ленинский «Империализм...» мало что говорит о внешней политике, и это не может не свидетельствовать о большей степени востребованности теории политической, но не международной. И здесь М. Уайт к месту вспоминает фразу Л.Д. Троцкого о том, что «путь в Лондон и Париж лежит через Пекин и Калькутту»¹¹. В действительности, логика изложения этого аспекта весьма спорна. Вряд ли можно сравнивать пределы осмысления разных научных дисциплин, основываясь на нескольких отдельных примерах. В этом аспекте проблематики М. Уайт воспроизвел спор между страноведческим и собственно международным подходом к анализу проблем, требующих комплексного рассмотрения. В определенном смысле он поднимал вопрос о правомерности междисциплинарного или междисциплинарного подхода к изучению международных отношений, который ставил еще Ч. Мэннинг.

Четвертый аспект проблемы отсутствия международной теории – это возможность прогресса в международных отношениях и внутренней политике страны. Согласно М. Уайту, в сфере внутренней политики со временем наблюдается прогресс общественного сознания, происходит осознание взаимозависимости людей, а международная политика остается «царством повторов и репетиций»¹². Такой эсхатологический взгляд на предмет был вызван тем, что история международных отношений казалась ему историей войн, больших и малых конфликтов. Отсюда и характер международной политики мало совместим с идеей прогресса, а международная политическая мысль постоянно воспроизводит устойчивые три традиции. Теологический взгляд на мир межвоенных лет у ученого в результате войны трансформировался в пессимизм в вопросах осмысления «природы» международных отношений. Этот пессимизм

¹¹ Wight M. Why is There No International Theory? P. 25.

¹² Ibid. P. 26.

не сумело вытеснить даже стратегическое кредо Чатем Хауса. Впрочем, несколько позднее М. Уайт также изменил свою позицию, заявляя, что все же некоторых войн можно избежать. Но это не следствие прогрессивного характера развития международных отношений, а показатель того, что ядерное оружие может направить политику государств в более ответственное русло. Таким образом, вопреки распространенному мнению, что истина находится посередине, М. Уайт между разными точками зрения увидел проблему, согласно которой прогресс в международных отношениях почти невозможен.

Тогда международная теория – это только теория выживания. Поэтому вопросы интервенции, законы и обычаи ведения войны, правомерность вмешательства во внутренние дела и ядерное сдерживание, безопасность в широком смысле этого слова – все это лишь различные аспекты главной проблемы выживания в международных отношениях. Следовательно, международная политика всегда выражает борьбу между целями национального существования и давлением международных институтов. К их числу М. Уайт относил международное право, торговлю, дипломатический язык и войну.

Общим знаменателем, который может привести эти противоречивые тенденции к единству, выступает понятие «международное общество». Именно оно и должно стать основой формирования международной теории. В этой связи в зарубежной литературе часто цитируют фразу М. Уайта о том, что «ключевой вопрос международной теории – это природа международного общества и международного права»¹³. Само понятие М. Уайт попытался проанализировать в другой статье, вошедшей в эту же книгу¹⁴.

М. Уайт в целом писал больше о том, что внутри Английской школы впоследствии получило название «система государств», но понятию «международное общество» в «Дипломатических исследованиях» отводилась важная роль. Именно оно стало основой, программой и общим теоретическим манифестом изучения международных отношений для участников школы и Комитета. Исследователь

¹³ *Wight M. Why is There No International Theory?* P. 92.

¹⁴ См.: *Wight M. Western Values in International Relations // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics.* P. 89–131.

считал, что это международное общество можно изучать как исторически, так и социологически. Программу такого исследования он и попытался предложить в своей статье.

Согласно М. Уайту, международное общество как историческое явление в международной сфере возникло в Европе и распространилось оттуда по всему остальному миру¹⁵. С этой точки зрения термин «западные ценности», который был вынесен в название эссе, посвященного природе международного общества, не совсем удачный для описания сложившейся системы межгосударственных отношений. Ученый понимает, что «Запад» как категория обозначает не цивилизационное единство Европы и Северной Америки, а конфликт, который имеет место во второй половине XX века. Более того, он отмечал, что западные ценности вовсе не означают, что в них должно верить все население, проживающее в этих регионах¹⁶. Субъектами международного общества выступают страны, разделяющие в своей политике определенную систему ценностей. Поэтому международное общество – это наиболее полная форма специфической общественной организации людей, проживающих в странах Запада. Права и обязанности западных стран по отношению друг к другу лишь отражение прав и обязанностей людей, проживающих в конкретном обществе и разделяющих определенную систему ценностей¹⁷. В этом подходе содержится социологический аспект изучения данного общественного феномена.

Международное общество находит свое проявление в утверждении дипломатической системы, в осознанном поддержании баланса сил в международных отношениях в целях собственного самосохранения, в регулировании межгосударственных контактов посредством международного права¹⁸. Собственно эти ценности и выступают основными институтами указанного общества. С XIX века, по мнению М. Уайта, к государствам добавились международные организации типа Почтового или Телеграфного союзов, которые также представляют собой механизмы преодоления конфликтов

¹⁵ См.: *Wight M. Western Values in International Relations*. P. 96.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 89.

¹⁷ См.: *Ibid.* P. 102.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 96.

в международных отношениях. Результатом такой формы организации становится наличие международного порядка, который позволяет преодолевать анархию. Такой взгляд М. Уайта оспаривает исключительно гоббсианскую природу государства, на чем настаивали реалисты в международной теории.

Международный порядок существует за счет распределения власти между государствами, составляющими систему государств. Он поддерживается путем набора общих стандартов и общих традиций, частично нашедших свое воплощение в действующем международном праве, которое в XIX веке считалось правом цивилизованных государств. Детальное исследование этой темы внутри Английской школы было впоследствии осуществлено Г. Гонгом¹⁹. Международный порядок, кроме того, поддерживается за счет норм, правил и процедур, регламентирующих применение силы в международных отношениях. Это находит свое проявление в признании права на самооборону, коллективную безопасность и интервенцию в целях сохранения международного порядка²⁰.

Последнее обстоятельство становится предметом более детального анализа в указанной работе. Тема интервенции поднималась М. Уайтом еще в «Политике силы». В данной статье исследователь же опять стремится подчеркнуть проблемный характер вопроса, демонстрируя скорее проблему для исследования, нежели вариант теоретического ответа. Позитивистская традиция в международном праве, нашедшая отражение в действующем законодательстве, стремится исключить любой вид вмешательства и применения силы. Исключение делается для права самообороны. М. Уайт подходит к вопросу о вмешательстве комплексно. Он считает, что запрет на интервенцию и принцип невмешательства связан с тем, что в истории международных отношений первая означала кооперацию деспотов против народов. Но в условиях деколонизации и становления национальных государств запрет на интервенцию может означать запрет на кооперацию народов против тиранов²¹. Здесь он руководствовался случаем Дж. Мадзини. Поэтому запрет интервенции

¹⁹ См.: *Gong G.* The Standard of "Civilizations" in International Society.

²⁰ См.: *Ibid.* P. 103.

²¹ См.: *Ibid.* P. 114.

создает проблемы для антиколониального движения либо для возможности обеспечения коллективной безопасности стран, которые рискуют стать жертвой вмешательства со стороны великих держав. Последний тезис им не раскрывается в статье, но, по-видимому, речь идет о попытках стран Латинской Америки противостоять политике США.

Таким образом, путь полного запрещения интервенции, с его позиции, представлялся упрощенным. Это не значит, что он был ее сторонником. Скорее он отстаивал дифференцированный подход к этому явлению и искал новые легитимные механизмы применения силы в международных отношениях. Несмотря на запрет применения силы, закрепленный в Уставе ООН, М. Уайт одним из первых стал говорить о проблеме, которая в конце XX века получила название гуманитарной интервенции. Он писал о необходимости искать компромисс между интервенционизмом и невмешательством исходя из доктрины моральной взаимозависимости народов²². Гуманитарная составляющая такого подхода заключалась в предоставлении помощи народам в борьбе против тиранов на основе естественных прав человека и праве на оказание помощи в случаях защиты населения. В качестве исторических примеров, иллюстрирующих данный подход, он ссылался на оказание европейцами помощи восставшим грекам в 1827 году и вмешательство в конфликт между друзами и маронитами в Ливане в 1860-м. Заметим, что международные пакты о правах человека появились только в конце 1966 года, а ко времени выхода книги лишь «Всеобщая декларация прав человека» 1948 года была единственным нормативным источником защиты интересов человека в международном праве. Отсюда М. Уайт попадал в мейнстрим развития права прав человека того периода, хотя и защищал его на основе естественных прав человека и гроцианских ценностей в международных отношениях, противопоставляя их позитивистскому правовому подходу.

Помимо гуманитарной составляющей, М. Уайт считал правомерным интервенцию в случаях необходимости поддержания баланса сил. В связи с развитием международной системы до глобального уровня в XX веке он полагал, что по мере развития междуна-

²² См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 116.*

родного общества интервенция будет играть все большую роль в сфере международных отношений. Баланс сил может отойти в прошлое: он считал, что его классический период – это XVII–XIX века, но гуманитарное измерение будет усиливать свое влияние в международных отношениях. Вследствие этого все большую роль будет играть понятие справедливости в вопросах международного порядка. Процессы конца XX века показали глубину и противоречивый характер данной проблемы. М. Уайт в середине прошлого столетия, разумеется, не мог предвидеть всех аспектов ее проявления. Важно, что как ученый он подчеркнул значение вопросов справедливости для поддержания международного порядка и в этом смысле он уделял большое внимание международной морали как одному из проявлений существования международного общества.

Ученый не сомневается в ее существовании. Напротив, он считает ее проявлением западных ценностей в международных отношениях. Поскольку в основе международного общества лежит традиция международной политической мысли Г. Гроция и Э. де Ваттеля, то в центре международной морали находится концепция естественных прав человека. И на основании нескольких исторических примеров М. Уайт в статье стремится проиллюстрировать ее проявление в текущей политике²³. Естественно-правовой взгляд дает моральную силу либо, наоборот, формирует моральное вето на некоторые действия в политических отношениях государств. Право народов, о котором мечтал Г. Гроций, с точки зрения М. Уайта, было воплощено в Уставах Лиги Наций и ООН в XX столетии.

Таким образом, М. Уайт не считает международное общество фикцией, бесплодным конструктом политической философии, но разворачивает внутри содержания данного концепта целую программу, которую необходимо реализовать при научном изучении международных отношений. Отсюда в уайтовском взгляде на международное общество легко можно обнаружить и проблематику гуманитарной интервенции, и упадок значения баланса сил, и проблемы гроцианских ценностей в международном праве и международной морали, столь характерные для работ Английской школы в дальнейшем.

²³ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 123.*

Еще одной статьей, написанной М. Уайтом для «Дипломатических исследований», стала работа, посвященная балансу сил в международных отношениях²⁴. Примечательно, что в монографии было две статьи с одинаковым названием «Баланс сил», принадлежавшие М. Уайту и Г. Баттерфильду соответственно²⁵.

Г. Баттерфильд как специалист по новой истории смотрел на историю идеи и практику воплощения баланса сил в международной политике. Баланс сил – порождение европейской политики нового времени, и изначально он предназначался для оценки и поддержания мира в Европе. В этом отношении ключевой тезис эссе историка заключался в том, что мы имеем дело с определенной идеологизацией внешней политики под воздействием французской революции, реакцией на которую в международных отношениях XIX века стало чрезмерное развитие значения указанного понятия²⁶. Историки геттингенской школы в Германии придали балансу сил еще и научное звучание, когда поместили концепт в центр анализа европейской системы государств, чтобы очистить баланс сил от значений в употреблении политиков, дипломатов и публицистов. Фактически идея политического равновесия, по Г. Баттерфильду, становится эквивалентом понятия «международная система». Международный порядок стал восприниматься как отражение систематизированной идеи баланса.

М. Уайт же в своей работе подошел к анализу баланса не как к исторической идее, а как к специфическому теоретическому курсу. Подход Г. Баттерфильда был историософским. Он считал, что понимание баланса сил позволит сформулировать некоторые максимумы для практического управления дипломатией. Подход М. Уайта был теоретическим и прикладным одновременно. Он сразу констатирует множество значений баланса сил и концентрируется на анализе разных оттенков содержания понятия.

К числу основных значений баланса сил М. Уайт относит:

- 1) равное распределение силы в международных отношениях;

²⁴ См.: *Wight M. Balance of Power*. P. 148–175.

²⁵ См.: *Butterfield H. Balance of Power*. P. 132–148.

²⁶ См.: *Ibid.* P. 146.

2) принцип, согласно которому сила должна быть распределена между государствами равным образом;

3) существующее распределение силы;

4) принцип равного увеличения силы среди великих держав;

5) обозначение границы минимального порога силы, чтобы отвести опасность от применения силы, распределенной неравномерно;

6) специальную роль в распределении власти в значении «поддерживать баланс сил»;

7) преимущества в существующем распределении власти²⁷.

Нет необходимости комментировать вслед за М. Уайтом все значения, которые приводит исследователь. Остановимся лишь на тех, которые с очевидностью требуют пояснений. Третье значение баланса в приведенном перечне подразумевает описание фактических отношений между государствами при определении собственных внешнеполитических расчетов²⁸. На практике это значило, что собственные интересы зачастую «оправдывались» стремлением к сохранению равновесия.

Четвертое значение термина было связано с равным распределением территорий между великими державами, чтобы не допустить дисбаланса среди тех, кто в первую очередь формирует международный порядок. В этой связи М. Уайт замечал, что «ничто в европейской истории так не дискредитировало идею баланса сил, как разделы Польши»²⁹. Но ученый не считает данные исторические явления девиацией в международных отношениях.

Пятое значение показывает соединение объективной и субъективной составляющих в данном международном институте и тем самым подчеркивает определенные риски при проведении данной политики. Шестое и седьмое значения демонстрируют особую роль тех, кто выступает решающей силой в поддержке баланса, делая принцип составной частью собственной политики. Общий вывод, завершающий данный анализ оттенков содержания термина, заключается, по М. Уайту, в том, что баланс сил как понятие требует высокой степени абстрактного мышления. Попытки удаления

²⁷ См.: *Wight M. Balance of Power*. P. 151.

²⁸ См.: *Ibid.* P. 156.

²⁹ *Ibid.* P. 157.

понятия баланса сил в XX веке, которые присутствовали и в Великобритании, в этой связи не сулят ничего хорошего.

В частности, он скептически относился к праву вето у постоянных членов Совета Безопасности ООН, усматривая в нем потенциал для нарушения баланса³⁰. Альтернативой балансу сил как одному из основных институтов международного общества в теоретическом смысле выступает либо анархия как синоним отсутствия общего международного порядка, либо универсальное доминирование. Поэтому понятие баланса сил дает рациональную основу международному взаимодействию в системе государств и в международном обществе. Или, немного перефразируя самого М. Уайта, можно отметить, что между хаосом и империей нужен баланс, которым для Английской школы стала концепция международного общества, где политическое равновесие становится институтом поддержания международного порядка.

³⁰ См.: *Wight M. Balance of Power*. P. 174.

2.5. «Система государств» Мартина Уайта как программа международных исследований Английской школы

После ухода М. Уайта из Лондонской школы экономики в университет Суссекса в научном творчестве ученого образовался некоторый перерыв. Как отмечалось, Я. Холл из Школы истории и политики университета Аделаиды считает это следствием разочарования исследователя в предмете, в самостоятельное существование которого он перестал верить¹. Х. Булл, напротив, находил перерыв лишь следствием новых увлечений М. Уайта, связанных с организацией факультета в Суссексе, где главной темой стали «европейские исследования»². Если учесть, что М. Уайт оставался руководителем Британского комитета с 1968-го до 1972 года после известного письма Г. Баттерфильда 1967 года, где последний сам предложил передать полномочия первому, этот взгляд представляется более предпочтительным.

Так или иначе, но после «Дипломатических исследований» интерес к дальнейшему изучению международных проблем у ученого возник лишь в начале 1970-х годов, когда были написаны две статьи – «Международная легитимность» и «Баланс сил и международный порядок»³. Но обе работы М. Уайта до его кончины в июле 1972 года не были опубликованы. Кроме того, некоторые статьи М. Уайта, обсуждавшиеся в ходе встреч Комитета по внешней политике в 1960–1970-х годах, также были опубликованы после смерти ученого в сформированной Х. Буллом книге «Система государств». Это “*De systematibus civitatum*” (апрель 1967 года), «Эллины и Персия» (сентябрь 1965 года) и «Происхождение современной системы государств» в двух частях (июль, сентябрь 1971 года)⁴.

¹ См.: *Hall I.* Op. cit.

² См.: *Bull H.* Introduction. P. 8–9.

³ См.: *Wight M.* The Balance of Power and International Order // The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning. P. 85–116; *Idem.* The International Legitimacy. P. 153–172.

⁴ См.: *Wight M.* *De systematibus civitatum*. P. 21–41; *Idem.* Hellas and Persia. P. 73–112; *Idem.* The Origins of Our State-system: Chronological Limits. P. 128–152; *Idem.* The Origins of Our State-system: Geographical Limits. P. 110–128.

Наиболее важной среди этих работ с точки зрения формулирования программы исследований Английской школы представляется *“De systematibus civitatum”*. Этот термин М. Уайт заимствовал из названия работы С. фон Пуфендорфа, которое можно перевести с латыни как «Из системы городов». Здесь М. Уайт в присущей ему проблемной манере сформулировал ряд вопросов и наметил пути их разрешения, которые впоследствии волновали Х. Булла, А. Уотсона, Б. Бузана и других видных представителей данного научного сообщества. В этой связи представляется целесообразным остановиться на трех важных темах, затронутых в работе: понятии и видах систем государств; нормах, ценностях и факторах формирования международной системы; системах государств, существовавших в истории.

Последняя тема важна с точки зрения формирования исторической социологии как самостоятельного раздела международных исследований в Английской школе.

Термин «система государств» вошел в британскую теоретическую традицию именно через идеи М. Уайта и Г. Баттерфильда. Истоки системности в международных отношениях ученые увидели, анализируя немецкую историко-правовую литературу. В частности, большую роль здесь сыграли работы историков права Геттингена XIX века, которые проводили различия между отдельными видами государств. Например, ими противопоставлялись с одной стороны конфедерации, с другой – системы государств. При этом в данной правовой традиции, М. Уайт выделяет несколько определений этого термина.

М. Бернар исходил из того, что «система государств – это группа стран, чьи отношения друг с другом более или менее постоянны»⁵. Особое воздействие на М. Уайта произвели аргументы А.Г.Л. Геерена, который в 1834 году сформулировал определение системы как федерации государств с целью сохранения действительного баланса сил. Хотя классическое определение А.Г.Л. Геерена, заимствованное М. Уайтом, исходило из того, что система – это «союз нескольких связанных между собой стран, схожих друг с другом в их манерах, религии, степени социального развития и объединенных вместе текущими интересами»⁶.

⁵ Wight M. *De systematibus civitatum*. P. 22.

⁶ Ibid.

М. Уайт стремился проанализировать каждое из приведенных определений, чтобы создать комплексный подход к изучению понятия. При этом в присущей ему манере он формулировал как аспекты, которые требуют теоретического анализа, так и стремился обозначить лишь предполагаемые пути их дальнейшего рассмотрения. С этой точки зрения каждое из приведенных определений поднимало специфические вопросы о характеристиках системности в международных отношениях. Таким образом, идея международной системы формулировалась в Английской школе не путем перенесения концепта из общей теории систем Д. Истона, Т. Парсонса или Л. фон Берталанфи и не путем адаптации идей американских реалистов к собственным вопросам изучения, а из историко-правовой мысли Европы XIX века.

Мартин Уайт

Подход А.Г.Л. Геерена натолкнул М. Уайта на важную мысль: чтобы сформировалась система из государств, которые обладают суверенитетом, необходима некоторая совместимость или схожесть таких участников. И здесь исследователь попытался теоретически проанализировать аспекты сходства государств. М. Уайт видел совместимость прежде всего в обычаях, религии, культурном единстве и однородности процессов социального развития стран-участниц международной системы⁷. Альтернативой системности, которая формировалась из общих норм, правил и институтов, выступает война и анархия. Эту же мысль вслед за М. Уайтом в школе стал разделять и А. Уотсон⁸.

Подобное сходство между участниками системы существовало как раз в Европе и вытекало из представлений о единстве средневековой Христианности, или христианской республики Европы. До периода

Подобное сходство между участниками системы существовало как раз в Европе и вытекало из представлений о единстве средневековой Христианности, или христианской республики Европы. До периода

⁷ См.: Wight M. De systematibus civitatum. P. 22.

⁸ См.: Watson A. System of States // Review of International Studies. 1990. № 16. P. 99–109.

Реформации существовала некоторая общность, которая формировала такие черты системы государств, как культурное и религиозное единство, унаследованное от античности. Кроме того, устройство средневековой Европы предполагало определенную иерархию политических образований внутри Священной Римской империи германской нации и вместе с тем рассредоточение власти между множеством политико-территориальных образований. Со временем это приводило к формированию как вертикальных, так и горизонтальных связей между участниками⁹. Ф. Аквинский уже в XIII веке назвал такую организацию «великолепным сообществом». Но желание Святого престола усилить религиозное начало встречало сопротивление у светских властителей. Возник внутренний конфликт между империей и Святым престолом – одно из противоречий, способствовавших формированию международной системы. Эта черта международной системы, таким образом, изначально предопределяла взгляд на мир с евроцентристских позиций.

С позиций культурной однородности М. Уайт различал первичные и вторичные системы государств. К первичным международным системам относились три следующие – древнегреческая (полисная), китайская система государств периода воинствующих королевств и европейская система государств нового времени. Они возникли внутри единой общей культуры и характеризовались, по мнению М. Уайта, высокой степенью культурной однородности¹⁰.

Вторичные системы государств формировались как результат смешения культур разных типов государств, что отражает внутреннее развитие системы. Это греко-персидская система античного мира, средиземноморский мир средневековья, система ООН и др. Перечень данных систем у М. Уайта неисчерпывающий.

Первичные системы государств отделяют себя от остального мира посредством культуры. Это специфическое представление о варварах и диких народах. Оно демонстрирует определение внешних границ системы с точки зрения культурных различий и осознание собственного единства внутри системы. Возможно, на такое представление повлияли цивилизационные подходы А. Тойнби и О. Шпенглера.

⁹ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 26–27.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 33.

Сформировавшись в пределах общей культурной ойкумены, система развивается за счет внутренней дифференциации. Религиозные войны в Европе тогда были первым конфликтом внутри средневековой Христианиии, Французская революция – вторым внутренним разломом, тоталитарные режимы XX века – третьим¹¹.

Таким образом, корректно говорить, что, хотя конфликт и анархия – ведущие факторы развития международных взаимодействий, международные отношения не исключают наличия общих международных норм, правил и институтов, которые формируются внутри единой культуры и системы ценностей. Этот подход в школе повлиял на работы Х. Булла, А. Уотсона, Г. Гонга, Б. Бузана.

Кроме того, в современной политической науке он актуализируется через проблемы единства черт внутренней политики и представлен в современных вариантах концепции «демократического мира», конструктивистских трактовках государства¹². Из нескольких простых определений системы М. Уайт в своих рассуждениях поднимал вопросы изучения культуры и международной политики на высокий уровень абстрактного размышления и сумел сформулировать едва ли не «вечные» вопросы, требующие глубокого методологического анализа в международной политической теории.

На основе культурной однородности формируются и осевые институты взаимодействия в системе государств.

Еще одной сложной и многомерной темой, поднятой М. Уайтом в этом докладе 1967 года, был вопрос о количестве участников в системе государств. Это затрагивало такие аспекты, как достаточность, пределы роста и поиск оптимального количества акторов международного взаимодействия.

В этом отношении М. Уайт замечает, что количество участников в эллинистический период в международной системе было чрезвычайно большим. Он исходил из числа полисов в полторы тысячи. Древний Китай напоминал систему современной Европы, а европейская система государств XIX века, наоборот, показывала низкое количество участников, особенно до объединения Италии и Германии. Хотя освобождение Балканских стран от Османского

¹¹ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 22.

¹² См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. P. 198–203.

владычества открыло вектор формирования новых держав в регионе, тем не менее общее число участников международных (в значительной степени европейских) отношений в Старом Свете не превышало двух десятков. М. Уайт использует для характеристики числа стран словосочетание «ужасающе низкое». Из сказанного ученый делал вывод, что небольшое количество участников дает больше стабильности и внутреннего понимания государствам в системе¹³.

Важным аспектом при анализе этого вопроса выступает и показатель однородности стран. Античная Греция показала высокую степень гомогенности участников. Почти все государства имели полисную организацию общества, что делало возможным функционирование общих институтов международной системы. Китай напоминал Священную Римскую империю в средневековье, вмещавшую в себя разные формы феодальных политических образований. Европейская система государств нового времени имела гетерогенную структуру. Здесь были классические европейские монархии, выступавшие в роли великих держав (Великобритания, Франция, Австрия); провинциальные монархии раздробленной Италии и Германии; республики и конфедерации. Разнородность участников поднимала вопрос об управлении такой структурой международных отношений на принципах общей международной легитимности, чему впоследствии ученый посвятил специальный доклад в Комитете¹⁴.

В подобных рассуждениях исследователя, безусловно, можно отметить смешение разных классификаций государств: форму правления он смешивает с формой национально-государственного устройства при характеристике политической организации системы европейских стран. Но важно и то, что, заостряя внимание на некоторых аспектах и отдельных интересных фактах, например на том, что В. Вильсон стремился сделать демократию условием членства в Лиге Наций¹⁵, М. Уайт делает лишь наблюдения, а не выводит корреляции. Он ставит в своих рассуждениях многоточие там, где большинству ученых хотелось бы увидеть определенное теоретическое

¹³ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 40.

¹⁴ См.: *Wight M. The International Legitimacy*. P. 153–172.

¹⁵ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 41.

заключение, причины и выводы. Иначе говоря, признавая некоторую фривольность в обращении с историческими фактами и переносом общих понятий на исторический материал различных эпох, исследователь поднимает серьезные теоретические вопросы. В этом проявляется интерпретативный характер Английской школы теории международных отношений в сравнении с аналогичными сциентистскими проектами в США того же периода. М. Уайт как историк очень скрупулезен в своих наблюдениях. Он старается не делать необоснованных выводов, но в первую очередь заставляет задуматься и просчитать гипотезу.

Этот подход принес свои теоретические плоды. К вопросу о количестве участников в международной системе также обращались многие представители Английской школы. Б. Бузан и Р. Литтл стремились сформулировать критерии, которые позволяли бы сравнивать различные международные системы. Они находят, что своеобразие и тип акторов выступают решающими при перенесении теоретических системных представлений на историю международных отношений¹⁶.

Еще одним важным аспектом в анализе системы государств выступает динамика международной системы. Так, европейская система государств нового времени, по мнению М. Уайта, прошла в своем развитии 4 этапа.

Первый этап (до 1500-х годов). Осевой регион – Италия, где появился принцип баланса сил. Пределы развития системы к концу периода, или, как говорят геополитики, хинтерланд, – трансальпийская Европа.

Второй этап (1500–1763 годы). Система распространилась на Западную Европу, а хинтерланд системы простирался до Восточной Европы в период Семилетней войны.

Третий этап (1763–1941 годы). Осевые участники системы государств – страны, входившие в Лигу Наций, а хинтерланд – их бывшие колонии в Азии и Африке.

Четвертый этап. Глобальная система, сформировавшаяся после Второй мировой войны.

¹⁶ См.: *Buzan B., Little R. International System in World History. Remaking the Study of International Relations.* P. 375.

Греко-римская система государств в своем развитии также прошла 3 фазы: 1) греческая система городов-государств до Александра Македонского; 2) империя Александра Великого; 3) система великих держав после Александра Македонского¹⁷.

Здесь обращает на себя внимание гипертрофированная роль человека при анализе эволюции международной системы. М. Уайт признавал, что Александр Македонский сыграл для системы государств античности роль Колумба, Вашингтона и Наполеона.

Из анализа динамики ученый формулировал тезис о том, что большинство государств заканчивали свое существование в качестве универсальной империи, которая проглатывала остальные государства¹⁸. Это особенно видно на примерах первичных систем государств. В Китае сформировалась империя, полисный эллинизм эволюционировал к империи Рима, Индия – к Моголам. Здесь поднимался вопрос об эволюции европейской системы государств и о возможностях сравнительного изучения международных систем.

По первому аспекту вопроса М. Уайт не давал определенного ответа, обозначив лишь общую тенденцию. Второй аспект способствовал становлению такого направления внутри Английской школы, как историческая социология международных систем. В отличие от большинства теоретиков в международных отношениях представители данного научного сообщества вслед за М. Уайтом признавали наличие систем в международных отношениях не только в истории нового времени. Традиционно международники выделяют четыре крупные международные системы – Вестфальскую, Венскую, Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую. М. Уайт, А. Уотсон, Б. Бузан, Р. Литтл исходили из существования систем, основанных не только на суверенных, но и на сюзеренных отношениях участников. В силу этого нельзя даже привести исчерпывающий перечень систем международных отношений. М. Уайт затронул эту проблематику в форме признания существования вторичных систем государств и считал, что устойчивые модели взаимодействия присутствовали даже в отношениях между империями.

¹⁷ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 42–43.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 43.

На чем было основано такое перенесение системных представлений глубоко в историю? Если судить по немногочисленным комментариям А. Уотсона, данный вопрос активно обсуждался на заседаниях Комитета по внешней политике в 1960-х годах. Можно выделить три причины перенесения концепта системы государств вглубь исторических процессов.

1. Протест против общепринятого подхода. Участники семинара считали то обстоятельство, что системный анализ начинается с нового времени, – избитой истиной, принятой на веру. Необходимо было дать дополнительные обоснования и произвести проверку тезиса, который они считали лишь абстрактной гипотезой. С этой целью и была предпринята попытка перекинуть представление о системе государств в историю. Не случайно, что этот вектор в работе школы оказался возможен на рубеже 1960–1970-х годов после смены Председателей Комитета, от консервативного Г. Баттерфильда к скептику М. Уайту. Данный подход явно не соответствовал классическим канонам исторических исследований, но он неплохо соотносится с современными конструктивистскими и прикладными представлениями в науке. Отсюда и востребованность дискурса Английской школы в практике современных научных исследований международной и мировой политики.

2. Участники семинара считали, что само данное понятие основано на представлениях о системе как о взаимодействии независимых стран европейского региона. М. Уайт выразил сомнения по поводу данной позиции в следующем вопросе: почему мы склонны считать систему независимых государств более желательным образом, чем другие возможные альтернативы? Он предположил, что если государства в системе прекращают поддерживать свою независимость, то гибнет страна, а система может принять вид гегемонии или империи¹⁹. Такие оценки присутствовали еще в «Политике силы». По-видимому, этот подход неплохо соотносился и с представлениями Г. Баттерфильда о недопустимости вульгарных идей о линейном характере прогресса в истории. Ученый считал это следствием плохой интерпретации фактов историком, а не действительным историческим процессом.

¹⁹ См.: *Watson A. System of States*. P. 103.

3. Как ни парадоксально, но и процессы деколонизации мира можно рассматривать в качестве предпосылки указанной теоретической позиции. Пик деколонизации – 1960-е годы. В тот период казалось, что обретение независимости и формирование глобальной международной системы – это не только трагедия колониальной политики, но и триумф ценностей европейской международной системы, основанной на концепции политического равновесия. Профессор Э. Кедури называл этот тезис версией истории Чатем Хауса, имея в виду, что мир, основанный на национальном суверенитете, умирает как желаемая цель развития международных отношений²⁰. Пессимист М. Уайт видел в истории международной политики более далекие горизонты и не поддавался близорукому оптимизму стратегического анализа²¹.

Обратившись, хотя и поверхностно (в рамках нескольких статей), к истории, М. Уайт выдвинул гипотезу о том, что системы государств могли состоять из разных типов участников. Как минимум можно говорить о независимых государствах, гегемониях, империях и доминионах. Перечисленные акторы международных отношений формируют своеобразный спектр, по которому движется развитие международной системы²². Впоследствии А. Уотсон более детально развивал данный взгляд внутри школы, опубликовав книгу по этой теме²³. А кроме того, отдельные элементы этой гипотезы также отстаивались Х. Буллом, Б. Бузаном и Р. Литтлом в работах «Экспансия международного общества» 1984 года и «Международные системы в мировой истории»²⁴.

На появление гипотезы о существовании международных систем глубоко в истории, вероятно, повлияло эссе М. Уайта, посвященное греко-персидским отношениям. Эти две цивилизации ученый рассматривал как наиболее развитые в античности. Безусловно, здесь можно увидеть отголоски цивилизационного подхода А. Тойнби,

²⁰ См.: *Kedourie E.* Religion and Politics: Arnold Toynbee and Martin Wight. P. 6–14.

²¹ См.: *Mackinnon D.* Op. cit. P. 1–15.

²² См.: *Wight M.* De systematibus civitatum. P. 44.

²³ См.: *Watson A.* The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.

²⁴ См.: *The Expansion of International Society.* 479 p.; *Buzan B., Little R.* International System in World History. Remaking the Study of International Relations. 452 p.

обозначенного в его «Постижении истории». Здесь М. Уайт сформулировал ряд небезынтересных наблюдений относительно отношений государств различных типов. Так, он заявляет, что эллинская система государств впервые в истории показала несовместимость космополитического идеала с существованием любой системы. Изначально отношение греков и персов к внешнему миру выглядело не как отношение цивилизации к варварам и не как столкновение цивилизаций, но как идеологическая борьба внутри единого международного общества²⁵.

Эллинская система знала два вида конфликтов. Первый обозначался еще Фукидидом как гражданская война государств, или «стасис». При характеристике данной формы конфликта М. Уайт мельком упоминает, что «демократии не могут иметь хороших длительных отношений с олигархиями, так как олигархия по своей природе угрожает конституции и свободам демократии»²⁶. Подобное понимание природы конфликта, вытекающее из внутренней структуры политического режима, явно наводит на ассоциации с современной концепцией демократического мира. Вторым видом конфликтов выступал в том международном обществе конфликт между мидизмом и эллинизмом. Греческий глагол «мидизм» означал, по М. Уайту, сотрудничество с Персией, которое подразумевало сюзеренный тип отношений в международной системе. Взаимодействие полисной организации греков и имперского характера политики Персии не могло происходить на суверенной основе, по М. Уайту²⁷. Персия выступала как естественный враг демократий и естественный союзник тиранов. Греко-персидские войны снизили притязания персов. Равным образом Пелопонесские войны снизили амбиции Афин на доминирование в эллинском мире. Сформировалась система сюзеренных государств, зависимых от Персии, так как часть территории империи находилась за рамками греко-эллинской системы, но в то же время сохранялась внешняя угроза со стороны греков на Западе. В результате возникает странная система сосуществования полисов и империи. Таким образом, рассмотрение исторического

²⁵ См.: *Wight M. Hellas and Persia*. P. 105.

²⁶ *Ibid.* P. 106.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 80.

материала подводило ученого к эмпирическому, с его точки зрения, выводу о том, что система суверенных государств – это не единственная возможность существования международной системы в истории.

Далее он гипотетически предположил, что независимые государства в результате упадка силы могут быть ослаблены до положения доминиона, а в случае увеличения силы, напротив, независимые государства могут сформировать гегемонию. Последняя подразумевает, что власть в системе распределена между несколькими странами или группой стран. Примерами гегемоний в системе, по М. Уайту, выступают афино-спартанская диархия после Пелопоннесских войн или система «европейского концерта» XIX века. Ученый считал, что такой механизм управления в международных отношениях существует в объективном, а не в субъективном смысле²⁸. Гегемония не сводится только к диктату в отношении более слабых стран, но продолжает диалог между государствами. Поэтому нет оснований говорить о прекращении существования международной системы.

Те, кто не может поддерживать независимость, становятся доминионами, и их внешнюю политику определяет гегемон. Наконец, система может эволюционировать в империю. Она представляет собой механизм управления международным обществом из единого (имперского) центра, хотя и он не имеет абсолютной власти. В рамках таких представлений о системе оказывалось возможным построение типологий международных систем. Впрочем, большинство утверждений М. Уайта в этот период носило характер взаимосвязанных гипотез, что и составило программу для дальнейших исследований внутри школы.

В этом контексте еще одной важной темой, поднятой М. Уайтом в Комитете в последние годы жизни, был вопрос о происхождении и функционировании современной международной системы. М. Уайт как историк попытался определить ее хронологические и территориальные рамки. Он приходит к выводу, что европейская система государств нового времени настолько уникальное, насколько и закономерное образование в пространственно-временном измерении.

²⁸ См.: *Watson A. System of States*. P. 105.

К такому восприятию его подводил Г. Баттерфильд, считавший, что эллинское (македонское) международное общество стало своего рода примером для формирования европейской системы государств в новое время после распада Габсбургской империи²⁹. Данная тема обсуждалась в ходе сессий Комитета, и ей М. Уайт посвятил два последних своих доклада в начале 1970-х годов³⁰. Примечательно, что проведенные М. Уайтом исследования в итоге скорее опровергали, чем подтверждали сформулированную Г. Баттерфильдом гипотезу. Это не может не свидетельствовать о том, что ученый до конца жизни оставался историком даже в своих теоретических размышлениях о международных отношениях.

В докладе, посвященном географическим пределам европейской системы государств, он поднимает вопросы о границах ареала существования международной системы и об индикаторах, которые свидетельствовали о ее формировании. Он исходит из того, что в качестве начальной точки отсчета европейской системы государств обычно фигурирует дата 1648 года – время заключения Вестфальского мирного договора. Однако, с его точки зрения, Вестфальский договор в ретроспективе был лишь завершением долгого периода перехода от религиозной к светской политике. Для М. Уайта было очевидным, что система государств развивалась из Западной Христианиии. Упоминавшееся культурное единство средневековой Европы покоилось на религиозном универсализме под властью папы и содержало в себе миссионерскую направленность политики. Произошел транзит от средневековой Христианиии к европейскому балансу сил. Начальной точкой этого процесса тогда было мирное соглашение в Лоди 1454 года, зафиксировавшее равновесие между Венецией, Неаполем и Миланом до эпохи Итальянских войн³¹.

Во внешних проявлениях граница Христианиии определялась контактами европейцев с другими народами, которые воспринимались ими как цивилизованные, варварские и дикие. Здесь ученый воспроизводил известную схему Л. Моргана и Ф. Энгельса, хотя

²⁹ См.: *Watson A.* The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 5.

³⁰ См.: *Wight M.* The Origins of Our State-system: Chronological Limits. P. 128–152; *Idem.* The Origins of Our State-system: Geographical Limits. P. 110–128.

³¹ См.: *Ibid.* P. 113.

и не ссыался в докладе на первоисточник. На полное признание в политическом отношении могли рассчитывать лишь цивилизованные страны, чьи границы определялись католической ойкуменой. Поэтому Литва и Польша считались частью системы, а Московское государство нет³². Варварские государства могли рассчитывать во внешних контактах с европейскими странами на частичное политическое признание. Народы и страны, которые считались дикими, в лучшем случае могли рассчитывать на человеческое признание со стороны международного общества в виде концепции естественных прав, сформулированной Г. Гроцием и Ф. де Витория. При таком подходе получалось, что османский фронтир способствовал поиску новых политических подходов при взаимодействии с европейской системой. Опять-таки М. Уайт не предлагал развития темы, обозначив лишь контуры идей (предельные основания темы) в своем докладе.

Таким образом, с одной стороны, следуя гроцианской (рационалистской) традиции, М. Уайт утверждал идеи естественного права и единства человеческого рода в международных отношениях, с другой – его историческая социология проводила четкую разделительную линию между европейскими и другими народами в их возможностях участия в системе государств. Вестфальский мир обозначил в этом отношении географические пределы международной системы. Он подводил итог разнородным процессам, направленным на ее формирование: разрушению католического мира и признанию прав протестантских князей, воплощенных в идее суверенитета; он обозначил место России и Османской империи, по сути вытеснив их за границы системы; он предопределил светское развитие международных процессов, от пересмотра границ до прав «цивилизованных» народов. В такой трактовке системы и договора просматриваются элементы признания европейской исключительности в творчестве ученого.

Поскольку сам термин «система государств» в работах исследователя представлял собой сложное теоретическое понятие, то М. Уайт предложил некоторые индикаторы, которые выступали знаками в оценке формирования международной системы. Этому был посвящен второй доклад М. Уайта в Комитете в 1971 году. К их

³² См.: *Wight M. The Origins of Our State-system: Geographical Limits*. P. 119.

числу относились: 1) появление суверенных государств; 2) взаимное признание стран; 3) становление иерархии в отношениях между странами; 4) установление коммуникаций; 5) европейское международное право как средство общения между странами; 6) способы защиты общих интересов³³.

Хронологически истоки формирования системы М. Уайт, как уже упоминалось, относил к итальянским государствам XV века. Существовавшая на территории Апеннинского полуострова раздробленность напоминала анархию. Но именно она и давала шансы на появление суверенных государств. Мирное соглашение в Лоди 1454 года тогда выступало началом политики «итальянского концерта». Ставя акцент на этом договоре, М. Уайт, как и Г. Баттерфильд, по-видимому, отталкивался от собственного знания источников по политической истории Италии, среди которых особое воздействие на ученого произвели труды Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини, утверждавших идею “*stato*” – государства в современном значении этого термина. Поэтому и процесс формирования современной системы суверенных государств Английская школа начинала с XV века.

Вторым шагом в направлении формирования системы был процесс признания государствами друг друга. И хотя, в отличие от американских реалистов, ученый не считал, что империя не знает понятия международной системы, при характеристике данного признака М. Уайт отталкивался от понятия «суверенитет», который традиционно считается основой международных систем в новое время. Оригинальность трактовки М. Уайтом данной мысли заключалась в совместимости идеи суверенитета с существованием иерархии в международных отношениях. Иначе говоря, суверенное равенство европейских государств, то, на чем традиционно основывалось признание, вовсе не означает отсутствие иерархии как основы порядка в международных отношениях. Тем самым отрицалась основа анархии как проявления хаоса в международной политике. Он пишет: «Доктрина равенства значила в тот период не больше, чем право на заключение международных договоров, признаваемых за суверенами, и право на участие в церемониях»³⁴.

³³ См.: *Wight M. The Origins of Our State-system: Chronological Limits.* P. 129.

³⁴ *Ibid.* P. 136.

«Выравнивание» международного общества было завершено лишь в период французской революции и последовавших за ней войн наполеоновской Франции. Но Венский конгресс также парадоксальным образом признавал и восстанавливал права, но в то же время устанавливал иерархию в международных делах. Иерархия в тот период формировалась за счет возникновения класса великих держав, имевших особые права в отношении иных участников. При этом в анализе идеи признания М. Уайт, как это часто встречается в его работах, пытается совместить теоретическую классификацию государств и конкретно-исторические аспекты становления великодержавности в международной политике. Для демонстрации проблемы такой подход, совмещающий разрывы между концептуализацией и историческими фактами, представляется оправданным.

В теоретических аспектах своих рассуждений о признании иерархии М. Уайт пытается найти корреляцию между размером государства и типом политического управления. Так, он полагает, что прямое демократическое управление подходит для городов-государств, более крупные державы вроде Флоренции или Венеции лучше управляются аристократией, а для слишком крупных стран подходящей формой управления выступает монархия³⁵.

Неспособность небольших государств создать устойчивые международные коалиции открывает дорогу великодержавности и иерархии. Здесь он ссылается на опыт Венецианской и Священной лиги периода Итальянских войн. Как результат разрушения подобных коалиций формируется принцип государственного интереса, а территория Италии становится объектом вмешательства со стороны более крупных европейских государств – могущественной империи Габсбургов и Франции. Таким образом, при обосновании второго и третьего критериев формирования системы государств можно увидеть некоторую взаимосвязь и даже элементы диалектики в подходе ученого.

Средства коммуникации позволяли поддерживать регулярные контакты между государствами, что стало основой современной дипломатии. Ее истоки М. Уайт видел в этой работе не в установлении сети постоянных дипломатических представительств, на что

³⁵ См.: *Wight M. The Origins of Our State-system: Chronological Limits.* P. 136.

обращали внимание многие участники школы еще в «Дипломатических исследованиях», но в практике созыва конгрессов и саммитов³⁶. Саммиты генетически выросли из встреч императоров, а в их отсутствие – из встреч родственников царствующих особ, что предопределяло аристократический характер данного политического института. По-видимому, здесь М. Уайт отталкивался от противопоставления старой и новой дипломатии – темы, которую анализировал Г. Баттерфильд в Комитете в 1960-х годах³⁷. Механизм же Конгрессов как развитая практика многосторонней дипломатии появился из практики церковных соборов, которые часто использовались и были необходимы для заключения новых и пролонгации действующих международных договоров³⁸.

Международное право, вернее, его отсутствие для некоторых членов школы было доказательством отсутствия существования системы государств. Поэтому М. Уайт видел в нем особый механизм коммуникации в международной системе. Истоки европейского права, впоследствии ставшего общим международным правом, ученый усматривал в римском праве, законах и обычаях войны, отдельных попытках систематизации морского права в виде сборника “*Consolato del mare*” и других нормативно-правовых источниках. Это позволяло расширить хронологические рамки правового регулирования межгосударственных отношений и выступало признаком формирования международной системы. То же самое можно сказать и о механизмах коллективной ответственности государств. Истоки системного М. Уайту виделись в XV веке, но процесс формирования взаимной ответственности за происходящее растянулся на полтора столетия. Изменения были медленными в силу ряда причин.

Во-первых, изначально перемены в международных отношениях носили не более чем региональный характер. Они ограничивались Италией, а связь последней с «Большой Европой» ощущалась лишь после французского вторжения в Италию³⁹. Во-вторых, процесс формирования великих держав в лице империи Габсбургов

³⁶ См.: *Sharp P.* Op. cit.

³⁷ См.: *Butterfield H.* The New Diplomacy and Historical Diplomacy. P. 182–191.

³⁸ См.: *Wight M.* The Origins of Our State-system: Chronological Limits. P. 143.

³⁹ См.: *Ibid.* P. 151.

и французского королевства также оказался растянутым, а именно: их борьба поляризовала европейские отношения на полтора столетия. В-третьих, разрушение единства латинского христианства потребовало разработки новой общей основы для формирования порядка, которой для ученого послужила концепция естественного права Г. Гроция. Она стала основой представлений о единстве общества. В-четвертых, географические открытия и процесс колонизации способствовал поиску компромиссов в Европе.

Таким образом, М. Уайт не интересовался вопросами, как в дальнейшем происходило развитие международной системы. Это стало предметом анализа для Х. Булла и А. Уотсона в «Экспансии международного общества» 1984 года, но нет сомнения, что эта вторая общая работа Английской школы была продолжением проблематики, которую сформулировал М. Уайт в изучении генезиса европейской системы государств. Теоретический анализ системности в международных отношениях, осуществленный М. Уайтом, без сомнения, носил самостоятельный характер и стал основой развития общей программы Английской школы еще при жизни исследователя.

Творческий путь М. Уайта демонстрирует резкие повороты от отстаивания идеалистических подходов и христианской телеологии межвоенных лет к реализму послевоенного периода и до поиска компромиссов в международных отношениях в рамках работы Британского комитета по внешней политике. Это свидетельствует о сложных мировоззренческих перипетиях в научной судьбе ученого. В этом отношении он ничуть не лукавил, когда писал, что «ключевой вопрос международной теории – это природа международного общества и международного права»⁴⁰. Во всяком случае, лично для него эта концепция оказалась синтезирующей разнообразные подходы к изучению международных отношений, которые он отстаивал в разные периоды своей жизни. Многообразие идей и теоретических вопросов, сформулированных ученым, надолго определило рамки рассуждений внутри данного научного сообщества, если подходить к нему как к известному кластеру рассуждений о международных отношениях.

⁴⁰ Wight M. Western Values in International Relations. P. 92.

Глава 3. ХЕДЛИ БУЛЛ И ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА

Имя Хедли Булла (1932–1985) в отечественном научном сообществе по-прежнему известно лишь относительно небольшому кругу специалистов-международников. Между тем основные работы этого ученого, вышедшие в 1960–1980-х годах, принесли ему славу не только видного исследователя, но и одного из создателей Английской школы международных отношений. Только один этот факт уже заслуживает внимания, поскольку девять из десяти работ по международным отношениям в современном мире выходят в США.

Правда, в силу особенностей интеллектуальной ситуации периода биполярной системы, творческое наследие Х. Булла было слабо востребовано в Советском Союзе, но и после распада СССР интерес к работам исследователя был неоднозначным в российской науке. В 1990-х годах, по справедливому замечанию А.Д. Богатурова, отечественная наука оказалась в «парадигме освоения» накопленного зарубежного опыта. В этот период фрагменты из трудов Х. Булла были переведены и опубликованы в России. Сам он стал признаваться фигурой знаковой для учебной и научной литературы по международным отношениям. Кроме того, спрос на его интеллектуальное наследие на протяжении начала 2000-х годов нарастал в связи с развитием интереса к так называемым большим спорам в теории международных отношений. В этой связи имя Х. Булла позиционировалось в качестве одного из зачинщиков второго спора и основателя критики сциентизма в теории международной политики. «Востребованными» оказались его идеи и в прикладных работах современных политологов. К нему стали апеллировать реалисты, либералы и даже конструктивисты. Приходится констатировать, что интерес к творчеству этого ученого со временем

только возрастает, а каждая новая грань интереса к его идеям связывает с его именем все новые заслуги.

Х. Булл родился в 1932 году в Сиднее (Австралия). По окончании школы он поступает в университет в родном городе, где планирует изучать историю и философию. Там же он попадает под сильное влияние профессора Джона Андерсена (1893–1962), основателя философии австралийского реализма. В последующем некоторый философский уровень рассуждений почти всегда был присущ работам Х. Булла.

В начале 1950-х годов Х. Булл приезжает в Великобританию, чтобы завершить образование в Оксфорде. В период с 1955-го по 1957 год здесь он изучает политическую теорию. В 1957 году он был принят на должность ассистента кафедры международных отношений в Лондонскую школу экономики. Еще в «оксфордский» период Х. Булл познакомился с Ф. Ноэль-Бейкером (1889–1982) – человеком, сыгравшим важную роль в формировании его мировоззрения как международного.

Сам Ф. Ноэль-Бейкер был весьма колоритной личностью. Он преподавал в Лондонской школе экономики и стоял у истоков создания кафедры международных отношений. Кроме того, Ф. Ноэль-Бейкер известен тем, что был серебряным призером Олимпийских игр в Антверпене 1920 года по легкой атлетике в беге на 1 500 метров. Он также был многолетним депутатом Палаты общин британского парламента, государственным министром иностранных дел Великобритании в 1945–1946 годах, а в 1959-м стал еще и нобелевским лауреатом в области защиты мира за деятельность, связанную с разоружением. Именно этой сферой деятельности Ф. Ноэль-Бейкер заинтересовал Х. Булла, который начал принимать участие в научных конференциях по контролю над вооружениями. Сам Х. Булл считал эти проекты наиболее ценным исследовательским опытом для того периода и вряд ли сразу находился под воздействием идей Ч. Мэннинга и М. Уайта. Именно Ф. Ноэль-Бейкер содействовал Х. Буллу при переезде в английскую столицу, как и помогал ему в публикации первых работ в 1950–1960-х годах¹. Неудивительно, что после Оксфорда австралиец оказался именно в Лондонской

¹ См.: Hedley Bull on Arms Control / sel. and introd. by R. O'Neil, D. Schwartz. N. Y., 1987. P. 2–3.

школе экономики, так как Ф. Ноэль-Бейкер был одним из основателей кафедры международных отношений. Он работал там с 1924-го по 1929 год и сохранил связи с ней после ухода в политику.

В ходе участия в конференциях по разоружению Х. Булл познакомился с целой плеядой известных английских специалистов: Алестаром Буганом, военным историком Майклом Ховардом, Ричардом Гульд-Адамсом. Все эти люди оказались привлечены вначале в британский, а затем ставший международным Институт стратегических исследований, основанный в октябре 1958 года. Х. Булл также сотрудничал с этим институтом в течение четверти века.

После того как лорд Чальфонд стал министром иностранных дел в правительстве Ховарда Вильсона, в Форин Офисе было решено собрать специальную группу советников по контролю над вооружениями. Х. Булл был приглашен в эту новую группу специалистов вместе с другими представителями Института стратегических исследований в качестве директора Департамента по контролю над вооружениями и разоружением. В этом департаменте в середине 1960-х годов работала яркая и представительная команда аналитиков и преподавателей: Ян Беллани, Джеффри Джейкс, Джеймс Ричардсон. Организационно подход нового министра к подбору экспертов по контролю над вооружениями напоминал то, что почти в то же время делал Роберт Макнамара в США. В ходе Карибского кризиса стало ясно, что ядерное сдерживание, если перефразировать известное выражение тех лет, «слишком важное дело, чтобы доверять его только военным»². Р. Макнамара, как известно, набрал команду молодых технократов, стремившихся снизить значение военного лобби и поставить вопросы международной безопасности под гражданский контроль.

К этому периоду своей деятельности, который пришелся на вторую половину 1960-х годов, Х. Булл относился достаточно скептически в последующие годы. Это был первый и последний опыт его работы на государственной службе. Нельзя сказать, что дипломатическая служба ему не нравилась или оказалась для него провальной.

² В оригинале это выражение звучит как: "too important to make it to the generals" (о причинах такого недоверия к военным см.: *Миронов В.В.* Американские «силовики» в период Карибского кризиса // *Социальные институты в истории. Ретроспекция и реальность: межвузовский сб. ст.* Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 110–125).

С 1965-го по 1967 год департамент, возглавляемый Х. Буллом, становится важной структурой британского Форин Офиса, отдел превращается в центр постоянных консультаций для оказания помощи английской делегации на переговорах по нераспространению ядерного оружия в Женеве. Но по складу своего характера Х. Булл был скорее ученым, чем политиком. Он, если судить по воспоминаниям его коллег, мог повышать голос только тогда, когда лично считал это необходимым³. Его экспертные заключения считались вполне профессиональными. Здесь можно полагаться лишь на воспоминания его коллег, так как отчеты, которые он готовил, имели грифы секретности и никогда не публиковались. Именно в этот период Х. Булл получает известность в качестве международного эксперта, его начинают приглашать для консультаций в США. Данной репутацией он активно пользовался и в 1970-х годах. В этот период он читал лекции в Принстонском и Колумбийском университетах США, немного работал в Вирджинии.

Но в целом Х. Булл неуютно чувствовал себя на дипломатическом поприще, предпочитая государственной и дипломатической службе творческую свободу ученого и исследователя. Х. Булл проработал в министерстве более двух лет и ушел с должности, хотя после отставки продолжал сотрудничать с Международным институтом стратегических исследований еще долгие годы. После ухода с дипломатической службы ученый также в качестве гражданского служащего готовил отчеты для английских чиновников по международной безопасности. Во всяком случае, он не стал в дальнейшем развивать дипломатическую карьеру и не задержался в качестве главы департамента надолго. Видимо, решение покинуть дипломатическую службу он принял, когда ему поступило предложение возглавить кафедру международных отношений в Национальном университете в Австралии.

Следующий период жизни ученого начинается в 1967 году, когда он становится заведующим кафедрой международных отношений в университете Канберры, и длится до 1977 года. Там же, в Австралии в Национальном университете, сегодня находится и Центр исследований, носящий его имя. Те, кто знал Х. Булла лично,

³ См.: Hedley Bull on Arms Control. P. 6.

отмечали, что он сильно изменился именно в это время. Он оказался востребованным специалистом и быстро укреплял свои позиции как профессионал. Опыт работы в Школе экономики способствовал специализации исследований на прикладных аспектах региональных отношений. В этот период его интересуют проблемы международных отношений в Тихоокеанском регионе и Южной Азии. В 1973 году он с группой экспертов совершает поездку в маоистский Китай и Индию. Параллельно Х. Булл принимает участие в работе Британского комитета по международной политике, посредством которого он сохранял свою связь с Великобританией и готовил «Анархическое общество», ставшее классическим исследованием в формировании Английской школы международных отношений.

Последний период жизни ученого начинается с 1977 года, когда он возвращается в Великобританию и занимает должность профессора международных отношений в Оксфорде, где он продолжал работать вплоть до своей смерти от рака в 1985 году. Этот период работы был также ознаменован его председательством в Комитете и другими научными проектами, которые свидетельствуют о том, что Х. Булл никогда не замыкался лишь на одной определенной проблематике исследований. Например, в это время он руководил большим проектом по изучению англо-американских отношений в качестве «особых». Примечательно, что эта работа была выполнена почти в день смерти исследователя, а книга увидела свет в 1986 году, тем самым завершив столь желанное для Фонда Рокфеллера сопоставление английского и американского подходов, пусть и по частной проблеме изучения международных отношений⁴.

При реконструкции биографии ученого необходимо сделать акцент на трех факторах, в той или иной степени объясняющих своеобразие его представлений о международных отношениях.

Первый фактор – его происхождение. Х. Булл родился и вырос в Австралии – стране, которая на момент его рождения входила в состав Британской империи. Как известно, империя была одной из самых крупных в мире и, как выражались, «в ней никогда не заходило солнце». Образование Британского Содружества произошло в 1936 году, через несколько лет после рождения Х. Булла.

⁴ См.: The “Special Relationship”. Anglo-American Relations Since 1945.

Фактор происхождения помог адаптироваться молодому студенту в Великобритании, получить классическое английское образование в Оксфорде. Принадлежность к англоязычному миру выглядит в его судьбе как достоинство, открывшее ему дорогу в мир дипломатии и науки. Как ученый он смотрел на мир с позиций более широких, чем национальные интересы его страны. Если Г. Баттерфильд напоминал кабинетного мыслителя XIX века, когда писал, что он ценит каждую милю, отделяющую Кэмбридж от Лондона, то Х. Булл свободно перемещался по разным странам англоязычного мира в течение всей своей жизни и вовсе не чувствовал себя мигрантом. Здесь обнаруживается научная и преподавательская стезя университетского исследователя «западного» мира второй половины XX века. Академическая мобильность, сочетание преподавания и научных исследований, теоретических наработок и практического опыта экспертной деятельности – все эти качества демонстрируют особенности эпохи научно-технической революции. Кроме того, базовое философское образование в Австралии предоставило ученому почву для критического взгляда со стороны, так сказать, с периферии имперской политики периода крушения колониальной эпохи.

Второй фактор – это интерес к вопросам стратегических исследований и международной безопасности, который сформировался под воздействием Ф. Ноэль-Бейкера и в ходе работы в Международном институте стратегических исследований. Сотрудничество со специалистами данного профиля способствовало становлению «реалистской» (стратегической) грани в творчестве Х. Булла, которую австралийский философ быстро воспринял как теоретическую основу для развития собственных взглядов на международные отношения. В связи с этим уместно заметить, что иногда Английскую школу называют мягким вариантом американского реализма. Такая оценка не во всем правомерна и далеко не бесспорна, но определенная почва для размышлений в ней присутствует. Работы Х. Булла часто сравнивают с теорией международной политики К. Уолтца. Примечательно, что обе работы вышли в одно время, хотя Х. Булл все-таки был чуть раньше. Но и из реалистов сам Х. Булл ценил не Г. Моргентау или А. Уолферса, а С. Хоффмана, хотя в его многочисленных статьях можно встретить упоминание всех этих имен.

Третий важный фактор – работа в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований. Именно здесь

Х. Булл познакомился с большинством представителей школы: Ч. Мэннингом, М. Уайтом и другими ее создателями и адептами. Работа в школе позволила ему принять участие в Британском комитете по внешней политике, куда он был приглашен как дипломат-практик и ученый. Данный фактор отчасти объясняет и то, почему Х. Булл не удовлетворился стратегической теорией и стремился к ее модернизации и пересмотру.

Его творчество как воплощало в себе опыт исследований и дискуссий представителей первого поколения школы (Ч. Мэннинг и Г. Баттерфильд) в становлении проблематики международного общества, так и, благодаря своей концептуальной незавершенности, создавало задел для углубления и дифференциации предмета изучения внутри формирующегося подхода к анализу международных отношений. Собственно говоря, он и был одним из главных творцов современной британской теоретической традиции. Об этом может свидетельствовать тот факт, что его фундаментальная книга «Анархическое общество» с момента первого издания в 1977 году переиздавалась дважды, стала отличительным маркером не только самой Английской школы в узком значении этого термина, но и всей английской теоретической традиции, хотя сам Х. Булл даже не являлся англичанином по происхождению.

В современных работах по теории международных отношений к нему апеллируют и неореалисты, и неолиберальные институционалисты, и даже конструктивисты⁵. Подобная популярность демонстрирует не только рост интереса к творчеству ученого со временем, но и выступает показателем некоторого поверхностного восприятия его концепции.

Заметим, что у идей и книг Х. Булла была отнюдь не простая судьба не только в Великобритании, но и за рубежом. Вызвав безусловный интерес в среде международников в 1970-х годах благодаря уже упоминавшейся работе «Анархическое общество», наследие Х. Булла оказалось подзабытым после его смерти в 1985 году и пережило новый виток интереса на рубеже двух веков, что во многом объясняется популяризацией идей Английской школы таким маститым ученым, как Б. Бузан.

⁵ О такой востребованности его идей подробнее см. вступительную статью к работе: Hedley Bull on International Society. P. 21–45.

В целях данного исследования при реконструкции концепции международного общества творческое наследие Х. Булла важно как минимум в следующих отношениях. Во-первых, необходимо дать характеристику взглядов ученого по основным темам его научных интересов в силу многочисленности и многоаспектности его работ.

Во-вторых, необходимо проследить эволюцию взглядов Х. Булла в 1950-х – середине 1980-х годов в связи с той ролью, какую он стал играть внутри Британского комитета.

В-третьих, необходимо определить роль Х. Булла в формировании концепции международного общества и, следовательно, в становлении Английской школы. Здесь главная сложность заключается в том, что указанная концепция в той редакции, в какой она существовала в 1980–1990-х годах, в значительной степени была сформулирована им самим, хотя и отражала двадцатилетний опыт работы целого коллектива.

Х. Булл относился к той редкой категории ученых, которые своими работами формировали предмет изучения на долгие годы вперед. После смерти исследователя дальнейшая эволюция концепции международного общества пошла по нескольким направлениям. Один из этих путей был предложен самим Х. Буллом и заключался в проверке применимости ее положений к другим историческим периодам. Ключевыми фигурами школы в развитии этого пути оказались А. Уотсон, Б. Бузан, Р. Литтл, а этой проблематике была посвящена «Экспансия международного общества» – вторая совместная коллективная монография английской интеллектуальной традиции.

Другой путь эволюции школы заключался в смещении акцентов изучения на мировое общество, поскольку проблематика общества международного в значительной степени была исчерпана М. Уайтом и самим Х. Буллом. Здесь основным «оппонентом» внутри школы оказался Дж. Винсент. Иначе говоря, как заметили бы представители самой школы, плюралистско-солидаристские споры стали основным источником дальнейшей эволюции Английской школы теории международных отношений в последние два десятилетия. Данные дебаты на сегодняшний период не завершены, и концептуального единства школе они пока не прибавили.

3.1. Стратегические исследования и вопросы контроля над вооружениями в творчестве Хедди Булла

Тематика контроля над вооружениями в научной судьбе Х. Булла представляла относительно самостоятельную область интересов. Эта сфера его деятельности открыла ему дорогу к дипломатической службе Великобритании, а в научном отношении также оказалась связанной с концепцией международного общества. Если М. Уайт для Х. Булла был тем ученым, которому он до конца своих дней оставался признателен за то, что вовремя познакомился с концепцией международного общества, то Ф. Ноэль-Бейкеру он был обязан вхождением в британское сообщество международных.

Сам Ф. Ноэль-Бейкер олицетворял в определенном смысле иной социальный тип ученого-международника, характерный для зарубежной науки второй половины XX века. И практик, и столичный университетский профессор, и спортсмен, и общественный деятель, успешный политик и чиновник одновременно, нобелевский лауреат и олимпийский чемпион, казалось, он успевал все и выступал личным примером для многих. Такой набор характеристик, безусловно, контрастировал с талантливыми исследователями Английской школы. Г. Баттерфильд был в сущности кабинетным ученым, видевшим в истории определенный набор идей и борьбу сил, которую он предпочитал изучать в тиши кабинета, погружаясь в детали исторических источников. Не похож Ф. Ноэль-Бейкер был и на Ч. Мэннинга – человека с активной жизненной позицией, но оставшегося до конца дней философом, воспринимавшим многие события со стороны, ежедневно часами изучавшим газеты.

Ф. Ноэль-Бейкер занимался вопросами разоружения еще в период Лиги Наций. Здесь проявилось яркое пацифистское кредо этого человека. В послевоенные годы он также считал снижение милитаризма в межгосударственных отношениях важнейшей научной и практической задачей. С этой целью он участвовал в проведении многих международных конференций и старался формировать экспертное сообщество ученых. Именно он привлек Х. Булла к участию в важных научных форумах, где австралиец сумел показать свои бесспорные способности. Но примечательно и то, что Х. Булл оказался

«неблагодарным учеником». Уже в первых своих работах он стал полемизировать с отдельными положениями работ Ф. Ноэль-Бейкера, подвергать их критике. Например, Ф. Ноэль-Бейкер считал разоружение гарантией против новой войны, а Х. Булл полагал, что международное общество изначально построено на силе. Если для первого война бессмысленна, а значит, бессмысленны и вооружения, то второй отстаивал баланс сил как условие международного порядка. Собственно, в этих первых суждениях молодого Х. Булла и проявился основной интерес к данной проблематике – роли силы как регулятора в международном обществе.

Благодаря участию Ф. Ноэль-Бейкера Х. Булл погрузился в творческую атмосферу конференций, посвященных разоружению, и оказался вовлечен в сферу новых подходов к анализу проблем международной безопасности во второй половине 1950-х годов. В работе «Стратегические исследования и их критики» 1968 года он сам определил квинтэссенцию своих воззрений на указанный раздел международных отношений¹. Он стремился занять позицию золотой середины между традиционными стратегическими исследованиями и критическим подходом в адрес того, что впоследствии стало называться «исследования безопасности». Такая авторская позиция в целом неплохо соотносится с тем обстоятельством, что Английская школа возникла внутри консервативного направления британской историографии. Подход Х. Булла к данному вопросу характеризуется как умеренный консерватизм.

Так, он признает, что в центре изучения международных отношений традиционно находятся вопросы безопасности государства. Следовательно, стратегический ракурс рассмотрения международных проблем по-прежнему выступает основным предметом пристального внимания политиков, ученых и дипломатов. Однако как критичный исследователь Х. Булл не мог не отметить, что во второй половине XX века изменились сами представления о стратегии, что проявилось в следующих его тезисах.

Во-первых, стратегические размышления более не концентрируются на методах и способах ведения войны. В традиционном понимании стратегия – это лишь один из инструментов для дости-

¹ См.: *Bull H. Strategic Studies and Its Critics // World Politics. 1968. July. P. 593–605.*

жения военной победы. К. фон Клаузевиц определял войну как продолжение политики иными средствами и методами. Если традиционно стратегия противопоставлялась тактике, то во второй половине XX века главные стратегические идеи – сдерживание, кризисное управление и манипулирование рисками².

Во-вторых, в силу первого фактора стратегические исследования перестали быть лишь уделом занятий военных. Как заметил сам Х. Булл, сегодня сфера стратегических исследований – область, куда совершили набег гражданские специалисты³.

В-третьих, стратегические размышления приобрели абстрактный и спекулятивный характер. Ядерной войны нет, а предмет стратегического анализа – планы и размышления о том, какие решения необходимы будут в случае ее возникновения. Более того, релевантность исторического знания в этой сфере относительна по отношению к темам подобного рода⁴.

В-четвертых, стратегические исследования связаны с погружением в многочисленные технические детали и характеристики. Поэтому многие гражданские эксперты считают, что до XX века сфера изучения стратегии вообще не была поставлена на серьезную научную основу. Теперь же радикально настроенные адепты стратегического подхода предлагают изучать стратегические исследования в качестве отдельной специальности в университетах. Х. Булл скептически относился к подобным идеям, считая, что не нужно искусственно отрывать изучение стратегии от исследований по международным отношениям⁵.

В-пятых, Х. Булл вслед за некоторыми коллегами отмечал, что интерес к техническим аспектам безопасности приводит к некоторому вытеснению вопросов морали из сферы стратегического анализа. Внутренне ученый не соглашался с такой постановкой тезиса. Стратегия, с его точки зрения, хотя и выступает как средство по достижению определенных целей, но не исключает моральной ответственности за происходящее. Ирвинг Горовиц в этой связи говорил

² См.: *Bull H. Strategic Studies and Its Critics* // Hedley Bull on Arms Control. P. 11.

³ См.: *Ibid.* P. 12.

⁴ См.: *Ibid.* P. 13.

⁵ См.: *Ibid.* P. 13–14.

о новых гражданских милитаристах. А сегодня данную линию размышлений в Великобритании продолжает Мэри Калдор.

Вывод, который формулировал Х. Булл, обобщая все данные изменения, заключался в том, что гражданский стратегический анализ вытесняет военных из сферы стратегического планирования. Стратегические исследования становятся автономным занятием⁶. Иначе говоря, Х. Булл самостоятельно в 1960-х годах пришел к таким же выводам, что и эксперты в США после Карибского кризиса: стратегия слишком серьезное занятие, чтобы доверять ее только военным.

Но одновременно с изменениями в стратегии ученый анализирует и недостатки новых подходов к вопросам международной безопасности. Гражданские специалисты настаивают на полном разоружении стран в качестве цели политики. Ф. Нозль-Бейкер как раз был апологетом такого подхода. По Х. Буллу, такая постановка вопроса нереализуема. Провести разоружения до конца невозможно. Устранив один вид вооружений, можно стимулировать развитие другого⁷.

Второй аргумент критики стратегических подходов – замена идеи общего разоружения суммой частичных соглашений по разным вопросам. Для Х. Булла это еще более опасно. В этой связи он интересовался идеями ненасильственного сопротивления М. Ганди в 1960-х годах, когда вернулся в Австралию, но считал, что альтернативы балансу сил ненасилие не составляет.

Третий аргумент критического восприятия стратегических подходов заключался в том, что, хотя новая стратегия и имеет дело с абстрактными размышлениями в ядерном мире, и здесь возможны ошибки. Так, в центре стратегического анализа находятся советско-американские отношения. Однако угроза ядерной войны в мире может исходить и от других государств и источников совершенно иного рода⁸.

Четвертый аргумент критики исходил из того, что подход новых научных экспертов основан на приемах теории игр, построении сценариев, процедурах анализа принятия решений. Однако спе-

⁶ См.: *Bull H. Strategic Studies and Its Critics* // *World Politics*. P. 593.

⁷ См.: *Bull H. Strategic Studies and Its Critics* // *Hedley Bull on Arms Control*. P. 17.

⁸ См.: *Ibid*. P. 18.

циалистов вроде Томаса Шеллинга в общей массе новых экспертов немного. А сам подобный инструментарий заимствован из экономики, где цена ошибки и прогноза иная. Если экономический человек и существует, то человек стратегический – это всего лишь фикция. Отсюда вытекает и несовершенство методов анализа и прогнозирования проблем международной безопасности – тема, которую Х. Булл затрагивал в международной науке, выступив инициатором так называемого второго большого спора в теории международных отношений.

Пятым моментом, заставляющим осторожно относиться к новому стратегическому подходу, выступает, по мнению Х. Булла, то, что, сформулировав рекомендации для власти, эксперты остаются в стороне и не несут ответственности за последствия своих рекомендаций. Ответственность за те или иные решения по-прежнему возлагается на политиков, а не на «новых» или «старых» стратегов.

Альтернативу всем этим недостаткам исследователь видит не в развитии и совершенствовании стратегических исследований, но в формулировании актуальных частных научных концепций, которые бы дали ключ к пониманию новой реальности в сфере политики международной безопасности. Идеи международного общества, с которыми он познакомился в Лондонской школе экономики и в ходе работы в Комитете, как раз представляли такую альтернативу в 1950–1960-х годах. Она примиряла недостатки и достоинства нового стратегического подхода, а также отвечала вопросам современной международной безопасности. Таким образом, данная работа дает представление о квинтэссенции подхода ученого к указанной тематической области.

Вместе с тем интерес Х. Булла к стратегическим темам оставался устойчивым на протяжении 1960–1970-х годов, что заставляет говорить о самостоятельности стратегической повестки в эволюции научных взглядов ученого. В связи с этим опубликованные работы Х. Булла, посвященные проблемам вооружений и политике разоружения, можно объединить в три блока:

1. Контроль над вооружениями и баланс сил.
2. Вопросы ядерного сдерживания в международных отношениях.
3. Анализ отдельных международных соглашений.

Первая группа работ как раз отражает поиски ученым компромисса между двумя ведущими сферами его интересов к международным отношениям, которые формировались в период службы в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований и развивались им до теоретического уровня. Суммарно они отражали идейное влияние Ф. Нозль-Бейкера и М. Уайта на молодого австралийского ученого. Объединяющей платформой обеих линий для Х. Булла стала идея баланса сил. Видимо, она неплохо укладывалась в философское мировоззрение начинающего исследователя и позволила сформулировать собственную твердую линию аргументов.

Сила как регулятор в международных отношениях выступает основой международного взаимодействия, с позиции Х. Булла. В работе 1959 года он писал: «Международное общество, как и любое другое общество, основано на сети правил, которые воплощены в нормах, законах и морали. Но эти правила действуют лишь при условии, что основа безопасности обеспечена силой, как и внутри общества»⁹. Заметим, что подобного рода суждения в тот период демонстрировали зрелость размышлений их автора. Он быстро стал восприниматься как эксперт и знаток вопросов безопасности, а ведь в конце 1950-х годов Х. Буллу еще не было и тридцати лет. Его подход получил признание в Соединенных Штатах за счет близости оценок реалистической традиции международной теории.

Но, кроме этого, как и М. Уайт, Х. Булл был скептиком. Истоки его скептицизма имели другую природу. Они коренились не столько в религиозной эсхатологии М. Уайта, Г. Баттерфильда или Д. Маккиннона, но в философии его учителя по университету в Сиднее Дж. Андерсена, который критически относился к любым политическим идеям. Именно критическое философское мышление позволяло Х. Буллу быстро улавливать общую перспективу вопроса, включать отдельные проблемы вооружений в более широкий мировоззренческий контекст, а Лондон познакомил его с новейшими подходами, которые он объединил с идеями международного общества через институт баланса сил.

⁹ Bull H. Disarmament and the International System // Hedley Bull on Arms Control. P. 38.

Вопросы контроля над вооружениями Х. Булл уже с первых своих произведений часто рассматривал в контексте более широкого нормативного подхода к международным отношениям¹⁰. Основой нормативного регулирования он уже тогда считал баланс сил. Баланс сил не изменяет анархическую природу участников международной системы. Поэтому его неверно считать антонимом международной анархии¹¹. Напротив, баланс есть показатель существования анархии в международных отношениях; в них никто не может доминировать. Баланс лишь несколько ограничивает и сдерживает анархическую природу государств, не выступая панацеей от войны. Ядерное оружие, появившееся во второй половине XX века, по Х. Буллу, не делает войну бессмысленной. На этом как раз настаивал Ф. Ноэль-Бейкер, когда заявлял, что «если война – анахронизм, то и вооружения тоже». На данном тезисе был построен оптимизм политики разоружения, за которую Ф. Ноэль-Бейкер получил Нобелевскую премию мира в 1959 году. Скептицизм Х. Булла к таким выводам не предрасполагал.

Появление вооружений особого рода во второй половине XX века автоматически не делает войну анахронизмом. Функция ядерных вооружений заключается в сдерживании государствами друг друга. Это поддерживает баланс сил. Баланс не оберегает от войны. Он оберегает от угрозы доминирования одной страны над другой и от трансформации в универсальную империю¹². Здесь война может даже быть необходима, если речь идет о поддержании общего международного баланса. Эта же позиция разделялась ученым в 1970-х годах и нашла отражение в статье сборника, посвященного юбилею Ч. Мэннинга, и «Анархическом обществе»¹³.

Попытки полного и всеобщего разоружения межвоенного периода, не основанные на балансе сил, с позиции ученого, потерпели

¹⁰ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power // The Control of the Arms Race / ed. by F. Praeger. L., 1961. P. 37–62; Idem. Disarmament and International System. P. 27–40.*

¹¹ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power // Hedley Bull on Arms Control. P. 43.*

¹² См.: *Ibid. P. 42.*

¹³ См.: *The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning. P. 122; Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 106–107.*

фиаско. Вашингтонский договор 1922 года, устанавливавший пропорции судов на Тихом океане, и конференции Лиги Наций в 1930-х годах не принесли ожидаемых результатов. Они не сохранили мир в Европе и не гарантировали безопасность Тихоокеанской Азии. Коллективная безопасность как способ предотвращения войны для Х. Булла во второй половине XX века стала эвфемизмом, который легитимизирует существование традиционных военных альянсов типа НАТО¹⁴. Видимо, здесь исследователь хотел подчеркнуть роль статьи 51 Устава ООН, которая предусматривает право на коллективную оборону, создавая, таким образом, формально-правовую предпосылку для сохранения традиционных военных союзов.

В работах с 1958-го по 1961 год, которые впоследствии составили основу его первой книги «Контроль над уровнем вооружений» 1961 года, Х. Булл сформулировал ряд оригинальных идей, принесших ему международную известность в вопросах ядерной безопасности. В частности, он проводил четкое различие между стратегическим вооружением, предназначенным для сдерживания, и стратегическим оружием, предназначенным для нападения¹⁵. В таком подходе угадывалось то, что в США после Карибского кризиса делал Р. Макнамара, а во Франции – Шарль де Голь, а именно: последний понимал ключевые противоречия ядерной эры. Х. Булл, по-видимому, считал ядерную войну изначально проигранной. Как и Ф. Ноэль-Бейкер, он размышлял о ней как о глобальной катастрофе. Его интересовали политические возможности, которые дает обладание ядерным оружием. Он стремился найти механизмы, которые бы укрепляли международный порядок. Р. Макнамара искал их в формулах дифференцированного применения ядерного оружия, в том, что впоследствии получило название тактического ядерного вооружения, Ш. де Голь – в идеях Директората ядерных стран, Х. Булл – в укреплении института баланса сил и развитии на этой основе дипломатии и международного права.

В этой связи любопытными представляются аргументы последнего. Любой из видов современного оружия имеет множество форм. Стратегическое ядерное оружие может быть направлено не только на уничтожение аналогичного стратегического вооружения

¹⁴ См.: *Bull H.* Disarmament and the International System. P. 32–34.

¹⁵ См.: *Hedley Bull on Arms Control*. P. 4.

противоположной стороны в конфликте, но и на уничтожение городов и людей. Так это было в Японии в 1945 году. Это создает взаимный страх по обмену ядерными ударами. Тогда, современный международный порядок напоминает равновесие террора, а не классический баланс сил XVIII–XIX веков¹⁶.

История появления ядерного оружия также демонстрирует живучесть идеи баланса сил для ученого. В течение первых лет после Второй мировой войны США имели преобладание над Советским Союзом. Однако вскоре это преобладание было утрачено и возник стратегический ядерный паритет, свидетельствующий о восстановлении баланса. Хотя история и недостаточно пригодна для изучения ядерной эры, стремление к сохранению равновесия в вопросе вооружений очевидно.

Эта же позиция прослеживалась в рассуждениях Х. Булла в 1970-х годах. Рассматривая возможность применения ядерного оружия в локальном конфликте, Х. Булл отмечал преимущества СССР в случае превращения Западной Европы в театр военных действий. Советско-американский баланс, закрепленный в соглашениях 1970-х годов, ставит перед Соединенными Штатами дилемму, в случае войны в Европе, между поражением в локальной войне и вступлением в общую ядерную войну. Соглашения 1970-х годов закрепили паритет, или, как его называет Х. Булл, «ядерный пат», в сфере стратегических наступательных вооружений, но никоим образом не затрагивают вооружения средней и малой дальности. По отношению к Европе, делал вывод ученый, у СССР образуется некоторая свобода маневра¹⁷. Данные аргументы сильно напоминают вопросы в советско-американских переговорах 1970-х годов, которые Пол Нитце называл переговорами по евrorакетам¹⁸. В этой связи у американских политиков и дипломатов появляется идея ядерного нуля в конце 1970-х. Х. Булл здесь видел одну из проблем в сфере поддержания баланса сил, умозрительно рассуждая на подобные темы в конце 1950-х годов.

¹⁶ См.: Hedley Bull on Arms Control. P. 43.

¹⁷ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power* // Hedley Bull on Arms Control. P. 52.

¹⁸ См.: *Нитце П.* Прогулка в лесу // *Международная жизнь*. 1989. № 11. С. 119–134; № 12. С. 129–138.

Аналогичным образом ученый дифференцировал ядерное стратегическое оружие и системы противоракетной обороны (ПРО). Развертывание систем ПРО против стратегических наступательных вооружений Х. Булл считал идеей разрушительного характера. Она способствовала применению ядерного оружия из-за страха уязвимости подобных систем ПРО. Максимум, на что могли рассчитывать такие системы, – это ограничение возможности возникновения случайной ядерной войны¹⁹. А кроме того, критика систем ПРО была основана на экономических мотивах. Развертывание подобных систем сопряжено со значительными финансовыми расходами.

Здесь Х. Булл не всегда был согласен с аргументами сторонников разоружения, хотя и придерживался этого подхода. Критика траты ресурсов – вещь общая и давно известная, полагал ученый, но она игнорирует политическую основу происходящей политики. Нельзя достичь процветания за счет экономии на вопросах безопасности. А спор о том, на какие цели лучше потратить деньги, – одна из главных причин разногласий в любом обществе²⁰. Эти аргументы свидетельствуют о том, что исследователь находил неудовлетворительными отдельные формулировки сторонников идеи разоружения, но не оспаривал сам подход.

В целом проблемы, которые он формулировал в своей классической теории контроля над вооружениями, оказались чрезвычайно востребованными критиками рейгановской администрации в 1980-х годах. Это был период развертывания в США программы «Стратегическая оборонная инициатива», которая предусматривала создание системы ПРО в масштабах всей страны.

Еще один устойчивый интерес Х. Булла в сфере контроля над вооружениями – вопросы поддержания стратегического ядерного паритета. К числу основных проблем его сохранения ученый относил следующие аспекты. Война может быть вызвана технической случайностью, выбором ядерного решения человеком, который не уполномочен на такое решение, решением ядерной страны атаковать неядерную державу, но ядерным оружием, эскалацией

¹⁹ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power // Hedley Bull on Arms Control. P. 52–56.*

²⁰ См.: *Bull H. The Control of the Arms Race. Disarmaments and Arms Control in the Missile Age. L.: Institute for Strategic Studies, 1961. P. 13–18.*

локального конфликта, провоцирующего действия третьих стран, и другие сценарии²¹. За такими темами также нетрудно заметить проблемы современного нераспространения оружия массового поражения. Конечно, не все аргументы Х. Булла сегодня воспринимаются как обоснованные. Однако механизм случайного возникновения ядерной войны, гарантии ядерных стран в отношении неядерных, проблемы попадания компонентов стратегических вооружений в руки террористов и другие вопросы также остаются открытыми и сегодня. Пожалуй, единственное, что не подтверждается современными исследованиями в сфере контроля над вооружениями, – это отрицание взаимосвязи между разоружением и нераспространением ядерного оружия. С этой точки зрения Х. Булл слишком увлекся критикой сторонников Ф. Ноэль-Бейкера. Но и эта связь сегодня выглядит непрямолинейной²².

Вопросы, посвященные анализу отдельных международных соглашений, в творчестве Х. Булла можно подразделить на работы, касающиеся истории отдельных договоров по вооружениям, и работы, в которых анализируются действующие для того периода соглашения в сфере контроля над вооружениями.

Среди наиболее показательных договоров в истории, которые определяли нормы в области контроля над оружием, Х. Булл интересовал Вашингтонский договор 1922 года, устанавливающий пропорции в соотношении флотов на Тихом океане (в отечественной истории международных отношений он больше известен как Договор пяти держав 1922 года), а также Лондонская конференция по морским вооружениям 1930 года и Лондонская морская конференция 1935–1936 годов²³. Эти конференции и соглашения показательны с нескольких точек зрения.

Во-первых, они отображали результаты усилий «реалистов», как политиков, так и бизнесменов, пытавшихся установить баланс сил, основанный на формальных запретах. Во-вторых, они демонст-

²¹ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power* // Hedley Bull on Arms Control. P. 50.

²² См.: Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., 2011. С. 345–349.

²³ См.: *Bull H. Strategic Arms Limitation. The Precedent of Washington and London Navy Treaties*. Chicago, 1971. P. 1–44.

рировали подход количественного ограничения вооружений. В-третьих, они обнаруживали проблемы поддержания паритета в сфере контроля над вооружениями. Со всех трех позиций Х. Булл находил эти договоренности провальными. Причины этого заключались в том, что все это частные примеры отдельных рациональных действий в отношениях между странами. Решения конференций исходили из предпосылок, что стратегический выбор государствами уже был осуществлен, что война воспринимается как иррациональный акт, что рациональными усилиями можно остановить кровопролитие. Для Х. Булла любое из этих допущений было ошибочным²⁴.

В сфере международной политики, полагал ученый, нет такого понятия, как рациональные действия. Есть лишь попытка перенесения терминов из психологии и экономической теории в предметную область международных отношений. Международная теория, и здесь он солидарен с М. Уайтом, – это всегда теория выживания²⁵. В июле 1914 года все государства считали, что все было осторожно просчитано. Хотя в последующем даже к отдельным частным соглашениям в сфере ядерного нераспространения Х. Булл относился положительно.

Действующие же международные соглашения в виде договора ОСВ-1, Договора о ПРО 1972 года, Московского договора 1963-го и Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 года, напротив, в отличие от первой группы договоренностей, усиливали международную безопасность²⁶. Они помогали стабилизировать отношения взаимного ядерного сдерживания и установили «баланс терпора». Ни один из элементов сдерживания не был ослаблен.

Единственной проблемой этих соглашений выступает то, что подобные договоренности показывают США морально слабыми, что в дальнейшем может привести к снижению роли Америки и росту значения Советского Союза²⁷. Более того, даже частные соглашения по отдельным регионам в ядерный век для Х. Булла были полезны

²⁴ См.: *Bull H. Arms Control and the Balance of Power* // *Hedley Bull on Arms Control*. P. 48.

²⁵ См.: *Wight M. Why is There No International Theory?* P. 33.

²⁶ См.: *Bull H. The Moscow Agreements and Strategic Arms Limitations*. Canberra, 1973. P. 11.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 27.

в отличие от соглашений межвоенного периода²⁸. Таким образом, существует определенная несогласованность между выводами Х. Булла относительно «исторических» соглашений по контролю над вооружениями и его позицией в отношении действующих международных договоров.

В одной из своих последних работ, посвященных контролю над вооружениями, Х. Булл выделял пять основных идей, которые считал квинтэссенцией нового стратегического анализа в сфере безопасности для 1960-х годов. Он считал эти идеи валидными и для периода 1970-х.

1. Контроль над вооружениями не цель, но средство к достижению цели – противодействию возникновению ядерной войны.

2. Контроль над вооружениями должен быть основан на общем понимании безопасности противоборствующих держав. В этом тезисе угадывалось восприятие мира как международного общества и содержался потенциал перехода от конфронтации к сотрудничеству в целях поддержания международного мира и международной безопасности.

3. Контроль над вооружениями и оборонительная стратегия стран не обязательно противоречат друг другу. В этой связи он выделял безопасность «от» и безопасность «для» в сфере контроля над вооружениями. Первая подразумевает безопасность от войны, и история международного общества показывает, что она остается недостижимой целью в межгосударственных отношениях. Вторая демонстрирует расширение проблематики безопасности и находит воплощение в политических, экономических, правовых и моральных институтах международного общества²⁹. Внутри этих сфер возможно построение общего кластера безопасности. Некоторые адепты Английской школы усматривали в такой позиции механизм разрядки в международных отношениях, который Х. Булл умозрительно сформулировал еще в 1960-х годах.

4. Контроль над вооружениями должен затрагивать более широкий круг вопросов, чем те, которые покрываются формальными

²⁸ См.: Asia and Western Pacific Towards a New International Order / ed. by H. Bull. Melbourne, 1975. P. XIV–XV.

²⁹ См.: Bull H. The Control of the Arms Race. Disarmaments and Arms Control in the Missile Age. P. 26–28.

договоренностями. В рамках данного тезиса просматривается новая расширенная повестка проблематики безопасности, активно развиваемая сегодня Копенгагенской школой и конструктивистскими исследованиями безопасности.

5. Наиболее важная практическая задача в сфере контроля над вооружениями – стабилизация отношений взаимного сдерживания в отношениях между странами³⁰.

Эти тезисы показывают, что для своего времени Х. Булл обладал незаурядным стратегическим мышлением. С периферии международной системы он сумел посмотреть на советско-американские отношения и увидеть ключевые проблемы безопасности последней трети XX века, а также ряд современных стратегических вопросов. Кроме того, эта тема показывает точку расхождений между американской и английской теорией международных отношений. Как отмечал в одной из своих работ К. Браун, разница была не столько в методах, сколько в понимании предмета³¹. Американский подход характеризовался ставкой на бихевиоризм и методы строгого научного анализа. Он привел к формированию проблематики международных режимов в 1980-х годах. Английский стратегический анализ усилиями Х. Булла и других со временем стал вписываться в концепцию международного общества и современные конструктивистские исследования безопасности.

Интерес ученого к вопросам стратегической стабильности укрепился в 1970-х годах. Это был период разрядки в международных отношениях. В Австралии в сферу его интересов попали новые аспекты, в том числе и по стратегическим исследованиям. В частности, он положительно отзывался о ядерной программе Индии³². В британском стратегическом подходе он видел уязвимые места в чрезмерной зависимости от Соединенных Штатов. Однако в целом концепция международного общества в стратегическом своем преломлении отражала «вневременные» (структурные) проблемы международных отношений. Отсюда эксперты и последователи школы выводили из взглядов Х. Булла разные последствия.

³⁰ См.: *Bull H.* The Moscow Agreements and Strategic Arms Limitations. P. 18–19.

³¹ См.: *Brown C.* Op. cit. P. 221–222.

³² См.: *Ibid.* P. 7.

3.2. Гроцианские ценности и основы международного общества в творчестве Хедли Булла

Еще одной серьезной научной темой, которая обозначилась в 1960-х годах в творчестве Х. Булла, оказалась тема гроцианских ценностей в международных отношениях. Именно она стала одной из теоретических предпосылок формирования автономной теории Английской школы в период работы Британского комитета. Интерес к ней у ученого также сохранялся на протяжении всей его творческой биографии. Отталкивался Х. Булл в ее постановке, видимо, от уайтовских идей о трех традициях анализа международных отношений¹.

Первой традицией, согласно М. Уайту, была гоббсианская, или макиавеллистская, как иногда ее еще характеризуют в англоязычной теории международных отношений. Исследователями она интерпретируется как логика, предшествующая политическому реализму. Здесь, правда, важно иметь в виду, что в 1940–1950-х годах в рамках этой традиции работал и сам М. Уайт, описывая международные отношения в терминах державной, или силовой, международной политики. Холодная война не располагала к иным вариантам трактовки международной жизни. “Power Politics” называлась одна из центральных книг М. Уайта 1947 года, представлявшая собой своего рода глоссарий по изучению международных отношений для нескольких поколений английских студентов. Отсюда и в «Дипломатических исследованиях» в 1966 году в статье «Почему не существует международной теории?» он писал, что «международные отношения – это царство повторов и репетиций»². Здесь ощущаются ключевые недостатки политического реализма: его вневременной характер и этатизм в описании международных отношений. Другое дело, что ни М. Уайт, ни Х. Булл не были удовлетворены этим подходом целиком, хотя и не отрицали его влияния. Отсюда обращение к другим интеллектуальным источникам в анализе международной жизни.

¹ См.: *Wight M. International Theory: The Three Traditions*. P. 26.

² *Wight M. Why is There No International Theory?* P. 26.

Вторая традиция – кантианская, или, как стали ее называть позднее внутри Английской школы, революционистская. В основе – попытки ограничения войны, а идейным вдохновителем оказалась концепция «вечного мира» И. Канта. Идеал – транснациональное мировое общество, в котором акторами международных отношений выступают индивиды, а их солидарность в отношении войны не позволяет государствам проводить агрессивную политику. В современной политике эта линия артикулируется в концепциях «мирового правительства» и теории «демократического мира». В американской науке данный подход чаще называется либеральным, а в отечественных учебниках по международной теории он именуется либерально-идеалистическим. В 1960-х годах ни М. Уайт, ни Х. Булл по разным причинам не разделяли этого подхода целиком и оставались на плюралистских позициях. Хотя к концу жизни Х. Булл отстаивал некоторые солидаристские идеи, и они легко обнаруживаются в его статьях 1980-х годов, но в целом они не получили развития в центральной для анализа концепции работе ученого «Анархическое общество».

Третья традиция – гроцианская (рационалистская), названная по имени известного нидерландского юриста и основателя науки международного права Г. Гроция. И М. Уайт, и Х. Булл считали эту линию средним, *via media*, как говорил М. Уайт, подходом к международным отношениям. Этот подход не отрицал ведущей роли государства в международных делах, но объяснял существование общего международного порядка.

Наличие разных традиций демонстрирует автономную интеллектуальную среду, в которой происходило становление Английской школы теории международных отношений. Истоки данной научной традиции были иными, нежели в американской теории международных отношений. И М. Уайт, и Х. Булл не разделяли господствующих в американской теории реалистских идей целиком.

При этом Х. Булл не просто развил идеи М. Уайта, интерес к Г. Гроцию получил в его творчестве самостоятельный ход и значение. Отсюда и название «гроцианские ценности». Одна из работ М. Уайта была озаглавлена как «Западные ценности в международных отношениях». Термин «гроцианские ценности» был заимствован Х. Буллом из названия статьи известного юриста Х. Лаутерпахта,

опубликованной в «Британском ежегоднике международного права» в 1946 году. Главная идея статьи Х. Лаутерпахта заключалась в том, что Устав Лиги Наций и Устав ООН есть не что иное, как воплощение идей Г. Гроция³. Гроцианскому подходу в праве Х. Булл противопоставлял подход юристов-нормативистов XIX века, расцвет идей которых он видел в работах Л. Оппенгейма начала XX века. По учебникам Л. Оппенгейма обучались в английских университетах того времени.

Х. Булл интерпретировал идеи Г. Гроция и Х. Лаутерпахта в современном для него контексте. Как известно, центральный вопрос книги Г. Гроция – может ли война быть справедливой? Он ставится как основной во вступлении к книге и звучит в названии главы второй⁴. Г. Гроций отвечает на него утвердительно, и из этого возникает представление о праве войны, коль скоро данное явление невозможно удалить из общественной жизни. В наиболее обобщенном виде справедливыми причинами для войны, по Г. Гроцию, выступают:

- самозащита жизни и имущества⁵;
- возвращение имущества;
- наказание виновных⁶.

Примечательно, что нидерландский мыслитель писал свою работу в условиях Тридцатилетней войны (1618–1648), которая воспринималась современниками как гигантский социальный катаклизм. Это была и первая общеевропейская война. Она затронула почти все страны Европы и в значительной степени продемонстрировала разрушение цивилизационного единства Европы.

Х. Булл считал, что истоки представлений об анархии как о естественном состоянии в международных отношениях как раз восходят именно к таким периодам. Здесь был низвергнут авторитет как государственного, так и церковного права. Правовые нормы просто переставали действовать в таких условиях. В итоге логика событий вела к утверждению силы в международных отношениях в двух

³ См.: *Bull H. Grotian Conception of International Society // Hedley Bull on International Society*. P. 119.

⁴ См.: *Гроций Г. О праве войны и мира*. М.: Ладомир, 1994. С. 41, 83.

⁵ См.: Там же. С. 87.

⁶ См.: Там же. С. 187.

возможных сценариях. Первый – утверждение национальной власти и становление национального государства; второй – восстановление власти императорской. Г. Гроций, согласно Х. Буллу, выдвинул третью позицию – международное общество, где есть место праву, морали и государству даже в условиях отсутствия верховной власти⁷.

Принципиальная разница при этом между подходами Г. Гроция и Х. Булла состоит в том, что актором международных отношений у первого выступает индивидуальный человек, а у второго – государство. Международное общество Х. Булла – это общество государств, а не людей. Поэтому и название статьи – гроцианские «ценности», а не гроцианский «подход». В основе собственно гроцианской концепции международного права – «человеческое» измерение. Не случайно поэтому говорят, что международного права в том виде, в каком о нем мечтал нидерландский юрист, не существует и сегодня. Рассуждая спекулятивно, можно сказать, что с ретроспективных позиций истории международного права Х. Булл оказался более точен в оценках. Международное право было и остается правом в первую очередь государств и правом для государств. Важно определить не то, кто из них прав, тем более что между философами несколько веков, но другое, то, что сближает Х. Булла, Х. Лаутерпахта и Г. Гроция, – хаос в международных отношениях не выступает синонимом абсолютной анархии в них.

В этом Х. Булл обнаруживает неприятие господствующей традиции американских реалистов от Г. Моргентгау и А. Уолферса до К. Уолтца и Г. Киссинджера. Если для реалистов анархия – это среда, в которой протекает международная жизнь, а хаос – источник развития международной системы, то для Х. Булла такое положение не есть отрицание социального измерения международной сферы. Сам факт существования устойчивых представлений о справедливой и несправедливой войне в истории доказывает факт существования устойчивого международного общества, международной морали и ценностей. Х. Булл анализирует последствия деления войны на справедливую и несправедливую у Г. Гроция с позиций четырех проявлений гроцианских ценностей в истории международных отношений.

⁷ См.: *Bull H. Grotian Conception of International Society*. P. 120.

Первое из них состоит в том, что справедливая война дает представление о справедливых средствах ее ведения. Но, экстраполируя подход Г. Гроция на 1960-е годы, Х. Булл в это время ставит важную проблему: возможна ли справедливая ядерная война? В этом подспудно угадывается критика американской внешнеполитической доктрины массированного возмездия, согласно которой, если СССР совершит нападение, лучшим стратегическим ответом будет массированный удар по неприятелю. Ответ на данный вопрос, разумеется, может быть только умозрительным, и английский ученый здесь просто обозначил проблему, показав опасные места подобной позиции как социальный мыслитель. Но в целом подход стал восприниматься участниками Британского комитета как критика господствующих в то время представлений, что видно из преамбулы к заседанию весенней встречи Комитета от 15 апреля 1962 года⁸.

Второе проявление гроцианских ценностей, вытекающее из такого деления войны и свидетельствующее о существовании международного общества, – это право на нейтралитет. С точки зрения Г. Гроция, не существует абсолютного права на нейтралитет. Нейтральное государство должно убедиться в том, кто именно из воюющих занимает справедливую позицию. Нельзя быть безучастным к выигрышу несправедливого участника. Уставы Лиги Наций и ООН, с точки зрения Х. Булла, пытались удалить традицию права на нейтралитет, а доктрина коллективной безопасности умаляла значение этого права, настаивая на юридической обязанности принимать участие в выполнении правовых обязательств⁹. Однако Движение неприсоединения и страны, придерживающиеся постоянного нейтралитета, по-прежнему отстаивают эту гроцианскую ценность в современных международных отношениях.

Третье проявление гроцианства – это обязательства внутри альянсов. По Х. Буллу, следуя гроцианским ценностям, необходимо помогать лишь союзнику, ведущему справедливую войну. Цели создания Лиги Наций и ООН исходили из намерения противодействовать появлению любых традиционных военных союзов, так как система конкурирующих военных альянсов была одной из причин

⁸ См.: *Bull H. Grotian Conception of International Society*. P. 119.

⁹ См.: *Ibid.* P. 121.

возникновения Первой мировой войны и идет вразрез с доктриной коллективной безопасности. Однако сложившаяся после Второй мировой войны практика в международных отношениях легитимизирует существование военных союзов. Статья 51 Устава ООН разрешает индивидуальную и коллективную формы самообороны. Поэтому представление о справедливой и несправедливой войне внутри общества государств так или иначе сохраняется.

Четвертое следствие влияния доктрины Г. Гроция – это обязательства граждан по участию в войне. По мысли Г. Гроция в интерпретации Х. Булла, граждане не обязаны выступать в качестве комбатантов, если страна ведет несправедливую войну. Тогда вопрос об участии людей в конфликте является частным делом индивидуумов, а обязательство перед страной возникает лишь в условиях ведения справедливой войны¹⁰. Поэтому правила ограничения театра военных действий, деление на комбатантов и некомбатантов в период вооруженных конфликтов – это отражение правил ведения войны, свидетельствующих о существовании международного общества.

В целом, хотя Уставы Лиги Наций и ООН, пакт Бриана – Келлога и ряд других нормативно-правовых документов пытались удалить представление о справедливой войне как поощряющее агрессию в XX веке, гроцианские ценности в международных отношениях обнаруживают свою живучесть, вытекающую из существования международного общества и международного порядка. Социальное измерение международной жизни позволяет говорить терминами справедливых представлений о методах ведения войны. Участники международного общества не хотят лишаться права на нейтралитет. Им необходимо ограничивать количество комбатантов в конфликте, а их представления о своей безопасности строятся в расчете на помощь союзников, участвующих в военных альянсах¹¹. Таким образом, гроцианство стало идейной основой для Х. Булла в утверждении существования международного порядка и общества.

Кроме того, в продолжение критики господствующих представлений о международных отношениях Х. Булл опубликовал еще ряд статей в 1960–1970-х годах. Поэтому справедливым будет ут-

¹⁰ См.: *Bull H. Grotian Conception of International Society*. P. 122.

¹¹ См.: *Ibid.* P. 124.

верждение, что «гроцианские ценности» в международных отношениях стали для ученого одной из тем, послуживших отправной точкой его собственной концепции, и развивались им на протяжении жизни.

Примечательна в этом отношении статья «Двадцатилетний кризис. Тридцать лет спустя» 1969 года¹². Она показывает отношение Х. Булла к известному английскому историку Э. Карру (1892–1982), разделявшему идеи реализма. В некоторых работах, посвященных английской теории международных отношений в целом, Э. Карр даже причисляется к Английской школе теории международных отношений. Он действительно был одним из первых исследователей международных отношений в Великобритании. Окончив Кембриджский университет, работал до 1936 года на Форин Офис, входил в состав британской делегации на Парижской конференции вместе с А. Тойнби. После отставки в 1936 году стал профессором университета Эйберсвита. Его теоретические работы по истории широко изучались в советской исторической науке. Главным образом его идеи интересовали отечественных ученых в контексте теоретико-методологических дискуссий о «старых» и «новых» путях изучения истории¹³. Часть его фундаментального труда, посвященная истории Советской России, была издана на русском языке и приурочена к 100-летию ученого¹⁴. Однако все перечисленные обстоятельства и заслуги не делают его автоматически членом Английской школы теории международных отношений. Более того, справедлива в этом отношении позиция, отстаиваемая Х. Суганами и Э. Линклейтером в одной из последних монографий, где Э. Карр относится к диссидентам по отношению к Английской школе¹⁵. Схожую мысль

¹² См.: *Bull H.* Twenty Years Crisis. Thirty Years on // *International Journal*. 1969. Vol. 24, № 4. P. 625–638.

¹³ См., например: *Нейман А.М.* «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30–60 гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1978. С. 14–16; *Шарифжанов И.И.* Современная английская буржуазная историография. Проблемы теории и метода. М., 1984. С. 12–17.

¹⁴ См.: *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923: в 14 т. М.: Прогресс, 1989–1990. Кн. 1, т. 1–2. 1990. 768 с.

¹⁵ См.: *Linklater A., Suganami H.* Op. cit. P. 13–15.

высказывал еще ранее Т. Дюнн о роли Э. Карра для школы¹⁶. Анализ позиции Х. Булла в упомянутой статье дает дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения.

Во-первых, Х. Булл здесь приходит к выводу, что классический реалистский подход был продуктом своего времени и его ранняя сила, представленная в работах Э. Карра, нуждается к 1970-м годам в замене на изучение международного общества и исследовании условий существования международного порядка¹⁷.

Во-вторых, Х. Булл высказывается против морального релятивизма Э. Карра. С точки зрения первого ученого, необходимо удалить понятия «хорошее» и «плохое» из рассуждений о международном обществе, которые присутствовали у исследователя¹⁸. Эта статья была написана в то время, когда Х. Булл работал над проблемами морали и идеологии в международных отношениях и находился под явным воздействием идей К. Мангейма.

В-третьих, его интерес к переосмыслению идей Э. Карра связан с разработкой темы формирования интересов государств (национальных интересов, как сказали бы классики реализма) в поддержании международного порядка. Бихевиористский подход с его акцентом на выживание в международных отношениях ни Х. Булл, ни другие представители Английской школы не принимали. Для них в фокусе исследований находятся нормы и институты международного общества. Для ученого, вплоть до конца 1970-х годов, вопрос о поддержании порядка в международной сфере был центральным. А Э. Карр с его апологетикой кризиса международных институтов в вопросах регулирования международных отношений явно не вписывался в концептуализацию идей о международном обществе. Тем не менее подход Х. Булла, как и Английскую школу в целом, иногда считают английским вариантом реализма. Поэтому вопрос об отношении Х. Булла к реализму при характеристике его концепции нельзя основывать на неприятии отдельных идей, высказанных Э. Карром в отношении межвоенного периода.

¹⁶ См.: *Dunne T. Inventing International Society: A History of English School.* P. 13.

¹⁷ См.: *Bull H. Twenty Years Crisis. Thirty Years on // Hedley Bull on International Society.* P. 125.

¹⁸ См.: *Ibid.*

В связи с этим важной работой для становления концепции международного общества у Х. Булла был доклад «Общество и анархия», обсуждавшийся в Комитете по теории внешней политики 22 июля 1961 года. Это произведение служит лучшим введением к модели международного общества в том виде, в каком ее для себя сформулировал ученый. Не случайно, что данная работа впервые была опубликована в «Дипломатических исследованиях» 1966 года – книге, по существу представлявшей программные положения школы¹⁹. Здесь вслед за Ч. Мэннингом впервые Х. Булл озвучивает мысль, что международное общество существует даже в условиях отсутствия единого правительства в международных отношениях. Именно анархия открывает дорогу к поиску общего вектора существования государств²⁰. Ученый прямо заявляет, что «суверенные государства признают над собой правила поведения, и эти правила существуют во всех обществах, включают все государства, и этот факт приводит к становлению международного общества»²¹. Таким образом, анархия не отрицается, но из ее существования выводятся различные последствия в сравнении с доктриной классического политического реализма.

Кроме того, в этом труде подход Х. Булла демонстрирует попытку дать анализ международного общества не как абстрактной теоретической категории, порожденной иной политической философией, но как исторического явления. После этой работы Г. Баттерфильд написал вскоре в одном из писем от 5 июля 1966 года, что, хотя Х. Булл изначально не был членом Комитета, быстро занял лидирующую позицию в нем: «Его замечания оказывались точны и вскоре становились едва ли не выражением общего мнения участников»²². Он легко вписался в работу семинара, а близость его взглядов идеям М. Уайта и Ч. Мэннинга обеспечила переход от умеренной критики реализма к утверждению собственной онтологии международного общества.

¹⁹ См.: *Bull H. Society and Anarchy in International Relations // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics.* P. 35–50.

²⁰ См.: *Bull H. Society and Anarchy in International Relations // Hedley Bull on International Society.* P. 77–78.

²¹ *Ibid.* P. 78.

²² Hedley Bull on International Society. P. 77.

Такой комплекс взглядов оставался устойчивым у Х. Булла и в 1970-х годах. Так, в статье «Позитивная роль государств в международных отношениях» в международной системе, состоящей из национальных держав, он видит рудиментарную и альтернативную форму международному обществу. Этот фактор объясняет, по его мнению, почему роль государства в международных отношениях со временем снижается. Государственная форма организации международного порядка в виде международной системы обеспечивает лишь «минимальный мировой порядок»²³. Цели такого минимального порядка как раз были описаны Х. Буллом еще в 1961 году. К их числу он относил необходимость выполнения международных обязательств по договорам, гарантии права на жизнь гражданам, охрану собственности²⁴. Если в последнем случае очевидно прямое совпадение с тем, о чем писал Г. Гроций, то первые две цели порядка подспудно умеренно критикуют реализм. Выполнение обязательств по международным договорам может противоречить национальным интересам, гарантии права на жизнь вступают в противоречие с американской политической системой, где действует смертная казнь. Тем не менее Х. Булл считал, что институты международного взаимодействия будут укрепляться, если государства обеспечат надежную основу для развития сотрудничества через переговоры. Иначе говоря, международная система делает возможным сосуществование, а международное общество – развитие. По традиции он здесь опять противопоставил системе общество, что нашло проявление и в «Анархическом обществе».

И все же, несмотря на неполный перечень отличий подхода Х. Булла от господствующей в тот период международной политической теории, некоторые параллели между Английской школой и реализмом обнаружить несложно. И дело здесь не только в том, что реализм выступает как внутренне многомерное явление. Э. Харрел, один из составителей и редакторов третьего издания «Анархического общества», вспоминает, что на лекциях 1979 года Х. Булл

²³ Bull H. The States Positive Role in World Affairs // Hedley Bull on International Society. P. 139.

²⁴ См.: Bull H. Society and Anarchy in International Relations // Hedley Bull on International Society. P. 78.

лично говорил, что не является реалистом²⁵. При этом ученый имел в виду, что не разделял ключевые установки таких классиков реализма, как Э. Карр, Дж. Кеннан, Р. Нибур. Для него они были частью теоретических исканий своего времени, в котором конфликты и анархия оставались главными факторами рассуждений о международных отношениях. С неореализмом ситуация была несколько иной. Даже такой известный сегодня представитель Английской школы, как Р. Литтл, в одной из последних монографий проводит параллели между К. Уолтцем и Х. Буллом. Х. Булл критиковал не сам реализм, а гоббсианскую традицию рассуждений о международных отношениях. Она казалась ему однобокой, лишь частично отражающей международную реальность.

Связь с ней проявилась в разделении следующих ценностей. Во-первых, Х. Булл поддерживал идею анархии в международных отношениях. Разница заключалась в интерпретации ее последствий. И Х. Булл, и гоббсианство признавали баланс сил в качестве одного из центральных институтов международного порядка. Х. Булл считал баланс сил едва ли не основным институтом, формирующим общество и сохраняющим международный порядок в долгосрочной перспективе²⁶. Реалисты не считали баланс сил необходимым институтом международного взаимодействия, а неореалисты видят в нем ценность относительного характера. И Х. Булл, и реалисты в центр своих размышлений о международных отношениях помещали государство, которое выступало главным актором в анализе и прогнозировании международной жизни. В целом такие совпадения неслучайны.

Параллели с реализмом и попытка обозначить Английскую школу национальным вариантом реализма свидетельствуют о том, что наука в Великобритании не развивалась обособленно. Английская теоретическая традиция не была изолирована от мейнстрима теоретического дискурса о международных отношениях. Вместе с тем, принимая некоторые идеи реалистов в Соединенных Штатах

²⁵ См.: Hedley Bull on International Society. P. 22.

²⁶ О роли баланса сил в концепциях Х. Булла и К. Уолтца подробнее см.: Little R. The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 128–172.

и будучи лично знакомым с некоторыми из них, Х. Булл не разделял этой позиции целиком. Его собственные искания строились на ином тематическом интересе, иной интеллектуальной традиции и в конечном счете формировали иной предмет изучения международной политики. Интерес к гроцианству демонстрирует это в полной мере.

Проблематика гроцианских ценностей позволила Х. Буллу отделить идеи концепции международного общества от реализма и собственную позицию от влияния Э. Карра. Более того, в этой теме можно увидеть различие в интерпретации Г. Гроция между М. Уайтом и Х. Буллом. М. Уайт видел в Г. Гроции основателя одного из направлений в международной политической мысли, а Х. Булл подчеркивал разницу между западными и гроцианскими ценностями. М. Уайт идентифицировал гроцианскую модель с Западом в целом, а Х. Булл – с европейскими ценностями права.

3.3. Баланс сил в международном обществе и международной системе в интерпретации Хедли Булла

Отличительным маркером Английской школы международных отношений служит интерес к изучению баланса сил в международной политике. Творчество Х. Булла в этом плане исключения не составляло. В отличие от Г. Баттерфильда и М. Уайта специальных работ, посвященных балансу сил, Х. Булл после себя не оставил. В этой связи вопрос о роли указанного понятия в концепции ученого представляется немаловажным. В центральной для исследователя работе «Анархическое общество» балансу сил была посвящена специальная глава, которую можно считать квинтэссенцией взглядов профессора по данному вопросу.

Здесь Х. Булл относит баланс сил к числу пяти основных институтов международного общества наряду с дипломатией, международным правом, войной и управлением посредством великих держав¹. Как и в отношении других международных институтов, Х. Булл стремится к теоретической проработке понятия, чтобы вписать его в собственную исследовательскую картину. В этом контексте ключевыми аспектами изучения баланса сил для Х. Булла выступали понятие, классификация и функции баланса сил в поддержании международного порядка. Со всех этих позиций баланс выступает ведущим институтом международного общества, но не синонимом международного порядка.

Применительно к определению понятия Х. Булл оставался лаконичным и не стал тщательно анализировать содержание термина в долгой исторической ретроспективе, как это в свое время делали его предшественники Г. Баттерфильд и М. Уайт. Не стал он выявлять взаимосвязи термина с другими характеристиками международного общества. Данные обстоятельства позволяют заключить, что к середине 1970-х годов (к моменту написания центральной работы Х. Булла) внутри школы уже существовало относительное единство взглядов в отношении содержания и роли данного термина. Поэтому профессор Х. Булл сосредоточился на тех аспектах в своей работе

¹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 74.

над термином, которые не затрагивались его коллегами по Британскому комитету и преподавательской деятельности в Великобритании.

При определении баланса сил Х. Булл следует понятию, сформулированному в свое время Э. де Ваттелем: «Баланс сил означает, что отношения между государствами таковы, что ни одно государство не может оказаться в состоянии доминирования и не может навязывать свою волю в качестве закона другим»². Оригинальность подхода Х. Булла при концептуализации термина проявилась не столько в самой рецепции идей известного ученого, сколько в теоретической разработке классификаций баланса сил.

Во-первых, исследователь различает простой и комплексный баланс сил³. Простой баланс сил формируется в середине XVII века и отражает сосуществование разных государств в международной системе. Таким образом, баланс сил выступает не только отличительным элементом международного общества, но и характеристикой системы государств – более ранней формы организации в международных отношениях. Сам Х. Булл по поводу обоснованности датировки возникновения баланса не высказывался, но его хронологический подход отражает одну из главных функций баланса сил, которые выделяет ученый, – предотвращение трансформации системы государств в универсальную империю⁴.

Комплексный баланс сил возникает в международных отношениях позднее, не ранее второй половины XVIII века, в виде системы устойчивых союзов в Европе и сохраняется вплоть до наших дней. Характерной чертой этого вида равновесия выступает возможность расчета дипломатических коалиций. Яркой иллюстрацией комплексного баланса является система «европейского концерта» XIX века⁵. Заметим, что не все представители Английской школы согласились бы с таким пониманием истории термина. Г. Баттерфильд в своем эссе считал, что как элемент политики баланс впервые был применен в период правления Елизаветы I в XVI веке⁶. Однако Г. Баттерфильд не проводил различия между системой

² Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 101.

³ См.: Ibid. P. 101.

⁴ См.: Ibid. P. 116.

⁵ См.: Ibid. P. 102.

⁶ См.: Butterfield H. Balance of Power. P. 138.

государств и международным обществом, которое было принципиальным для Х. Булла. Сегодня иной подход в отношении баланса отстаивает Р. Литтл, который истоки доктрины равновесия находит в творческом наследии Ф. Гвиччардини⁷. Однако в целом датировка баланса сил по времени Х. Буллом близка к современному пониманию концепции и свидетельствует о том, что институциональный взгляд ученого был основан на историческом видении политики Вестфальской системы международных отношений. Однако, как это следует из булловского деления, баланс мог быть и раньше: он мог возникнуть как стечение обстоятельств в международной системе и даже как отсутствие войны в условиях, когда немеждународной системы не существовало.

Во-вторых, Х. Булл различает общий и локальный баланс сил⁸. Общий баланс в ряде мест его работы также иногда именуется центральным, или доминирующим, балансом. Он занимает главное место в системе международных отношений, а локальный – тот, который определяет расстановку сил лишь на определенной территории. Так, например, советско-американский баланс 1970-х годов называется центральным, потому что он отражается на всех иных региональных отношениях.

В таком делении международной системы можно увидеть истоки интереса ученого к последующему изучению специфики региональных отношений через механизм политического равновесия. Для самого Х. Булла такое деление, по-видимому, было вызвано возвращением в Австралию и концентрацией исследовательского внимания на региональных аспектах международных отношений в 1970-х годах. Но в дальнейшем в Английской школе развитием идей локального равновесия продолжил заниматься Б. Бузан, исходя из концептуализации представлений в рамках понятия «комплекс региональной безопасности».

В-третьих, Х. Булл разделяет баланс сил в объективном смысле и его субъективное восприятие⁹. Для понимания значения такого

⁷ См.: *Butterfield H.* Balance of Power. P. 133–136; *Little R.* The Balance of Power in International Relation: Metaphors, Myth and the Models. P. 75.

⁸ См.: *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 102–103.

⁹ См.: *Ibid.* P. 104.

деления Х. Булл ссылается на опыт «странной войны» в Европе, когда победа Германии над Францией наглядно продемонстрировала, что баланс, который мыслился в дипломатических кабинетах, в реальности не существовал. Такое деление показывает, что, в отличие от политических реалистов в Америке, которые ставили акцент при изучении международных отношений на национальные интересы государств, Х. Булл не считал баланс сил лишь выдумкой европейской дипломатии, но относился к нему как к объективной реальности в международных отношениях. Такое понимание позволяет говорить о разном восприятии баланса в Английской школе и американской теории международных отношений.

В-четвертых, Х. Булл различает случайный баланс сил и сознательно созданное политическое равновесие¹⁰. С его точки зрения, попытки механического перенесения баланса сил из нового времени в древний мир явно надуманы. Конфликт между Римом и Карфагеном в действительности существовал, но он не имеет к балансу сил никакого отношения. Кроме того, в новое время случайный баланс может отражать простой факт отсутствия войны в системе государств. Такое положение вовсе не отменяет того факта, что баланс сил в международном обществе рассматривался государствами и в качестве стратегической основы проведения внешней политики.

Комментируя данное разделение, отметим, что оно приобретает значение, когда исследователь сталкивается с проблемой невозможности просчитать соотношение сил из-за особенностей исторической реконструкции. Здесь баланс выступает не только как черта международного политического развития, но и как инструмент познания международного общества. Иначе говоря, баланс рассматривается и как научное понятие, и как политическая практика.

Научное значение концепта раскрывается в функциях, которые баланс сил выполняет в системе государств. По мнению Х. Булла, к их числу принадлежат следующие:

1. Предотвращение трансформации системы в универсальную империю. О балансе можно говорить тогда, когда появляется система государств. Как случайный баланс он не может существовать вне рамок анархического общества.

¹⁰ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 105.

2. Поддержание независимости государств как в рамках общего, так и локального балансов сил.

3. Обеспечение условий, в которых развиваются иные институты по укреплению международного порядка, т. е. дипломатия, сила, международное право, великодержавное управление¹¹.

Эти функции не отмирают и в современных международных отношениях, хотя, по мнению ученого, с 1950-х годов баланс принял форму простого равновесия, а процесс ядерной пролиферации в 1960-х годах направил систему государств в иное направление поиска комплексного равновесия¹². В последние годы жизни профессор считал, что перспектива развития мира идет в направлении многостороннего ядерного сдерживания, что по-прежнему будет способствовать трансформации баланса сил в качестве основного института поддержания международного порядка¹³.

Проблему с этой точки зрения представляла ситуация второй половины XX века. В данный период появился специфический механизм взаимного ядерного сдерживания, который не вписывался в сформулированные представления о балансе. Он заставил говорить ученого о формировании равновесия террора, но не сил. Основные отличия сдерживания от баланса состояли в том, что ядерное оружие создавало избыточное превосходство, которое невозможно сбалансировать. Биполярная эпоха в структурном отношении позволяла говорить о равновесии, доктрина гарантированного взаимного ядерного уничтожения такой подход отрицала. Если баланс сил полагался на объективную оценку силы, ядерное сдерживание на субъективные представления об отпущении. Предназначение баланса сил Х. Булл видел в сохранении международного общества, а ядерное сдерживание было направлено на сохранение мира в лучшем случае. Поэтому перспектива дальнейшего развития баланса во второй половине XX века оказалась под вопросом. Отсюда и надежды Х. Булла на развитие другого института – международного права с их акцентом на гротцианские ценности в международных отношениях. Но как институт Вестфальского периода баланс имел центральное значение.

¹¹ См.: *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 106–107.

¹² См.: *Ibid.* P. 112–115.

¹³ См.: *Ibid.* P. 117–127.

Ученому была известна и критика в отношении баланса сил, разбору аргументов которой он также уделил внимание в своей работе. В частности, один из традиционных критических аргументов состоял в том, что международная система, основанная на данном принципе, охватывала лишь европейский регион и приобрела очертания только в XIX веке. Из функций баланса сил Х. Булл как раз делал вывод о том, что система «европейского концерта» XIX века, та, которая чаще всего и ассоциируется с идеей политического равновесия, представляла собой лишь небольшое историческое проявление данного института в его комплексной разновидности.

Не менее важный критический аргумент заключался в том, что баланс сил часто пренебрегает интересами малых и средних стран в пользу великих держав. Об этом также в одной из своих работ писал М. Уайт¹⁴. Хрестоматийным примером такого пренебрежения в англоязычной литературе считаются разделы Речи Посполитой в XVIII веке. В отношении данных аргументов Х. Булл пишет, что разделы Польши – это не девиантные проявления, которые подспудно присущи балансу сил, а иллюстрация его основной функции – поддержания порядка в отношениях между государствами¹⁵. Баланс в международном обществе выступает способом противодействия анархии.

Такое же небесспорное видение, близкое к геополитике, обнаруживается в апологии баланса как метода, стимулирующего войну. Поддержание баланса с позиций Х. Булла может требовать применения силы. Но такое случается, когда баланс выступает единственным средством противодействия потенциальному доминированию государства. Баланс требует не мира, но стабильности системы государств и сохранения международного общества. В этом парадоксальное значение данного института, изначально призванного снизить значение проявлений силы в международных отношениях.

При несовпадении отдельных оценок в отношении политического равновесия даже М. Уайта и Х. Булла в ключевых своих взглядах на баланс сил основатели Английской школы все же сходились. По М. Уайту, баланс нужен как инструмент предотвращения отдель-

¹⁴ См.: *Wight M. Power Politics*. L., 1949. P. 30.

¹⁵ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. P. 107.

ных войн, хотя он и не позволяет удалить войну полностью из международной жизни¹⁶. Ключевая оценка баланса сил у Х. Булла, на взгляд автора, состоит в том, что именно баланс создает условия в отношении существования иных институтов развития и поддержания международного порядка. Р. Литтл в этом отношении заметил, что баланс выступает основой международного порядка и тем фактором, который сближает Х. Булла с реалистами¹⁷. С этой оценкой согласиться сложно. Баланс сил выступает как раз ключевым элементом, противопоставляющим социальный характер международной системы бихевиоризму в поведении государств, на чем делала акцент в то время американская теория в лице реалистов. Работа К. Уолтца вышла позднее.

Однако значение баланса сил как основного института поддержания международного порядка в системе государств и международном обществе не является исчерпывающей характеристикой у ученого. Баланс выступает связующим звеном между этими формами организации международного взаимодействия. Множественность форм баланса позволяет говорить о динамике в его развитии от системы государств к международному обществу. Ряд сторонников Английской школы впоследствии предлагали убрать различие между международной системой и международным обществом. В частности, А. Джеймс считал, что здесь Х. Булл создал ложную теоретическую дихотомию между понятиями¹⁸. Р. Джексон, напротив, считал такое деление полезным, а Б. Бузан, недавно присоединившийся к данной дискуссии, доказывал третью позицию, где утверждал, что Х. Булл стремился в одной модели охватить два разных проявления баланса в международных отношениях¹⁹.

¹⁶ Т. Скотт считает такую позицию М. Уайта отголоском проявлений пацифизма во взглядах ученого в послевоенное время (см.: *Scott T. Faith, History and Martin Wight: The Role of Religion in the Historical Sociology of English School of International Relations // International Affairs*. 2001. Vol. 77, № 4. P. 905–929).

¹⁷ См.: *Little R. The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models*. P. 130, 147.

¹⁸ См.: *James A. System or Society? // Review of International Studies*. 1993. Vol. 19, № 3. P. 269–288.

¹⁹ См.: *Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 113–116; *Busan B. Op. cit.* P. 98–108.

В целом история баланса сил показывает движение от анархии в международных отношениях к системе государств и международному обществу, от простого равновесия сил в отношениях между государствами к комплексному управлению международными политическими процессами. Тогда баланс сил как институт занимает привилегированное положение. Комплексная его разновидность характеризует структуру международного общества, а простая может возникнуть даже при отсутствии международной системы. Здесь баланс выступает синонимом анархического порядка, который обходится без войны. Иными словами, посредством изучения баланса сил возникает возможность анализа разных международных ситуаций, что попытался в дальнейшем в Английской школе исследовать Р. Литтл²⁰. Таким образом, даже только в одном аспекте характеристики международных институтов творчество Х. Булла сыграло важную роль в развитии общей основы Английской школы и оформлении институционального подхода к международным отношениям.

Рассуждая исторически, отметим, что время написания и первой публикации работы Х. Булла совпало с периодом разрядки в международных отношениях. Более того, при администрации Р. Никсона в США на очень короткий срок баланс сил (модель политического равновесия) стал частью внешнеполитических рассуждений и даже стратегии страны, что во многом объяснялось личными усилиями патриарха американского реализма Г. Киссинджера. Поэтому и идеи Х. Булла воспринимались в тот период спокойно как в Европе, так и в Америке. К ним был проявлен определенный интерес, но с 1980-х годов с новым витком биполярной конфронтации идеи ученого оказались не в моде и были подзабыты.

Сегодня баланс сил вряд ли можно считать характерной чертой типичных английских или американских рассуждений о внешней политике и международных отношениях. Из европейских политиков в таких категориях лишь изредка рассуждают французы. Поэтому анализ и применение термина Х. Буллом, признание баланса сил необходимым инструментом поддержания международного порядка можно считать важным и закономерным явлением в становлении автономного понимания международного общества.

²⁰ См.: *Little R. The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models.* P. 145.

3.4. Институты поддержания международного порядка в концепции Хедли Булла

Как уже отмечалось, для понимания специфики концепции международного общества существенное значение имеет анализ проблематики международного порядка. Вслед за американскими реалистами Х. Булл признавал анархию ведущей силой развития международных отношений. «Анархия» трактуется им как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии государств. При этом анархия неабсолютна и имеет ряд ограничений, а периоды мира в анархичных по своей природе отношениях между странами вовсе не случайны. Безграничная хаотическая природа взаимодействия стран сдерживается как системой государств, так и международным обществом¹. Иначе говоря, в отличие от американской теории международных отношений для Английской школы наличие международного порядка не исключение из правил анархичного взаимодействия государств, а скорее основа рассуждений о международном обществе и системе.

Международный порядок как ведущий интерес центральной работы Х. Булла поддерживается работой международных институтов через отдельные государства, систему государств и международное общество.

«Государство» трактуется международником в реалистической гоббсианской манере. Под государствами понимаются «автономные политические сообщества, каждое из которых имеет правительство и утверждает суверенитет в отношении значительной части территории и населения. Они выступают как единицы, юридически независимые от внешних сил»². Отметим, что универсального определения государства не существует, а необходимые для его дефиниции признаки в этом понятии присутствуют. Подход Х. Булла как минимум встретил бы понимание отечественных специалистов по теории государства и политологов.

¹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 8–10.

² *Ibid.* P. 8.

Хедли Булл

Аналогичное можно сказать и о понятии «международная система». Системность в теории международных отношений относится к числу сложных и дискуссионных понятий. Специфика «английского» подхода в концепции Х. Булла проявляется в том, что наличие системы не только не исключает хаоса в международных отношениях, но и противопоставляется понятию международного общества.

Система в международных отношениях формируется усилиями государств и появляется тогда,

когда два или более государства имеют существенные контакты между собой и значительно зависят от решения другого как части целого. Система есть результат роста и интенсивности межгосударственных взаимодействий. Система формируется на основе общих интересов, ценностей и политической культуры стран³.

Параллельно существует понятие «международное общество» (сообщество государств), отличное от международной системы. Международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов. Международное общество предполагает международную систему, но последняя может существовать и без международного общества. Османская империя была частью международной системы с момента ее появления, но стала участником международного общества только после Первой мировой войны⁴.

Таким образом, международное общество оказывается более узким понятием, чем международная система, но более динамичным по своим внутренним характеристикам. Именно здесь разрабатываются правила и нормы, определяющие своеобразие международного

³ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 10.

⁴ См.: *Ibid.* P. 13–14.

порядка в ту или иную эпоху. Справедливо в этом отношении ироничное замечание А.Д. Богатурова о том, что «международное общество выступает авангардом международной системы»⁵.

«Международный порядок» складывается как сумма осознанных общих целей внутри системы и общества. К таковым целям Х. Булл относит:

- самосохранение;
- поддержание независимости;
- сохранение мира как общий императив всех заинтересованных в порядке участников;
- общие ценности общественной жизни (имеются в виду жизнь, свобода, безопасность);
- стабилизацию межгосударственных отношений и др.⁶

Термин «международный порядок», по Х. Буллу, также необходимо отличать от понятия «мировой порядок». Под последним имеется в виду не только порядок среди государств, но и порядок внутри государств, порядок, формируемый даже на муниципальном уровне. При этом Х. Булл с этико-философских позиций утверждает моральный приоритет международного порядка над мировым⁷.

Таким образом, в Английской школе, в сравнении с американским реализмом, иначе выглядят как содержание ведущих концептов анализа международного взаимодействия, так и связь между ними в оценке базовых процессов в международных отношениях. С позиций защиты интересов национального государства идеи Х. Булла могут смотреться сегодня как глобальный интервенционизм, признание правомерности отказа от национального суверенитета в пользу поддержания международного и мирового порядка. Тем более что сам автор в качестве моделей развития международных отношений анализировал разные варианты развития мира: им рассматривались сценарии мирового правительства, глобальной унификации мира, формирования новой мировой политической системы и др.⁸ Одна-

⁵ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 337.

⁶ См.: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 17–20.

⁷ См.: Ibid. P. 22.

⁸ См.: Ibid. P. 257–281.

ко с позиций глобального анализа современных международных отношений в его концепции теоретически просматривается магистральный путь вторжения мировой политики в международные отношения в XX веке. Это «вмешательство» не просто меняет содержание современных международных отношений, но и унифицирует внутренние социально-политические процессы в государствах. Он предвидел не конкретные изменения в международных отношениях, а элементы заката вестфальской картины мира и упадок ключевых регуляторов международного взаимодействия. Отсюда вопросы анализа международных институтов отражали даже некоторый оптимизм в отличие от взгляда М. Уайта.

Для поддержания международного порядка, помимо баланса сил, применяются и иные социальные институты, специфичные для международного регулирования. Х. Булл к ним относил международное право, дипломатию, войну, или силовой регулятор, управление международными отношениями посредством крупных государств.

Х. Булл в своей работе определяет международное право как «высший нормативный принцип политической организации человечества, содержащий идею сообщества суверенных государств»⁹. Как и в случае с понятием «баланс сил», содержательное определение международного права раскрывается ученым через функции. Поэтому не совсем ясно, к какой именно международной структуре относится данный регулятор: к системе государств или к международному обществу. Применительно к данному институту выяснить это еще более проблематично, так как понятие «международное право» возникает довольно поздно. В Великобритании одним из первых его стал употреблять И. Бентам. Наиболее распространенным термином для обозначения этого вида нормативного регулирования, идущим от Г. Гроция, было «право народов». Вводя новый термин, И. Бентам пытался подчеркнуть, что международное право регулирует именно межгосударственные отношения.

Х. Булл в своем подходе к международному праву был близок к позиции большинства современных юристов, которые придерживаются нормативного типа правопонимания. Интересно в этой свя-

⁹ *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 140.

зи, что Английской школе изначально был присущ историко-социологический подход в изучении международных отношений, однако социологический тип правопонимания, появившийся в США, Х. Булл как раз критикует в своей работе. Он показывает недостатки работ М. Макдугала, профессора Йельского университета в США¹⁰. Согласно социологическому взгляду данного профессора на международное право, оно представляет собой лишь определенный тип принятия решений, что, по мнению Х. Булла, отрицает международное право как уникальную систему действующих норм, правил и процедур. Здесь любопытно то, что как в США, так и в Великобритании система права носит прецедентный характер и обнаруживает явное доминирование процессуальных и процедурных норм над нормами материального права. Х. Булл в этой связи понимал значение норм международного права как верховного правопорядка над нормами национального законодательства, что более характерно для романо-германской правовой семьи, а не для системы стран общего права. Отсюда два типа правопонимания – нормативный и социологический – выявили ценностное различие между взглядами указанных ученых на природу международного права. Х. Булл тяготел к той традиции, которая характерна для континентальной Европы. Как минимум приходится констатировать сильное чувство исключительности в понимании международных институтов у Х. Булла.

Вопрос о взаимодействии международного права и международного порядка – это в значительной степени вопрос о том, какие функции международное право выполняет. К числу этих функций ученый относил следующие:

1. Выражение мнения общества суверенных государств. Международное право выступает как нормативное выражение воли всего международного общества.

2. Определение правил сосуществования государств и других участников международного общества. Среди них наиболее важные – правила применения силы, нормы заключения международных договоров, правила в отношении суверенитета и независимости.

3. Формулирование нормы и ценности участников международного общества в условиях отсутствия верховной власти.

¹⁰ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 128.

4. Обеспечение помощи в мобилизации участников международного взаимодействия в поддержку международного общества¹¹.

Таким образом, функции международного права выделяются исследователем так, что они демонстрируют в первую очередь нормативное содержание в регулировании международных отношений. С этих позиций он и анализирует основные изменения в международном праве второй половины XX века, вновь обращаясь к историко-социологическому инструментарию.

К ведущим тенденциям развития международного права в XX веке Х. Булл относил расширение круга субъектов, расширение источников международного права, широкую трактовку юридических норм. Парадоксальный вывод, к которому приходит исследователь, заключается в том, что перемены в международном публичном праве при всей их прогрессивности и гуманистической направленности не способствуют стабилизации международного общества и укреплению международного порядка, но, напротив, его ослабляют, создают предпосылки для применения силы¹².

Так, расширение круга источников международного права, зафиксированное в статье 38 Устава Международного суда, на практике подрывает исключительную роль международных договоров. Обилие многосторонних международных конвенций ведет к дифференциации права на «жесткое» и «мягкое», на законодательство, обязательное для исполнения, и право, отклонение от которого не приводит к применению санкций. Понимание роли международного права как механизма социальной инженерии является источником повышения статуса субъективных правовых факторов: доктрины, толкований, разного рода судов *ad hoc*, наконец, доходов юристов, – но отнюдь не способствует стабилизации отношений между государствами. Появление и расширение перечня прав человека во второй половине XX века, в свою очередь, способствовало наделению индивида чертами международной публичной правосубъектности, но не укрепило доверие между странами. В итоге обилие норм, дифференциация отраслей, субъектов и институтов междуна-

¹¹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 140–141.

¹² См.: *Ibid.* P. 160.

родного права скорее подрывают существующий порядок, чем способствуют международной стабилизации¹³. Международная система в этих условиях регулирует отношения с помощью традиционного способа силы, а международное право утрачивает свою ценность как уникальный регулятор межгосударственного взаимодействия. Подход Х. Булла оказался созвучным идеям видного российского дореволюционного юриста-международника Н.М. Коркунова¹⁴. Альтернативой международному праву как нормативному регулятору отношений, инструменту поддержания порядка выступает не право внутригосударственное, а война как иной способ социального регулирования отношений.

Таким образом, в оценке роли международного права Х. Буллом стоит обратить внимание не на проявления международно-правового нигилизма ученого, а на парадоксальный британский консерватизм и юридическую принципиальность в понимании функциональной природы данного института. Несмотря на категоричность мышления, Х. Булл подчеркнул основную черту международного права в качестве регулятора международных отношений. Право поддерживает и регулирует лишь типичные общественные отношения между классическими субъектами международных отношений (т. е. характерные отношения между странами, закрепленные в правовых нормах), а попытки его использования в иных ситуациях способны привести к обратному эффекту – дерегулированию и замене правового механизма неправовым, что опасно для социума не только во внутриобщественных отношениях, но и в отношениях международных. При общности правовой семьи Великобритании и США классический подход Английской школы, в сравнении с американской традицией, отличается признанием исключительной ценности международного права.

Д. Армстронг считает, что нормы в международном публичном праве Х. Булл подразделял на три категории:

1. Принципы, создающие международное общество.

¹³ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 160–162.

¹⁴ См.: *Коркунов Н.М. Лекции по международному праву.* СПб., 1883–1884. С. 15–16.

2. Нормы, определяющие правила сосуществования государств.

3. Нормы, регламентирующие международное сотрудничество¹⁵.

Наибольший прогресс в развитии международного права Х. Булл отмечал в разработке норм международного сотрудничества. Это нормы, которые отражали растущее экономическое взаимодействие, признание правомерности социальных изменений в международном обществе, озабоченность вопросами окружающей среды. При этом самим фактом своего существования и развития данная группа норм ослабляет международные нормы второй группы.

Изменяются в международном праве и границы представлений о международной легитимности. Х. Булл, как и другие представители школы, использовал данную категорию, развитую в Комитете М. Уайтом¹⁶. Однако он с осторожностью относился к применению данного термина. Признавая, что нормативная основа международного общества расположена за рамками индивидуальных стран, Х. Булл считал, что переход от легитимации прав государств к легализации прав индивидов приведет к конфликту между правами человека и принципом невмешательства, который выступает важной основой легитимности первой группы юридических норм. Такой конфликт будет ослаблять международный порядок.

При этом в отношении первой группы норм, конституирующих международное общество, Х. Булл допускал применение силы ради поддержания международного порядка, даже если международное право этого не допускает. В таком подходе обнаруживалась привилегированная роль баланса в иерархии институтов международного общества. С позиций исследователя успехи в развитии международного права с XIX века были основаны на том, что существовало устойчивое европейское равновесие, закрепленное Венским конгрессом. Именно XIX век показывал возможность совместного развития двух институтов международного общества, что на практике не означало отсутствие столкновений между ними. В этом контексте баланс сил может даже выступать ограничителем развития международного права. Это как раз демонстрировали в истории международных отно-

¹⁵ См.: *Armstrong D.* The Nature of Law in an Anarchical Society // *The Anarchical Society in a Globalized World*. P. 122.

¹⁶ См.: *Wight M.* The International Legitimacy. P. 153–172.

шений разделы Речи Посполитой в XVIII веке, отклонение английских предложений о необходимости борьбы с рабством, пиратством в веке XIX и другие примеры из истории, когда политическая целесообразность оказывалась выше представлений о правовой справедливости. Поэтому и международное право XX века также характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, процессы, идущие в нем, способны вступать в противоречие друг с другом, с другой – именно международное право должно стать фундаментальным институтом развития международного общества, если учесть ослабление баланса сил как института во второй половине XX века.

Дипломатия как институт поддержания международного порядка имеет также автономную природу и свои особенности. В одной из глав «Анархического общества», которая так и названа Х. Буллом «Дипломатия и международный порядок», вопросы формального определения термина не представляли для исследователя существенного интереса. Он ограничился анализом двух классических для британской науки определений этого понятия. Одно из них входило в «Оксфордский словарь», и им пользовался известный историк Г. Никольсон. Оно гласит, что дипломатия есть «управление международных отношений через переговоры, метод, которым эти отношения ведутся послами и посланниками, работа и искусство дипломата»¹⁷. Другое определение, яркое и образное, принадлежит сэру Эрнесту Сатоу, который считал, что «дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств»¹⁸. Для Х. Булла в этих определениях важно, что дипломатия есть ведение международных дел именно мирными переговорными средствами.

Ученый классифицирует дипломатию на двустороннюю и многостороннюю, постоянную и временную, на собственно дипломатическую деятельность и консульские функции. Дипломатия включает в себя как формулирование внешнеполитических задач, так и их воплощение, по мысли исследователя¹⁹. Это роднит его подход с реализмом Г. Киссинджера.

¹⁷ Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941. С. 20.

¹⁸ Satow E. A Guide to the Diplomatic Practice. 3rd ed. L.: Longman, 1932. P. 1.

¹⁹ См.: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 164–166.

Центральный вопрос при изучении данного института для Х. Булла: как дипломатия связана с международным порядком? При этом важно иметь в виду, к какой структуре международных отношений она принадлежит: к международному обществу или системе государств. В этой связи сам Х. Булл пишет: «Дипломатия существует не только в международной системе, но и в международном обществе»²⁰. В данном случае авторская дихотомия между этими понятиями очевидна. Когда-то дипломатия включала обмен дипломатическими миссиями между странами, а значит, определяла на практике комплекс правил и соглашений, относящихся к системе. В середине XX века среди институтов дипломатии преобладают общественные. Современные для Х. Булла измерения дипломатии характеризуются ее движением в сторону расширения масштабов и темпов дипломатической деятельности, ее профессионализации, увеличением доли многосторонней дипломатии, где международные проблемы рассматриваются с позиций технического менеджмента, а не дипломатического искусства. В целом эти тенденции можно интерпретировать как рост международного общества для Х. Булла. Кастовый характер профессии дипломата с середины XIX века ослабел. Дипломаты более не объединены общей аристократической культурой, брачными или родственными связями, доля европейцев среди дипломатов также снижается.

Таким образом, применительно к данному регулятору видно, что история дипломатии также представляет собой движение от системы государств к международному обществу. Однако функции дипломатии, выделяемые Х. Буллом, могут относиться как к международному обществу, так и к системе государств. Х. Булл в качестве основных функций данного института выделял следующие:

- обеспечение каналов сообщений;
- ведение межправительственных переговоров и заключение соглашений;
- сбор материала о внешнем мире;
- минимизация трений (в этом смысле Э. Сатоу и писал о применении ума и такта);

²⁰ *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 167.

– символические функции существования международного общества в виде наличия дипломатического корпуса²¹.

Интерпретировать выделенные функции можно по-разному. В них можно увидеть отражение пессимизма М. Уайта на идею прогресса в международных отношениях. И здесь Х. Булл как эксперт по контролю над вооружениями констатирует лишь общие направления воздействия дипломатии на международные отношения, тем самым подчеркивая, что дипломатия не универсальна как институт поддержания международного порядка ни в международном обществе, ни в международной системе. Новые тенденции в развитии дипломатии тогда даже подрывают порядок, размывая существо дипломатии как искусства поддержания мирных отношений между участниками международного взаимодействия. Аналогичное отмечалось и применительно к изменениям в международном праве.

Адепты Английской школы, разделяющие идею прогресса в международных отношениях, в дипломатии, как и в других институтах, напротив, увидели в подходе ученого движение от первичной организации международной жизни – системы государств к вторичной – международному обществу. Это не могло не свидетельствовать о прогрессе в развитии международных отношений. Изменения в дипломатии, получается, отражают новые возможности регулирования в международных отношениях. Задачами для практической деятельности в дипломатии становится то, как сделать современное международное общество более справедливым.

В контексте эволюции взглядов самого ученого можно констатировать, что оценка дипломатии подчеркнула некоторый общий пессимизм в школе на предмет изучения данного института. Видимо, истоки этой оценки следует искать в работе Г. Баттерфильда о новой и исторической дипломатии, где автор формулировал идею упадка дипломатии при изучении изменений, происходящих после Первой мировой войны²².

Война, или силовое регулирование международной сферы, также интересует Х. Булла в контексте изучения вопросов функцио-

²¹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 170–172.

²² См.: *Butterfield H. The New Diplomacy and Historical Diplomacy.* P. 181–192.

нирования международного порядка. Поэтому и в анализе данного института ученых не стремился к строгой концептуализации понятий, а в известных ему определениях подчеркивал ряд характерных черт явления: «Война – это организованное насилие, которое ведется политическими единицами друг против друга»²³. Иное сопротивление не является войной до тех пор, пока оно не осуществляется от имени политических единиц. Здесь явно просматривается совместимость взглядов Х. Булла с идеями Р. Арона о специфике войны в содержании международных отношений.

Х. Булл различает войну, ведущуюся от имени других политических единиц, и войну, которая ведется национальными государствами. Такое деление открывает некоторые первичные возможности для его собственной социологии войны. Он пишет о войне империй, войнах федеративных образований. Не совсем понятно, как это должно работать на практике, хотя очевидно, что эвристический потенциал у такой классификации имеется.

Кроме того, Х. Булл разграничивает войну в материальном смысле как проявление вражды между политическими единицами и войну в юридическом значении. В формальном отношении легальная война существовала до 1945 года, в то время как в материальном смысле она существует и после принятия Устава ООН. Эта классификация важна в контексте понимания роли гроцианских ценностей в Английской школе. Г. Гроций считал, что между войной и миром не существует посредников. Для Х. Булла в материальном смысле война сегодня не отличается от мира, если иметь в виду наличие разных форм насилия в современном обществе. Отсюда интерес к кантианству и темам справедливости у ученого²⁴.

Функции войны оцениваются Х. Буллом с позиций трех различных перспектив: индивидуального государства, системы государств и международного общества. Для индивидуального государства действует логика К. фон Клаузевица: война мыслится как инструмент политики, средство по воплощению политических целей²⁵.

²³ Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. P. 185.

²⁴ См.: Bull H. *War and International Order // The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning*. P. 117–119.

²⁵ См.: Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. P. 187.

В системе государств война представляет собой механизм применения силы, отражающий вопросы межгосударственного взаимодействия и суммарно представленный в виде концепции баланса сил. В международном обществе война есть проявление определенной системы ценностей и норм, которые направлены на предотвращение хаоса в данном обществе. В этом случае война может выступать элементом поддержания международного порядка и о ней правомерно говорить как об инструменте коллективного применения силы. Анархия среди государств не исчезает, но и общество в ней не растворяется.

В отличие от системы государств, где баланс сил может возникнуть случайно, в международном обществе он выступает инструментом коллективного и рационального использования силы в интересах общества. Одна из центральных проблем, которая возникла при таком подходе к данному институту, заключалась в оценке перспективы ядерной войны. И здесь существовало некоторое противоречие между двумя линиями интересов Х. Булла. Как эксперт по вооружениям и сотрудник института стратегических исследований Х. Булл писал о том, что в ядерный век баланс сил приобретает специфическую форму сдерживания, отличающуюся от классического понимания политического равновесия. С другой стороны, идея коллективного использования силы в ядерную эпоху с позиций международного общества вовсе не исключала войну. Устранить эту коллизию между стратегическими интересами и «социальным» регулированием международного порядка Х. Булл пытался за счет констатации различий между балансом сил и механизмом сдерживания. Он выделяет три основных отличия.

Во-первых, баланс сил исторически возникает как результат разрушительных войн в международных отношениях. Ядерное сдерживание отражало желание не допустить войны. Оно направлено не на обуздание силы, а на сохранение стабильности. Сам термин «сдерживание» отражает невозможность преобладания одного участника над другим в ядерный век, по мысли ученого²⁶.

Во-вторых, баланс сил, и здесь Х. Булл продолжает традицию Г. Баттерфилда, объективен, а отношения сдерживания, появившиеся

²⁶ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 121.

в 1950-х годах, субъективны. Это лишь небольшой срез отношений между ядерными государствами. Биполярная ситуация требовала равенства в военном потенциале между СССР и США, и до 1970-х годов каждая из сторон самостоятельно определяла необходимый для своей безопасности пороговый показатель ядерных вооружений.

В-третьих, баланс сил выступает общим институтом взаимодействия в системе государств и международном обществе, а сдерживание – частный случай регулирования межгосударственных отношений между ядерными странами²⁷.

И все же вряд ли эти аргументы можно назвать устраняющими противоречие между двумя разными подходами к анализу международных отношений. Одно из измерений – стратегическое – вынуждено концентрироваться на вопросах соперничества в отношениях между государствами, в то время как концепция международного общества в центр предмета помещает интересы сотрудничества. Поэтому коллективное использование силы вовсе не исключает ее индивидуального применения. Отсюда и сам Х. Булл вынужден был констатировать в данном разделе, что, несмотря на различия, «идея сдерживания... в некоторых отношениях похожа на баланс сил»²⁸.

Чтобы ограничить беспорядок, Х. Булл выделяет 4 способа взаимодействия государств: ограничение права ведения войны; ограничение методов ведения войны; ограничение географических сфер ведения войны; ограничение причин для ее ведения.

Таким образом, сила как институт в международных отношениях также включает ряд ключевых показателей, позволяющих осуществлять нормативный анализ в историко-социологической интерпретации вопросов международного общества.

Еще одним институтом международного общества выступает великодержавное регулирование межгосударственных отношений. Как и в других случаях, этот институт применим как к системе государств, так и к международному обществу. Х. Булл считает великодержавное управление одним из наиболее ранних механизмов поддержания международного порядка, как и дипломатию.

²⁷ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 122–124.

²⁸ *Ibid.* P. 121.

В начале раздела, посвященного великим державам, исследователь дает ряд небезынтересных наблюдений по поводу определения терминов. В частности, он отказывает в признании этого статуса наполеоновской Франции и гитлеровской Германии, поскольку они не чувствовали особой ответственности за поддержание международной безопасности и отрицали такое право за другими. Великодержавность в этом смысле – это свойство особой ответственности в поддержании международного порядка. Только в этом случае величие страны будет признано правомерным остальными участниками международных отношений. Кроме того, из самого понятия этого института вытекает, по мысли Х. Булла, то, что великая держава не может быть одна в поддержке баланса сил²⁹.

Статус великой державы также предполагает готовность применить силу в международных отношениях. И здесь правомерен интерес ученого к истории послевоенной Японии, которая, пожалуй, впервые в истории международных отношений может считаться великой державой, не будучи сильной в военном плане страной.

Справедливо разграничивает Х. Булл и понятия «великая держава» и «сверхдержава». Ему знакома история появления последнего термина в Великобритании. Одним из первых его употребил в 1944 году В. Фокс в отношении трех стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. В. Фокс как раз стремился показать особую роль этих стран в судьбе послевоенного мира³⁰. Однако, по мнению Х. Булла, в течение 25 лет после 1945 года США и СССР мало отличались от великих держав прошлого³¹.

Х. Булл считал также ошибочным отнесение к числу великих держав тех стран, которые владеют ядерным оружием. Хотя это важное условие великодержавности и признак сверхдержав, но оно не должно заслонять иное в этом статусе. Из этих наблюдений видно, что в определении ключевых моментов терминов, как и при постановке теоретических проблем, Х. Булл придерживался принципа «золотой середины». При некоторых терминологических расхожде-

²⁹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 201–202.

³⁰ См.: *Fox W. The Super Powers: The United States, Britain and Soviet Union – Their Responsibility for Peace.* N. Y.: Harcourt Brace, 1944.

³¹ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 203.

ниях ученый неплохо умел выделять теоретическую сердцевину в определении понятий, а его понятийно-категориальная рефлексия часто носила сугубо прикладной характер и не демонстрировала излишнего сциентизма в определении терминов. Историки в своих подходах к анализу эмпирического материала не демонстрировали должной теоретической рефлексии, что способствовало закреплению позитивистских способов историописания. Традиционная политическая ангажированность исторической науки в Великобритании с ее делением на либеральное и консервативное направления также мало способствовала методологическому консенсусу ученых. Эти обстоятельства, в свою очередь, привели к тому, что историческая социология Английской школы стала выполнять методологическую функцию и для исторических исследований.

В анализе управления международным обществом посредством великих держав Х. Булл, как и в отношении других институтов, движется от международной системы к международному обществу. При этом его классификация способов и форм великодержавного управления представляется небезынтересной для понимания специфики исторической социологии Английской школы в целом.

Ученый пишет о моделях: доминировании, первенстве (лидерстве) и гегемонии – великой державы в случаях, когда управление международными делами осуществляется в одностороннем порядке. Доминирование характеризуется как непосредственное применение силы против малых стран, входящих в сферу интересов такой страны, или создание хинтерланда, как сказали бы современные геополитики. В качестве примера, иллюстрирующего подобный подход, он ссылается на опыт истории внешней политики США в Латинской Америке до появления доктрины «добрососедства» при Ф. Рузвельте³².

Первенство, напротив, означает, что великая держава может уже обходиться без применения силы, но ей сложно не нарушать суверенные права в отношении малых стран. Примером такого подхода может служить политика Великобритании в отношении старых доминионов, а современное лидерство иллюстрируется Х. Буллом на примере положения США в блоке НАТО.

³² См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 214.

Гегемония же занимает промежуточное положение между этими двумя формами, т. е. великая держава может прибегать к использованию силы, но имеются и другие механизмы воздействия на более слабые государства, а, кроме того, применение силы считается исключением, но не правилом международного взаимодействия. Георг Шварценберг в этом значении характеризовал гегемонию как «империализм с хорошими манерами». Примерами такого рода политики, по Х. Буллу, выступают действия СССР в отношении стран-сателлитов: Германии (1953 год), Венгрии (1956 год), Чехословакии (1968 год) – или операции США в отношении Гватемалы (1954 год), Кубы (1962 год), Сан-Доминго (1965 год)³³.

Кроме односторонних способов имеются и коллективные модели управления международными делами при великодержавном подходе. Здесь основной формой выступает раздел сфер влияния, интересов и ответственности.

Идея раздела сфер влияния своими истоками восходит к буллам римских пап о праве на те или иные территории в колониях. Сам термин «сферы влияния» появляется достаточно поздно – в XIX веке в англо-русских отношениях. В 1869 году А.М. Горчаков употребил этот термин в одном из писем к лорду Кларендону, заявив тогда, что Афганистан лежит вне сферы влияния Российской империи. В целом XIX и начало XX века стали периодом классических соглашений о распределении сфер влияния. Х. Булл выделяет три вида подобных соглашений:

1) соглашения, согласно которым великие державы признавали исключительные права другой страны на «ничьи земли». Сюда, по мысли профессора, можно отнести соглашения о разделе территорий в Африке и Океании в период экспансии европейского общества;

2) соглашения о признании прав на территории третьих стран в качестве исключительных сфер влияния. Такой путь был характерен для колониализма в Азии. Сюда относились соглашения между Англией и Францией по Сиаму или Англо-русское соглашение 1907 года по делам Персии, Афганистана и Тибета;

3) соглашения между колониальными державами и зависимой страной, по которым последняя признавала свою территорию

³³ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 215–217.

в качестве сферы влияния. В рамках советской исторической науки более привычный термин, характеризующий подобного рода соглашения, – неравноправный договор, хотя последний термин имеет более широкое содержание. Таковы были соглашения по Китаю в начале XX века³⁴.

При этом, с позиции Х. Булла, необходимо отличать соглашения о сферах влияния от так называемых соглашений о «свободе рук». Последние, по существу, представляли собой гарантии отсутствия собственного интереса к тому, что делает другая великая держава. Таковым было, например, соглашение об Антанте 1904 года, когда Великобритания заявляла об отсутствии собственного интереса в Марокко.

Х. Булл, ссылаясь на высказывание лорда Дж. Керзона, в этом разделе даже пытается сформулировать некий императив движения от системы к обществу. Дж. Керзон говорил, что сферы интереса со временем становятся сферами влияния, а сферы влияния трансформируются в протектораты, которые в дальнейшем можно аннексировать. За такой матрицей соглашений просматривается энциклопедия колониальной политики Европы.

Сферы влияния также необходимо отличать от сфер ответственности, которые, по мнению ученого, демонстрируют примеры позитивного управления международным обществом посредством великих держав. Сферы ответственности подразумевают не только раздел территорий, но и совместное решение задач по управлению ими. Примером такого подхода выступает четырехстороннее соглашение по Западному Берлину 1971 года. Данная форма характеризует скорее международное общество, а не международную систему.

Проведение совместной политики может приобрести форму кондоминиума, одним из проявлений которого была, например, система «европейского концерта» XIX века. Кроме него примерами кондоминиума являются управление Новыми Гибридами Англией и Францией, а также советско-американский диалог по вопросам ядерной безопасности в период разрядки.

Такая классификация форм и общий вектор движения институтов управления международными делами от международной сис-

³⁴ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 219–221.

темы к международному обществу позволяет прийти к выводу, что Х. Булл, в отличие от М. Уайта, допускал идею прогресса в международных делах, а не только характеризовал их статичную структуру.

Как и в других случаях, к определению роли великих держав Х. Булл подходил функционально. К числу наиболее важных функций управления таких стран в международной сфере он относил:

- 1) сохранение общего баланса сил;
- 2) предупреждение и разрешение кризисов;
- 3) ограничение войны;
- 4) поддержание порядка в целях локального доминирования;
- 5) распределение сфер влияния;
- 6) совместные действия в форме «концерта»³⁵.

Таким образом, альтернатив великодержавности немного, а функции этих стран в системе и обществе многоплановы. Поэтому, исходя из имеющихся инструментов, Х. Булл в заключении своей наиболее известной книги писал о сценариях эволюции международных отношений. К числу возможных он относил разоружение мира либо ядерную пролиферацию; идеологическую гомогенизацию; формирование мирового общества; «новое средневековье» как итог развития интеграционных процессов в мире. При этом, как и М. Уайт, Х. Булл в целом пессимистически смотрел на прогресс в развитии международных отношений, хотя некоторые изменения, с его точки зрения, были необходимы. Этот поворот и произошел в его интересах в начале 1980-х годов, оставив последующим поколениям Английской школы некоторую двусмысленность при трактовке творческого наследия ученого. Эволюция, произошедшая во взглядах ученого в 1980-х годах, позволяет представителям различных научных подходов, от неореалистов до конструктивистов, апеллировать к его идеям. Тем не менее она представляла некоторую проблему для дальнейшего развития Английской школы.

³⁵ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 207.

3.5. Восстание против Запада и проблемы справедливости в международных отношениях

В 1980-х годах в творческих интересах Х. Булла происходят серьезные изменения. Наиболее важными темами для ученого становятся вопросы протеста против западного преобладания и проблематика справедливости в международных отношениях. Обе эти темы оказались взаимосвязанными.

Причины, которые объясняют трансформацию интересов исследователя, видятся в следующем. Во-первых, контуры булловского понимания международного общества – основной темы творчества ученого в контексте формирования Английской школы международных отношений – развивались им на протяжении двух десятилетий и нашли концептуальное оформление в работе «Анархическое общество» 1977 года.

Во-вторых, в определенной степени на данный поворот повлияла смерть его друга и коллеги М. Уайта в 1972 году. На протяжении нескольких лет после этого Х. Булл занимался посмертным изданием и редактированием рукописей М. Уайта, которые вошли в переиздание «Системы государств», вышедшей в 1979 году. Эта книга включала в себя широкий спектр вопросов и тем, посвященных системе государств в представлениях М. Уайта. Под международной системой в данном случае понимался не системный анализ, возникший в 1950–1960-х годах, который открыл дорогу сциентизму в становлении международных отношений как самостоятельной научной дисциплины, а скорее рецептированное через Комитет по изучению международной политики понимание системы немецкими историками XIX века¹. И М. Уайта, и Х. Булла при таком подходе

¹ В частности, А.Г.Л. Геерен определял систему государств как «союз нескольких суверенных стран, схожих друг с другом в манерах, религии и степени социального развития; объединенных вместе схожестью интересов». Именно на это определение ссылается М. Уайт в “*De systematibus civitatum*” (см.: *Wight M. System of State*. P. 22). О восприятии системности в английской теории международных отношений в целом, а не только относительно Английской школы подробнее см.: *International Relation Theory. A Bibliography* / ed. by A. Groom, C. Mitchell. N. Y., 1978. P. 34–40.

интересовали вопросы международных норм и институтов, посредством которых осуществляется управление международным обществом. То есть статическая сторона концепции международного общества, объясняющая, каким образом оно устроено и посредством чего управляется, была для Х. Булла завершена. А сформировавшийся взгляд на структуру международного общества с отмеченной спецификой понимания международной системы предрасполагал к анализу и других вопросов международной жизни.

В-третьих, возвращение в 1967 году и последующий опыт работы в Австралийском национальном университете в Канберре предоставили ученому по-иному взглянуть на международное общество, так сказать, с его периферии. Об этом свидетельствовали его работы, посвященные тихоокеанскому региону и австралийской внешней политике. Он опять стал интересоваться вопросами международного порядка и места отдельных регионов в нем². Его философское мировоззрение зафиксировало важные подвижки в международной жизни 1970-х годов: он предвидел окончание периода разрядки в международных отношениях, повышение значения отдельных регионов. Как минимум в Австралии он не остался на уровне бывшего дипломата и узкого эксперта по вооружениям. Он был единственным из представителей Английской школы, кто стал связывать вопросы справедливости в международных отношениях и конкретно-исторические изменения в них. Тематика международного порядка давала возможность такого объединения столь разноплановых тем.

В-четвертых, трансформации тем научных исследований способствовала работа в Британском комитете по внешней политике, председателем которого он стал после Г. Баттерфильда, М. Уайта и А. Уотсона в 1978 году³. А. Уотсон в своих воспоминаниях о работе Комитета отмечал, что М. Уайт (и также сам А. Уотсон) считал необходимым сохранение свободного выбора тем для обсуждения на Ко-

² См.: *Bull H. War and International Order*. P. 116–132; *Asia and Western Pacific Towards a New International Order*. P. I–XXV, 357–372.

³ А. Уотсон, по его собственному признанию, стал третьим председателем Комитета только на период работы в Вирджинии М. Уайта. Х. Булл в то время проживал в Австралии.

митете. Х. Булл же настаивал, что Комитет можно использовать как площадку для подготовки коллективных монографий⁴. Возможно, креативный опыт обсуждения статей в Комитете в 1960-х годах произвел на ученого неизгладимое впечатление. Х. Булл оказался, вероятно, и более прозорливым в своем видении перспективы концепции международного общества, которая стала выступать основой общей практики школы. Он выдвинул и главное сумел реализовать идеи двух монографий, одна из которых должна была бы быть посвящена истории формирования международного общества, а вторая – современному международному обществу как альтернативе международной системы.

Вероятно, аналогичные идеи были и у М. Уайта. Неслучайным представляется, что его «Система государств» открывается эссе, состоящим из четырех частей, посвященных международному обществу в истории. Но, поскольку, как отмечалось, эта книга готовилась к публикации Х. Буллом, достаточных оснований говорить об оригинальном авторском замысле нет.

Тематика протеста против Запада в то время была для англоязычной литературы по международным отношениям относительно новым явлением. Основные идеи этой темы Х. Буллом были сформулированы в лекциях 1983 года, прочитанных осенью в университете Ватерлоо провинции Онтарио (Канада)⁵. Отдельные положения также развивались в статье с названием «Восстание против Запада», вошедшей в «Экспансию международного общества» 1984 года⁶.

В своем подходе Х. Булл начинает с того места, где остановился А. Уотсон в обзоре истории географической экспансии европейского международного общества. В частности, он писал, что европейская колониальная экспансия не достигла своего максимального развития в период между двумя мировыми войнами. Пределы роста не были исчерпаны. Однако уже к Первой мировой войне существовало, помимо системы государств, международное общество, кото-

⁴ См.: *Watson A.* The British Committee for the Theory of International Politics.

⁵ См.: *Bull H.* Justice in International Relations... P. 206–245.

⁶ См.: *Bull H.* The Revolt Against the West // The Expansion of International Society. P. 217–228.

рое было универсальным в том смысле, что оно уже включало не только христианскую Европу, но и страны Азии, Африки и Латинской Америки⁷. О появлении универсального международного общества говорилось и в восьмой главе монографии, которая продолжала развитие традиционных интересов Х. Булла⁸.

Преобладание европейских стран выражалось не только в их превосходящей военной и политической силе, но и в способности утверждения своего интеллектуального и культурного господства, в установлении правил и институтов этого общества. Развитию отдельных тезисов этого далеко не бесспорного утверждения, в котором просматривается евроцентристский взгляд на международные отношения, были посвящены другие разделы монографии. Роли военного фактора в экспансии европейского общества было посвящено эссе, написанное шотландским военным историком М. Ховардом, а политической составляющей занимался бывший дипломат А. Уотсон⁹. С М. Ховардом Х. Булла объединяла работа по институту стратегических исследований.

По мнению авторов указанной монографии, если главными опорами международного общества в XIX веке были Франция и Великобритания, то все большую роль к концу столетия начинают играть Германия и Италия. Что касается России, Соединенных Штатов Америки, Японии, республик Латинской Америки, то эти страны, не будучи по происхождению связанными с истоками формирования международного общества, также в него входили и были его бенефициарами. Так, например, США в период образования страны занимали антигегемонистскую и антиколониальную политику, но в ходе XIX века встают на путь собственной экспансии и расширяют территорию через весь континент. После того как европейская колониальная система рухнула, а представления о расовой исключительности белых ослабли, именно Соединенные Штаты стали оли-

⁷ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society. P. 219.*

⁸ См.: *Bull H. The Emergence of a Universal International Society // The Expansion of International Society. P. 117–126.*

⁹ См.: *Howard M. Op. cit. P. 32–42; Watson A. European International Society and Its Expansion. P. 13–31.*

цветворением политики неокOLONиализма¹⁰. Экспансия США в странах Латинской Америки и на островах Карибского бассейна стала главным противоречием антиколониальной риторики страны. Возведение данного государства во второй половине XX века в ранг сверхдержавы способствовало олицетворению политики с одной из основных сил неимпериализма в восприятии развивающегося мира, только что сбросившего европейский колониализм.

Отметим, что умеренная критика истории американской внешней политики совпала с началом нового витка холодной войны в начале 1980-х годов, который объяснялся реакцией европейской общественности на политику администрации Р. Рейгана и приход неоконсерваторов к власти в ряде стран Европы. Этот протест отражал недовольство европейцев политикой размещения новых военных баз в Европе. Сама по себе критика США, содержащаяся внутри таких оценок школы, была несильно оригинальной и уж тем более не слишком радикальной для того периода. Однако основной набор оценок имел в основании широкую историко-социологическую базу, что говорит о том, что концепция международного общества воспринималась как научно, а не политико-идеологически обоснованная и продемонстрировала определенную жизнеспособность после окончания периода разрядки. Х. Булл в своем восприятии политики США стал отстаивать теоретическую последовательность, вытекавшую из ранее сформулированной концепции.

Республики Латинской Америки, по мнению Х. Булла, как и Соединенные Штаты, в поисках своего места в системе государств также отстаивали антиколониальную идею и традиции национального либерализма. В XIX–XX веках по мере укрепления США данные страны стали ощущать себя жертвами экспансии международного общества. Их попытки ограничить применение силы и укрепить принцип невмешательства во внутренние дела стали ключевыми идеями, с которыми эти государства вступили в Движение неприсоединения и «Группу 77»¹¹.

¹⁰ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 218.

¹¹ См.: *Ibid.*

Парадоксально, но при таком видении роли Латинской Америки Х. Буллом обе группы американских стран выступают как продукт международного общества, даже если США находятся на одном полюсе неокOLONиализма, а Латинская Америка – на другом. В этом смысле концепция международного общества может быть рассмотрена в качестве альтернативы дискурса о полярности мира второй половины XX века.

Что касается России, то Х. Булл утверждает, что с позиций европейского общества Россия рассматривалась как полуазиатская страна. Более того, на нее смотрели как на относительно неразвитую державу. Вследствие этого усилия российских реформаторов, начиная с Петра I, были направлены на достижение равенства с Западом¹². Видимо, данная оценка Х. Булла, которая слабо коррелируется с представлениями о прогрессе внутри плюралистского течения внутри Английской школы, идет от концепции цивилизаций А. Тойнби¹³. М. Уайт и А. Тойнби были лично знакомы друг с другом. Их сближала совместная работа в Королевском институте международных отношений в Чатем Хаусе. А. Тойнби тепло отзывался об этом своем периоде работы в конце жизни в воспоминаниях «Пережитое», а его влияние скорее препятствовало формированию самостоятельных взглядов у М. Уайта¹⁴. Х. Булл здесь, видимо, заимствовал известные штампы от М. Уайта или А. Уотсона.

В этом отношении имперская Россия также предстает продуктом европейской экспансии. Собственная экспансия России была,

¹² См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 218.

¹³ Во всяком случае, эта оценка точно воспроизводит одно из ключевых предложений А. Тойнби о России. Петр I был первым правителем России, который использовал западные достижения для борьбы с Западом. В русском переводе этот фрагмент выглядит так: «Царь Петр Великий, выведший русскую социальную систему из состояния оцепенения, в котором она пребывала с 1604 по 1613 г., оживил ее мощной струей чужеродной культуры» (*Тойнби А. Постигание истории*. С. 452–453).

¹⁴ См.: *Тойнби А. Цивилизация перед судом истории*. С. 238–256. О влиянии А. Тойнби на представителей Английской школы подробнее см.: *Миронов В.В. Английская школа теории международных отношений и Арнольд Тойнби // Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015. № 3 (36). С. 110–119.

по мнению исследователя, направлена на включение соседних народов, еще менее развитых, и установление метрополии над ними. Границы России «уточнялись» неравноправными договорами. Советская же Россия после Второй мировой войны, в силу такой истории внешней политики, предстает как квазиальтернатива Соединенным Штатам, хотя опыт развития СССР оказался привлекателен для стран третьего мира.

Такой геополитической зарисовкой европейской экспансии международного общества Х. Булл дополняет эссе А. Уотсона. Здесь показывается евроцентристский взгляд на мир, который во второй половине XX века принял западноцентричный характер и вызывает протест со стороны стран третьего мира. Х. Булл поднимает вопрос о формах протеста международному обществу и сам выделяет пять основных форм.

1. Борьба за достижение равного суверенитета. Эта форма, с его точки зрения, была характерна для тех стран, которые имели формальную независимость, но де-факто оставались на подчиненном положении. Как правило, неравноправное положение закреплял международный договор. Например, Япония, чей суверенитет был ограничен «насильственным открытием», достигла «равноправия» к концу XIX века, а в веке XX удивила международное сообщество тем, что сама стала навязывать неравноправные договоры Китаю и Корее. Турция добилась отмены внешней юрисдикции в 1923 году, а Египет путем соглашения с США и Великобританией в 1943 году¹⁵.

2. Антиколониальная революция, или, как более точно охарактеризовал ее Э. Линклейтер, политическое восстание против Запада¹⁶. В действительности это борьба народов Азии, Африки, стран Карибского и Тихоокеанского бассейнов за свою независимость от европейцев. Также эта форма была направлена и против установления американских правил в Западном полушарии. Хронологически она пришлась на XX век. Подрыв колониальной системы Х. Булл связывал с принципом права наций на самоопределение. Его происхож-

¹⁵ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 220.

¹⁶ См.: *Burchill S. et al. Theories of International Relations*. 3rd ed. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 100.

дение ученых видел в большевистской революции и заключении мирных договоров в ходе работы Парижской мирной конференции. Если рассуждать исторически, здесь видно, что Х. Булл обошел наиболее острые историографические дискуссии об авторстве данного принципа, которые велись между советскими и американскими историками в период холодной войны. Это лишний раз свидетельствует о его корректном, но поверхностном обращении к изучению конкретно-исторических вопросов. Х. Булла в большей степени интересовала общая логика процесса. Его кредо – историческая социология, а не собственно история как наука. Тем не менее, насколько он мог, он пытался мыслить исторически при разработке контуров концепции международного общества.

Кроме того, в рамках формы крушения колониальных режимов важным фактором этого процесса Х. Булл считал становление и эволюцию Британского Содружества. Оно облегчило ликвидацию колониального господства. Колониальная зависимость Азии сохранялась до конца 1940–1950-х годов, а Африки – до 1960–1970-х годов. Исторически завершающим процесс деколонизации Х. Булл считает крушение португальской колониальной империи, которое пришлось на 1970-е годы. Правда, в колониальном контексте он также склонен рассматривать конфликты в Южной Африке и борьбу за территорию Палестины¹⁷. Однако потенциал указанной формы протеста к 1970-м годам в целом оказывался исчерпанным.

Справедливости ради можно отметить, что опять применительно к данному процессу ученого интересует макросоциология, а не история. В центре его анализа процессы, а не конкретные факты. В современном мире насчитывается около десятка колоний, и тот же британский Гибралтар, Фолклендские острова Х. Булла вообще не интересовали в качестве примеров истории сохранения колониального господства в мире.

3. Борьба за расовое равенство. Международное общество в том виде, в каком оно сформировалось к концу XIX века, было обществом белых, а небелые даже в Европе и Америке страдали от стигмы младшего статуса. Гроцианские ценности, воплощенные

¹⁷ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society. P. 221.*

в доктрине естественного права, во второй половине XX века переключались в право национальное и международное и нашли свое выражение в доктрине прав человека. Истоки становления этой формы Х. Булл видит в Русско-японской войне 1904–1905 годов, которая воспринималась как одно из первых в истории международных отношений поражение белых.

Объединение разрозненного движения протеста против белого «супрематизма» произошло в Бандунге в 1955 году, после того как по окончании Второй мировой войны целый ряд «небелых» государств получил независимость. Кульминацией процесса для Х. Булла была конвенция ООН 1965 года о запрещении всех форм расовой дискриминации¹⁸.

При таком описании процесса видно, что Х. Булл-австралиец спокойно, в отличие от Ч. Мэннинга-южноафриканца, воспринимал борьбу против доминирования Запада. Более того, расовый эгалитаризм ученый мыслил как необходимое условие дальнейшего поддержания международного порядка.

4. Борьба за достижение экономической справедливости в международном обществе. Она подразумевает протест стран третьего мира (этот термин Х. Булл использовал, а тематика развивающихся стран в коллективной монографии была одной из основных) против любых форм экономического неравенства и эксплуатации. Для многих стран это в первую очередь борьба за собственные экономические ресурсы и право на их эксплуатацию. Поэтому Х. Булл спокойно относился к таким фактам, как экспроприация мексиканскими властями иностранных нефтяных компаний в 1930-х годах, национализация собственности властями Советской России, доктрины Кальво и Драго в странах Латинской Америки, национализация англо-иранской компании в 1951 году¹⁹.

Как и в отношении требования независимости в политике, он считал правомерным в целях сохранения международного порядка диалог по экономическим проблемам современного ему мира. Новизна интерпретации Х. Булла заключалась в развитии сотрудниче-

¹⁸ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 221.

¹⁹ См.: *Ibid.* P. 222.

ства между бедными и богатыми странами ради разработки общих интересов в поддержании международного порядка. Нефтяные кризисы 1970-х годов, ознаменовавшие начало экономической рецессии, он считал объективным фактором дальнейшего развития мировой политики. Декларацию ООН о новом экономическом порядке и Хартию об экономических правах и обязанностях государств 1974 года он считал принятыми под воздействием борьбы стран третьего мира.

Оценивая эту форму борьбы в интерпретации Х. Булла, заметим, что исследователь хорошо почувствовал новизну проблемы, выделил основные исторические вехи на пути ее формирования и попытался предложить осторожный подход к ее разрешению. Однако на примере его творчества отчетливо виден один из недостатков Английской школы классического периода – нехватка интереса к экономической составляющей в международных отношениях. Х. Булла интересовал в первую очередь порядок, безопасность, а не экономика. Современные исследователи внутри английской теоретической традиции пытаются восполнить существующий пробел²⁰. Холодная война в целом не располагала к подобным исследованиям. Вопросы экономики считались вопросами для изучения второго порядка. Поэтому оригинальность идей Х. Булла в этом отношении – это просто постановка проблемы и попытка ее первичного осмысления.

5. Культурный протест, или, как это обозначено у самого Х. Булла, требование справедливости в духовной сфере. В сущности это утверждение культурного многообразия и протест против интеллектуального преобладания Запада, которое рассматривалось странами третьего мира как часть экономического и политического доминирования²¹. Эта форма, по мнению ученого, демонстрирует возврат к традиционным культурным ценностям, утверждение собственной религии и права, сопротивление обучению на иностранном языке и влиянию внешних советников. По сути, эта составляющая

²⁰ См.: *Buzan B. Economical Structure and International Security. The Limits of Liberal Case // International Security: in 4 vol. / ed. by B. Buzan, L. Hansen. Vol. II. L., 2007. P. 597–624.*

²¹ См.: *Bull H. Justice in International Relations... P. 212.*

протеста – преодоление разрыва между колониальной и современной историей для бывших колониальных стран.

Парадокс в том, что четыре из пяти выделенных исследователем процессов идут под лозунгами, которые появились на Западе во время становления и развития международного общества. Так, например, требование расового равенства лишь развивает идеи о формально-правовом равенстве, высказанные в свое время мыслителями Просвещения и воплощенные в конституциях многих государств современного мира. Данное право, с точки зрения Х. Булла, было декларировано давно. Однако оно отрицалось политиками Запада на практике²². Требование права нации на самоопределение или на национальное освобождение по происхождению напоминает возврат к лозунгам американской и французской революций, когда сами жители этих стран применяли такой подход, чтобы свергнуть колониальный или абсолютистский режим²³. Требование экономической справедливости имеет в основании желание исключить права других стран распоряжаться ресурсами, от которых они зависят²⁴.

Х. Булл отмечает внутреннюю противоречивость некоторых слагаемых справедливости в представлении стран третьего мира. Так, например, он пишет, что для правительств этих государств международный экономический порядок служит своего рода козлом отпущения ради оправдания собственных провалов и сложностей в экономической политике. Это лишь удобное оправдание, перекладывающее собственные проблемы на более успешные государства²⁵. Либо в другом месте он отмечает, что справедливость в международных отношениях понимается как справедливость для государств, а индивидуумы по-прежнему остаются незащищенными от посягательств со стороны своих правительств. Но в целом Х. Булл понимает объективную основу указанных требований справедливости и принимает их в повестке международных отношений 1980-х годов. Он резюмирует: «Мы должны наполнить вопрос о справедливости в международных отношениях новым

²² См.: *Bull H. Justice in International Relations...* P. 213.

²³ См.: *Ibid.* P. 212.

²⁴ См.: *Ibid.* P. 214.

²⁵ См.: *Ibid.* P. 217.

содержанием как альтернативу взаимной ответственности или договорной справедливости»²⁶.

Пожалуй, лишь требование свободы в духовной сфере представляется ему небесспорным, ибо отражает протест не столько против стран Запада, сколько против отдельных ценностей, разделяемых на Западе. По мнению Э. Линклейтера, последователи Х. Булла увидели в его интерпретации протеста против засилья культуры Запада предвестника «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона или как минимум проблематику новых форм религиозного протеста²⁷. Сам Х. Булл последнюю форму протеста в деталях не рассматривал, но из общего смысла его рассуждений логичным было бы предположить постепенное вхождение стран третьего мира в международное общество, а не развитие конфликта цивилизаций. Поэтому он и считал целесообразным развитие диалога на основе новой повестки справедливости в международных отношениях начала 1980-х годов. Впрочем, возможна и интерпретация всей концепции международного общества как дискурса для диалога с Западом в постколониальном мире.

В рамках проблематики протеста против Запада в интерпретации Х. Булла интересен и вопрос о том, кто выступает его субъектом. Исследователь писал о трех основных субъектах этого восстания:

1. Национальные движения стран Азии и Африки, чей политический триумф пришелся на Бандунгскую конференцию 1955 года.
2. Движение неприсоединения.
3. «Группа 77»²⁸.

В «Экспансии международного общества» вопросу становления данных субъектов была посвящена специальная глава, которую писал Питер Лайон²⁹. Поэтому Х. Булл детально вопросом становления этих субъектов лично не занимался. Его главный интерес – историко-социологический, а именно: попытка показать, что третий мир не един, хотя требования он пытается выдвинуть согласован-

²⁶ Bull H. Justice in International Relations... P. 223.

²⁷ См.: Burchill S. et al. Op. cit. P. 101.

²⁸ См.: Bull H. The Revolt Against the West // Hedley Bull on International Society. P. 228.

²⁹ См.: Lyon P. The Emergence of the Third World // The Expansion of International Society. P. 229–237.

ные. Здесь интересно, что Х. Булл в этом своем тезисе показывает само понятие третьего мира как конструктивистский проект. Конфликт между Севером и Югом, который должен прийти на смену эпохе конфронтации по линии Восток – Запад, – вымысел, по его логике. Единство требований со стороны стран третьего мира, трибуной для высказывания которых стали упомянутые международные организации, обусловлено причинами, вызвавшими к жизни данный проект, но не более того. К числу этих причин Х. Булл относит следующие:

1. Психологическое или духовное пробуждение азиатских, африканских и тихоокеанских народов³⁰. Данный процесс инициируется местными элитами, мобилизующими массы населения с помощью идеи создания собственного государства. Причем многим народам, по мнению ученого, еще только предстоит создать свою экономическую и политическую системы. Иначе говоря, элиты этих стран стремятся к самостоятельному, но не всегда еще подлинно национальному контролю.

2. Желание части западных стран сохранить свое преобладание. По мнению Х. Булла, это противоречит историческому развитию событий. Первая мировая война разрушила надежды на неизменность существующего порядка, возвестив о принципе национального самоопределения, который вступил в противоречие с легальностью колониальных правил. Вторая мировая война подорвала сами возможности сохранения колониальных позиций у ведущих государств Европы. Многие государства-метрополии, с точки зрения ученого, понимали необходимость изменений, и здесь Х. Булл завышает сознательность колониальных стран, заявляя о том, что многие из них сами немало сделали для процесса деколонизации. В качестве примеров он ссылается на опыт деколонизации Индонезии, Египта, Кипра, Алжира. Однако были и такие, кто в указанном процессе стремился заменить старый колониальный порядок неоколониальным, прямое преобладание на косвенное. Это и вызвало протест против Запада в целом, по мнению ученого³¹.

³⁰ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 222.

³¹ См.: *Ibid.*

3. Политика Советского Союза. При этом Х. Булл считает, что СССР не всегда был заинтересован в поддержке и стимулировании восстания против доминирования Запада. В своих рассуждениях о роли СССР Х. Булл скорее ставит, чем пытается разрешить интересную проблему отношения страны к национальным движениям. Он отмечает, что классический марксизм не симпатизировал национализму, а Ленину пришлось встраивать коммунистическое движение в национальное развитие страны³².

Однако в целом подъем советского государства, особенно после Второй мировой войны, достижение Советским Союзом паритета в области вооружений с США и ряд иных факторов самим фактом обусловили симпатии к стране, демонстрируя альтернативную модель западоцентричному миру. В известном смысле Х. Булл был одним из первых, кто увидел в СССР контрпроект мейнстриму мирополитического развития. Взгляд с периферии международного общества в австралийский период работы позволил ученому разглядеть такие оттенки в развитии мира и поставить такие вопросы эволюции международных отношений, которые не были видны из его центра в период нового витка холодной войны в начале 1980-х годов.

4. Необходимость сохранения баланса сил. Идея баланса сил – один из отличительных маркеров Английской школы в сравнении с американской теорией международных отношений. Классические тексты внутри школы по данному вопросу принадлежали Г. Баттерфильду и М. Уайту³³. В частности, Г. Баттерфильд сравнивал баланс сил в международных отношениях с законами Ньютона в физике³⁴. Недавнее исследование Р. Литтла также показывает, что баланс сил играл принципиальную роль и для Х. Булла³⁵. В этом смысле отношения между СССР и США рассматривались ученым как частный случай поддержания равновесия в международной системе. Сдерживание войны в отношениях по линии Восток – Запад привело

³² См.: *Bull H.* The Revolt Against the West // The Expansion of International Society. P. 225.

³³ См.: *Butterfield H.* Balance of Power. P. 132–148; *Wight M.* Balance of Power. P. 148–175.

³⁴ См.: *Butterfield H.* Balance of Power. P. 132.

³⁵ См.: *Little R.* The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models. P. 128–166.

к сдерживанию интервенции в третьи страны³⁶. На этой основе момент для протеста стран третьего мира был благоприятным.

5. Изменение морального климата в международных отношениях, которое проявилось в том, что стали возникать новые акторы международных отношений, протестующие против преобладания Запада. Речь идет о многочисленных международных организациях, чью роль Х. Булл характеризует как «мягкое» право, выполняющее функции международной морали³⁷.

Такой анализ причин, форм и субъектов протеста позволил поставить новые важные вопросы в проблематике изучения международного общества в 1980-х годах и подтолкнул к разработке оптимальной, с точки зрения исследователя, стратегической линии внешней политики для ряда государств. Х. Булл неожиданно стал связывать политическую повестку с вопросами справедливости в международных отношениях. Это лишний раз продемонстрировало такую отличительную черту британских исследователей, как приверженность моральному подходу к международной жизни.

В лекциях 1983 года профессор определяет справедливость в аристотелевском понимании этого термина как «правомерное поведение, в котором стороны ведут себя честно»³⁸. Но также вслед за Аристотелем Х. Булл как философ пытается выделить разные формы справедливости в социальных отношениях. Он пишет о существовании как минимум арифметической и пропорциональной справедливости. Первая форма подразумевает равное признание прав или выгод, вторая, наоборот, неравное предоставление благ³⁹. Но это также будет считаться правомерным. Подобное деление становится понятным, когда речь идет о требовании: богатые должны платить больше налогов и т. п.

Такая классификация форм явления, очевидно вытекающая из философских, а не социологических оснований, позволяет исследователю провести анализ правомерности требований справедливости, выдвигаемых странами третьего мира. Центральным тезисом

³⁶ См.: *Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society*. P. 226.

³⁷ См.: *Ibid.* P. 227.

³⁸ *Bull H. Justice in International Relations...* P. 208–209.

³⁹ См.: *Ibid.* P. 208.

этой работы Х. Булла выступает мысль о том, что ради сохранения международного порядка, а значит, и существования международного общества концепция пропорциональной справедливости должна стать центральной в измерении правомерного поведения в международных отношениях. Конфликт между Западом и остальным миром в значительной степени становится конфликтом подходов в определении справедливости в международных делах.

Несмотря на требования со стороны развивающихся государств, внутри западного международного общества также произошли существенные изменения в вопросах и представлениях о справедливости. Первое изменение можно охарактеризовать как сдвиг в субъектах. Если традиционно справедливость в международных отношениях понималась как справедливость для государств, то современное Х. Буллу международное общество требует признания справедливости в международной сфере и в отношении людей. Он пишет: «Мир, в котором мы живем, не организован как космополис. В нем нет мирового правительства. Это система независимых государств, но внутри этой системы имеет место признание прав и обязанностей индивидов»⁴⁰.

Это достаточно новый момент в творчестве ученого. В нем можно увидеть развитие первоначального представления Х. Булла о роли гроцианских ценностей. Однако при такой оценке остается неясным, почему тематика гроцианства столько лет оставалась на том уровне, на каком она постулировалась в 1960-х годах, а в 1980-х привела к кардинальному повороту в мировоззрении исследователя и других представителей Английской школы (Н. Уилер и Р. Джексон). Такой этический аспект для историко-социологической интерпретации международного общества не остался незамеченным и вызвал определенный виток споров внутри школы. Как минимум Х. Булла после таких оценок стали сравнивать не с М. Уайтом, а с Дж. Винсентом. Э. Линклейтер и Х. Суганами объясняют это переосмыслением не столько гроцианской, сколько кантианской традиции внутри Британского комитета при работе над «Экспансией международного общества»⁴¹.

⁴⁰ Bull H. Justice in International Relations... P. 220.

⁴¹ См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 138, 266.

Требования справедливости стран третьего мира почти целиком и полностью лежат в понятиях прав государств и правительств, в то время как в отношении людей эта обменная справедливость остается непонятной для восприятия развитых стран Запада. Признавая правомерными ряд требований, Х. Булл в своих работах 1980-х годов также приходит к выводу о необходимости участия в развитии прав человека. Это позволит не просто расширить международное общество, но под влиянием кантианской (революционистской в терминах М. Уайта) традиции создать мировое общество всего человечества. Он пишет: «Наши моральные основы требуют этого. Несмотря на то, что мировое общество индивидуальных прав человека – это идеал, но это наш идеал, и мы должны продвигать его в нашей политике»⁴². Как именно этот процесс будет происходить, Х. Булл не формулировал, хотя Э. Линклейтер на основе отдельных работ и высказываний Х. Булла пытается обобщить возможные варианты⁴³.

Здесь интересно и то, что еще семь лет назад в «Анархическом обществе» центральный фокус рассуждений Х. Булла о правах человека – это ослабление регулятивной роли международного права и, как следствие, международного порядка под влиянием данной доктрины. Но в целом Х. Булл по-прежнему отдавал приоритет порядку перед справедливостью.

Участники и исследователи Английской школы по-разному оценивали последние работы Х. Булла. Так, Н. Уилер и Т. Дюнн стали развивать идеи правомерности интервенции по гуманитарным основаниям при наличии угрозы массового нарушения прав человека – тема, которая вызвала огромный резонанс в науке рубежа XX–XXI веков. Э. Линклейтер и Х. Суганами, напротив, стали интересоваться, что есть «хорошее международное гражданство» в современных международных отношениях. Б. Бузан стал говорить о проблематике мирового общества.

Второе изменение в представлении о справедливости, с точки зрения ученого, – это изменение от справедливого обмена к справедливому распределению в отношениях между государствами.

⁴² *Bull H.* Justice in International Relations... P. 221.

⁴³ См.: *Linklater A., Suganami H.* Op. cit. P. 266–272.

Х. Булл пишет: «Мы должны наполнить вопрос о справедливости в международных отношениях новым содержанием. Как альтернативу взаимной, или договорной, справедливости»⁴⁴. Обменная справедливость – та, о которой государства договариваются как члены международного общества на основе уступок и эквивалентов. Распределительная справедливость, по мысли ученого, – это та, которая относится не к отдельным участникам, а к международному обществу в целом.

Страны третьего мира требуют справедливого распределения мировых ресурсов. При этом проблемы одних опять могут быть решены за счет перекладывания ответственности на других, более успешных. Но цель – новое перераспределение ресурсов, но не их справедливое распределение⁴⁵. Страны с успешной рыночной экономикой должны, по мысли Х. Булла, осознать пределы своего возможного роста, ограниченность ресурсов, иные факторы политико-экономического развития мира. Поэтому ученый считает необходимым поддерживать определенный уровень процветания в менее развитых государствах ради общих интересов. Началом такой справедливости может стать не диалог на основе «права компенсации», но доктрина мирового «общего блага». Она отражает не общие интересы государств, а поддержание человеческого рода. Здесь даже права человека могут подчиняться интересам человечества как вида⁴⁶.

Казалось бы, такие идеи делают Х. Булла либеральным философом и сближают его взгляды с мыслителями типа Джона Роулза. Однако Х. Булл выделяет ряд важных проблем на пути реализации подобного подхода. Среди них – слабость ООН, неготовность правительств к проведению политики, основанной на подобных мотивах, «отсутствие распределителя», слабая проработанность вопросов распределения в мировой теоретической мысли, опасность подвергнуть эрозии принцип суверенитета, а значит, и международный порядок⁴⁷. Таким образом, в конце жизни ученый вовсе не совершил поворот в сторону социальной философии и этики справедливости

⁴⁴ Bull H. Justice in International Relations... P. 223.

⁴⁵ См.: Ibid. P. 217.

⁴⁶ См.: Ibid. P. 222.

⁴⁷ См.: Ibid. P. 222–224.

от историко-социологического изучения международных отношений. Произошел некоторый разворот в сторону солидаризма или кантианской традиции от первоначальной гроцианской позиции.

В проблематике справедливости в 1980-х годах в творчестве Х. Булла обнаруживается несколько новых моментов. Исследователь предвидел определенные линии перемен внутри международного общества, исходя из системного видения международных отношений. Взгляд Х. Булла, не привязанный к сюжетам конкретной политической конъюнктуры, уловил изменения в качестве международных процессов.

Дискурсивная конструкция «Запад», как и понятие «третий мир», столь часто встречаемая в последних исследованиях ученого, свидетельствовала о желании заменить старую модель экспансии международного (европейского) общества на формулу, сближающую государства Европы с Соединенными Штатами. Это очень неплохо накладывалось на реалии холодной войны и осуждало колониализм. Вместе с тем внутри некоего нового дискурсивного пространства Запада присутствовали проблемы не только по геополитической линии противостояния СССР – США, но и в отношениях с бывшими колониями европейских государств-метрополий. Этический призыв международника демонстрировал необходимость поиска новых подходов в области взаимодействия со странами третьего мира в условиях ресурсной ограниченности и после падения колониальных режимов. Творчество ученого данного периода подтверждает, что Английская школа есть средний путь между хладнокровным анализом мира в терминах теории политического реализма и традиционным английским интересом к проблематике сотрудничества и этической стороне международного взаимодействия. Вместе с тем такая позиция ученого содержала известные внутренние противоречия, которые привели к оживленным дискуссиям внутри школы в 1990–2000-х годах и концентрировались вокруг проблематики приоритета справедливости над порядком в международных отношениях.

3.6. Теория международных отношений как наука и дисциплина в представлении Хедли Булла

Помимо оформления концепции международного общества, столь значимой для понимания Английской школы международных отношений, ученый сформулировал ряд важных идей, сыгравших определенную роль в формировании науки и учебной дисциплины по международным отношениям. Он был одним из первых в Великобритании, кто заговорил об их становлении как отдельной науки. Его взгляд на предмет и методы изучения международных отношений также демонстрирует специфику подхода, отличную от господствующей в американской науке того времени парадигмы политического реализма.

При анализе данной тематической области в творчестве Х. Булла представляются важным два обстоятельства. Во-первых, сам профессор до конца жизни не опубликовал свои идеи по данному предмету, считая их внутренне противоречивыми и не готовыми к «обнародованию». Недавно опубликованные материалы, посвященные данной теме, были озаглавлены как «Бумаги по теории международных отношений» и переданы для издания в Великобритании Австралийским национальным университетом в Канберре¹. В этих своих эссе Х. Булл пытается определить наиболее релевантные подходы к методологии анализа международных отношений. Но, учитывая специфику опубликованных рукописей, идеи, высказанные в них, необходимо анализировать в контексте с другими взглядами ученого на предмет изучения.

Во-вторых, сегодня общепризнанно, что Х. Булл был инициатором второго «большого спора» в теории международных отношений, в котором он заявил о себе как о стороннике традиционных методов их изучения. Уже название его нашумевшего доклада, прочитанного в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований в январе 1966 года и изданного через три месяца в журнале «Мировая политика», свидетельствовало о такой позиции автора².

¹ См.: Hedley Bull on International Society. P. 246–247.

² См.: Bull H. International Theory: The Case for the Classical Approach // World Politics. 1966. Vol. 18, № 3. P. 361–377. Фрагмент этой работы переведен на рус-

При этом ускользает из виду то обстоятельство, что творчество Х. Булла было многогранным и эволюционировало со временем. Х. Булл без сомнения критиковал сциентистский подход, но какой именно сциентизм он критиковал и что имел в виду под традиционным методом изучения международных отношений – это и составляет предмет анализа при изучении его творчества в данном разделе.

Его собственные историко-социологические обобщения представляли собой частную научную концепцию. Х. Булл внутри нее доказывал, что международные отношения имеют свой собственный предмет, и выступал за междисциплинарный характер изучения международной сферы. В работе «Международные отношения как научное занятие», впервые опубликованной в Австралии в 1972 году, наиболее важное направление исследования данной сферы ему виделось в изучении межгосударственных политических отношений³.

Однако, по его мнению, наука о международных отношениях также должна фокусироваться на международных, а не только межгосударственных политических контактах. В этой связи не лишним будет напомнить, что международное общество было центральным, но вовсе не единственным предметом изучения в Английской школе. Кроме международного общества в фокус исследований Х. Булла и других специалистов школы попадали система государств, или международная система, а также проблемы мирового общества. Другое дело, что последняя тема находилась на периферии исследовательского внимания ученого. В «Анархическом обществе» мировая политическая система рассматривалась Х. Буллом как альтернатива существующему международному обществу⁴. К субъектам международных отношений Х. Булл относил, помимо государств, еще и города-государства, династии, а не только державы. Ему был знаком и транснациональный взгляд на субъекты международного взаимо-

ский язык (см.: Теория международных отношений: хрестоматия / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 187–200). Неслучайным в этой связи кажется и то, что Р. Джонс в своей критике Английской школы перефразировал название доклада Х. Булла (см.: *Jones R. Op. cit.* P. 185–206).

³ См.: *Bull H. International Relations as an Academic Pursuit // Hedley Bull on International Society.* P. 248.

⁴ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* P. 276.

действия. Несколько раз в его текстах встречаются ссылки на работы Джозефа Ная и Роберта Кеохейна. Признавал он и роль международных организаций в качестве акторов международных отношений. Также им использовались термины «субнациональные группы» и «транснациональные движения»⁵. Наконец, именно Х. Буллу принадлежит концепт «нового средневековья», применявшийся для описания модели взаимодействия интеграционных группировок, национальных государств и иных акторов в международной сфере⁶. Однако в центре внимания его собственных работ всегда находились проблемы международного порядка и институты его поддержания. Отсюда Английскую школу часто называют еще и английским институционализмом.

Несправедливо, с точки зрения ученого, отождествлять международные отношения с международной политикой. Как минимум необходимость изучения международного публичного права все представители первых поколений Английской школы считали принципиально важным моментом при анализе международного общества. Х. Булл также не был исключением с его принципиальной приверженностью гроцианским ценностям в международной политической теории. Кроме того, вопросы экономики и политической мысли были желательны при исследовании международной жизни. Этим объясняется его стремление к междисциплинарному подходу в изучении международных отношений, что он и считал «классическим способом».

Насколько это традиционный способ исследования данного предмета, сложный вопрос. Междисциплинарность в целом становится важным элементом научных исследований в период научно-технической революции второй половины XX века. Именно в это время на стыке разных наук стали возможны серьезные научные прорывы в исследованиях. В первую очередь данный процесс затронул науки естественные: биохимию, молекулярную биологию, геофизику. В булловском «классическом» подходе тогда следует видеть критику методологии, но не онтологии сциентизма, часть идейного

⁵ См.: *Bull H. International Relations as an Academic Pursuit*. P. 249.

⁶ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. P. 264–265.

наследия которого в виде междисциплинарности Х. Булл разделял. Спор с М. Капланом о методах – лишь видимая часть его методологической позиции относительно международных отношений в 1960-х годах. Не менее важно, что его междисциплинарный подход отличается от той позиции, какую в своих взглядах на предмет защищал Ч. Мэннинг.

Поскольку идеи Х. Булла в этом вопросе оставались вне публикаций комитетских текстов Английской школы, в них необходимо видеть продолжение той консервативной линии взглядов, какую в своих представлениях о международных отношениях как науке отстаивали Г. Баттерфильд и М. Уайт. Протест Х. Булла против сциентизма поэтому был направлен против вульгарной версии американской политической теории и преувеличения клиометрических методов преподавания международных отношений в университетах США. Для него было принципиальным, чтобы в предмет изучения не попадали лишь современные международные отношения. В противном случае работа международника не будет отличаться от статей международного журналиста.

Существенное место должно отводиться истории в изучении международных процессов. На это должно быть направлено и образование. Если говорить словами Х. Булла, история сама по себе педагогична, она учит своими фактами, в то время как теоретическая литература этого не делает⁷. Однако и история есть лишь один из компонентов знания о международных отношениях. В этой связи представляется важным его несогласие с формулой М. Уайта в «Дипломатических исследованиях», где последний писал, что международная политика есть политическая теория как ее историческая интерпретация⁸. Историческая наука была центральной, но не единственной формой знания о международных отношениях, с позиций Х. Булла. Он писал: «Международные отношения не могут и не должны изучаться только исторически. Задача теоретических исследований в международных отношениях – определить общие предпосылки развития, сформулировать их и исследовать»⁹.

⁷ См.: *Bull H. International Relations as an Academic Pursuit*. P. 254.

⁸ См.: *Wight M. Why is There No International Theory?* P. 33.

⁹ *Bull H. International Relations as an Academic Pursuit*. P. 254.

Таким образом, если в своем известном докладе 1966 года он и критиковал сциентистский подход, его собственный подход к изучению международных отношений носил характер нового прикладного знания. Как видно из его работ, интерес к собственно историческим сюжетам у Х. Булла оставался неразвитым, его кредо – политическая социология международных отношений с проверкой основных гипотез историко-социологическим методом. Он часто лишь обобщал наработки историков, преломляя интерпретацию отдельных исторических процессов через концепцию международного общества и гипотезу системы государств. В этом смысле значительная доля его творчества, как и наследия М. Уайта, – это часть прикладной парадигмы научного знания о международных отношениях. Х. Булл не принимал отдельные частнонаучные подходы некоторых ученых к изучению предмета международных отношений, но, как известно, результатами «больших споров» в науке о международных отношениях выступало некоторое взаимообогащение позиций и развитие внутридисциплинарного диалога. Его критика «строгого» научного подхода 1960-х годов – протест против абсолютизации политической теории и применения отдельных научных процедур, но собственная концепция международного общества также выступала частью новой платформы прикладного теоретического знания о международных отношениях, с помощью которой интерпретировались базовые исторические процессы.

Х. Булл одним из первых попытался классифицировать теоретические наработки в международной политике и в 1972 году даже предложил одну из первых классификаций научных подходов к ее изучению. Он связывал возникновение идеалистической парадигмы с идеями социального инжиниринга периода 1920–1930-х годов. К числу сторонников этого подхода он относил А. Циммерна, Дж. Шотвелла, Ф. Нозль-Бейкера. Отличительная черта их мировоззрения – вера в прогресс и убежденность в том, что ситуация в международных отношениях может быть улучшена. Интерес к Лиге Наций, системе коллективной безопасности, порожденной завершением Первой мировой войны, развитие международного общественного мнения – все это основные аспекты исследовательского интереса указанного течения.

На период 1930–1940-х годов приходится возникновение второго направления, которое он называл реализмом. К числу представителей этого подхода он относил Э. Карра, Р. Нибура, Г. Моргентау и Дж. Шварценберга. К числу факторов, обусловивших становление реализма, Х. Булл относит крах Лиги Наций, провал системы безопасности, неспособность вовремя остановить фашизм, т. е. почти современное видение причин формирования теории международных отношений, детерминированное макрополитическими обстоятельствами.

В 1950–1960-х годах возникает и социальный сциентизм, чей главный интерес он видит не в обобщении знания, а в расчленении предмета. Представители этого подхода объединились внутри Американской ассоциации политической науки и выступают за переосмысление базовых ценностей изучения международной сферы¹⁰. Как видно из предшествующих примеров, значительная часть и реалистов, и идеалистов у Х. Булла – это англичане и европейцы.

Сам Х. Булл занял в такой классификации промежуточную позицию, опять предложив средний путь в трактовке международной системы государств и в то же время сохранив своеобразие английского подхода к международному обществу. Отсюда и стремление в работе найти разумное сочетание между историческим и теоретическим видением международных отношений, противопоставление «классического» подхода «строгому» системному анализу, желание избежать противопоставления страноведческих исследований международным. Собственно, поиск компромисса и привел Х. Булла к конструктивистскому пониманию международных институтов в «Анархическом обществе», где ученый соединил анархический характер межгосударственных отношений с системным анализом и идеями социального инжиниринга в виде концепции международного общества.

¹⁰ См.: *Bull H. International Relations as an Academic Pursuit*. P. 250–251.

Глава 4. ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА

4.1. Фредерик Нортейдж и Лондонская школа экономики в становлении Английской школы международных отношений

Среди ученых, которые не принимали участия в работе Британского комитета по изучению внешней политики, но внесли заметный вклад в формирование Английской школы, были практически все ученики и коллеги Ч. Мэннинга по кафедре международных отношений в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований. В 1960-х годах кафедра была немногочисленной, но туда входили видные специалисты и преподаватели: Роберт Хантер, Майкл Бэнкс, Филипп Виндзор, Майкл Донелан, Поль Тейлор, Алан Джеймс, Джеймс Майалл, Джеффри Гудвин, Фредерик Нортейдж, Питер Лайон и единственная женщина в этом научном сообществе Коралл Белл.

В отечественной науке, как известно, принят институциональный подход применительно к определению научной школы¹. Е.В. Гутнова в одной из своих работ считала, что такие крупные исследовательские центры, как научная школа, формируются либо вокруг отдельных известных ученых, либо на основе кафедр и исследовательских институтов. Аналогичная позиция отстаивается и некоторыми зарубежными специалистами по данной конкретной школе международных исследований². Правда, в этом случае на роль таких институтов претендует несколько структур: Британский комитет по изучению внешней политики, кафедра международных

¹ См.: Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit.

отношений в Лондонской школе экономики и даже отдельные ученые типа сэра Г. Баттерфильда из Кембриджского университета.

Проблемный характер этому вопросу придает и то обстоятельство, как понимать «институт» применительно к научному сообществу второй половины XX века: сводится ли он к формальной образовательной и научной структуре, может ли такой институт носить сетевой характер и не быть привязанным к образовательному или научному учреждению. Еще одним сложным аспектом проблемы критериев научной школы выступает то обстоятельство, что концепция отдельных ученых-международников стала восприниматься как национальная традиция всей британской науки о международных отношениях.

Анализ творчества отдельных представителей школы помогает прояснить указанные вопросы и определить роль и место Лондонской школы экономики в становлении Английской школы международных отношений. Показательны в этом ключе взгляды профессора Ф.С. Нортейджа (1918–1985). Ученого можно отнести к числу людей, принадлежащих к первому поколению британских международных. Нет сомнений и в том, что его интерес к международным исследованиям носил яркий индивидуальный характер, что не препятствовало участию в формировании общей концепции международного общества.

Ф. Нортейдж родился 16 октября 1918 года в Дерби. Окончил местную школу. Благодаря победам на олимпиадах у него появилась возможность получить классическое образование в Мертон-колледже (Оксфорд). Интерес к стратегическим проблемам привел его к изучению внешней политики в Лондонской школе экономики, куда он пришел после Второй мировой войны. С 1949 года он начал работу в этом учреждении в качестве ассистента, а с 1968-го до своей внезапной кончины 3 марта 1985 года занимал должность профессора на данной кафедре³. Он был одним из основателей журнала «Миллениум» в Великобритании.

³ См.: Biography Written by Geoffrey Stern for the Library of the London School of Economics. URL: <https://www.flickr.com/photos/lselibrary/4437666273/> (дата обращения: 07.01.2016).

Кафедра международных отношений Лондонской школы экономики
и прикладных политических исследований. 1967 год

Слева направо (стоят): Р. Хантер, М. Бэнкс, Ф. Виндзор,
М. Донелан, П. Тейлор, А. Джеймс

Слева направо (сидят): Д. Майал, Д. Гудвин, К. Белл, Ф. Нортейдж, П. Лайон

По немногочисленным данным из его биографии, написанной в память об этом человеке, можно предположить, что его жизненный путь напоминает «американскую мечту». Он был из тех, кто «сделал себя сам». Добился получения престижного образования, работал в одном из ведущих университетов страны, реализовался как ученый, издатель, преподаватель, семьянин.

Его научные взгляды также демонстрируют определенную близость как к американскому реализму, так и к Английской школе. Будучи эрудированным и наблюдательным ученым, Ф. Нортейдж отслеживал теоретические работы по международной проблематике по обе стороны Атлантики. Он стремился найти «свою колею» в изучении международных отношений. Как человек, рожденный в период Первой мировой войны и переживший Вторую мировую, он проявлял живейший интерес к вопросам стратегической политики государств. Он считал, что именно от великих держав зависит будущее мира. Акцент на государстве и его внешней политике роднит

взгляд ученого с доминирующим американским подходом к международным отношениям.

Другое дело, что внешнюю политику он рассматривает сквозь призму идей о международном обществе. Так, в отличие от Г. Моргентау Ф. Нортейдж не оперировал понятием национального интереса, но центральное место в его рассуждениях занимала собственно внешняя политика. Он полагал, что последняя есть результат взаимодействия широкого круга внутривнутриполитических факторов и международных процессов. Не национальные интересы, но процесс формирования внешней политики – одна из центральных тем его творчества. Этот аспект сближает ученого с современными теоретическими подходами к анализу международных отношений, фокус которых размещается на встрече политической и международной теорий. Отсюда и попытка выделить особенности внешней политики конкретных государств в его исследованиях.

Такой подход был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, со ссылкой на В. Ленина Ф. Нортейдж отмечал, что государство не изолировано в современном мире. Оно находится в обществе, участие в котором в условиях XX века неизбежно. Во-вторых, власть в этом обществе не является централизованной, но распределяется среди стран неравномерным образом⁴. Последнее обстоятельство позволяет подходить к внешней политике как особому типу политических отношений, отличающемуся от политики социальной или образовательной.

Второй особенностью внешней политики, по Ф. Нортейджу, выступает то, что она строится на сочетании объективных и субъективных факторов. Хотя он и признает объективную основу формирования внешней политики в виде военного и экономического потенциала государства, уровня технологического развития и социальных достижений, которые показывают сплоченность общества, но в этой сфере министр иностранных дел не может просчитать успех собственного курса. Результат внешнеполитических инициатив зависит от переговоров и учета интересов разных игроков. Итог такого взаимодействия отнюдь не предопределен.

⁴ См.: The Foreign Policies of the Powers / ed. by F. Northedge. L.: Faber and Faber, 1974. P. 11.

В-третьих, внешняя политика характеризуется сочетанием преемственности и изменений, что показывает еще одну особенность этой сферы общественных отношений. Преемственность часто предопределяется общими факторами развития международной системы, а перемены в международной жизни часто выступают продуктом внутреннего развития государства⁵.

В-четвертых, особенностью внешней политики XX века Ф. Нортейдж считал ее демократический характер, что проявилось в растущем воздействии общественного мнения на принятие политических решений, изменении качества управления государствами. В этих условиях внешняя политика перестала быть уделом монархов и ограниченного круга карьерных дипломатов⁶.

В силу сочетания таких свойств наиболее сложной задачей для внешней политики представляется не формулирование национальных интересов, но определение иерархии задач и расстановка приоритетов, адаптация собственных внешнеполитических целей к условиям изменяющейся международной политической системы. Отсюда возникает проблема эффективного осуществления внешней политики.

Стремясь раскрыть критерий эффективности с относительно объективных позиций, Ф. Нортейдж выделяет внутренние и внешние факторы, способствующие формулированию и осуществлению внешнеполитических задач. К числу важных внутренних аспектов ученый относит умение достигать консенсуса как внутри политической системы страны, так и в отношениях между обществом и властью. В этой связи он обращает внимание на то, что «среднестатистический конгрессмен в США выступает как профессиональный критик своего правительства, в то время как его британский коллега – его вдохновленный сторонник. Американская политическая системы пытается максимизировать конфликт между федеральным правительством и legislatures, а английская – его минимизирует»⁷.

В приведенной оценке читается характерная для Английской школы в частности и для европейской интеллектуальной традиции

⁵ См.: The Foreign Policies of the Powers. P. 12–14.

⁶ См.: Ibid. P. 20.

⁷ Ibid. P. 28.

1960-х годов в целом позиция, согласно которой происходит становление новой европейской идентичности в условиях так называемой фазы конфронтационной стабильности в международных отношениях. Ученые стали обращать внимание на разность задач в различных внешнеполитических подходах союзников по западному лагерю. Это свидетельствовало не о росте антиамериканских настроений в странах Европы, но о недостатке самостоятельности европейских государств в международных отношениях после ослабления напряженности по линии Восток – Запад.

Концепция глобального международного общества как раз до 1980-х годов здесь была востребована как консервативный призыв к большему учету интересов союзников по Старому Свету. Отсюда и противопоставление английской и американской политических систем. Более радикальный призыв звучал в континентальной Европе, когда стала провозглашаться идея создания альтернативного центра силы. Политическое начало этому процессу заложил Ш. де Голь во Франции и В. Брандт в ФРГ. Ф. Нортейдж почувствовал такие настроения в Европе одним из первых. Однако этот подход шел вразрез с методологическими основами, которые были сформулированы Г. Баттерфильдом в 1930-х годах. Это то, что кембриджский профессор называл вигской интерпретацией истории. Теперь подобные идеи противопоставления и различной ценностной ориентации стали звучать в сообществе британских международныхников. В том числе и тех, кто принадлежал к новому поколению в Английской школе. Связь с идеями, принципиальными для Г. Баттерфильда, в творчестве Ф. Нортейджа не так сильна. Без сомнений, он разделял основные мысли о международном обществе, но его отсутствие в работе Комитета нивелировало многие контекстные идеи представителей первого поколения школы.

Исходя из такого теоретического дискурса, соединяющего прагматический анализ внешнеполитических интересов и концепцию международного общества, профессор из Лондонской школы экономики выделяет характерные черты внешней политики отдельных государств. Квинтэссенцией такого анализа у него выступает понятие «дипломатический стиль».

Попытка объективировать внешнюю политику и дипломатию через такие концепты была достаточно распространенным явлением

в условиях, когда международные отношения стали изучаться на научной основе. М.А. Хрусталеv в отечественной науке вообще считал эту тему одним из важных стимулов в процессе формирования автономной проблематики по исследованию международных переговоров⁸. По мнению ученого, такие работы обобщали эмпирический опыт с той или иной долей субъективизма, претендовали на операциональность и содержали практические рекомендации. Однако к концу 1980-х годов данная проблематика в значительной степени оказалась исчерпанной. М.М. Лебедева, напротив, полагает, что разработки национальных стилей ведения переговоров переводили изучение на структурный уровень, что открывало дорогу моделированию переговорного процесса в современных научных исследованиях⁹.

Идеи Ф. Нортейджа в этом отношении подтверждают скорее первую оценку. Он сумел обнаружить оригинальную тему еще в 1960-х годах и в социологической манере обобщил исторический материал, объединив его ключевые элементы в понятие «дипломатический стиль». Этот концепт отражал, по его мнению, исторически развитые в стране ценности и находил свое воплощение в высказываниях политических лидеров. Такое понимание не предполагало самостоятельного выделения структуры международного общества, но приводило к необходимости разделения интересов государства и оценок отдельных политиков, позиций в различных группах общественного мнения. Первые рассматривались как жизненно важные и составляли основу внешней политики¹⁰. Позиция Ф. Нортейджа, таким образом, примечательна тем, что под национальным дипломатическим стилем он понимал интересы государства, которые и задавали внешнеполитические приоритеты.

К их числу лондонский профессор относил территориальную неприкосновенность и политическую независимость, которые со-

⁸ См.: Хрусталеv М.А. Методология анализа международных переговоров // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2004. Т. 2, № 3 (6). С. 66.

⁹ См.: Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, технологии, решения. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 227–231.

¹⁰ См.: The Foreign Policies of the Powers. P. 182.

ставляли основу национальной безопасности страны. После 1949 года в число внешнеполитических приоритетов попали и интересы союзников по Вашингтонскому договору, а также интересы оставшихся колоний (в 1960–1970-х годах это Гибралтар, Фолклендские острова, Гонконг, Британский Гондурас)¹¹. Здесь отделение интересов власти от доминирующих интересов в обществе создавало возможность сохранения оставшихся колониальных позиций.

Любопытным внешнеполитическим приоритетом в интерпретации Ф. Нортейджа представляется стремление Великобритании к сохранению статус-кво в международных отношениях. Такой подход безотносительно к конкретной ситуации выступает следствием долговременной активной морской политики страны. Великобритания имела колонии и интересы, разбросанные по всему миру, защитить которые в сжатое время было делом проблематичным. В итоге Британия демонстрировала часто равнодушное отношение к внутренней политике и правительствам отдельных стран¹². Королевские министры не интересовались внутренней ситуацией в стране. Здесь позиция ученого напоминает известное выражение Г. Пальмерстона о том, что «у Великобритании нет постоянных друзей, но есть постоянные интересы».

Однако такая нормативность тезиса воспринимается не так безобидно, когда речь идет о судьбе Чехословакии или политике умиротворения в отношении гитлеровской Германии. Ф. Нортейдж с честностью историка понимает такую специфику британского дипломатического стиля. Но логика внешнеполитических интересов заставляет его констатировать, что для дипломатии важна не честность как социальное качество, но цена, определяющая защиту своих интересов. Это не оправдание английской политики. Такую научную позицию исследователя можно охарактеризовать как нелицеприятную правду о ценностях национального дипломатического стиля.

Еще одним важным элементом стиля национальной дипломатии выступает стремление к защите баланса сил. Безусловно, данную ценность можно считать правомерной применительно к истории

¹¹ См.: The Foreign Policies of the Powers. P. 183.

¹² См.: Ibid. P. 176.

британской внешней политики. Великобритания была одной из родоначальниц данной политической концепции и страной, которой, в силу ограниченности собственных ресурсов и наличия интересов во многих регионах земного шара, приходилось просчитывать собственные возможности. Однако парадокс состоит в том, что принцип был положен в основу внешней политики страны, создавшей самую большую колониальную империю. Принятие во внимание интересов других государств, в частности Германии, СССР и США, подрывало устои империи, «в которой никогда не заходило солнце». В итоге баланс сил был направлен на подрыв колониального лидерства Великобритании¹³.

Аналогичным образом парадоксальными оказались и другие элементы британского дипломатического стиля в подходе Ф. Нортейджа. Стремление к сохранению мира и приверженность политике разоружения оборотной стороной имели попустительство в отношении агрессивной внешней политики Германии и Японии. Экономические интересы выступали за сохранение ресурсов, но не препятствовали возникновению конфликтов, в подавление которых была втянута страна. Рост влияния общественного мнения стимулировал процесс деколонизации¹⁴.

Таким образом, через отмеченный концепт Ф. Нортейджу удалось обозначить не столько общую структуру интересов английской дипломатии, сколько ряд проблем в ее формировании, и проиллюстрировать их оригинальными наблюдениями. Ученый смог показать сущностную связь между отдельными проявлениями внутренней и внешней политики. Вряд ли его подход мог послужить основой моделирования международных отношений. Отдельные понятия не давали базы для развития широкого теоретического знания, но исследования Ф. Нортейджа были одними из первых в рамках обозначенного жанра работ, пик которых пришелся на 1980-е годы. Ф. Нортейдж стал выходить на указанную проблематику в 1960-х годах.

Влияние Английской школы на творчество Ф. Нортейджа проявилось в применении системного анализа к истории международных отношений, использовании исторической социологии в рассуж-

¹³ См.: The Foreign Policies of the Powers. P. 180.

¹⁴ См.: Ibid. P. 170–172.

дениях о современной международной политике, специфическом понимании института дипломатии.

Как это было принято в англоязычной литературе тех лет, ученый начинает свои рассуждения с анализа ключевых терминов. К числу наиболее значимых понятий он относит государство, нацию и международную систему¹⁵. Под последней он понимает «систему государств», или «международную политическую систему». Оба термина использовались в текстах Английской школы. Акцент на политическом характере системы показывает слабый интерес к международным экономическим отношениям, что стало преодолеваться внутри традиции Английской школы лишь в начале XXI века. Вслед за А. Уотсоном Ф. Нортейдж пишет о двух значениях, в которых употребляется понятие «система»¹⁶. При этом часто используются одинаковые конструкции в рассуждениях о международной системе.

Так, например, он пишет о двух значениях термина. В первом – система означает сознательную координацию усилий между элементами, ее составляющими¹⁷. Такое определение он считает недостаточно релевантным для международных отношений. Главный недостаток – в данном значении система предполагает рациональное управление отношениями между частями, в нее входящими. Социальные системы в этом смысле могут быть свободны от рациональной координации. Подчеркивание социальной природы системы государств – характерный момент для концепции международного общества. Во втором значении под системой понимается отношение между связанными между собой частями. В этом смысле уместна аналогия между системой международной и системой солнечной¹⁸.

Ф. Нортейдж выделяет четыре важные черты системы государств:

1. Отношения между ее частями должны быть понятны для ее участников.

¹⁵ См.: *Northedge F.* The International Political System. L.: Faber and Faber, 1976. P. 15.

¹⁶ См.: *Watson A.* The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World. L.; N. Y., 1997. P. 1.

¹⁷ См.: *Northedge F.* The International Political System. P. 23.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 24.

2. Такие отношения должны быть упорядоченными.

3. Существование определенной связи предполагает единство системы.

4. Система характеризуется наличием правил, которым следуют ее участники¹⁹.

Как видно из определения и ключевых характеристик, понятие «система государств» совпадает в своих сущностных значениях с тем, о чем писали М. Уайт, Х. Булл, А. Уотсон. Более глубоким проникновением в терминологию отличались лишь работы Г. Баттерфильда из работ классического периода Английской школы.

Наиболее сложный для восприятия признак из перечисленных – это правила международной политической системы. Ф. Нортейдж подразделяет указанные правила на два вида. Первый вид – это технические правила, те, которые показывают возможность достижения определенных целей, и второй – нормативные, те, которые содержат материальные нормы. Последние в международных отношениях, по мысли исследователя, бывают трех видов: нормы в сфере собственности, юридические межгосударственные нормы и международная этика. Как видно из этого фрагмента, понимание международных норм основано на классификации минимальных целей международного порядка, о которых писал Х. Булл в «Анархическом обществе»²⁰. Хотя работа Х. Булла вышла на год позже, но дискуссия о природе международного порядка была одной из центральных тем в работе Комитета по внешней политике и творчестве Ч. Мэннинга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ф. Нортейдж воспринял данные идеи через Лондонскую школу экономики.

С точки зрения такого понимания международной политической системы британский профессор приходит к выводу, что участие в системе государств неизбежно. Современная система государств, в сравнении с предшественниками, отличается двумя характерными особенностями. Во-первых, светским характером, основаным на принципе государственного интереса. Во-вторых, исчезновением средневековой концепции единого государства и наличием

¹⁹ См.: *Northedge F.* The International Political System. P. 25–28.

²⁰ См.: *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 56–78.

международного сообщества относительно равных суверенных стран, каждая из которых имеет свои собственные интересы²¹.

В этом смысле ключом к пониманию внешней политики выступает понятие государственного интереса. В анализе этого термина Ф. Нортейдж отталкивается от идей Ж. Бодена о том, что консолидация больших монархий в XVI веке породила идею суверенитета. Последний термин подразумевал свободу действий монарха в общественном, законодательном и религиозном смыслах²². Любопытно, таким образом, что в понимании императивов внешней политики Ф. Нортейдж опирался на европейскую политическую мысль, а не на, безусловно, ему известную и широко распространенную в англоязычной литературе концепцию национальных интересов Г. Моргентау. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает автономный характер интеллектуальных источников всей школы.

Светский характер власти в современной международной системе возник из ренессансной Италии, где отношения Венеции, Милана, Флоренции и Неаполя, как в зеркале, отражали отношения европейских держав нового времени. Ф. Нортейдж в своей исторической социологии не делает попытки показать этот процесс на широком фоне исторических событий, как это делал А. Уотсон, но лишь демонстрирует значение исторического интерпретативного подхода в предметном поле анализа международных отношений и знание работ Г. Баттерфильда. В своих ключевых тезисах он шел вслед за оценками другого профессора Лондонской школы экономики М. Уайта, хотя отдельные оценки и наблюдения Ф. Нортейджа заслуживают внимания и свидетельствуют об авторском восприятии предмета и оригинальности мышления.

В своей исторической социологии международных отношений Ф. Нортейдж видит две базовые модели досовременных систем государств. Первая – это модель мирового государства. И здесь в качестве основных примеров, иллюстрирующих данную модель, он ссылается на Римскую империю, Ассирию, Древний Египет, Византию, Древний Китай и Древнюю Индию.

²¹ См.: *Northedge F. The International Political System*. P. 64.

²² См.: *Ibid.* P. 55–56.

Собственные исторические источники, привлекаемые для анализа исторического опыта каждой империи, у Ф. Нортейджа были немногочисленны. В большинстве своем историю указанных государств автор представляет по работам М. Ростовцева²³. Как ранее об этом писал М. Уайт, а позднее А. Уотсон, Ф. Нортейдж считает наиболее успешным опыт Персидской империи. Особое место уделяется Древнему Китаю и Древней Индии. В отношении первой державы ученый категорически утверждает, что «имперский Китай никогда не принимал никакого варианта концепции международного общества»²⁴. Напротив, в историческом опыте Древней Индии он находит почти все современные черты мировой политики²⁵.

Вторая модель досовременных международных систем – ассоциация независимых сообществ, примерами которых выступают греческие города-государства V–IV веков до н.э., а также города-государства ренессансной Италии²⁶.

Особенность подхода Ф. Нортейджа состоит при выделении типов международных систем в том, что он не противопоставляет одну модель другой. Напротив, он стремится объяснить существующее в науке противопоставление. Причину такого положения дел он видит в том, что современная система государств выросла из ренессансной Италии, где опыт сосуществования отдельных государств противопоставлялся идее Священной Римской империи германской нации. При этом сама идея повторения Римской империи будоражила многих исторических деятелей. Современная международная система появилась как результат коллапса старого мирового устройства, когда выжившие независимые единицы вынуждены были существовать друг с другом²⁷.

Таким образом, в основе исторической социологии у Ф. Нортейджа лежит тот же самый нормативный интерпретативный подход, который можно обнаружить в текстах других представителей Английской школы (Г. Баттерфильд, М. Уайт, А. Уотсон). Своеобра-

²³ См.: *Northedge F.* The International Political System. P. 36–39.

²⁴ Ibid. P. 42.

²⁵ См.: Ibid. P. 43.

²⁶ См.: Ibid. P. 36.

²⁷ См.: Ibid. P. 37.

ние работ ученого заключается не в методе, а в отдельных оценках и интерпретации истории международной системы.

Насколько устойчив и в каком направлении эволюционирует современный для ученого международный порядок? Данному вопросу Ф. Нортейдж посвятил специальную работу²⁸. Примечательно в этом отношении, что исследователь не чувствовал разницы при формулировании проблемы между «комитетским» подходом, в центре которого лежали понятия «международная система» и «международное общество», и концептом «международный порядок», отражавшим мэннинговское видение международных отношений. Внутри Английской школы эти понятия большинство ученых не считали взаимоисключающими, но К. Навари в одном из своих недавних исследований относит указанные подходы к альтернативным повесткам изучения международных отношений²⁹.

В основе международного порядка лежит идея баланса между социальной стабильностью и социальными изменениями. Здесь Ф. Нортейдж солидаризировался с мэннинговскими размышлениями о международных отношениях как разновидности отношений социальных. Тогда в центре эволюции современного порядка лежат четыре ключевых процесса, определяющих социальные перемены в международной политике:

1. Деколонизация и разрушение классических европейских империй в Азии и Африке. Данный процесс привел к значительному росту количества новых акторов в международной системе.

2. Утрата единства между Западной и Восточной Европой. Европа – колыбель современной системы государств, и ее раздел вместе с первым фактором порождают полицентричные тенденции международного развития во второй половине XX века.

3. Формирование европейского наднационального сообщества, которое, с одной стороны, отражает развитие интеграционных процессов в современном мире, а с другой – становится кошмаром для внешних политик отдельных стран, например Великобритании.

²⁸ См.: *Northedge F. Order and Change in International Society // The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning. P. 1–23.*

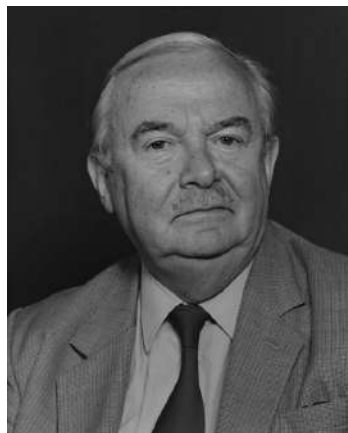
²⁹ См.: *Navari C. English School Methodology // Guide to the English School in International Studies. P. 205–220.*

4. Появление ядерного оружия, которое означает своего рода революцию в сфере ведения войны³⁰.

Эти процессы создают структурную основу для эволюции международного порядка. Иначе говоря, меняется не уклад международной жизни сам по себе, но изменения происходят внутри международного порядка. Международная система в этих обстоятельствах должна приспособливаться к этим переменам, а люди и власти отдельных стран имеют небольшие шансы на успех сопротивления этим изменениям. Фактически этими утверждениями

автор демонстрировал детерминистский характер международной системы в отношении внешней политики отдельных государств и стремился поставить изучение международных отношений на определенную нормативную основу.

Творчество Ф. Нортейджа в 1960–1980-х годах показывает многие важные черты Английской школы. Но главное, что видно из анализа работ ученого, – центр общей научной проблематики внутри школы был сосредоточен внутри Британского комитета по изучению внешней политики, а не в Лондонской школе экономики после ухода представителей первого поколения школы. Идеи Ф. Нортейджа, как и серии семинаров М. Донелана, добавляли новые грани, показывали возможности углубления отдельных тем, но не определяли эволюцию общей концепции международного общества в 1960–1980-х годах.

Фредерик Нортейдж
Начало 1980-х годов

³⁰ См.: *Northedge F. Order and Change in International Society*. P. 10–12.

4.2. Джон Винсент и «гуманитарное» направление в Английской школе

Рэймонд Джон Винсент (1943–1990) прожил не очень долгую жизнь, в силу чего биографические данные о нем крайне немногочисленны. Известно, что начинал он свою научную карьеру под руководством Х. Булла. В 1974 году опубликовал первую книгу, выросшую из диссертационного исследования, принимал участие в работе «Экспансия международного общества» 1984 года, где им написана одна из ярких глав, посвященная расовому равенству. В 1986 году вышла в свет еще одна знаковая его работа о правах человека, которая до 2001 года выдержала 27 изданий на разных языках, включая китайский. В 1989 году он становится профессором международных отношений в Лондонской школе экономики, где и работал до своей кончины.

В сообщении, посвященном его памяти, в одном из влиятельных британских журналов в 1991 году Р. Литтл отмечал общий вклад ученого в развитие международной теории в Великобритании¹. Его смерть 2 ноября 1990 года стала неожиданностью для многих. Ему было всего 47 лет. Трагизм в его биографию добавляет и тот факт, что, по выражению М. Гриффитса, Дж. Винсент был человеком «позднего развития»². Он не слишком хорошо учился в школе, сложно поступал в университет. Долго учился после его окончания: вначале в Великобритании в старейшем колледже университета Эйберсвита, затем в Лейстере, где стал магистром европейских исследований, а впоследствии в Австралийском национальном университете, где его наставником оказался Х. Булл. Именно под руководством последнего была написана диссертация, выросшая в одну из двух его известных книг.

Его звезда, таким образом, зажглась после 30 лет в отличие от судьбы его учителя или Г. Баттерфильда. Тем не менее его творческий

¹ См.: *Little R.* Obituary: John Vincent 1943–1990 // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. P. 106–107.

² *Griffiths M.* Fifty Key Thinkers in International Relations. L.: Routledge, 1999. P. 157.

путь похож на эволюцию научных интересов Х. Булла, что также позволяет говорить о некой общей линии эволюции Английской школы в 1970–1980-х годах. Если работа 1974 года была отражением позиции сформировавшегося реализма Дж. Винсента, то его исследование 1986 года ознаменовало научное движение ученого в более солидаристском направлении. Это не значит, что до конца жизни Дж. Винсент не освободился от идейного влияния учителя. Напротив, он сумел зарекомендовать себя оригинальным мыслителем внутри школы и показал новые горизонты в развитии концепции международного общества. Не случайно, что М. Гриффитс включил его в число пятидесяти наиболее выдающихся теоретиков международных отношений в мире. Схожесть эволюции творчества Х. Булла и Дж. Винсента показывает лишь общую логику, направление развития школы в 1980-х годах, где Дж. Винсент нашел новые подходы в развитии проблематики концепции международного общества.

В работе, посвященной принципу невмешательства в международных отношениях, ученый попытался подойти к указанной проблеме с позиций изучения трех различных аспектов. Этими тремя аспектами были история, теория и практика применения принципа невмешательства³.

Истокам формирования принципа Дж. Винсент уделил значительное внимание при написании своей книги. Такой подход был привычным для Английской школы, где теоретическое содержание тезиса раскрывалось в том числе и через его историческое обоснование. Не все представители школы в достаточной степени справлялись с таким подходом успешно: некоторые произвольно интерпретировали исторические факты, другие подбирали исторические аргументы под собственные теоретические гипотезы, – но в целом сам уважительный подход к истории закрепился. В этом смысле Дж. Винсенту было недостаточно констатировать, что принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства, зафиксирован в статье 2 Устава ООН и выступает основным и императивным принципом действующего международного права. Исследователь стремится разобраться в том, почему так произошло.

³ См.: *Vincent R.J. Nonintervention and International Order*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1974.

Появление идеи невмешательства он связывает с различными направлениями общественно-политической мысли. Так, сторонники доктрины естественного права видели в этой идее внутреннюю автономию лиц, вступающих во взаимодействие в международной сфере. Юристы-позитивисты усматривали здесь основу признания независимости⁴. Тезисом о невмешательстве интересовались мыслители от Р. Кобдена и Дж. Милля до И. Канта и Дж. Мадзини. При этом каждое последующее поколение ученых воспроизводило в собственных размышлениях о невмешательстве черты современных споров о международной политике. В этой части работы, таким образом, просматривается дань уважения к трем традициям М. Уайта, которые к 1970-м годам стали основой интерпретативного подхода к истории внутри Британского комитета.

Однако главное при историческом рассмотрении генезиса принципа невмешательства – это его становление не как общественно-политической идеи, а как политической практики государств. Здесь ключевая заслуга, по мнению Дж. Винсента, принадлежала Франции и США в конце XVIII века. Французская революция решением Национальной ассамблеи от 22 мая 1790 года провозгласила, что страна отказывается признавать любое завоевание и иметь дело с врагом, занимающим ее территорию⁵. В этом смысле отказывалось в признании любым попыткам внешнего давления и отстаивался суверенитет, конкретизации которого и служила идея невмешательства.

В американской политической практике ученый выделяет три этапа в становлении доктрины невмешательства. Первый период – становление идеи в трудах отцов-основателей американского государства, второй – развитие идеи невмешательства в рамках доктрины Монро и третий – поправка Т. Рузвельта⁶. Во всех случаях он пытался доказать, что невмешательство было вызвано прагматически обусловленными обстоятельствами. Нет сомнений в том, что второй и третий этапы применительно к американской внешнеполитической традиции выглядят противоречивыми. Доктрина Монро рассматривается отечественными учеными, идущими за оценками

⁴ См.: *Vincent R.J. Nonintervention and International Order*. P. 21–31.

⁵ См.: *Ibid.* P. 65.

⁶ См.: *Ibid.* P. 102.

Н.Н. Болховитинова, как становление элементов экспансионизма в политике США⁷. Продолжением этой линии политики выглядит и поправка Т. Рузвельта к доктрине Монро, которая еще в советском обществоведении рассматривалась как синоним политики «большой дубинки». Тем не менее нельзя не признать, что некоторые элементы невмешательства в американские дела в этих внешнеполитических подходах, безусловно, присутствовали. Странно, что ученый обращает внимание лишь на некоторые особенные грани в осмыслении указанных исторических фактов.

Проявления невмешательства Дж. Винсент находит и в английской внешней политике XIX века. Об этом, с его точки зрения, свидетельствует подход Р. Каслри в период обсуждения возможности вмешательства Священного союза в войну за независимость испанских колоний, а также позиция Г. Пальмерстона в отношении подавления Польского восстания 1830 года. Здесь любопытно, что истоки принципа невмешательства автор усматривает в проявлениях внешней политики страны, создавшей самую большую колониальную империю. Этого очевидного обстоятельства ученый пытается упорно не замечать. Колониализм и невмешательство в его интерпретации не выступают как антагонистические проявления во внешнеполитическом подходе страны.

При этом Дж. Винсент успевает увидеть некоторую двойственность в отношении истоков этого принципа применительно к внешней политики Советской России до середины XX века. С одной стороны, российская революция, как и революция во Франции, не знала национальных границ. И создание Коминтерна в 1919 году наглядно демонстрировало данное обстоятельство. С другой – уже на III Всероссийском съезде Советов в октябре 1918 года власть подтвердила право нации на самоопределение, рассматривая его как инструмент в борьбе за победу социализма⁸. В таких аргументах несколько удивляет незнание первичных документов Советской России, в которых изначально было сформулировано право нации на самоопределение большевиками. Это можно простить зарубежному

⁷ См.: История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. М.: Международные отношения, 1994. С. 143–161.

⁸ См.: *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. P. 145.

историку, не знакомому с документами российских архивов и обширной исторической литературой, посвященной указанному вопросу. Но в целом такую двойственность он также считает прагматически обусловленной внешнеполитическим курсом страны, как в случаях с Великобританией и США. Невмешательство служило полезной нормой до тех пор, пока не станет ясным, материализуется или нет идея мировой революции⁹. Двойственный характер принципа во внешней политике Великобритании автором даже не рассматривался.

Во второй половине XX века формирование системы социализма в странах Восточной Европы трансформировало проблему невмешательства из внутрипартийного понимания логики интересов советского государства в проблему межгосударственных отношений. В странах социалистического лагеря не было пролетарских революций, хотя в Югославии и Албании истоки новых режимов имели собственные корни. Примечательно, что И. Броз Тито именовал свой режим «народной демократией», а не социализмом. Проблема заключалась в другом. Подход с позиций самоопределения как основы невмешательства во внутренние дела со временем стал неприемлемым для СССР, так как признавал правомерность буржуазных контрреволюций и протестных движений в странах социализма¹⁰.

Таким образом, идея невмешательства выступала частью советской внешней политики с первых лет пролетарской революции, выражала внутренний законодательный барьер против внешней интервенции в СССР, но как формула отношений со странами социализма создавала проблемы для применения силы внутри советского блока во второй половине XX века. Тем не менее она была необходима для обозначения квазизаконного права стран социализма на свободу от внешнего воздействия стран капиталистического лагеря, если использовать риторику той поры.

Коллизия между невмешательством и необходимостью интервенции внутри лагеря социализма, по мысли Дж. Винсента, была разрешена следующим образом. Невмешательство считалось

⁹ См.: *Vincent R.J. Nonintervention and International Order*. P. 154.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 162.

желаемой ситуацией, общим правилом, из которого могли быть и исключения. Как общее правило принцип отражал недопустимость вмешательства в дела социалистических государств, но внутри лагеря социализма существовал еще и принцип пролетарского интернационализма, который также был провозглашен еще в первые годы существования советской власти. Такой подход нашел свое отражение в доктрине Л.И. Брежнева.

В целом история формирования принципа невмешательства, до той поры как он нашел свое воплощение в Уставе ООН, имела почти всегда прагматическую обусловленность, как в истории внешней политики отдельных стран, так и в истории общественно-политической мысли.

В такой исторической интерпретации идеи и применения невмешательства ученый видит проблему, требующую определенной теоретической рефлексии. Он начинает работу с того, что пытается сформулировать общее понятие интервенции и теоретические рамки ее анализа. Концептуализация понятия идет через выделение акторов, целей и видов вмешательства. Однако Дж. Винсент вынужден констатировать, что субъектами, осуществляющими интервенцию, могут выступать страны, группы стран, международные организации, революционные бригады¹¹.

Оказывается проблематичным дать определение понятию и через его цели. В конечном подходе, по его мнению, цель любого вмешательства отражает лишь общие подходы государств к той или иной проблеме и не показывает действительно существующую ситуацию¹². Попытка определения интервенции через виды, в которых бы отражалась структура явления, также наталкивается на значительные проблемы. Сам Дж. Винсент пишет об экономической, политической (случаи пропаганды) и военной интервенции. Отсюда следует, что вмешательство – это определенный вид деятельности людей, который, в силу своей многоаспектности, довольно сложно поддается формальной концептуализации.

Дж. Винсент верно замечает, что своими корнями невмешательство связано с суверенитетом, устанавливающим запрет

¹¹ См.: *Vincent R.J. Nonintervention and International Order*. P. 4.

¹² См.: *Ibid.* P. 11.

на нарушение последнего. Идея суверенитета лежит в основании международной системы государств. Поэтому наиболее логичный подход к теоретическим аспектам невмешательства – функциональный анализ, раскрывающий самостоятельную сущность понятия. Иначе говоря, роль понятия определяется его функциями в международной системе. Поэтому главный фокус изучения должен быть сосредоточен на международной системе, а не на государстве.

Первичной функцией социального порядка выступает сдерживание хаоса в отношениях между участниками взаимодействия путем установления определенных правил¹³. Кроме этого, существует функция обмена идеями в отношениях между государствами, признание идеи автономии и независимости участников международного взаимодействия. Однако функционализм в науке имеет также и ряд ограничений, которым Дж. Винсент посвятил специальную статью¹⁴.

Поэтому применительно к международной сфере функционализм оправдан лишь в контексте изучения международного порядка, который удачно, по мнению ученого, раскрывает содержание международной системы. Отсюда и функциональный анализ обращен к международному обществу, а не к отдельному государству или государствам. К числу структурных функций международного порядка Дж. Винсент относит:

- обеспечение безопасности от насилия;
- укрепление доверия между людьми;
- обеспечение сохранности и распределения собственности¹⁵.

Именно эти цели гарантируют общественное согласие. Такое понимание подводит исследователя к признанию приоритета внутреннего порядка над порядком международным при функциональном подходе к социальным отношениям. Проблема заключается в том, что порядок в международных отношениях поддерживается и обеспечивается не людьми, а странами. Из этого вытекает, что первичной функцией международного порядка выступает призна-

¹³ См.: *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. P. 332.

¹⁴ См.: *Vincent R.J.* The Function of Functionalism in International Relations // *Yearbook of World Affairs*. 1973. Vol. 27. P. 332–344.

¹⁵ См.: *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. P. 329.

ние прав других государств, отраженных в интегральном для международных отношений понятии «суверенитет».

Международная среда, таким образом, не анархична и состоит из стран и регионов, между которыми нет непроходимых границ. Опираясь на это допущение, Дж. Винсент формулирует один из главных вопросов для своего творчества: допустимо ли вмешательство в дела других стран, если учитывать первичность внутригосударственного порядка перед социальным хаосом? На этот вопрос он не дает окончательного ответа в собственной работе. Скорее в манере, которая была присуща М. Уайту, демонстрирует провоцирующие аспекты этой проблемы. Например, он заявляет, что «абсолютное следование невмешательству истощает сами основы международного порядка»¹⁶. Но вместе с тем, рассуждая, как и его учитель Х. Булл, Дж. Винсент отстаивает плюралистское, а не солидаристское понимание природы международного порядка. Поэтому интервенции СССР и США во второй половине XX века исследователь рассматривает как отступление от логики невмешательства. Он не стремится ни оправдать, ни обвинить случаи отступления от принципа, но лишь констатирует интересные последствия отхода от общего правила.

Например, он замечает, что доктрина Брежнева, сформулированная для обоснования интервенции в Чехословакию в 1968 году, не просто была похожа, но выступала ответом на американское вторжение в Доминиканскую Республику в 1965 году¹⁷. Такую модель автор называет «обменным поведением», раскрывающим функции вмешательства в вопросах поддержания международного порядка. Таким образом, в условиях холодной войны происходил обмен идей внутри международной системы, когда ведущие государства не могли отказаться от принципов суверенитета и права нации на самоопределение.

В ситуациях отступления от принципа на первый план выходила вербальная стратегия обоснования отхода. Здесь Дж. Винсент ссылаясь на опыт работ Франка и Вейсбада, когда отмечал ложную дихотомию между словами и действием в политике¹⁸. Сегодня такой

¹⁶ *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. P. 332.

¹⁷ См.: *Ibid.* P. 334.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 341.

подход чаще используется в анализе политического дискурса. Иначе говоря, при отступлении от правила невмешательства вербальная стратегия иной интерпретации интервенции выполняла функцию сохранения международного порядка.

Какова судьба этого принципа в условиях изменений в международных отношениях? Дж. Винсент предположил, что международная система утратит черты биполярности и на смену блоковому противостоянию придет межгосударственное. Поэтому невмешательство окажется правилом для межгосударственных отношений, а не будет служить функциям поддержания биполярной международной системы¹⁹. В этом ученому виделся один из аргументов в пользу сохранения принципа невмешательства как основы международного порядка в будущем.

Еще одним важным аспектом, связанным с принципом невмешательства, выступал вопрос о соотношении между порядком и справедливостью. Здесь ключевой становилась проблема гуманитарной интервенции, получившая широкий резонанс в политике и науке в 1990-х годах. Как и по другим пунктам работы, Дж. Винсент не стремится расставить все точки над «i» при анализе этой проблемы. Скорее он хочет показать многоаспектный характер этого вопроса, который обуславливает многообразие интерпретаций. Гуманитарная интервенция может рассматриваться средством к восстановлению нарушенных прав, но одновременно она отрицает принцип невмешательства. Она признает правомерной интервенцию и может стать новой практикой по легализации вторжения. Здесь порядок и справедливость могут вступать в противоречие.

Угроза поддержанию принципа может исходить и из развития ядерных вооружений. По Дж. Винсенту, это «порох современной международной системы». Его появление – знак ухода в прошлое эры территориальности с присущей ей ценностью суверенитета, уважения к территориальной целостности и невмешательству. Ядерное оружие делает возможным достижение военного успеха, не прибегая к нарушению границ.

Еще одним важным аспектом, подрывающим незыблемость принципа, выступает рост числа транснациональных акторов. В этих

¹⁹ См.: *Vincent R.J. Nonintervention and International Order*. P. 347.

условиях следование суверенитету и невмешательству тормозит развитие отношений между людьми, сдерживает контакты между ТНК и ТНБ. Аналогичным образом экологический кризис требует разработки планетарного подхода к решению общих экологических проблем, чему принцип невмешательства может оказаться помехой²⁰. Несмотря на все эти ограничения, ученый остался верен принципу невмешательства и отстаивал необходимость его сохранения как условия функционирования международного порядка в заключении данной книги.

Как уже отмечалось, в 1980-х годах в научных интересах Дж. Винсента происходят существенные изменения. Они демонстрируют постепенный отход его научных взглядов от «мрачного реализма Хедли Булла», если пользоваться терминологией М. Гриффитса²¹. Отмеченная эволюция в творческих интересах ученого не выглядит однозначной. В известном смысле она показывает изменение в общей тематике школы в направлении прав человека. Методологической основой такой переориентации стала модель трех традиций М. Уайта, которая позволила увидеть более широкий спектр проблем международных отношений на излете холодной войны, чем тот, который помещал в центр повестки мир, разделенный на государства в 1960–1970-х годах.

Констатация того, что структура мира задается обществом, состоящим из государств, где ключевая роль принадлежит принципам суверенитета и невмешательства, стала казаться исследователю слишком тесной в связи с проблематикой анализа европейской колонизации. В работе «Экспансия международного общества» 1984 года Дж. Винсент пишет главу о расовом равенстве, которая некоторыми исследователями школы считается наиболее провокационной в работе²². Эссе пересматривало в своих ключевых постулатах классическую модель экспансии. Причем настолько, что некоторые другие главы книги стали восприниматься как исключение, а не правило в общей модели экспансии европейского международного общества.

²⁰ См.: *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. P. 365.

²¹ См.: *Griffiths M.* Op. cit. P. 158.

²² См.: *Buzan B., Little R.* The Historical Expansion of International Society // *Guide to the English School in International Studies*. P. 59–75.

Здесь необходимо отметить, что интерес к экспансии, как сами авторы книги нейтрально именовали колонизацию, возник в школе не сразу и в связи с изучением трансформации европейского общества в глобальное международное в XX веке. Однако постепенно из данной темы, как и из вопросов справедливости международного порядка и международной легитимности, стало вырастать то, что сегодня можно назвать колониальной теорией. Колониализм стал восприниматься как один из основных институтов в истории международного общества в работах представителей школы в первом десятилетии XXI века. В частности, К.Я. Холсти считает необходимым добавить его к тем пяти институтам, о которых писал Х. Булл в конце 1970-х годов.

Классическая версия экспансии исходила из оценок, представленных в монографии в эссе А. Уотсона и М. Ховарда. Смысл классической интерпретации состоял в том, что, благодаря военному превосходству и технологическим преимуществам, европейское общество распространило свои нормы и институты на остальном мире в ходе колонизации с XVI по XIX век включительно. К концу XIX столетия нормативное превосходство Европы выражалось в наличии в отношениях с другими странами так называемых стандартов цивилизаций, соблюдение которых становилось своего рода условием для пропуски в международное общество.

Эссе Дж. Винсента по расовому равенству ставило крест на таком видении колониализма как экспансии международного общества. Расовая эмансипация государств Востока, Японии в первую очередь, в начале XX века открыло дорогу модели «встречи» и диалога цивилизаций при образовании норм и институтов глобального международного общества. Кроме того, четыре других эссе в монографии, посвященных вхождению в международное общество России, Османской империи, Китая и Японии, подтверждали правоту оценок Дж. Винсента, а не классическую версию интерпретации указанного процесса. Они демонстрировали скорее исключения, а не правила в ходе европейской экспансии. Примечательно, что кейс по Японии писался тем же А. Уотсоном. И, видимо, эти идеи натолкнули Дж. Винсента на восприятие проблемы прав человека как своего рода «стандартов цивилизаций» в веке XX.

Раса для Дж. Винсента была как социальным, так и биологическим явлением. Как социальный феномен раса представлялась ему

альтернативой национализму. Кроме того, социологический анализ рас в интерпретации Дж. Винсента исходил из того, что они развиваются, эволюционируют и взаимодействуют. Отсюда идея встречи цивилизаций при расширении международного общества не выглядела столь однозначной, как это представлялось при классическом варианте экспансии²³.

Классический вариант экспансии исходил из идеи расового превосходства европейцев над азиатами и африканцами. Но случай Японии, на который обращает внимание Дж. Винсент, побуждает отказаться от классической версии колониализма. Япония в 1895 году одерживает победу над Китаем, а затем в 1905 году над Россией. Последнее обстоятельство вызвало шок в европейском общественном мнении, так как знаменовало не только победу одного государства над другим, одной нации над другой, но и открыло дорогу расовой эмансипации. Заключение англо-японского альянса в 1902 году, вовлечение Японии в Первую мировую войну на стороне Антанты, отправка японского флота в Средиземноморье – все это вехи в становлении страны как участника не столько азиатских, сколько европейских отношений²⁴.

Благодаря роли Японии принцип расового равенства включается в рабочие материалы при разработке текста Устава Лиги Наций. Тогда японская делегация на Парижской конференции просила, чтобы требование религиозного равенства было дополнено равенством расовым. В условиях 1919–1920 годов данный принцип было сложно реализовать. Дело было не только в том, что Америка должна была признать равенство всех рас у себя дома, а Великобритания на равных относиться к населению своих колоний, сколько в том, что Япония действовала в одиночку, а при обсуждении китайского вопроса в итоге был продемонстрирован «единый фронт» против азиатов²⁵.

Однако дальнейшее развитие идеи расового равенства произошло после Второй мировой войны, что автор рассматривает в качестве своеобразной реакции на фашизм. Впоследствии принцип равенства людей, независимо от расы, нации, пола, сыграл важную

²³ См.: *Vincent R.J. Racial Equality // The Expansion of International Society*. P. 242.

²⁴ См.: *Ibid.* P. 244–245.

²⁵ См.: *Ibid.* P. 246.

роль в ходе процесса деколонизации мира²⁶. Таким образом, идея равенства рас стала частью современного для ученого протеста против доминирования Запада.

Еще одним следствием постепенного признания расового равенства в международных отношениях было то, что принцип способствовал развитию чувству азиатскости или африканскости. В этом своем проявлении раса представляла альтернативу национальной идентичности и становилась важным фактором мировой политики. Она способствовала становлению идентичности региональной. «Мы хороши уже тем, что отличаемся от Вас и нам не нужны Ваши ценности», – выражает автор квинтэссенцию данного интегративного аспекта расового равенства.

Более того, идея равенства рас вносила определенную путаницу в принцип национального самоопределения, который Дж. Винсент считал европейским по своему происхождению. Расовая целостность предполагала в этом своем проявлении сохранение единства расы и выполняла консервативную роль в условиях незавершенности процессов национального развития в период деколонизации и появления множества новых независимых государств.

Таким образом, идея расового самосознания в XX веке привела к крушению колониальных империй и отрицанию расового превосходства европейцев²⁷. Тогда принцип равенства рас был не отражением транзита от европейского к глобальному обществу государств XX века, но шагом от международного общества в сторону общества мирового, понимаемого в рамках кантианской традиции истории международной политической мысли. В данном эссе Дж. Винсент обозначил проблему поиска новых концептуальных рамок анализа международных отношений.

При этом метод изучения вопросов прав человека остался прежним. Как и Х. Булл, Дж. Винсент сохранил верность функциональному анализу 1970-х годов. Не случайно в этой связи Х. Суганами называл Английскую школу британским институционализмом. Шаг в сторону М. Уайта состоял не в изменении метода, но предмета изучения. По существу, выдвижение проблематики прав человека – это

²⁶ См.: *Vincent R.J. Racial Equality*. P. 251.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 252.

отход от рационалистской (гроцианской) повестки в пользу кантианской традиции международной политической мысли. Здесь любопытно, что похожий поворот в начале 1980-х годов можно было наблюдать и в творчестве Х. Булла. Его «Гаагские лекции» 1983 года, как и эссе «Восстание против Запада», поднимали проблемы справедливости в международных отношениях. Неясно, кто на кого больше повлиял: учитель или ученик. Однако при изучении вопросов прав человека Дж. Винсент провел кропотливую работу, результатом которой оказалась индивидуальная монография о правах человека и посвященная этой же теме коллективная книга, где он был редактором²⁸.

К анализу прав человека Дж. Винсент подошел с позиций уже знакомого по работе 1974 года подхода, при котором в анализе международных институтов необходимо искать отражение определенных норм и институтов социального порядка. При этом, как отмечал Л. Шуэнборг, роль наиболее важных международных институтов изучалась сторонниками Английской школы тремя различными методами: дескриптивным (историческим), функциональным (показывающим в международных институтах и их объединениях социальные потребности) и типологическим²⁹. Творчество Дж. Винсента в целом являлось ярким примером этого подхода.

Поэтому изначально, как и в работе, посвященной анализу принципа невмешательства, исследователь попытался сформулировать базовые рамки для теоретического изучения проблемы прав человека. Но, как и в 1974 году, попытка изначальной концептуализации не дала необходимой ясности в понимании указанного комплекса вопросов. Ученый вынужден был констатировать, что теоретический уровень анализа изучения прав человека предполагает ответы как минимум на пять вопросов: кто выступает субъектом в отношении прав человека, каковы объекты этих прав, кому принадлежит право требования, кто осуществляет исполнение прав и возможны ли механизмы принуждения для исполнения?³⁰

²⁸ См.: *Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses* / ed. by R.J. Vincent. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 283 p.; *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 237 p.

²⁹ См.: *Guide to the English School in International Studies*. P. 88.

³⁰ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 81.

При самом приблизительном рассмотрении данных вопросов оказывается сложным дать на них вразумительные ответы. Носителями прав человека выступают не только люди, но и различные социальные группы (семья, население и его отдельные категории, нация, государство и даже мировое сообщество в целом). Все эти категории защищаются законодательством. Еще сложнее говорить об объектах этих прав. Как минимум есть негативные и позитивные права. Права человека могут предполагать выполнение определенной работы государством либо обосновывать определенное право одной страны требовать выполнения обязательств от другой. Они поднимают вопрос о комплексности таких прав. Наконец, существует проблема справедливости прав человека. Известно, что Х. Булл в «Анархическом обществе» не считал права человека институтом, стабилизирующим и поддерживающим международный порядок³¹. Именно в силу данного обстоятельства они и не относились к числу пяти основных институтов международного общества.

Причина такой теоретической многоплановости и многоаспектности прав человека – их социальная природа. В них выражаются наиболее важные социальные интересы. Это своего рода социальный контракт между обществом и властью, как и в отношениях между государствами. Последнее обстоятельство важно в контексте появления международного права прав человека, призванного обеспечить социальную стабильность и международную безопасность³². Для изучения наиболее важных аспектов социального контракта Дж. Винсент обращается к историческому (дескриптивному) анализу, отражающему возникновение и эволюцию идеи прав человека в общественно-политической мысли.

Истоки идеи прав человека автор в целом справедливо усматривает в концепции естественных прав, зародившейся еще в античности. Данную идею впервые сформулировали стоики в греческой философии и развивали римские юристы. Следующим шагом в эволюции концепции стала средневековая религиозная философия, настаивавшая на единстве человеческого рода. Реформация, как и Ренессанс, соединила христианское средневековое представление

³¹ См.: *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 145–161.

³² См.: *Vincent R.J.* Human Rights and International Relations. P. 17.

с культурой индивидуализма. Кульминацией развития такого естественно-правового подхода стало провозглашение прав человека в период Великой французской революции. В это время рационалистская политическая мысль Просвещения соединила философию индивидуализма и прагматическое требование юристов к уважению прав личности³³.

Кроме того, французская революция сумела объединить индивидуализм и радикализм естественного права. Индивидуальные права людей стали рассматриваться как приоритетные перед общественными (коллективными) правами. Такой подход должен был стать основой гражданского общества, утверждавшей примат моральных требований индивида и признание его со стороны социума. Развитие идеи естественных прав человека в XIX веке заставило скорректировать подобные мысли, провозгласив национальные права внутри страны³⁴.

По Дж. Винсенту, представлен естественно-правовой подход и в современной политической философии в виде творчества Дж. Роулза и Р. Дворкина.

Параллельно с теорией естественных прав развивалась и их критика, также представленная в аргументах мыслителей различных эпох и направлений от Э. Берка и И. Бентама до Г. Гегеля и К. Маркса. Дж. Винсент подробно анализирует критические аргументы в адрес естественного права в творчестве указанных авторов³⁵.

В качестве итога развития концепции и критики автор книги приходит к следующему: сила концепции естественного права в ее способности абсорбировать критические высказывания, превратив недостатки в достоинства. Например, марксистская критика буржуазных гражданских прав привела к появлению доктрины социальных и экономических прав людей. Дж. Роулз доказывает первичность свободы в правах человека, Р. Дворкин – лживость противопоставления различных прав³⁶. И этот тезис можно считать главным выводом по соответствующему разделу книги Дж. Винсента.

³³ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 20–25.

³⁴ См.: *Ibid.* P. 26–27.

³⁵ См.: *Ibid.* P. 28–33.

³⁶ См.: *Ibid.* P. 36.

Концентрация исследователя на европейской политической мысли при изучении происхождения прав человека не означает евроцентричного и тем более этноцентричного понимания природы международного общества. Ученый посвятил специальную главу культурному релятивизму в освещении прав человека. Он отмечает различие в понимании прав в Китае, Африке, исламе, рассматривает специфику прав человека в международном законодательстве. Тем не менее он полагает, что права человека все же могут быть рассмотрены через практику разных культур без ссылок на политические и социальные предпочтения народов³⁷. Признание культурного релятивизма, таким образом, предполагает развитие эгалитаризма при исследовании прав человека, усмирение собственного этноцентризма и преодоление приверженности местным традициям. Только после этого автор считает возможным перейти к функциональному изучению прав человека в политике.

Ученый считает, что актуализация темы прав человека в 1970-х годах в перспективе может не только сорвать процесс разрядки или существенно ухудшить советско-американские отношения, но и способна внутренне подорвать правила мировой политики. Выдвижение вопросов прав человека в политике и их юридическое закрепление в Заключительном акте хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году ознаменовали и начало столкновения различных трактовок прав человека.

Начало различному пониманию, по мнению Дж. Винсента, положила большевистская революция 1917 года. К 1980-м годам многие британские историки уже давно перестали относиться к этому рубежному для российской истории событию с идеологических позиций. Не считали они этот период и исторической случайностью. Вслед за Э. Карром Дж. Винсент также воспринял такой подход. Поэтому в основе советской трактовки прав человека Дж. Винсент усматривал общинные традиции российской деревни. Это общество, в котором было сложно выжить поодиночке³⁸. Здесь – социальные корни понимания прав человека.

³⁷ См.: *Vincent R.J.* Human Rights and International Relations. P. 53.

³⁸ См.: *Ibid.* P. 61.

Марксизм лишь накладывался на традиционные представления российского общества. В частности, для советского общественного сознания было традиционным достижение свобод человека через группу, в то время как западный подход в XX веке настаивал на необходимости охраны индивида от вмешательства со стороны власти и общества. Отсюда акцент делался на признании индивидуальных прав и свобод.

Большевики изначально смотрели на капитализм как на оружие классового господства, а история российского капитализма до революции оказалась краткосрочной и не учитывала традиции общинного самосознания большинства населения страны. Поэтому политические и гражданские права и свободы буржуазного общества не рассматривались как отражающие принцип справедливости, что было сущностной характеристикой западного понимания многих прав и свобод. Напротив, в содержании буржуазных прав и свобод усматривалось не формально-юридическое равенство и правовые гарантии уважения интересов личности, а интересы капитала и господствующих классов. По мере освобождения от интересов буржуазии гражданские и политические права будут терять свое значение, а социальные и экономические права под воздействием роста потребностей людей, наоборот, расти³⁹. Отсюда акцент в советском подходе был сделан на социально-экономической повестке.

Еще одной точкой несовпадения по правам человека ученому представлялось расхождение в отношении диссидентов. Диссидентство как явление в советском обществе объяснялось тем, что массовые интересы населения коренятся в экономике, а диссиденты, настаивая на особых личных правах, де-факто обслуживают интересы буржуазии. Западный подход, напротив, если использовать терминологию Дж. Винсента, видел в инакомыслящих людей, отстаивающих подлинную свободу личности.

Как итог разночтений в трактовке прав включение принципа уважения прав человека и основных свобод в Заключительный акт хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе создавало новые узлы напряжения по линии Восток – Запад. Поэтому смягчение остроты проблем в период разрядки оказыва-

³⁹ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 62–63.

лось явлением временным. Отсутствие желания в администрации Дж. Картера поднять протест против нарушений прав человека в СССР, как и «тихая дипломатия» Г. Киссинджера, делало гуманитарную составляющую хельсинкских решений весьма умеренным делом.

Для Советского Союза разрядка в отношениях также означала снижение напряженности и остроты политико-идеологического противостояния. Но этот подход должен был иметь место между государствами, но не обществами. Тема прав человека была рассчитана на нормализацию межгосударственных контактов, но не на общественное мнение в СССР. Результатом процесса в итоге стало то, что Запад искал доказательства прогресса в следовании концепции прав человека, а Восток пытался ограничить свою внешнюю политику приверженностью принципу невмешательства⁴⁰.

Для американской внешней политики тема прав человека создавала три возможных пути, при которых Соединенные Штаты могли столкнуться с ростом общественной и политической критики внутри страны:

1. Рассуждая о ценностях разрядки в духе *Realpolitik*, необходимо было постепенно исключать права человека из общих интересов международного общества.

2. Следуя либеральному курсу, напротив, необходимо было в конце разрядки требовать соблюдения этих прав по принципу: «Да свершится правосудие, если даже погибнет весь мир!»

3. Попытаться найти компромисс между либеральным и реалистическим подходами. Однако тема прав человека имела не только политические, но и моральные аспекты, что делало разработку компромисса весьма проблемным делом⁴¹.

Таким образом, дискуссии о правах человека поднимали фундаментальные идеологические вопросы, которые начали ставить под сомнение главную политическую ценность периода разрядки – принцип мирного сосуществования и невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства.

⁴⁰ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 69.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 70–71.

А, кроме того, правозащитная повестка создавала определенное внутреннее напряжение для обеих сверхдержав того времени.

Вывод, который формулировал Дж. Винсент в данном разделе, заключался в том, что Хельсинки 1975 года напоминал Оснабрюк 1648-го: ослабление напряженности между католиками и протестантами произошло на почве признания прав и интересов князей. При практическом следовании правозащитной политике ученый склонен был разрабатывать еще один внешнеполитический вариант. Он заключался в том, что защита диссидентов не должна была доходить до открытого разрыва отношений с СССР. Сам автор назвал такой подход как *Realpolitik* в отношении прав человека. Возможен ли был данный компромисс в то время и какие формы должна тогда была принять правозащитная деятельность в политике государств? Эти вопросы ученый оставлял без ответа.

Не менее сложно вопрос о правах звучал в отношениях между Севером и Югом, чему также уделялось внимание в работе ученого. Одним из первых исследователь стал говорить, что ни та, ни другая категория не были едины. СССР, развитый по меркам того времени, сумел дистанцироваться от Севера, даже высказывал и защищал позицию Юга. В связи с этим ученому потребовалось определить, что такое Юг. Под ним он понимал группу государств, требующих нового экономического порядка и объединенных в «Группу 77» и ЮНКТАД⁴². Такой подход в тот период был характерен для Английской школы и нашел свое отражение в «Экспансии международного общества» в 1984 году. Странно то, что в представлении Дж. Винсента Юг и третий мир иногда в его работе употребляются как синонимы. Исторически это не всегда корректно. Идея «третьего мира» в период холодной войны генетически выросла из Движения неприсоединения, имевшего не всегда одинаковые цели с «Группой 77» или ЮНКТАД. Но эти терминологические расхождения не слишком интересовали исследователя. Гораздо важнее была содержательная сторона расхождений.

Специфичны были сами права и их содержание, которые требовали представители Юга. Как и в случае с СССР, южный подход апеллировал к коллективным правам, а не индивидуальным. При

⁴² См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 77.

этом центральным принципом в отношении прав человека южане считали принцип равноправия и самоопределения народов, который также был зафиксирован в пункте 2 статьи 1 Устава ООН.

Это означало в интерпретации стран третьего мира, во-первых, обязанность колониальных стран предоставить независимость. Во-вторых, запрет на дискриминацию и расовую сегрегацию, включая апартеид, в отношении зависимых народов. В-третьих, право освободившихся народов на свободу определения собственного экономического и социального развития, что подразумевало право свободного распоряжения собственными ресурсами⁴³. Во всех этих случаях просматривается восприятие Севера как противника.

Общей основой южного подхода было право на самоопределение. Внешнее самоопределение считалось предпосылкой в отношении всех других прав. Это была своего рода «свобода от», а не «свобода для». Но именно внешнее самоопределение составляло основу суверенитета и было воплощено в ряде конвенций ООН. Тогда первый аспект специфики южного понимания прав человека состоял в ликвидации колониального и других видов господства, что обеспечивало достижение подлинного равноправия в отношении прав человека. Данный тезис, по мысли ученого, сближал южный подход и подход Советского Союза в отношении прав человека.

Вторым аспектом специфики восприятия прав человека Югом выступала ликвидация всех форм расовой дискриминации, включая апартеид. Это также указывало на приоритет внешнего самоопределения народа над доктриной естественных прав, характерной для позиции Севера. Указанный аспект, как и первый, также нашел свое воплощение в решениях ООН в 1965-м и 1973 году.

Третьим принципиальным моментом была идея экономического отчуждения народов от собственных ресурсов. Это ограничивало дальнейшие возможности собственного экономического развития. Отсюда ставка на так называемые права третьего поколения, или солидаристские корпоративные права. Сюда относились право на развитие, собственное здравоохранение и образование, право на благоприятную экологическую среду. Все эти блага цивилизации считалось невозможным достичь, не обеспечив контроля над ресурсами.

⁴³ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 79.

Здесь также было сконцентрировано требование полной деколонизации. Оно трактовалось не только как экономическая независимость, но и как социально-экономическая справедливость⁴⁴.

Первый мир считал, что все права имеют равный статус. Однако если для первого мира важен индивидуальный человек, то для третьего мира – интересы коллектива. Поэтому история обсуждения темы прав человека в ООН отражает перемены в расстановке сил внутри Генеральной Ассамблеи и постепенный переход в повестке «гуманитарного» измерения от первой группы стран к последней.

Новый импульс в развитии прав человека произошел в 1970-х годах, когда появилась концепция базовых человеческих потребностей, которая предоставила новые аргументы государствам третьего мира. Дж. Винсент выделяет несколько причин, объясняющих привлекательность данной концепции для стран третьего мира.

Во-первых, научная обоснованность. Концепция ставит вопросы защиты прав человека на научную основу, тем самым сглаживая политическую ангажированность различных интерпретаций прав человека политиками. Научным обоснованием концепция базовых человеческих потребностей обязана функциональному анализу С. Малиновского и теории человеческой мотивации А. Маслоу.

Во-вторых, она подводит моральную основу под идею прав человека. Классическая идея прав человека была основана на политической философии и внедрении философских идей после французской революции в национальное законодательство. Современная концепция объясняет необходимость нового понимания прав человека не абстрактными философскими идеями, а естественными потребностями конкретных людей⁴⁵.

В-третьих, она учитывает ценности в определении прав человека. Потребности (базовые нужды) вариативны и зависят от субъектов, вида и страны, в которых они реализуются. Тогда концепция человеческих потребностей учитывает многообразие прав человека.

В-четвертых, она представляет альтернативу формам нового империализма. Здесь Дж. Винсент поясняет, что права человека часто ассоциируются с либеральными ценностями Запада. В этом

⁴⁴ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 81–83.

⁴⁵ См.: *Ibid.* P. 84.

проявлении модернизационные стремления Запада сталкиваются с традиционными ценностями Юга. Доктрина человеческих потребностей выступает как основа прав для всех, а не только для модернизирующих сообществ⁴⁶.

Различные варианты интерпретации прав человека в политическом дискурсе второй половины XX века заставили ученого говорить о неделимости прав человека. С его точки зрения, нельзя противопоставлять одну группу прав другим. Человек не делим на части. Поэтому различные подходы к правам человека не расставляют разные акценты, но подтачивают моральную основу международного общества, тем самым увеличивают возможности силового регулирования в международных отношениях.

Равным образом новации в политическом и концептуальном дискурсе в вопросах о правах человека не вытесняют старую концепцию прав. Напротив, право на жизнь присутствует везде, создавая возможность для дополнения старых способов аргументации новыми⁴⁷. Отсюда и третья глава наиболее известной книги ученого призвана показать место прав человека в современной политике.

Несмотря на все разночтения, нормы о защите прав человека прочно вошли как в национальное, так и в международное законодательство. Параллельно с развитием нормативного содержания шел процесс становления механизмов и институтов в области защиты прав человека. Начало процессу институализации положило решение ЭКОСОС 1946 года о создании комиссии по правам человека. Через год комиссия учредила подкомиссию по предотвращению дискриминации прав меньшинств⁴⁸.

Помимо ЭКОСОС, и другие главные органы ООН имеют полномочия в области защиты прав человека. Дж. Винсент анализирует в этой связи компетенцию Совета Безопасности, полномочия Генеральной Ассамблеи и даже Секретариата ООН, которые, с его точки зрения, представляют второй уровень институтов защиты, не считая специализированных учреждений ООН⁴⁹.

⁴⁶ См.: *Vincent R.J.* Human Rights and International Relations. P. 85.

⁴⁷ См.: *Ibid.* P. 91.

⁴⁸ См.: *Ibid.* P. 93.

⁴⁹ См.: *Ibid.* P. 94–95.

Третий вид институтов возник из международных конвенций, посвященных защите отдельных прав человека. Например, конвенция об уничтожении расовой дискриминации, удалении дискриминации в отношении женщин. Комитет по правам человека, основанный на исполнении Пакта о гражданских и политических правах, также выступает показателем формирования подобного вида международных институтов.

Помимо универсальных, сложилась сеть региональных международных институтов. Вступившая в силу в 1953 году Европейская конвенция по правам человека не была лишь трансляцией Всеобщей декларации прав 1948 года. Она, по мысли Дж. Винсента, учреждала Комиссию и суд по правам человека. При этом европейские страны высказались против участия представителей государств в ее деятельности. Еще большей новацией было то, что в Европе, создавался механизм, позволяющий гражданам разных государств обращаться в Комиссию в случаях судебного разбирательства против собственных правительств⁵⁰.

В Америке в 1969 году была принята, а в 1978 году вступила в силу Американская конвенция о правах человека (Пакт Сан-Хосе). Здесь также формировались международные региональные институты, похожие на те, что существовали в Европе. Речь идет о Межамериканском суде и Межамериканской комиссии по правам человека. Более того, в данном случае строже, чем в Европе, прописывались полномочия Комиссии⁵¹. Аналогичные процессы имели место и в Африке, где была учреждена комиссия. Однако завышение функций у этого органа создавало проблемы с соблюдением и защитой указанных прав.

Кроме того, в мире имеется сеть неправительственных международных институтов, защищающих права человека: от Международной амнистии до Международного комитета Красного Креста и Красного Полумесяца.

Все эти изменения Дж. Винсент считает началом революции в отношении членства в международных отношениях и началом функционального перехода от международного общества к обществу мирового⁵².

⁵⁰ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 95.

⁵¹ См.: *Ibid.* P. 96.

⁵² См.: *Ibid.* P. 95.

Он пишет, что права человека представляют собой законный интерес современного международного общества по поиску принципов справедливости в отношениях между людьми. Законность этого интереса воплощена в действующих международных конвенциях, которые необходимы в условиях, когда государства борются за свое место в международном обществе и в качестве основных императивов руководствуются защитой национальных интересов и международной безопасности.

Ученый далек от того, чтобы идеализировать деятельность сложившихся международных организаций в сфере защиты прав человека. В частности, он упрекает в политической ангажированности Международную амнистию за то, что она в своем подходе настаивает на либеральных ценностях Запада, превознося индивидуальные права и свободы над групповыми⁵³. Такой подход можно назвать определенной формой идеологического и культурного империализма. Справедлив и его упрек в социальном элитизме действующих международных институтов, защищающих права и ценности людей определенного класса и имущественного положения. Но в целом вопросы прав человека отражают процесс формирования мирового общества в современности.

Что это дает в развитии концепции международного общества? Права человека перестали быть «тихой речью министров иностранных дел» в случаях их конкретного нарушения. Они не исчерпываются институтом дипломатической защиты в праве внешних сношений. Не выступают они и механизмом удовлетворения интересов внутреннего лобби, как это было в США в 1970-х годах. Права человека становятся точкой формирования новых представлений о безопасности в современной мировой политике. Они охватывают среднесрочную и долгосрочную международную повестку.

При этом Дж. Винсент в стиле М. Уайта показывает проблемы на пути реализации доктрины прав человека в международных отношениях, рассуждая о гуманитарной интервенции. Сам он говорил, что ее можно считать легитимной только в случаях поддержания первичных функций международного порядка, что вытекало из его функционального анализа 1970-х – первой половины 1980-х годов.

⁵³ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 102.

К числу этих функций относились булловские идеи по минимальному пониманию международного порядка: защита суверенитета, выживание населения и защита собственности. Однако случаи вмешательства в гражданские конфликты не могут быть легализованы по гуманитарным основаниям⁵⁴. Поэтому воспринимать работу Дж. Винсента как апологию гуманитарной интервенции внутри Английской школы не представляется целесообразным. Международное общество не стало солидарным в отношении прав человека. Международные институты далеки от того, чтобы гарантировать справедливое удовлетворение интересов, основанное на уважении к правам человека. Поэтому человеческое измерение международных отношений должно консолидировать государства, а не изменить их. Права человека не есть вызов системе суверенных государств, но это поиск ответов на вопросы, которые остаются неразрешенными в современной мировой политике и внутри классического понимания международного общества.

Таким образом, творчество Дж. Винсента внутри британской теоретической традиции поставило новые рубежные вопросы как теоретического, так и прикладного политического характера. Проблемы гуманитарной интервенции получили широкий резонанс не только в британской, но и в мировой науке в 1990-х годах. Переход от международного к мировому обществу стал предметом острых споров в исследованиях школы в 2000-х годах. Проблемы трансформации институтов международного общества – предметом полемики между плюралистами и солидаристами внутри как Английской школы, так и всего сообщества британских международных в конце XX – начале XXI века. В свою очередь, эта полемика обеспечила новый импульс в развитии самой теории внутри изначально сформировавшейся концепции. Таким образом, творчество Дж. Винсента можно считать своеобразным ответом на упрек Р. Джонса о кончине школы, а сам Дж. Винсент по праву считается одним из пятидесяти лучших специалистов по международной теории, в представлении М. Гриффитса⁵⁵.

⁵⁴ См.: *Vincent R.J. Human Rights and International Relations*. P. 117–118.

⁵⁵ См.: *Griffiths M. Op. cit.* P. 157–159.

4.3. «Стандарты цивилизаций» Геррита Гонга в истории международного общества

Одним из важных направлений развития концепции международного общества внутри Английской школы международных отношений в 1980-х годах стала тема «стандартов цивилизаций». Основной вклад в формулирование и исследование данной проблематики принадлежит Г. Гонгу, чье научное творчество заслуживает внимания по нескольким основаниям. Во-первых, некоторые факты его биографии, опыт участия в школе, творческая судьба сформулированных им идей отражают сложный и многогранный процесс развития исследуемого научного сообщества во второй половине XX века. Во-вторых, его работы демонстрируют возможности углубления отдельных сюжетных линий внутри концепции, как и показывают новые вопросы исследований второго поколения «школьников», без которых творческое развитие концепции было бы невозможно. В-третьих, творческое наследие Г. Гонга частично объясняет рост интереса к Английской школе в мировой науке, который обнаружился на рубеже XX–XXI веков.

Г. Гонг родился 23 декабря 1953 года в Редвуд-Сити (Калифорния, США). Родители его были выходцами из эмигрантских семей. Мать была потомком китайских эмигрантов, переселившихся на Гавайские острова, а семья отца поселилась в Калифорнии после миграции из Китая в конце XIX века. К традиционным представлениям об американской мечте, которая позволяет добиться всего даже эмигранту, в мировоззрение Г. Гонга легко добавились и позитивные стереотипы, связанные с возможностями, которые представляла концепция международного общества. Тем более что его образование и карьера складывались удачно.

Он окончил школу в Калифорнии, после чего начал служить миссионером в церкви семидесятников на Тайване. В 1972 году он получает степень бакалавра в университете имени Бригама Янга. Это крупный частный университет в США, где обучаются в основном мормоны. В 1979 году Г. Гонг получает и степень магистра в этом же университете. За успехи в учебе он был награжден стипендией Родса, что позволило ему продолжить образование в Оксфорде, где

в 1981-м он удостоивается докторской степени по международным отношениям (PhD). В середине 1980-х годов он принимает участие в создании двух серьезных монографий внутри проблематики Английской школы, которые принесли ему известность как ученому.

После Оксфорда и выхода книг Г. Гонг сделал неплохую дипломатическую карьеру. С 1985 года он специальный помощник заместителя госсекретаря США по вопросам Китая и Тайваня. С 1989-го по 2001 год он занимал многочисленные посты в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне (округ Колумбия). С 2001 года до апреля 2010 года он был помощником президента по вопросам планирования и аттестации в Университете имени Бригама Янга. Однако с 2010 года он резко меняет направление деятельности и занимает один из руководящих постов в церкви Иисуса Христа последних дней (мормоны). Как сообщается на сайте этой религиозной организации, старейшина Г. Гонг служил в многочисленных церковных призваниях, в том числе был миссионером в Тайване, членом высшего совета, руководителем группы первосвященников, президентом Воскресной школы, советником епископа, учителем семинарии, епископом, президентом миссии и региональным представителем Кворума Семидесяти¹.

На фоне таких сюжетов его биографии сотрудничество с Английской школой выглядит лишь как один из частных фрагментов. Но этот этап вовсе не был случайным. Напротив, в его фигуре темы, поднятые Английской школой, нашли едва ли не свою наглядную иллюстрацию. Потомок мигрантов из Китая, религиозный миссионер, человек, разделяющий ценности и идентичность Запада, получивший образование по разные стороны Атлантики, дипломат и мормон. Собственно такое смешение характеристик и показывает особенности международной жизни XX века, как и позитивные в конкретном случае последствия вмешательства международного общества в дела и судьбы человека с Востока.

Видимо, к постановке вопросов о «стандартах цивилизаций» Г. Гонг обратился в связи с подготовкой раздела в коллективной

¹ См.: Представители Высшей власти Церкви и высшие должностные лица Церкви. Старейшина Геррит У. Гонг. URL: <https://www.lds.org/church/leader/gerrit-w-gong?lang=rus> (дата обращения: 25.12.2015).

монографии школы «Экспансия международного общества», где он писал о вхождении в него Китая. Привлечение новых специалистов было частью замыслов авторов монографии. Не случайно, что разделы по азиатским вариантам участия в международной системе писались выходцами из этих стран. Однако эссе, посвященное Китаю, было лишь частью более широкой работы Г. Гонга по изучению участия в международном обществе различных неевропейских стран – темы, которая вылилась в монографию «Стандарты цивилизаций в международном обществе»². Примечательно, что книга Г. Гонга вышла в тот же год, что и коллективная монография школы³.

Г. Гонг одним из первых обратил внимание на то, что военное и технологическое превосходство европейцев не было ни постоянным, ни систематическим фактором в ходе европейской колонизации и последующей за ней колониальной политики. Так называемые «стандарты цивилизаций» в XIX веке стали одной из правовых и политических форм взаимодействия европейского и неевропейского миров, определяя тонкую грань между правом и принуждением, силовыми и ненасильственными формами международного взаимодействия.

Кроме того, Г. Гонг высказал предположение о том, что отголоски темы «стандартов цивилизаций» звучат в международном праве XX века, провоцируя новые кризисы международного регулирования. Здесь имелось в виду желание ряда западных стран, если для их обозначения использовать конструкцию холодной войны, продвигать права человека в международных отношениях за пределами Европы в качестве новых стандартов цивилизованных государств. А также новые попытки модернизации «отстающих стран», связанные со следованием стандартам модернизации⁴. Эта тема не получила достаточного обоснования в работе ученого, хотя Г. Гонг и пытался обрисовать контуры для дальнейшего исследования в заключении своей книги, но в целом идея «новых международных стандартов» добавила актуальности при обосновании важности изучения старых «стандартов цивилизаций».

² См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society.*

³ См.: *The Expansion of International Society.*

⁴ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 91–92.*

Предметом исследования «стандартов цивилизаций» в «Экспансии международного общества», в отличие от других представителей школы, Г. Гонг считал не новое понимание колониализма как синтеза европейских институтов с местными в ходе расширения европейского международного общества, но изменения в международном праве. Он подчеркивал, что необходимо изучение стандартов с разных точек зрения. Такой поход – это не проявление диалектического метода в творчестве ученого, а требование функционального анализа одного из центральных институтов международного общества как с европейской, так и с неевропейской позиции⁵. Тем самым Г. Гонг попадал в новую концептуальную линию исследований внутри Английской школы. Международное право, начиная с Х. Булла, мыслилось в качестве одного из пяти ключевых институтов в концепции международного общества⁶. Г. Гонг разделял и тезис М. Уайта о том, что нормы и ценности системы государств формировались в Европе и отражали сходство культуры и религиозной традиции европейских народов⁷. Таким образом, базовые концептуальные основы анализа международного общества, вне всяких сомнений, разделялись данным автором.

В течение периода, когда Европа считала себя политическим и культурным центром мира, «стандарты цивилизаций», воплощенные изначально в европейском международном праве, стали в XIX веке интегральной частью ценностей и норм колониальной экспансии за пределы Европы. Для европейцев данное понятие помогало определять внутреннюю идентичность и внешние границы международного общества, способствовало трансформации представлений о некогда единой Христиании в сторону создания европейской идентичности как большой республики, если использовать терминологию Вольтера. А впоследствии стандарты цивилизаций стали механизмом подключения к европейскому обществу неевропейских стран⁸.

⁵ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 238.*

⁶ См.: *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 127–161.*

⁷ См.: *Wight M. De systematibus civitatum. P. 22.*

⁸ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 238.*

Такие общие тезисы работы Г. Гонга требуют ответов на ряд принципиальных вопросов, которые помогают оценить его личный вклад в развитие основной проблематики школы. Что есть «стандарты цивилизаций», где и как они возникли и применялись, изменялись ли они со временем и какова была реакция неевропейских стран на их применение?

Как пишет Г. Гонг, «стандарты цивилизаций» – это выражение правил, тактики и действий, используемых для охраны тех, кто принадлежит к одному обществу, от тех, кто к нему не принадлежал⁹. Будучи по своему происхождению европейскими, стандарты стали со временем восприниматься как составная часть действующего международного права. Более того, отголоски этой практики можно встретить даже в современном международном законодательстве. Здесь он ссылается на пункт «с» статьи 38 Статута Международного суда, которая к числу источников международного права относит «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Другой вариант проявления стандартов в действующем международном законодательстве – статья 73 Устава ООН, которая декларирует подход международного сообщества (в понимании ученого, это современный синоним цивилизованных стран) в отношении самоуправляющихся территорий¹⁰. Все это отголоски ранее широко распространенных стандартов. Таким образом, «стандарты цивилизаций» можно определить как совокупность исторически сформировавшихся в Европе норм, вошедших в международное публичное право и предназначенных для регулирования некоторых важных вопросов международной жизни.

Этот термин оказывается связанным с центральными концептами Английской школы: «международное общество» и «система государств». Не случайно в этом отношении, что исторически данное понятие в праве упоминается в связи с заключением Парижского мирного договора 1856 года с Османской империей. Эта страна считалась частью европейской системы государств едва ли не с формирования Вестфальской системы. Однако в XIX веке статья 7 Договора признала Османскую империю членом международного обще-

⁹ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society*. P. 3.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 12.

ства, чтобы снизить территориальные притязания Российской империи. Статья гласила: «Его Величество император всероссийский, Его Величество император австрийский, Его Величество император французов, Ее Величество королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Его Величество король прусский и Его Величество король сардинский объявляют, что Блистательная Порта признается участвующею в выгодах общего права и союза держав европейских. Их Величества обязуются, каждый со своей стороны, уважать независимость и целостность империи оттоманской, обеспечивают совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства и вследствие того будут почитать всякое в нарушение оного действие вопросом, касающимся общих прав и пользы»¹¹.

Допустимая применимость этого понятия как к европейскому международному обществу, так и к системе неевропейских отношений открывала окно возможностей в период проведения колониальной политики. Для чего потребовалось формулировать «стандарты цивилизаций» и каково было их нормативное содержание?

Во-первых, по мнению Г. Гонга, стандарты должны были обеспечить европейским подданным и гражданам гарантии признанных в законодательстве европейских стран прав за пределами Европы. Речь идет о правах, которые вытекали из традиции естественного права и философии эпохи Просвещения. К числу этих прав относились право на жизнь, гарантии собственности, личная неприкосновенность, неприменение пыток, свобода передвижения¹².

Во-вторых, стандарты должны были гарантировать некоторые правила межгосударственного поведения. В этом проявлении стандарты утверждали европейские нормы ведения войны, необходимость соблюдения норм внутреннего законодательства в отношении иностранцев. Часто такой подход принимал форму требования экстерриториальности и консульской юрисдикции при заключении так называемых неравноправных договоров европейских государств с иностранными неевропейскими державами.

¹¹ Парижский трактат от 30 марта 1856 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/paris.htm> (дата обращения: 02.12.2015).

¹² См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society*. P. 15.

В-третьих, «цивилизированные государства» должны были выполнять некоторые обязательства перед международной системой и международным обществом. На практике это означало требование установления и поддержания постоянных дипломатических отношений с европейскими странами. Например, османская, японская и китайская дипломатия по разным причинам не хотели участвовать в такой практике межгосударственного общения. А также здесь заключалась возможность участия европейских стран в международных конференциях по обсуждению неевропейских вопросов.

В-четвертых, «цивилизированные страны» должны были принять на себя ряд обязательств в виде запрета на рабство, полигамию и тому подобные нормы и ценности, проявления которых представлялись для европейцев архаичными.

В-пятых, стандарты «цивилизированных государств» подразумевали достижение определенного уровня государственного управления, что должно было отражаться в наличии эффективного аппарата бюрократии, понимаемого в европейском ключе¹³.

В целом такие нормы отражали либеральные ценности европейской цивилизации, но они также обеспечивали и юридическое закрепление собственной власти над другими странами, не прибегая только лишь к силовому вмешательству. При этом силовой подход не исключался. Стандарты представляли определенный тип закрепления отношений власти. Их появление свидетельствовало о неравенстве субъектов в международном праве. Они фактически настаивали на правомерном отрицании международной правосубъектности в отношении «нецивилизированных стран». Однако формулирование подобных стандартов означало движение от европейской международной системы к международному обществу и подключение к этому процессу других стран и регионов земного шара с середины XIX века. Поэтому их появление было сопряжено с формулировкой критериев признания той или иной страны равноправным членом международного общества. В понятии «стандарты цивилизаций» отразился своеобразный симбиоз либеральных ценностей международного порядка и имперской политики стран, проводивших колониальную политику за пределами Европы.

¹³ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 16.*

Сами нормы, положенные в основание стандартов, разрабатывались в европейской политико-правовой мысли XIX века. С одной стороны, они «осовременивали» естественно-правовую доктрину в духе свежих либеральных идей этого века, с другой – такие мыслители, как Г. Уитон, В. Холл и Т. Холланд, стали проводить четкое различие между правом европейских наций и правом остальных государств. В целом указанными учеными были предложены, по мнению Г. Гонга, критерии цивилизованных стран, которые включали:

- определенный уровень политической организации общества;
- требование поддержания постоянного дипломатического диалога;

- схожесть религиозной традиции, из которой в определенной мере для сторонников Английской школы выросла сама Европа. Эта установка М. Уайта трансформировалось у Г. Гонга в требование схожего с европейским понимания этических, моральных и правовых подходов;

- следование общим принципам публичного права и политики¹⁴.

Таким образом, эволюция естественно-правового подхода внесла в политическую и правовую традицию не только либеральные ценности, но и идеи стандартов цивилизованных государств, которые характеризовали проблему международной правосубъектности в XIX веке.

Какую форму выражения приобретали стандарты цивилизаций в истории межгосударственных отношений? Они нашли свое воплощение в международных договорах двухстороннего и многостороннего характера в истории международного права XIX и XX веков. Звучали они в требованиях экстерриториальности и консульской юрисдикции. Правда, в последних двух случаях можно упрекнуть Г. Гонга в не совсем корректных исторических оценках. Известно, что правовые нормы экстерриториального характера выросли из представлений о неприкосновенности храмовых территорий. И происхождение этих норм вовсе не новое время, а более ранние исторические эпохи. Однако Г. Гонг оказался прав в главном. Экстерриториальные требования в процессе европейской колониальной экспансии нового времени значительно актуализировались. Поэтому

¹⁴ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society*. P. 46.

нормы экстерриториальности и национальной юрисдикции в отношении «своих» граждан, находящихся на чужой территории, стали закрепляться в так называемых неравноправных международных договорах. Примером таковых для ученого выступает Нанкинский договор с Китаем 1842 года.

Иллюстрацией многосторонних договоров, отражающих историю «стандартов цивилизаций», служит история проведения Гаагских конференций мира. По мнению Г. Гонга, около 59 стран на рубеже XIX–XX веков требовали признания независимого статуса. Однако на первую конференцию были приглашены лишь 26 государств. Среди них – 19 европейских, 5 азиатских (Османская империя, Персия, Китай, Сиам, Япония) и 2 американских (Мексика и США). Впоследствии Сиам был исключен из этого списка, так как не поддерживал постоянные дипломатические отношения с Россией, хотя в Петербурге приняли министра-резидента Сиам. Это было следствием хороших личных отношений между королем страны и российским императором¹⁵. В ходе Гаагских конференций были приняты правила «цивилизованного» ведения войны, что и объясняет подбор участников. Однако появление оружия массового уничтожения в XX веке превратило подобные правовые нормы в оксюморон. Стандарты цивилизаций стали восприниматься как анахронизм и постепенно исчезали в международном законодательстве.

Таким образом, внутри европейских стран данные нормы воплотились в принципах и институтах публичного права. Но за пределами Европы они стали использоваться в качестве инструментов навязывания европейских представлений о праве. Международное право того времени не носило универсального характера. Европейское представление о праве оказалось социальным инструментом при выходе политики европейских стран за свои географические и культурные границы. «Стандарты цивилизаций» закрепляли европейское колониальное господство в течение столетия, с середины XIX до середины XX века.

Как реагировали неевропейские страны на вхождение в международное общество? На этот вопрос Г. Гонг попытался ответить самостоятельно, хотя существовала и попытка создать общее пони-

¹⁵ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 70.*

мание школы по данному вопросу. Основная концепция развития международной системы в Английской школе, как отмечалось, была сформулирована в «Экспансии международного общества». Подход Г. Гонга был ее составной частью, однако нельзя не отметить и ряд индивидуальных нюансов. Г. Гонг изучал участие в международном обществе, как сказали бы сегодня, методом кейс-стади. В этом его подход совпадал с подходом в коллективной монографии. И в этом же коренились его недостатки.

Во-первых, сама трактовка процесса экспансии носила изначально евроцентристский характер. В известном смысле указанный евроцентризм в изображении английских ученых отражал не только тенденцию к формированию в Европе альтернативного центра силы, которая наметилась в условиях 1980-х годов, но и показывал недостаточную весомость европейских стран в международных отношениях. Восприятие экспансии Европы в рамках концепции международного общества – это симбиоз либеральных и демократических ценностей, которые выражались в своеобразном понимании современного общества государств, и призыв к более активной роли Европы, который формулировался в процессе переосмысления роли колониальной политики после завершения деколонизации.

Кроме того, евроцентризм концепции международного общества подчеркивал в 1980-х годах значительное увеличение роли Соединенных Штатов в международных отношениях второй половины XX века. Отсюда и широко распространенная конструкция «Запад», «западная цивилизация» с ее общими ценностями, выраженными в период холодной войны как дискурсивные формулы анализа международной жизни. Г. Гонг как американец разделял скорее западоцентризм, а не евроцентризм в изображении колониальной политики. Отсюда и акцент на правовых инструментах вхождения в международное общество. Институты управления международным обществом в Английской школе были более широкими: это и баланс сил, и война, и великодержавные управление и дипломатия.

Во-вторых, недостаток метода – это кейсы, которые выбирались для доказательства нового понимания процесса экспансии. В некоторых случаях такой подход был обоснован, но могли быть и исключения, которые бы и опровергали валидность гипотезы. Иначе говоря, исторический анализ нескольких ситуаций не всегда

выступает правомерным показателем общей аргументированности процесса. Дело не в обоснованности отдельных выводов, а в произвольности интерпретаций истории. Кейсы, выбранные при историко-социологическом рассмотрении процесса, заранее вписывались в сформулированную концепцию международного общества. Показательна в этом смысле модель участия в нем России в интерпретации Г. Гонга.

По традиции, которую внутри школы сформировал сэр Г. Баттерфильд, модернизировав взгляды на систему немецкого историка А.Г.Л. Геерена, и которую в разной степени разделяли М. Уайт, А. Уотсон и Х. Булл, Г. Гонг изначально не относил Россию к европейской международной системе. Ученый считал страну даже не периферией Европы, но отдельной цивилизацией.

Россия, с его точки зрения, исторически ощущала себя во враждебном окружении. Он пишет об этом так: «На западе она граничила с еретиками-христианами, на юге – с османами, кочевые народы были ее соседями на востоке»¹⁶. Такое соседство приводило в конечном счете к тому, что иностранные языки в стране учили лишь в нескольких приграничных церковных школах. Это было исключением из общего правила и отражало стремление к отстаиванию своей цивилизационной уникальности. Периодически возникающие бунты против иностранцев были показательным проявлением российской ксенофобии¹⁷.

Тем не менее Россия быстро и успешно вошла в европейскую семью наций в XVIII веке. Здесь ученый при реконструкции вхождения страны в международное общество использует классическую оценку петровской эпохи и делает акцент на петербургском периоде российской истории. Показательными в этом отношении выступают следующие его аргументы.

«С ранних лет Петр не упускал возможности ближе познакомиться с иностранцами в Москве. Он отчаянно повел страну дорогой культурной и материальной вестернизации. <...> Его желанием было цивилизовать страну по западному образцу. Он желал сделать Россию равной державой не только в терминах военной силы, но и в торговле,

¹⁶ *Gong G.* The Standard of “Civilizations” in International Society. P. 100.

¹⁷ См.: *Ibid.* P. 101.

промышленности и управления»¹⁸. Он совершил долгое путешествие в Европу, где посетил Швецию, немецкие земли, Голландию, Англию и Австрию. Здесь он познакомился с европейской концепцией права, справедливости, нормами территориального суверенитета и основными правами. Это было началом движения страны от периферии системы к ведущей роли в европейском международном обществе¹⁹.

Тогда ученый приходил к выводу о том, что российская модель вхождения в международное общество демонстрирует пример того, как неевропейская страна сознательно присоединилась к семье европейских народов. Вызов, брошенный российским культурным основаниям, благодаря Петру I, привел к принятию «стандартов цивилизаций» сверху, а страна осознанно и добровольно стала частью международной системы, а затем и международного общества. В связи с этим страна стала играть одну из важных ролей в международных отношениях XVIII века, а в XIX веке сама стала проводить политику экспансии.

Недостаток метода в этом отношении проявился в том, что сами «стандарты цивилизаций» стали формулироваться лишь в XIX веке для целей европейской экспансии, а взаимодействие России с европейскими странами вовсе не исчерпывалось данным понятием.

Определенным антиподом российского опыта выступает вариант участия в европейских отношениях Османской империи. Г. Гонг считает ее первой неевропейской страной, вошедшей в сообщество Европы. При этом, согласно его позиции, к середине XIX века Порты полностью приняла «стандарты цивилизаций», а европейские правительства готовы были рассматривать страну в качестве члена семьи европейских народов ради сохранения баланса сил²⁰. Иначе говоря, Османская империя рассматривалась как временный член международного общества, способный сбалансировать растущие интересы России. В таком понимании исследователь смешивает понятия «система государств» и «международное общество», полагая, что «стандарты цивилизаций» имели отношение к обоим концептам.

¹⁸ Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 101–102.

¹⁹ См.: Ibid. P. 103.

²⁰ См.: Ibid. P. 106–109.

В действительности ряд участников Английской школы (Т. Дюнн, Р. Литтл) считают, что эти понятия представляют собой почти синонимы. Поэтому проводить между ними четкую границу не представляется возможным. Для М. Уайта в «Дипломатических исследованиях» 1966 года предпочтительным был термин «система государств», Х. Булл в 1970-х годах разделил эти понятия в своем «Анархическом обществе». Однако исследователи более поздних поколений внутри школы вернулись к идее их взаимозаменяемости²¹. Г. Гонг, таким образом, невольно присоединился к дискуссии о ключевых понятиях концепции.

Оценка роли Османской империи в представлениях Х. Булла, на взгляд автора, была более корректной. Он считал страну участницей системы государств. Империю принимали в своих внешнеполитических расчетах европейские дипломаты начиная с XVI века. Французы с ее помощью пытались противодействовать габсбургской дипломатии. Однако членом международного общества, равноправным участником державу стали признавать лишь в XX столетии после распада империи²².

Аргументы Г. Гонга были иного рода. Благодаря своему географическому положению Османская империя быстро вошла в систему государств. Это произошло, как отмечал и Х. Булл, в XVI–XVII веках. Однако к середине XIX века страна начала утрачивать свою прежнюю социокультурную идентичность. Свидетельством этого процесса стало растущее влияние европейского барокко в архитектуре, принятие важных технических достижений в виде телеграфа (1855 год) и почтовой системы (1866 год). В совокупности подобные процессы привели к трансформации османского общества в европейском направлении.

В ходе Крымской войны европейские страны вынуждены были признать государство равноправным участником не только международной системы, но и международного общества, что нашло выражение в уже упоминавшейся статье 7 Парижского трактата. Однако страна не стала в нем полноправным участником. Это, в свою очередь, выражалось в режиме капитуляций, подчеркивающих ее

²¹ См.: Guide to the English School in International Studies. P. 91–109.

²² См.: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. P. 14.

«нецивилизованный» статус. Подобная ситуация закрепились на вторую половину XIX и начало XX века. Капитуляции стали восприниматься частью османского общества как фактор собственного унижения, что вело к отторжению империи от европейской традиции. Результатом было не только «выпадение» цивилизованных провинций, которые постепенно обретали национальный суверенитет, но и подталкивание страны к силовому пересмотру своего места в системе европейских отношений. В конечном итоге такая трансформация интересов привела государство к участию в Первой мировой войне на стороне Германии и ее союзников. Лишь ликвидация режима капитуляций в ходе заключения Лозаннского договора от 24 июля 1923 года стала основой для возвращения страны в международную систему в XX веке. Таким образом, стигма капитуляций висела над страной с 1856-го по 1923 год, ограничивая равноправное участие страны в международном обществе.

Однако современные проблемы взаимодействия Турции и европейских стран заставляют говорить о цивилизационной неоднородности Турции и европейской международно-политической традиции. Поэтому причислять страну к современному международному обществу не торопятся даже турецкие исследователи, разделяющие аргументы Английской школы. Линия, нарисованная Г. Гонгом в отношении турецкой республики, нашла свое продолжение в виде исторического поиска различий современными представителями Английской школы²³.

Случай вхождения Китая в международное общество демонстрирует опыт иного рода, по мнению ученого. Если Россия приняла «стандарты цивилизаций» сверху, а Османской империи они были навязаны международным обществом, то китайско-европейское взаимодействие изменило как китайцев, так и европейцев²⁴. Именно этот пример демонстрирует новое понимание специфики европейской экспансии в 1980-х годах. Здесь, как сказали бы сегодня, проявляется не столько проблематика колониализма и имперской политики, но идея диалога цивилизаций.

²³ См.: Ottoman Diplomacy. Conventional or Unconventional? / ed. by N. Yurdusev. L.: Palgrave Macmillan, 2004. 202 p.

²⁴ См.: Gong G. China's Entry into International Society. P. 172.

В этой связи Г. Гонг выделяет три периода взаимодействия европейцев и китайцев. Первый период продолжался до 1840-х годов. В это время Китай поддерживал собственные стандарты цивилизаций и занимал позицию культурного превосходства по отношению к иностранным европейским державам.

В традиционной китайской философии страна занимала центральное место в политической картине мира. Такое представление формировалось под воздействием набегов кочевников на государство. С течением времени на севере страны для защиты от попыток проникновения в Китай была выстроена стена, а Корея, Сиам, Бирма и Япония считались зависимыми территориями. Они утратили свой «независимый» статус и платили дань. Это также способствовало формированию представлений о Китае как центре мироздания. Отсюда и прибывавшие в Китай европейцы не могли нарушать предписываемый церемониалом обряд и обязаны были исполнять ритуальный поклон, свидетельствующий о признании власти императора.

Второй период означал отказ европейцев принять такое положение дел. Первые символы отказа от признания доминирующей роли Китая были сделаны, по мнению Г. Гонга, еще в конце XVIII века, когда в 1793 году лорд Дж. Макартни отказался выполнять коутоу (поклон китайскому императору). А переломным временем стали первая опиумная война и последовавший за ней Нанкинский договор 1842 года. В период войны было продемонстрировано военное превосходство Великобритании над императорской армией. Столкновения с Западом продолжились заключением целой серии неравноправных договоров с Китаем в 1840–1850-х годах со стороны Великобритании, России и США. Нанкин, таким образом, выступил начальной точкой применения военной силы, доказывавшей технологическое превосходство над страной.

Основные требования, отражающие стандарты европейской цивилизации в Китае, сводились к следующим:

1. Открытие портов для иностранцев. По Нанкинскому договору их было 5, но впоследствии список многократно дополнялся и составил к 1920 году 69 наименований.

2. Введение консульской юрисдикции. Это подразумевало создание национальных судов для экстерриториальных стран в Шанхае и требование смешанных судов с участием иностранцев в отдельных районах.

3. Иностранное администрирование в сфере таможенной, почтовой и налоговой служб.

4. Фиксация низкого таможенного тарифа в качестве гарантии иностранным державам.

5. Учреждение постоянных дипломатических представительств на территории Китая.

6. Признание норм международного права²⁵.

Тем самым международное общество навязало стране свои нормы, отражающие превосходство собственной цивилизации.

Результатом подобной политики стал третий этап, который длился приблизительно с 1895-го по 1942 год. Здесь Китай вынужден был принять основные институты и правила международного общества, но параллельно с этим шел процесс пересмотра неравноправных договоров с помощью европейских представлений о цивилизованности.

Так, например, Китай принял основные нормы и институты международного права, отражавшие европейские подходы в области дипломатии, защиты прав и интересов собственности. Учебники по международному праву стали переводиться на китайский язык с 1864 года. Стремясь преодолеть экстерриториальность, Китай посылал своих представителей на обе Гаагские конференции мира 1899-го и 1907 года. Заявил о ненормальности своего неравноправного статуса в ходе проведения Парижской конференции. В Лиге Наций ратовал за идеи равенства государств и стремился построить отношения на основе принципа взаимности. Этот подход оказалось возможным реализовать в ходе Второй мировой войны, но международное общество не принимало во внимание возможность смены правительства в Китае. Коммунистический Китай показал новые грани своей политики и растущую роль этой страны в международной системе.

Японский казус вхождения и участия в международном обществе демонстрирует особенности другого рода. В истории взаимодействия Японии и европейских государств после выхода страны из самоизоляции Г. Гонг также выделяет несколько периодов:

1. 1853–1894 годы – ключевой тезис – «цивилизованные державы» против Японии.

²⁵ См.: *Gong G. China's Entry into International Society*. P. 178.

2. 1894–1931 годы – Япония среди «цивилизованных государств».

3. 1931–1945 годы – Япония против государств²⁶.

В связи с центральной темой изучения «стандартов цивилизаций» исследователя интересовали первые два периода. При этом Г. Гонг начинает еще с конфуцианского этапа в развитии страны. Он пишет, что в конфуцианский период, где доминирующим фактором японской истории был китайский фактор, роль Японии была не до конца ясной. С одной стороны, досовременная Япония оставалась вне внутренней сферы Китайской империи. С другой – Китай считал страну «восточным варваром» и относился к ней как к зависимому государству²⁷.

После насильственного открытия страны в 1854 году Соединенные Штаты навязывают в 1858 году договор, согласно которому ряд японских портов открывались для постоянной торговли с иностранцами, назначался американский дипломатический представитель, устанавливались экстерриториальные привилегии для американских граждан при ведении гражданских дел и уголовного разбирательства²⁸. Устанавливался тарифный контроль. В последующие годы Голландия, Россия, Франция, Великобритания, Германия и другие страны также сумели навязать собственные договоры Стране восходящего солнца.

Потеря контроля над тарифами и утрата национальной юрисдикции в отношении иностранных граждан на собственной территории как следствие введения экстерриториальных норм сохранялось вплоть до конца XIX века. Отсюда японское общество считало такие договоры неравноправными. Однако, в отличие от китайского казуса, вооруженная сила в отношении Японии не применялась для навязывания неравноправных договоров. Это не значит, что принуждения силой не было вообще. После того как погибли первые иностранные граждане на территории страны, зарубежные державы открыли огонь по небольшим селам и провели бомбардировку крупных городов (английский обстрел Кагосимы). Но в целом наси-

²⁶ См.: *Gong G.* The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 165.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 166.

²⁸ См.: *Ibid.* P. 168–169.

лие стало применяться позже, чем были подписаны неравноправные соглашения.

В результате такого вхождения в «цивилизированное общество» исход для Японии также был печален. По мнению Г. Гонга, можно говорить о нескольких последствиях первого периода для национального общества. Во-первых, данный вариант породил ощущение не национальной, но расовой неполноценности у народа, который сумел сохранить независимость даже перед лицом Китайской империи²⁹. Во-вторых, вхождение в международное общество сопровождалось формированием чувства отсталости и нецивилизованности. В-третьих, японцы чувствовали себя обманутыми после отказа от самоизоляции. Как следствие, в-четвертых, национальная идентичность была направлена на пересмотр сложившихся отношений. Это оказалось возможным лишь после того, как страна поменяла свое отношение и приняла западные «стандарты цивилизаций»³⁰.

Изменения произошли как на внутреннем, так и на международном уровнях. После насильственного открытия Япония стала быстро преодолевать феодальное прошлое и превратилась в объединенное государство с выраженной национальной идентичностью. Такому подходу, по мнению исследователя, способствовало не осознание собственной сущности перед лицом внешнего воздействия, но принятие конституционных форм управления и введение представительных институтов. Их появление стало своего рода экспериментом в ходе проведения муниципальных выборов 1879–1880 годов. Даже терминология в сфере новой политической системы была взята из иностранных словарей. Понятия «политическая партия», «конституция», «суверенитет» представляли собой иностранные заимствования.

В международной сфере Япония принимала стандарты путем участия в дипломатической жизни. При этом наиболее важными формами дипломатической практики страны выступали следующие:

- установление постоянных дипломатических представительств иностранных держав на собственной территории;
- создание собственного министерства иностранных дел;

²⁹ См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society. P. 171.*

³⁰ См.: *Ibid. P. 173.*

– размещение собственных дипломатических миссий за рубежом;

– участие в международных договорах и конференциях³¹.

Первая дипломатическая миссия после революции Мейдзи была послана в Америку в 1871 году. Здесь преследовались три цели: 1) установление дружественных отношений на официальном уровне; 2) возможность пересмотра «неравноправных договоров»; 3) изучение технических возможностей модернизации собственной страны. Впоследствии дипломатические отношения были установлены и с другими странами, имеющими с Японией договоры: Австрией, Великобританией, Германией, Италией, Россией, Швецией и Швейцарией³². Гражданские войны в XX веке препятствовали установлению дипломатических отношений страны с Испанией и Португалией.

Однако уже в 1876 году Япония подписывает собственный первый неравноправный договор с Кореей. Используя преимущества, которые обеспечило знание международного права, 26 февраля 1876 года заключается договор о дружбе, торговле и мореплавании. Согласно документу два порта за Пусаном открывались для японских кораблей, а японские подданные получали экстерриториальные права в Корее³³. В Северо-Восточной Азии Япония стала отрицать исторические права Китая на Маньчжурию, что в скором времени привело к войне и попытке заключения неравноправного договора.

Но примечательно и то, что к заключению международных договоров, основанных на принятии европейского права, страна подходила индивидуально. В 1888 году был подписан «равноправный» договор с Мексикой, который обеспечивал свободу торговли и мореплавания, установление согласованных между странами ввозных и вывозных пошлин³⁴. Иначе говоря, переход к новым формам дипломатической и международно-правовой деятельности не был линейным.

³¹ См.: *Gong G.* The Standard of “Civilizations” in International Society. P. 177.

³² См.: *Ibid.* P. 179.

³³ См.: *Ibid.* P. 183.

³⁴ См.: *Ibid.* P. 193.

Реализм нового японского подхода проявился в том, что страна стала первой державой, добившейся отмены консульской юрисдикции. В конце XIX века были пересмотрены неравноправные договоры середины столетия, экстерриториальность была ликвидирована в 1899 году. Альянс с Великобританией (1902 год) позволил строить отношения с великими державами на равноправной основе. В результате принятия норм и институтов международного общества Япония оказалась востребованной в деятельности Парижской конференции и Лиги Наций.

Однако «травма», понесенная от насильственного вхождения страны в европейскую систему, проявилась в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов и в период нападения на Пёрл-Харбор США. Япония в этих конфликтах избавлялась от чувства национальной неполноценности и утверждала новую идентичность, по мнению Г. Гонга.

Вряд ли японский милитаризм можно рассматривать в качестве способа самоидентификации народа, как об этом пишет автор. Понятие относится скорее к политическому режиму, чем к идентичности всего общества. Но в целом гипотеза об эволюции «стандартов цивилизаций» стала для исследователя не просто формальной схемой, но своеобразной теоретико-методологической линией, объясняющей эволюцию ключевых институтов международного общества на протяжении середины XIX – середины XX века.

Модели страноведческого анализа вхождения государств дополнили изначально социологический подход к международному обществу историческими приемами аргументации. Поэтому творчество Г. Гонга демонстрирует развитие новых направлений исследования внутри Английской школы в 1980-х годах и позволяет показать как проблемы развития общей концепции школы, так и нюансы творчества индивидуальных «школьников» при разработке новых сюжетов. Анализ работ Г. Гонга говорит о разделении ученым общих постулатов концепции при отстаивании собственного видения моделей участия государств в международной системе и международном обществе.

В контексте истории развития Английской школы, во-первых, необходимо отметить эволюцию данного научного сообщества в 1980-х годах: от узкого кружка интеллектуалов, работающих в Великобритании, которых объединял Оксбридж до развития сети более

широкого круга ученых, чьи идеи стали составной частью развиваемой теории. После ухода представителей первого поколения в школе стал ощущаться некоторый дефицит исследователей, которые бы могли продолжить и реализовать масштабные новые задачи внутри концепции международного общества. Г. Гонг как раз и оказался таким человеком, который легко вписался в новый формат школы, преодолев аристократическое чувство исключительности Комитета, и показал новые горизонты изучения международных проблем с привлечением инструментов имеющейся концепции. Привлечение Г. Гонга, Х. Суганами, Й. Зэнга и других ученых показывало открытость школы к кооптации новых представителей. Со смертью Ч. Мэннинга, Г. Баттерфильда, М. Уайта и Х. Булла в 1970–1980-х годах работа школы не прекратилась. Привлечение новых исследователей и поиск новых форматов работы обеспечивали не только идейную преемственность, но и творческое развитие.

Концептуальные новации в виде изучения «стандартов цивилизаций» не позволяют говорить о наличии застоя в развитии школы, когда креативный период работы сменился на интерпретативный. Напротив, поднятая автором проблематика обеспечивала рост интереса к школе за счет исследования новых международных норм и институтов взаимодействия в межгосударственных отношениях, представляющих альтернативу силовому регулированию. В условиях нового витка холодной войны в начале 1980-х годов такой подход оказался интересным и актуальным. В конечном счете работы Г. Гонга, как и других «школьников» этого поколения, открывали дорогу развитию нормативного подхода Английской школы и способствовали ее утверждению в качестве британского варианта институционализма.

Содержательно работы Г. Гонга подчеркивали переход от этноцентристской модели интерпретации международного общества к диалоговой (цивилизационной), что делало идеи школы востребованными в мировом масштабе и укрепляло ее место внутри научной дисциплины международных отношений. Сегодня рамки термина «школы» часто оказываются узкими для обозначения отстаиваемой концептуальной проблематики, которая делает британский институционализм направлением в современной теории международных отношений.

4.4. Адам Уотсон и его вклад в развитие концепции международного общества

Джон Хью Адам Уотсон (1914–2006) родился на десятый день после начала Первой мировой войны – 10 августа 1914 года. Это обстоятельство повлияло и на судьбу, и на научные взгляды будущего ученого и дипломата. Образование он получил в Королевском колледже Кембриджа. Здесь стоит заметить, что почти все британские дипломаты в первой половине XX века «рекрутировались» из выпускников Оксфорда или Кембриджа. Его наставником по истории в студенческие годы был Г. Баттерфильд. Данный факт косвенно может свидетельствовать в пользу «комитетской версии» происхождения Английской школы. А. Уотсон, в отличие от М. Уайта и Х. Булла, никогда не был связан с Лондонской школой экономики.

В 1937 году он поступает на дипломатическую службу и получает назначение на Балканы. Тогда данный регион не считался «покроховым погребом Европы», но важно, что первоначальные самостоятельные шаги в профессии А. Уотсон делал внутри европейской дипломатической службы. Справедливости ради необходимо заметить, что за свою долгую тридцатилетнюю дипломатическую карьеру А. Уотсон поработал почти во всех частях света. В начале Второй мировой войны он получил назначение в Египет, а в конце – в СССР. Видимо, в это время он познакомился еще с одним человеком, сыгравшим важную роль в становлении его теоретических взглядов, в то время младшим советником американского посольства в Москве Дж. Кеннаном. Взгляды А. Уотсона на природу дипломатии во многом отражали реализм Дж. Кеннана.

Следующим местом службы за рубежом стало Британское посольство в Вашингтоне в начале 1950-х годов, откуда он был переведен на должность главы африканского департамента министерства по делам колоний. Заметим, что это изменение в карьере совпало по времени с периодом, следовавшим за Суэцким кризисом – событием, ставшим знаковой точкой падения колониальной роли Великобритании. В 1960–1961 годах он был британским послом в Мали, а в 1960–1962 годах еще и послом в Сенегале, Мавритании и Того. Видимо, в то время английское государство сэкономило на дипломати-

ческих представительствах в «неприоритетных» странах. Но нельзя не отметить и того обстоятельства, что быть главой посольства в условиях распада колониальной империи, особенно в странах – бывших колониях, хотя и не всегда колониях Великобритании, отнюдь не самое лучшее и безопасное «предприятие». Аналогичное относится и к следующему его назначению – дипломатической службе в качестве посла на Кубе в 1963–1966 годах. После Карибского кризиса и в условиях разрыва дипломатических отношений Великобритании с США здесь был нужен опытный дипломат в качестве главы представительства, способный работать в кризисных ситуациях.

Опыт работы, как тогда говорили в странах третьего мира, в кризисных ситуациях и в условиях, когда он был свидетелем процессов крушения позиций колониальных стран, способствовал началу его исследовательской деятельности. Уже в «африканский период» он пишет работу «Гегемония и история», впервые опубликованную после смерти ученого в 2007 году. Правда, некоторые фрагменты этой книги исследователь сам включил в работу «Пределы независимости»¹. Здесь он попытался рассуждать о месте небольших и средних стран в истории международных отношений после крушения колониальных режимов. Ключевой тезис работы состоял в слабости самостоятельной государственности новых государств в условиях отсутствия внешней поддержки.

В конце своей дипломатической карьеры он работал в качестве советника в Форин Офисе с 1966-го до отставки в 1968 году. Причины отставки не совсем понятны. Сам он ее не комментировал. Однако тогда ему не было шестидесяти лет – предельный возраст нахождения на службе по английским законам. Можно предположить, что 1968 год для дипломатической службы Великобритании был завершением реформы дипломатического ведомства, когда Министерство иностранных дел, Министерство Содружества и Министерство по делам колоний были объединены в современный Форин Офис и А. Уотсон по каким-то причинам не вписался в реорганизованную структуру нового министерства. В целом его карьера дипломата выглядит вполне респектабельной и удачной.

¹ См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 46–81.

Адам Уотсон

Научная стезя А. Уотсона, связанная с Английской школой, начала формироваться в 1960-х годах с участия в работе Британского комитета. Первоначально его пригласил в качестве эксперта и практика Г. Баттерфильд. А. Уотсон с интересом воспринял эту идею и стал принимать активное участие в работе. Вскоре из эксперта он превратился в докладчика. А затем после смерти М. Уайта он стал третьим председателем Комитета, занимая эту должность с 1972-го по 1978 год. В 1973-м А. Уотсон начинает и преподавательскую деятельность, согласив-

шись на предложение Х. Булла стать приглашенным лектором в Австралийском национальном университете. В 1970-х годах он также работал в общественной организации в Париже, занимавшейся публикацией работ диссидентов из стран с репрессивными режимами.

В 1980–1990-х годах выходят и его работы, посвященные дипломатии и международному обществу. Определенную известность ему принесла публикация глав в «Экспансии международного сообщества», когда он стал восприниматься внутри школы как фигура, равная Х. Буллу. В 1990-х годах он получает должность в университете Вирджинии, где и проводит оставшуюся часть своей жизни.

Как отмечалось в газете «Телеграф» от 22 сентября 2007 года в заметке, посвященной памяти ученого, он сумел соединить в своей работе практический опыт дипломата и научные идеи концепции международного общества; теорию и практику, которые и позволили ему сформулировать уникальное и комплексное видение важных международных институтов².

Основной вклад А. Уотсона в формирование Английской школы теории международных отношений, на взгляд автора, заключается в исследовании и проработке нескольких самостоятельных тем,

² См.: Professor Adam Watson // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1564415/Professor-Adam-Watson.html> (дата обращения: 20.08.2015).

способствовавших укоренению и развитию концепции международного общества. Среди них особенно выделяются две: 1) исторический анализ международных систем, который, как и работы Б. Бузана и Р. Литтла, утвердил внутри школы историческую социологию международной политики как раздел изучения; 2) исследование дипломатии в качестве института регулирования международного общества.

Обе отмеченные темы затрагивались в работах Г. Баттерфильда, М. Уайта и Х. Булла. Так, например, М. Уайт пытался сравнивать различные системы государств в истории: греко-персидскую в античности, период борьбы королевств в Древнем Китае и европейскую систему государств нового времени. Однако, сформулировав проблемы и обозначив свое видение этой темы, М. Уайт поставил больше вопросов в исторической социологии, чем дал ответов. Г. Баттерфильд переоценивал роль дипломатии в качестве инструмента по поддержанию баланса сил. Х. Булл живо интересовался изменениями в дипломатии во второй половине XX века и на этом, по сути частном, историческом опыте судил о дипломатии как регуляторе международных отношений. Исследования А. Уотсона в данной связи выглядят более глубокими и комплексными. В немалой степени этому способствовал его тридцатилетний опыт работы на дипломатическом поприще. Собственно говоря, он и пришел в науку как дипломат-практик, а интерес к указанным темам в известной степени также диктовался «практическими соображениями».

Он сам писал об этом так в предисловии к одной из своих книг: «Необходимо сконцентрироваться на двух важных вопросах, которые могут помочь дать ответ на дилеммы государственных деятелей по поводу управления международным обществом. Первый – какова природа дипломатического диалога, а второй – что в действительности было сделано для управления международным обществом после Второй мировой войны?»³ Характеризуя такую постановку проблемы в отношении дипломатии, необходимо отметить три важных момента.

Во-первых, в такой постановке проблемы А. Уотсон отталкивался от традиционных для политиков и ученых в Великобритании

³ *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 10.*

представлений о дипломатии. Эта позиция была выражена в работах Э. Сатоу, Г. Никольсона и нашла свое отражение в «Оксфордском словаре». Так, Э. Сатоу в своем знаменитом определении 1919 года писал, что «дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, включая иногда и их отношения с зависимыми странами»⁴. Г. Никольсон со ссылкой на определение «Оксфордского словаря» в 1930-х годах полагал, что дипломатия есть «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками, работа и искусство дипломата»⁵.

Во всех трех случаях в дипломатии видели искусство переговоров только лишь между официальными представителями и только суверенных государств. Такой подход до середины XX века позволял разделять политикам и ученым собственно внешнюю политику и дипломатическую деятельность. Хотя уже с первой трети XX века с появления универсальных международных организаций указанная позиция перестала отвечать реалиям международной жизни. Примечательно в этой связи определение, которым пользовался сам А. Уотсон: «Переговоры между политическими образованиями, которые признают независимость друг друга, называют дипломатией»⁶. Сущность этого феномена он видит в том, что дипломатия представляет собой механизм, посредством которого осуществляется обмен контактами, правилами поведения и институтами между государствами⁷. При таком подходе правомерность термина «английская традиция» уместна в отношении определения А. Уотсона и в узком (как представителя Английской школы) и в широком смыслах (как отражение общей традиции в понимании дипломатии).

Во-вторых, из постановки проблемы изначально просматривается его принадлежность к Английской школе. Задачи изучения дипломатии ученый видит в исследовании механизмов управления и функционирования международного общества. Сам ученый считал,

⁴ Satow E. Op. cit. P. 1.

⁵ Никольсон Г. Указ. соч. С. 20.

⁶ Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 33.

⁷ См.: Ibid. P. 14.

что происхождением своей работы он обязан Британскому комитету по международной политике⁸. Г. Баттерфильд кооптировал своего бывшего кембриджского студента в работу семинара, а А. Уотсон стал одним из разработчиков общей концепции. Сверх того, он считал, что «в условиях развития международного общества дипломатия становится больше, чем просто инструментом коммуникации и сделок». Этим и было продиктовано желание изучения указанного института. Поэтому изначальный традиционный интерес к осмыслению дипломатии был соединен с концепцией международного общества.

В-третьих, интерес к дипломатии в том виде, в каком представлял себе данный институт А. Уотсон, был обусловлен психологическим фактором, который без труда можно обнаружить на страницах его работ. Точкой отсчета для анализа дипломатии для ученого послужила Первая мировая война. Этот опыт он вынес из детства. Он считал данную войну знаковым и рубежным событием, называл ее незабываемой травмой для европейского общества⁹. Причинами катастрофы он стал интересоваться еще в межвоенный период и считал, что это был провал дипломатического диалога между странами. После Второй мировой войны знакомства с Г. Баттерфильдом в Великобритании и Дж. Кеннаном в США убедили А. Уотсона в том, что другие рубежные события, как то: Вторая мировая война, холодная война и гонка вооружений в условиях угрозы применения ядерного оружия – все это лишь отголоски крушения системы дипломатических институтов. Первая мировая война ознаменовала собой разрушение международного общества и начало периода заката уникальной европейской цивилизации, чьими усилиями поддерживалась международная система на всем протяжении XIX века.

Собственно, нет ничего удивительного в том, что дипломат-практик, пытаясь определить место и роль дипломатии в международном обществе, переоценивал значение данного института. Он полагал, что альтернатив дипломатии в мире во второй половине XX века немного, а те, которые имеются, часто нереализуемы. Так, например, он считал, что альтернативой дипломатии выступает хаос

⁸ См.: *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States*. P. 12.

⁹ См.: *Ibid.* P. 10.

и ничем не регулируемые контакты между государствами. По сути, это гоббсианский мир «войны всех против всех», но, в отличие от реалистов, которые считали хаос движущей силой международных систем, А. Уотсон находил международную анархию в ядерный век невозможной.

Другая альтернатива дипломатии ему виделась в возникновении мирового правительства – проект довольно «популярный» среди ученых в 1970-х годах. А. Уотсон также рассуждал об этой возможности и полагал, что гипотетически существуют две модели эволюции в указанном направлении: новая мировая империя – проект, который он считал реализуемым только в отношении части мира, и создание целенаправленными усилиями международной федерации. Как историк он не верил в возможность существования новой мировой империи в долгосрочной перспективе. Собственный опыт изучения истории международных отношений к этому не предрасполагал, а мировое правительство в форме федерации требовало бы отказа государств от суверенитета, в чем он искренне сомневался как дипломат-практик. Кстати, эволюция так называемого скандинавского проекта мирового правительства привела к идее создания организации, лишь функционально сопоставимой с мировым правительством, но не упраздняющей власти суверенных государств. В целом таким институтом он ООН не считал. Но даже и при таком сценарии эволюции мира роль дипломатии со временем только бы росла.

Как мыслитель, не исключающий случайности в социальных вопросах, А. Уотсон предполагал возможность формирования некоего принципиально нового регулятора международных отношений. Это то, что вслед за Х. Буллом представители школы стали называть «новым средневековьем» – рождением новой формы отношений между акторами в условиях роста взаимозависимости в мире и укрепления роли негосударственных участников международного взаимодействия. Такой сценарий нельзя было просчитать, как невозможно было представить феодализм в классической Греции. Однако отрицание дипломатии и в этом случае было бы маловероятным.

В основе исторической социологии международных отношений А. Уотсона находились идеи, которые активно обсуждались в Комитете в 1960–1970-х годах. И в первую очередь это идея системы

государств, которая была сформулирована М. Уайтом, отчасти развивалась Х. Буллом и присутствовала у Г. Баттерфильда. Для А. Уотсона последний из участников проекта оставался самым авторитетным членом Комитета. В январе 1965 года Г. Баттерфильд выступил с оставшимся неопубликованным докладом «Историческая система государств», где как председатель Комитета он суммировал и углубил дискуссии участников о функциях и природе международной системы. Текст доклада находится в библиотеке Королевского института международных отношений в Чатем Хаусе¹⁰.

Вряд ли в данном случае имеет смысл останавливаться на вопросе, кто из ученых сформулировал понятие системы государств первым, хотя, скорее всего, это был М. Уайт. Здесь важен источник происхождения термина, как и то, какой смысл вкладывали в понятие различные представители школы. Источником послужили работы немецких историков Геттингена XIX века и в первую очередь книги А.Г.Л. Геерена. Это свидетельствует о европейских корнях системности в интерпретации термина. А содержание понятия, благодаря обсуждению в Комитете, имело почти тождественный смысл. А. Уотсон в одной из работ дал такое определение: «Когда группа государств взаимосвязана между собой так, что без учета интересов одного из участников можно говорить о потере независимости других»¹¹. Это определение очень близко к определению Х. Булла, рассуждающего о системе как о ситуации, в которой каждый из участников вынужден был принимать в расчет интересы других государств. Как и М. Уайт, А. Уотсон не считал европейскую систему государств единственной международной системой, существовавшей в истории. Он также считал, что общность культуры и религиозное единство способны выступать системообразующими факторами.

Новизна подхода А. Уотсона состояла в сравнении различных систем сквозь призму общих историко-социологических понятий. Он считал, что система формируется из двух противоположных тенденций в развитии государства. Первая тенденция – тенденция к независимости от других стран, вторая – стремление подчинить своим

¹⁰ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 5.

¹¹ *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States.* P. 15.

интересам интересы других. Первая тенденция в абсолюте означает торжество анархии в международных отношениях, вторая – стремление к созданию империи как типа универсальной власти. Обе тенденции – это идеальные модели, между которыми находится спектр различных промежуточных состояний. Тогда полезной метафорой для обозначения истории международных отношений как процесса развития между двумя данными полюсами выступает маятник, в центре движения которого и находится понятие «система государств».

Какие же состояния можно зафиксировать на пути движения маятника? Во-первых, система состоит из независимых государств, под которыми автор понимал политические общности, имеющие уникальные способности принимать самостоятельные внутривнутриполитические и внешнеполитические решения¹². Для функционирования системы, состоящей из независимых стран, в целях сохранения общего порядка необходимо соотносить и ограничивать пределы собственных действий с другими участниками. Поэтому абсолютная независимость государств – тип взаимодействия, которого никогда не существовало.

Противоположным от независимых государств понятием выступает в классификации А. Уотсона гегемония. Под ней ученый подразумевает власть в системе, которая способна определять правила для действий как внешнеполитического, так и внутреннего характера в отношении государств, юридически остающихся независимыми¹³. Для А. Уотсона было принципиально важным не связывать гегемонию с одной страной. Гегемония может осуществляться одной, двумя или несколькими державами. Примером двойной гегемонии выступает афино-спартанская диархия, групповой – так называемый «европейский концерт» XIX века, когда пятерка наиболее развитых стран управляла как рассеянный гегемон в Европе.

Следующим промежуточным состоянием в измерении типов международного взаимодействия выступает сюзеренитет. Ученый замечает, что этот термин часто используется в легальном значении

¹² См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 14.

¹³ См.: *Ibid.* P. 15.

как ситуация, в которой одно государство осуществляет политический контроль в отношении другого¹⁴. С одной стороны, это позволяет отделить сюзеренитет от гегемонии, в которой гегемон определяет правила поведения, не вмешиваясь в политику страны. С другой – А. Уотсон в своем видении данного концепта отделяет собственную позицию от подхода М. Уайта и Х. Булла, которые усматривали в сюзеренитете легально принимаемую участниками гегемонию. Для А. Уотсона следование за гегемоном может быть тактическим приемом, позволяющим сохранить собственную независимость. Тогда речь идет об эффективности гегемонии в установлении правил, а не о сюзеренитете как способе контроля над политической другой страны.

За сюзеренитетом следует доминион. Это понятие охватывает ситуации, когда имперская власть вторгается во внутреннее управление другого сообщества. Тем не менее в другой стране сохраняется собственная идентичность и некоторый контроль над внутренними отношениями в стране. А. Уотсон не стремится дать строгое определение доминиона, его отличие от протектората. Такая позиция была характерна для М. Уайта, долгое время работавшего в группе Марджери Перхам по изучению колониальных легислатур. Подход А. Уотсона – попытка выделить состояния для сравнительной характеристики типов международного взаимодействия в истории.

Завершает шкалу состояний империя, которая на практике была распространена не чаще, чем существовали абсолютно независимые государства. Империя в этом смысле не определенный тип формы государственного устройства, а модель прямого управления различными сообществами из единого имперского центра¹⁵. На практике свобода действий ограничена даже здесь и определяется необходимостью считаться с позицией сообществ, входящих в империю.

Данные представления он пытается перенести на исторический процесс и выделить основные системы международных отношений, существовавшие в истории. Так, в Древнем мире он выделяет акторов в виде Шумера, Ассирии, Персии, Греции, Рима, Византии,

¹⁴ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 15.

¹⁵ См.: *Ibid.* P. 16.

Египта, Китая, Индии и стремится показать специфику международных отношений с участием указанных политических образований. При этом исторические источники, на которых были основаны наблюдения и выводы ученого о системах государств в Древнем мире, были фрагментарны, общеизвестны и дополнены общими работами историков. Сам А. Уотсон говорил, что большую роль в подготовке книги сыграли таблицы из архива Тель-эль-Амарны, сочинения Гиббона и Вольтера, книги Геерена и Моргентау. Поэтому и взгляд на историю, отраженный в данной работе дипломата, может показаться несколько поверхностным, с точки зрения профессиональных историков, специализирующихся на изучении отдельных цивилизаций. Определенный дефицит источников и литературы применительно к данному, часто дописьменному, периоду истории, безусловно, ощутим в работе дипломата.

Важно оценить и другое обстоятельство – попытку перенесения идеи международной системы глубоко в историю. Сама идея системности международных отношений большинством ученых связывается с периодом европейской, а впоследствии мировой истории в новое и новейшее время и разделяется далеко не всем исследовательским сообществом. Даже сторонники идеи международных систем связывают ее формирование с генезисом государства определенного вида. Отсюда и термин «вестфальская картина мира». Попытка «систематизировать» историю международных отношений в период, когда не существовало государств-наций, предпринятая внутри Английской школы, на этом фоне выглядела в 1970-х годах как смелая исследовательская гипотеза, противопоставлявшаяся теоретическому мейнстриму американского реализма. В известной степени данный подход характеризует работы почти всех представителей первого, второго и последующих поколений школы.

Эта тематическая линия волновала М. Уайта, А. Уотсона, Б. Бузана и Р. Литтла. Видимо, то, что не все получается внутри этой гипотезы, понимали и сами указанные представители школы. То, что сделал М. Уайт в «Системе государств», казалось гипотезой, но он попытался доказать ее конкретно-историческими примерами, но формат доклада не позволял назвать это историей. А. Уотсон, став председателем Комитета, разместил эту гипотезу в более широком конкретно-историческом контексте, а Б. Бузан и Р. Литтл попытались

обосновать критерии системы, соединив широкую историческую панораму событий с современными теоретическими наработками в области анализа цивилизаций. В совокупности все это позволяет говорить о формировании своеобразной исторической социологии международных отношений в школе.

В освещении этой темы А. Уотсоном обращает на себя внимание то, что его трактовка системы вытекала из подходов М. Уайта и Х. Булла, которые, в свою очередь, основывались на представлениях А.Г.Л. Геерена о единстве европейской истории. Источниковая ограниченность в совокупности с не до конца обоснованным теоретико-методологическим подходом применительно к истории Древнего мира, когда отражались лишь ключевые понятия, которые переносились на различные эпохи, позволила ученому проследить лишь общую линию эволюции в развитии международных отношений и предопределила очерковый характер описания международного взаимодействия античности.

Кроме того, применительно к данной части исторической социологии А. Уотсона можно отметить некоторый парадокс. Перекидывая мостик от системы государств нового времени в далекое прошлое, А. Уотсон измеряет весь исторический процесс европейской моделью. Первоначальная цель его исследования как раз состояла в противоположном – показать многообразие моделей международного взаимодействия в истории. В этом проявилась не только нехватка источников и узость теоретико-методологической базы (можно простить такой взгляд дипломату с тридцатилетним стажем, хотя и имевшим кембриджское историческое образование), но и то, что учитель А. Уотсона Г. Баттерфильд называл «вигской интерпретацией истории». Взгляд в прошлое с позиций сегодняшнего дня и идея целеполагания в истории приводят европейца к нивелированию значения других культур и цивилизаций.

Проиллюстрируем этот парадокс на примерах анализа истории политических образований древности в интерпретации А. Уотсона. Он обращает внимание на цивилизацию Древнего Шумера, в которой видит прежде всего проявление тенденции к гегемонии. Данная общность состояла из городов-государств, объединенных между собой схожестью культуры, политическими институтами, необходимостью противостоять могущественным соседям. К моменту

появления письменности Шумер достиг высокого уровня развития цивилизации. Но по существу это гегемония, в которой один город или правитель имели легитимное право выступать в качестве арбитра в спорах и озвучивать позицию других перед внешним миром. У гегемона было право на применение силы, но не было права на вмешательство во внутренние отношения других городов Шумера¹⁶. Фактически такой подход к истории цивилизации показывает лишь отдельные стороны многомерного явления, которые необходимы для отражения искомых черт содержания в понятии гегемонии, чтобы показать допустимость применения определения.

Аналогичным образом ученый в истории Ассирии видел религиозную общность, людей, объединенных верой в бога Ашшура, сплотивших данную цивилизацию. «Окруженные врагами, как и потенциальными союзниками, ассирийцы узнавали многое о своих опасных соседях. Они добывали информацию, чтобы вести торговлю, и достигли высот в развитии дипломатии. Расширив свою власть от Тигра и Евфрата до Египта, они создали первую попытку имперской политической организации Древнего мира»¹⁷.

Гегемония Ассирии, как в свое время и хеттская, была свергнута антигегемониальной коалицией персов и мидийцев, которые переняли имперскую систему управления, завоевав сеть дорог, выстроенную предшественниками. Эта коалиция поглотила месопотамскую цивилизацию, включая многие племена Шумера¹⁸. Здесь любопытно то, что в освещении некоторых сюжетов истории античного мира А. Уотсон в своей работе воспроизводит пессимизм и эсхатологию М. Уайта: гегемония и империя своим усилиями формируют антиимперскую коалицию, внутри которой находится новый гегемон или имперский центр. Но по мере своего развития новая империя сталкивается с подобной проблемой. Так, персы не смогли покорить греческие города-государства, противодействовать колонизации, в силу чего установилась греко-персидская система.

¹⁶ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 24–27.

¹⁷ *Ibid.* P. 33.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 41.

Разумеется, по характерной для европейцев традиции истории Древней Греции и Рима уделяется больше внимания, чем истории иных цивилизаций. Греция привлекала А. Уотсона своим полисным устройством, в котором возникла античная демократия. В области международных отношений греческую цивилизацию отличало стремление к созданию системы государств, а не к установлению гегемонии, по мысли ученого. Модель античного полиса как нельзя лучше подходила для ее формирования по своим внутренним факторам. Перед внешней угрозой полисы выступали единым блоком, сплоченным не только союзными договорами, но и единством языка, религиозных представлений и культуры. В периоды мира система служила способом сохранения статус-кво в отношениях между городами-государствами. Это был своего рода механизм сдерживания доминирования.

В истории греческой системы государств А. Уотсон выделяет три периода. Первый – классическая Греция, или эллинский период (IV век до н. э.). Здесь система напоминает для историка европейскую систему государств нового времени. Термин «эллины», как и понятие «европейцы», отражал общность культурной традиции. Сама общность была основана на независимости политических образований (полисов) и отличалась от других систем стремлением к свободе. Это была своего рода древняя корпорация граждан. Греческий идеал города-государства через Ренессанс вошел в европейскую культуру в виде идеи “*stato*”, о которой в свое время писал Г. Баттерфильд¹⁹.

Второй период – это эпоха конгрессов. Здесь Персия за счет большей искусственности в дипломатическом искусстве вмешивалась в эллинские дела и поддерживала дипломатические контакты с отдельными полисами. Не имея сил остановить греческую колонизацию на Восток, персидская дипломатия поощряла систему внутриэллинских конгрессов, где выступала в роли союзника и посредника. Кроме того, в этот период фиксируется своеобразная диалектика различий внутри развития системы государств. Имперская Персия и полисная по внутренней организации Греция дипломатически договариваются

¹⁹ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 49.

друг с другом, создав предпосылки для формирования системы, состоявшей из разных видов политических режимов²⁰. Создается впечатление, что А. Уотсон любит умузрительным характером этой модели, расставляя сущностные акценты на ее особенностях, а не исследует собственную историю греко-персидских отношений. Тезис о взаимодействии режимов стран с различной культурой скорее под-рывает уайтовскую гипотезу о системе, а не развивает ее.

Третий период – македонский (до 80 года до н. э.). Как и римская эпоха, данный период представляет собой, с точки зрения ученого, апофеоз греческих усилий синтезировать империю и полисную организацию общества как древнюю корпорацию граждан. Трансформировавшись из небольших городов-государств в македонский период, или, как более привычно для отечественной исторической науки, в период эллинизма, греки распространяют свою власть на весь средиземноморский мир²¹. А римская эпоха закрепляет эллинистическую структуру управления различными сообществами.

В качестве одного из элементов критики данной модели уместно вспомнить высказывание Г. Киссинджера о том, что империя в истории международных отношений противостоит идее международной системы. Напротив, империя пытается стать единственной системой в международных отношениях, поглотив всех остальных участников²². На этом фоне попытка синтеза империи и полисной демократии в античности, из которой, по мнению ученого, вырастет система государств, не выглядит в должной степени исторически обоснованной. В целом в подходе А. Уотсона к античной системе государств просматривается стремление совместить имперскую и полисную организацию общества в рамках понятия международной системы античности, что должно составить главную черту исторической социологии Древнего мира, от которой можно провести мост к средневековой системе.

При характеристике европейской системы государств А. Уотсон, напротив, начинает ее анализ с констатации уникального

²⁰ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 47.

²¹ См.: *Ibid.* P. 48–49.

²² См.: *Киссинджер Г. Указ. соч.* С. 13.

характера и оригинальной природы данной международной системы²³. Если для изучения цивилизаций Древнего мира применялись понятия, характеризующие имперский и гегемониальный типы отношений, а греко-персидская система мыслилась ученым как исключение из правил, то в данном случае набор общих, рамочных концептов оказывается недостаточно валидным. Поэтому автор вынужден перейти к более глубокому историческому анализу, основанному на более широкой панораме европейских международных отношений. Именно здесь раскрывается его талант как историка с фундаментальной кембриджской подготовкой.

Тем не менее историческое рассмотрение европейской системы государств нового времени также выстроено вокруг двух базовых процессов государственного развития: империи и независимой государственности. По мысли автора, именно европейская модель находилась в центре шкалы, а уникальность европейского типа отношений была обусловлена созданием не только международной системы, но и международного общества. Схематически теоретический подход А. Уотсона, положенный в основу его исторической социологии международных отношений, представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Модель исторического развития международной системы А. Уотсона

В связи с уникальным характером А. Уотсон уделяет особое внимание истокам формирования европейской системы. В ее основании, как считал и М. Уайт, лежала общая идея средневековой Христианин. Этим фактором объясняется общность существования социально-политических институтов, например, в виде Священной Римской империи германской нации, религиозное единство и схожесть уровней культурного развития. Хотя как историк А. Уотсон отдает себе отчет в том, что религиозная общность включала в себя лишь латинское христианство и оставляла в стороне греко-

²³ См.: Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 155.

говорящую Византию²⁴. Северная Европа олицетворяла собой автономную сеть отношений между странами, а начиная с XVII века в борьбу за регион были втянуты Священная Римская империя, Швеция и Речь Посполитая²⁵. Поэтому единство средневековой Христиании можно считать условным, проявляющимся лишь в наличии базовой культурной традиции. Но сама система выступала наследницей имперского политического опыта.

Тенденцию к независимому государству в генезисе европейской системы государств составляли разные по своим источникам процессы. На первое место вслед за Г. Баттерфильдом А. Уотсон ставит идею "stato", которая обозначала фактическую власть князей²⁶. Само понятие изначально обозначало ситуацию, или положение. Сегодня в этом контексте применяется значение слова «статус». При сохранении Священной Римской империи фактическая власть на территории Италии была рассредоточена между отдельными городами, пытавшимися укрепить свой статус. Поэтому новая модель государства выросла из административной, а не лингвистической или культурной сферы. Реформация в Европе лишь обострила тенденцию, направленную на консолидацию власти в руках князей, перешагнув за пределы Апеннинского полуострова.

Вторым фактором генезиса новой системы государств стал процесс формирования армии, которая бы поддерживала новую форму государства. Военное ремесло, по мысли ученого, теперь отражало реализм государственных расчетов, а не легитимное право на применение насилия, как это было в средние века. Наемные войска существовали и раньше, но теперь военный контракт заключался с профессионалами собственных стран.

Третьим образующим систему фактором А. Уотсон считает введение постоянной дипломатии, перенятой европейцами из венецианского опыта более ранней эпохи. Этой теме А. Уотсон уделяет более пристальное внимание и в другой своей работе, развернув тезис до серьезного анализа данного международного института²⁷.

²⁴ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis*. P. 139.

²⁵ См.: *Ibid.* P. 183.

²⁶ См.: *Ibid.* P. 156.

²⁷ См.: *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States*.

Кульминационным фактором формирования для новой системы государств стала концепция баланса сил, распространившая итальянский региональный подход до европейского масштаба. Аналогов политическому равновесию не было ни в античных системах, ни в средневековой Христианин.

Таким образом, концентрация независимой, но еще нелегитимной власти внутри нового типа государства означала движение к центру шкалы в сторону независимых государств. Но вместе с тем новая система выступала наследницей империи. Имперский вектор развития международных отношений внутри системы олицетворяли империя Габсбургов в момент ее формирования, внешняя политика Франции периода правления Людовика XIV, склонявшего европейскую систему в сторону гегемонии, и империя Наполеона.

В пользу Габсбургов действовало огромное количество факторов. Это и рост национального самосознания европейских народов, который грозил хаосом политической однородности средневековья. Это и религиозный раскол, который после Аугсбургского мира 1555 года разбивал немецкие государства на мелкие политические образования. Их было легче поглотить сильному государству, а их легитимность выглядела сомнительной. Габсбургская власть воспринималась многими в Европе как легитимная. Это и боязнь завоевания новых государств могущественной Османской империей, которой могла противостоять только сильная в военном, финансовом и демографическом отношении держава.

Однако Габсбурги отрицали интересы сообществ и народов, входивших даже в собственную империю, и за свои европейские политические амбиции расплачивались испанским золотом. Как изящно выразился сам А. Уотсон, «у Габсбургов было чувство поддержания порядка в Европе в целом, но платили они за него кровью и сокровищами других стран»²⁸. Поэтому антигегемониальная и антигабсбургская коалиция восторжествовала в период Тридцатилетней войны.

Следствием борьбы двух этих разнонаправленных тенденций в международной политике стало учреждение Вестфальского порядка. В трактовке Вестфальского мира А. Уотсон ссылается на известную

²⁸ *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 185.*

оценку из работы В. Веджвуд о том, что данный мирный договор был неэффективным решением проблем в переустройстве Европы и удовлетворении требований князей. По мысли британского дипломата, он представлял собой лишь компромисс между триумфом идеи "stato" и империей. Без такого компромисса система государств сложиться не могла²⁹.

После Тридцатилетней войны (1618–1648) определенный импульс развитию системе государств придала попытка Франции периода царствования Людовика XIV расширить свои территориальные владения. Однако именно в этот период проявляется и главное значение Вестфалии. Оно состояло в том, что гегемония теперь считалась нелегитимной³⁰. Международная система основывалась на принципе политического равновесия, а имперский вектор нашел свое выражение в трех направлениях колониальной политики: иберийском, левантинском и балтийском³¹. Утрехтский мир 1713 года окончательно санкционировал принцип баланса сил как общий подход к международным отношениям.

История международных отношений XVIII столетия отражала в этой связи период осознанного управления европейской политикой. Процесс укрепления системы государств продолжился и нашел свое воплощение в четырех крупных международных институтах: развитии сети постоянных дипломатических представительств, международном праве, балансе сил и становлении международной легитимности. Сам факт их формирования демонстрировал, что страны более не полагались на случайные желания захватов территорий, религиозные чувства, но целенаправленно определяли свои интересы. Данный подход к европейским международным отношениям нашел свое проявление не только во внешней политике отдельных государств региона, но и в политической мысли.

Из ученых большую роль в осмыслении европейского международного общества сыграл Вольтер с его идеей о европейской республике, в которую он включал и Россию. Европа – это одна большая

²⁹ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 186.

³⁰ См.: *Ibid.* P. 195.

³¹ См.: *Ibid.* P. 194.

конфедерация, объединенная общностью культуры и традиций. А. Уотсон, по-видимому, разделял эту установку французского философа и специально исследовал вопрос об участии России в европейском обществе, написав соответствующий раздел в «Экспансии международного общества». Здесь он воспринял идею Вольтера об участии России в европейской системе. Хотя довольно часто на страницах его работ можно встретить такую дискурсивную формулу: «европейское общество, включая Россию», или «система европейских стран, включая Россию и США»³². Такие конструкции текстуально свидетельствуют о признании несколько специфичного статуса России в семье европейской политики.

В области науки международного права Э. де Ваттель пытался развивать ценности общества после Г. Гроция, хотя, в сравнении с балансом сил, международное право оставалось, по мысли А. Уотсона, более ригидным регулятором в международном обществе³³. А.Г.Л. Геерен подводил своего рода итог в осмыслении международного общества XVIII–XIX веков, сформулировав определение: «Международное общество – союз нескольких соприкасающихся государств, похожих друг на друга в манерах, религии, степени развития социальных достижений, цементируемых вместе похожими интересами»³⁴.

К числу институтов международного общества А. Уотсон относил следующие:

- общее (европейское) международное право;
- общие представления о легитимности, которые использовались для ведения династического диалога между странами;
- развитие сети постоянной дипломатии;
- ограничение средств и методов ведения войны³⁵.

Война продолжала оставаться значимым элементом европейской политики, но в XVIII веке мыслилась в качестве способа поддержания баланса сил, а не была вызвана очередной попыткой

³² См., например: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 258; *Idem. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 56.

³³ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 204.

³⁴ Ibid. P. 208.

³⁵ См.: Ibid. P. 202.

установления гегемонии, если говорить о веке от Утрехтского мира до французской революции³⁶.

Легитимность проявлялась в санкционировании и признании династических прав. Здесь были и исключения. В Голландии и Швейцарии существовали республики, где-то, как, например, в Речи Посполитой, король избирался. Но А. Уотсон в своей исторической социологии XVIII века пишет о магистральных трендах эпохи. Дипломатический диалог развивался в направлении дальнейшей профессионализации кадров. Представители королевской фамилии вытесняются аристократической, но профессиональной бюрократией. Видимо, здесь на А. Уотсона повлияли некоторые оценки известного английского историка Гаррета Мэттингли о дипломатической революции в профессии. В международных отношениях были и проблемы, но в целом XVIII век показал, что в Европе сформировалась не просто система государств, но международное общество.

В своих ключевых постулатах об этом времени А. Уотсон воспроизводит оценки своего наставника Г. Баттерфильда, который считал XVIII век своего рода эталоном в демонстрации рациональных возможностей по управлению международными отношениями, а также некоторые оценки Х. Булла. Это проявилось, во-первых, в постепенном вытеснении термина «система государств» понятием международного общества и, во-вторых, в концептуальном анализе последнего понятия через институты, о которых писал Х. Булл. Но с историческими, хотя и, безусловно, общими оценками процессов в международных отношениях нового времени в интерпретации А. Уотсона нельзя не согласиться.

Аналогичные оценки справедливы и в отношении его понимания наполеоновской эпохи и «европейского концерта» XIX века. Период рубежа XVIII–XIX веков был временем, с точки зрения ученого, когда маятник исторического процесса качнулся обратно в имперском направлении, возобладала гегемонистская тенденция в международных отношениях. Данный период был недолгим, но его последствия оказались продолжительными. Это драматический акт перераспределения власти из рук дворянства в руки среднего

³⁶ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 198.

класса. Французская революция олицетворяла требование участия в управлении через национализм, который и стремился обуздать Наполеон³⁷. Он поляризовал своими действиями европейское общество и сумел интегрировать ближайшие к Франции территории. Австрия и Пруссия сохранились, но, по сути, превратились во французские протектораты. Попытка подчинения России провалилась из-за отсутствия среднего класса в стране в ту эпоху³⁸. В таких предельно общих категориях действительно содержатся оригинальные трактовки рубежных исторических событий.

В истоках истории международных отношений XIX века А. Уотсон видит не только торжество коалиционных сил над империей Наполеона, как это логически вытекает из предложенной автором концепции, но и компромисс между гегемонистским и антигегемонистским течениями в европейской политике. Гегемонистский подход проявился в установлении иерархии в отношениях между странами. Существовало четкое разделение между так называемыми великими и остальными державами. Поэтому в отношении особенно первой половины XIX столетия автор находит справедливым употребление термина «рассеянная гегемония»³⁹. А антигегемонистское течение нашло свое выражение в следовании коллективной ответственности при поддержании международного порядка.

Как и его предшественники, А. Уотсон уделяет значительное внимание категориальному аппарату, используемому в работе. Это обстоятельство проявилось и в данном разделе. Любопытным представляется то, что изначально заявленные концепты его исторической социологии оказываются не всегда валидными для анализа всех европейских международных отношений нового времени. Видимо, как историк он все больше погружался в исторический материал и вынужден был постоянно добавлять и конкретизировать собственные аналитические инструменты.

Так, «европейский концерт» для него – это не просто удачно подобранная метафора, демонстрирующая сущность подхода великих

³⁷ См.: Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 230–232.

³⁸ См.: Ibid. P. 233–235.

³⁹ См.: Ibid. P. 238.

держав после Венского конгресса 1814–1815 годов. Он использует терминологию профессора Э. Крэхса, который определял «концерт» как «совместные действия государств с целью оказания взаимопомощи или ради сохранения международного спокойствия»⁴⁰. Правда, пытаясь определить научное содержание термина, нельзя забывать о его политическом происхождении. Считается, что термин «европейский концерт» использовал Александр I во время Ахенского конгресса 1818 года, чтобы уйти от раздражавшего британскую дипломатию понятия «Священная лига христианских государей». Как известно, Р. Каслри высказывался за механизм консультаций *ad hoc*, а Священный союз уже существовал к тому времени. Но сама попытка не принимать политических концептов для научного анализа в этих рассуждениях заслуживает понимания.

Устойчивость модели «европейского концерта» (почти век) и его относительная справедливость объясняется ученым в классической реалистской манере дипломата-практика. Пять стран, возглавлявших «концерт», составляли $\frac{3}{4}$ европейского населения, хотя справедливо и то, что четыре державы из пяти лишь уравнивали Россию⁴¹. Немаловажным условием А. Уотсону представлялось и то, что малые и средние державы были представлены на международных конгрессах и участвовали в ведении дипломатического диалога. Во всяком случае, об их интересах и намерениях было известно главным участникам, а их позиция принималась в расчет, когда это было необходимо для поддержания системы.

Исследователь выделяет три больших периода в истории международных отношений XIX века. Первый – 1815–1848 годы. Классический механизм «рассеянной гегемонии», когда разрабатывалось право коллективного вмешательства, а Франция была возвращена в европейскую семью. Иерархический характер этого времени лучше всего выражала фраза К. фон Меттерниха: «Моя страна – это сама Европа»⁴².

Второй период пришелся на 1848–1870 годы. В понимании А. Уотсона, ключевыми тенденциями развития международных

⁴⁰ *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 240.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 242.

⁴² *Ibid.* P. 243.

отношений в это время были революция и реакция. Это подъем национализма против установленного великими державами порядка. Что касается Крымской войны, хронологически относящейся к данному периоду, то автор считает ее скорее системоукрепляющим, а не системоразрушающим фактором международной жизни. Сила использовалась в ограниченном объеме, а концерт соединил в себе преимущества гегемонии и баланса. Баланс не перестал действовать в отношениях между странами, скорее Крымская война способствовала ограничению чрезмерного влияния России, в понимании исследователя⁴³.

Серьезной угрозой европейскому равновесию был национализм в двух наиболее опасных разновидностях этого времени: пангерманизме и панславизме. Немецкий национализм имел слишком глубокие корни, чтобы его можно было подавить силой⁴⁴. Еще более серьезную угрозу представлял панславизм, который предполагал возможность появления нового государства от Богемии на западе до Тихого океана на востоке и от Средиземного моря на юге до Балтийского – на севере. Сильнее других из великих держав от национализма страдала Австрия, которая постепенно становилась периферией европейской политики.

Третий период – 1871–1900 годы. Он связан с появлением Германии. Правда, особенность подхода О. фон Бисмарка состояла в том, что канцлер не хотел гегемонии. Он лишь ликвидировал «губку», состоящую из множества немецких государств, которая поглощала территориальную экспансию соседних стран⁴⁵. Объединение Германии оказалось возможным, поскольку Священная Римская империя, если перефразировать Вольтера, перестала быть и священной, и римской, и империей.

Сущностным моментом этого этапа стал рост значения экономической экспансии из центра Европы. Германия быстро демонстрировала свое превосходство в снаряжении, вооружении, освоении

⁴³ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 250.

⁴⁴ См.: *Ibid.* P. 246.

⁴⁵ См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 26.

морского пространства. А последователи О. фон Бисмарка повели себя еще более вызывающе⁴⁶.

Высказанные А. Уотсоном оценки, безусловно, представляют собой обобщенные тенденции в развитии ключевых процессов истории международных отношений XIX века. Но именно в силу их предельно общего характера с ними нельзя не согласиться. Они включают в себя знание основных фактов и этапов развития истории межгосударственного взаимодействия. В сравнении с американской теоретической традицией социология международных отношений британского дипломата представляется исторически обоснованной и более фундаментальной.

Вызывает некоторую настороженность то обстоятельство, что сама история международных отношений в такой ее интерпретации выстраивается на примерах отдельных европейских стран, составляющих ядро системы, и за счет процессов политико-стратегического развития, что оставляет в стороне многие нюансы международного взаимодействия.

Завершает характеристику раздела, посвященного европейской системе государств, вывод о том, что XIX век продолжил поиск компромисса между гегемонией и независимостью или анархией и иерархией в международных отношениях в виде коллективной гегемонии, развивавшейся в центральной части шкалы понятий А. Уотсона. В XIX веке происходит трансформация системы государств в международное общество. Это был уникальный опыт, который в точке своего наивысшего развития позволяет провести историческое различие между обществом и системой.

В связи с анализом европейской системы государств важным представляется вопрос о соотношении понятий «система государств» и «международное общество». В известном смысле этот вопрос можно считать ключевым для оценки методологии Английской школы. Здесь необходимо отметить, что для разных ученых эти понятия соотносились по-разному. Для Ч. Мэннинга международное общество – это прежде всего общество государств. Те, кто слушал его лекции в Лондонской школе экономики, воспринимали эти термины

⁴⁶ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 250.*

как синонимы. Среди них был и М. Уайт, для которого термин «система государств» оставался предпочтительнее, он считал его родовым. Различие между понятиями внутри школы одним из первых сформулировал Х. Булл в «Анархическом обществе» 1977 года. При этом все представители в своем понимании системы отталкивались от общих источников – работ А.Г.Л. Геерена и других историков геттингенской школы.

А. Уотсон, с одной стороны, ставил международное общество и систему государств в центр своих размышлений об анархии и иерархии в истории международных отношений. В разделе, посвященном европейской системе, он также использует термины как синонимы. С другой стороны, в глоссарии к работе «Пределы независимости» 1997 года он разводит эти концепты, становясь на позицию Х. Булла⁴⁷.

Международное общество определяется им как объединение государств в систему ради поддержания порядка, когда страны начинают взаимодействовать на основе общих правил и институтов для управления международными отношениями⁴⁸. Система государств возникает тогда, когда несколько политических образований настолько тесно связаны друг с другом, что вынуждены принимать во внимание интересы друг друга и системы в целом в своих внешнеполитических расчетах⁴⁹.

Сам А. Уотсон в статье, посвященной памяти М. Уайта, называл три причины, побуждающие говорить о системе и обществе как похожих терминах⁵⁰. Во-первых, внутри Комитета это считалось общепринятой позицией. Этот вопрос долго обсуждался в Комитете в 1960-х и 1970-х годах, и до появления работы Х. Булла многие просто использовали терминологию Ч. Мэннинга и М. Уайта как взаимозаменяемую.

Во-вторых, представления о международных отношениях долгое время вытекали из анализа европейского опыта взаимодействия независимых государств в новое время. А здесь как раз система

⁴⁷ См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 148, 151.

⁴⁸ См.: *Ibid.* P. 148.

⁴⁹ См.: *Ibid.* P. 151.

⁵⁰ См.: *Watson A. System of States.* P. 103.

и общество если не сливались, то различие между ними уловить было трудно. В понимании А. Уотсона такое слияние было исключением, а не правилом международной жизни. Отсюда и его акцент на уникальности европейского опыта. Большинство «школьников», напротив, полагали, что международное общество мыслилось как система государств. Это то, что профессор Э. Кедури называл «версией истории Чатем Хауса», в основании которой – евроцентризм и целеполагание.

С этим как раз не был согласен М. Уайт, когда писал в “*De systematibus civitatum*”, что большинство систем представляло собой тот или иной вид гегемонии и большинство систем государств заканчивало свое историческое существование поглощением имперской властью, а не наоборот, движением в сторону диалога независимых стран⁵¹.

В-третьих, 1960-е годы были временем крушения колониальных режимов. Многим процесс формирования новых независимых стран с их включением в систему казался легитимным в сравнении с империей и гегемонией. А, кроме того, понимание системы как общества представляло взгляд европейцев, отличный от американских подходов. Для многих представителей комитета было предпочтительным видеть в международной системе не биполярную структуру, но общество, состоящее из независимых государств, принимающих во внимание интересы друг друга.

К похожему выводу относительно соотношения международной системы и международного общества в Английской школе в целом в своей работе пришел и Х. Суганами. Он считает, что большинство участников Комитета до работы Х. Булла использовали эти понятия как взаимозаменяемые. А конструктивистские интерпретации международного общества в 1990-х годах в работах А. Джеймса и А. Вендта делали акцент на понимании Х. Булла. При этом даже элементарные формы взаимодействия между государствами требуют разработки общих норм и правил. Поэтому четкой границы между обществом и системой не существует⁵². Такая аргументация показывает в первую очередь критическое восприятие идей

⁵¹ См.: *Wight M. De systematibus civitatum*. P. 42–43.

⁵² См.: *Linklater A., Suganami H. Op. cit.* P. 53.

Х. Булла, хотя нельзя не признать, что А. Уотсон, как и А. Вендт, находились под значительным влиянием «Анархического общества» в 1980-х годах.

В этих условиях у А. Уотсона в 1990-х появилась несколько иная интерпретация данных терминов. Ученый не отказывается от идеи о том, что международные системы существовали и раньше и имели многообразие видов. Но он подчеркивает, что уникальность европейской системы государств состояла не в том, что она не знала сюзеренитета и сумела обуздать гегемонию, а в движении от системы независимых государств в сторону международного общества⁵³. Аналогичное мнение А. Уотсон высказал и в статье 1990 года⁵⁴. Международное общество создает некоторую единую матрицу культуры, которая определяет правила регулирования и меньше зависит от ценностей участников системы государств. Таким образом, есть некоторое внутреннее движение от системы к обществу, которое позволяет оценивать степень развития взаимодействия между участниками международной системы. Такой взгляд представляет собой некоторый компромисс между идеями М. Уайта и Х. Булла, с одной стороны, и подходами А. Джеймса и А. Вендта – с другой.

Отличительными признаками международного общества для А. Уотсона были международные институты, в которых отражались нормы и механизмы международного взаимодействия. У Х. Булла их было пять. А. Уотсон выделял четыре. Он не разделял идею управления международными отношениями посредством великих держав. Концерт – это не механизм, а уровень развития международного общества в XIX веке. В этом смысле подход британского дипломата напоминает известную схему Ф. Тённиса об обществе и сообществе. История европейской международной системы здесь выглядит как движение от Вестфальской системы государств к «европейскому концерту», закончившему становление европейского международного общества. С этих позиций он пишет об особенностях участия Османской империи, России и США в европейской системе.

⁵³ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 258–260.

⁵⁴ См.: *Watson A. System of States.* P. 101–102.

Вопрос об участии отдельных стран в международном обществе и системе государств волновал многих представителей школы. В 1970-х годах в Комитете назрела необходимость продемонстрировать динамику и варианты эволюции международной системы. Этой цели была посвящена коллективная монография «Экспансия международного общества», где А. Уотсону принадлежали главы о европейской экспансии и участии России в европейской системе⁵⁵. Это обстоятельство показывает, что в 1970–1980-х годах он стал одним из ключевых ученых внутри школы и действовал не только как председатель Комитета. Как дипломат, работавший в СССР, А. Уотсон оказался лучшей кандидатурой на написание главы о России. Хотя историей России в «суссекский период» активно интересовался М. Уайт, но в 1980-х годах его уже не было в живых. В определенном смысле А. Уотсон и здесь соединил собственный научный и дипломатический опыт с интеллектуальным наследием М. Уайта.

Исследователь не считает Россию изначальной частью европейской цивилизации. Источником ее религиозной идентичности выступала Византия. Поэтому страна не относилась к элементу латинской Христианности. Более того, от латинской Европы она была отделена поляками и литовцами. Страна долгое время находилась под татаро-монгольским влиянием. Все это отодвигало Россию от мейнстрима развития европейского общества⁵⁶. Исторический вектор подъема российского государства, по мысли ученого, начинается с падения Византии в 1453 году и проходит через несколько этапов.

Ключевым фактором вхождения России в европейскую систему государств была вестернизация. Такой подход к истории России был типичным для многих европейских ученых, начиная с известной работы К. Маркса⁵⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что центральную роль в истории России А. Уотсон уделяет петербургскому периоду государства, начавшемуся с Петра I. В это время страна

⁵⁵ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion. P. 13–31; Idem. Russia and European International Society // The Expansion of International Society. P. 61–74.*

⁵⁶ См.: *Ibid. P. 62.*

⁵⁷ См.: *Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3–20.*

достигает высот в своей внешней политике, становится участником европейской системы⁵⁸. Хотя первые попытки вестернизации страны по образцу европейского “*stato*” существовали и раньше, но между Петром и его предшественниками была большая разница. Она состояла в том, что ранние правители России стремились сохранять традиционные ценности, а модернизация должна была ограничиваться лишь технической стороной. Петр менял образ жизни страны. Он искренне любил Запад, с точки зрения исследователя⁵⁹.

Вхождению России в международное общество в XVIII веке способствовало и то, что страна играла ключевую роль в «восточном вопросе» и «балтийском вопросе», что повышало ее статус в качестве балансира в европейской политике. Шведы и поляки были этим встревожены. Хотя, по мнению исследователя, торговля с Россией не представляла для европейских государств существенного интереса⁶⁰. Но после того как Петр I изменил внутренние институты власти и управления, Россия воспринималась европейскими державами как важный политический и военный партнер.

В итоге история страны у исследователя выглядит как выбор местной элиты вестернизации и освобождения от архаики патриархальных устоев, препятствовавших развитию. Хотя сами социальные институты после модернизации страны исследователем не рассматриваются. В поле зрения автора не попадает даже такой характерный для иностранного взгляда элемент восприятия страны, как крепостное право.

Политическую линию Петра восприняли и его преемники. Екатерина I была полькой по происхождению, Екатерина II – немкой. С середины XVIII века успехи модернизации страны стали очевидны и Россия начала восприниматься в системе государств в качестве великой державы. Похожий политический курс проводил Александр I. В XIX веке Россия вестернизировалась, модернизировалась и расширялась на восток в направлении Сибири и Центральной Азии⁶¹. Такую ее «ползучую» экспансию ученый сравнивает с историей освое-

⁵⁸ См.: *Watson A. Russia and European International Society*. P. 61.

⁵⁹ См.: *Ibid.* P. 70.

⁶⁰ См.: *Ibid.* P. 66.

⁶¹ См.: *Ibid.* P. 72.

ния внутренних районов США. Поэтому XIX век – это продолжение сплава элементов империи Романовых и Запада в истории России. Модернизационную линию продолжили и большевики в XX веке, импортировав в страну марксизм, рожденный на Западе.

На основании таких схем А. Уотсон приходит к выводу, что история России иллюстрирует характерные черты незападной цивилизации, которая, вследствие собственной сознательной политики, восприняла западные ценности. Это позволило ей выдвинуться в первый ряд среди европейских держав и не стать завоеванной страной по типу Японии и Китая.

Таким образом, ученый воспроизводит не столько особенности участия России в европейской системе государств, сколько набор стереотипических оценок, построенных на восприятии отдельных личностей и частных сюжетов истории страны. Обращает на себя внимание в поздних работах конструкция «Запад», используемая в трудах ученого, которая показывает нехватку самостоятельности Европы на завершающем этапе существования биполярной системы. Возможно также, что личные обстоятельства, связанные с переездом в США, способствовали переосмыслению цивилизационного восприятия международного общества. Поэтому Россию и США автор то включает в европейское международное общество, то выделяет из него. В целом с задачей «вписать» историю России в концепцию международного общества А. Уотсону удалось справиться, но нельзя не отметить слабость в понимании конкретно-исторического материала.

В истории международных отношений XX века ученый обращал внимание не на наличие двух систем – Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской, а на процесс становления современного глобального общества. Он делает акцент не на разрывах в эпохах, а на этапах становления современности. В этой связи исследователь выделяет четыре основных периода:

1. Разрушение европейского общества государств в ходе Первой мировой войны.

2. Двадцатилетний период действия Версальского договора и Лиги Наций.

3. Реорганизация международного порядка после Второй мировой войны.

4. Деколонизация и появление нового глобального общества⁶².

Разрушение европейского международного общества А. Уотсон считает комплексным событием. Однако главную роль в этом процессе сыграл рост германской силы. Тройственный союз с участием Германии сумел объединить ведущие страны Центральной и Восточной Европы. Аналогичным образом и японский империализм не находил себе места в международных отношениях, сформированных под воздействием европейской экспансии. Объективно Германия, Япония, США и Россия выступали ведущими державами в XX веке. Даже послевоенное разделение Германии, как и ослабление стратегической роли Японии, ученый считал временным явлением. В этом контексте и дезинтеграция СССР представлялась ему предпосылкой к реставрации идеи «концерта», только не в европейском, а в мировом масштабе. Здесь проявлялся кульминационный характер влияния европейской системы в международных отношениях. Хотя как дипломат и современник событий А. Уотсон не исключал и временное лидерство США в мире⁶³.

Примечательно, таким образом, что в истории XX века ученый видит преемственность, а не разрывы; мировой концерт, а не сверхдержавность с позиций эволюции международного общества. Такой подход был обусловлен особой ролью, которую сыграла Первая мировая война в судьбах представителей первых поколений Английской школы. М. Уайт видел в ней истоки упадка европейского доминирования, Г. Баттерфильд – точку разрыва между новой и исторической дипломатией. Взгляд А. Уотсона, в сравнении с Г. Баттерфильдом, был более оптимистичным: он стремился выделить относительно устойчивые и прогрессивные черты в современном обществе.

Так, версальские договоренности исследователь считал первым актом глобального саморегулирования, а Лига Наций была тем институтом, который прекратил практику «рассеянной гегемонии» Европы. Он не был склонен не замечать недостатков Лиги, но обращал внимание на три важных аспекта ее деятельности, которые не потеряли своего значения и по сей день:

⁶² См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 278.

⁶³ См.: *Ibid.* P. 302–303.

1. Универсальность Лиги Наций. Она впервые признавала все государства независимыми. При этом большая их часть находилась за пределами Европы⁶⁴. Следствием этого стало то, что в XX веке все государства стали участниками системы государств, а не только цивилизованные.

2. Лига Наций стала местом постоянных встреч, которые давали небольшим и средним странам право и возможность участия в решении наиболее важных международных проблем. Это увеличивало международную легитимность. ООН в данном отношении выступает лишь правопреемницей Лиги Наций.

3. Деятельность Лиги была сопряжена с попыткой создания системы коллективной безопасности, которая в условиях роста количества стран должна была обеспечить действие баланса сил⁶⁵.

Думается, что в последнем случае А. Уотсон не совсем прав, отождествляя механизм коллективной безопасности с идеей создания Лиги. Здесь проявляется различие между английским и американским подходами к коллективной безопасности. Для В. Вильсона основным назначением Лиги была попытка уйти от системы частных военных альянсов, которые, по его мнению, привели к развязыванию Первой мировой войны. Как минимум военное планирование должно было быть поставлено под контроль международного права в рамках Лиги Наций. Британская научная традиция настаивала на балансе как систематизирующем институте международного общества, который должен был быть адаптирован к росту количества участников международного взаимодействия.

Главный недостаток этой модели ученый видел в игнорировании интересов наиболее влиятельных для XX века стран – Германии и Японии, которые объективно были заинтересованы в пересмотре Версальско-Вашингтонских решений. В целом попытки создать новые империи со стороны указанных государств в XX веке А. Уотсон считает эфемерными. И та и другая державы в лучшем случае могли рассчитывать на региональную гегемонию. Однако слабость и чрезмерное миролюбие демократий в лице Франции

⁶⁴ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 284.

⁶⁵ См.: *Ibid.* P. 284–285.

и Великобритании привели к попустительству в отношении агрессии. В этих условиях, полагал дипломат, лишь СССР эффективно отстаивал свои интересы в межвоенный период⁶⁶.

Международный порядок второй половины XX века характеризуется следующими наиболее важными чертами. Во-первых, биполярной структурой мира, где ООН стала в значительной степени формальной структурой⁶⁷. Организация, конечно, выступала преемницей европейского общества. Что нашло выражение в структуре Совета Безопасности. По мысли ученого, в нем воплотилась система «европейского концерта» XIX века, адаптированная к реалиям века XX в виде состава участников, имеющих право вето. Право вето и постоянного членства в Совете – это своего рода механизмы доверия в отношениях между великими державами.

Во-вторых, А. Уотсон пишет о биполярности общества, а не сугубо власти. В советско-американских отношениях проявилось не только столкновение внешнеполитических интересов государств, но и ценностей общества. Применительно к США он говорит о ценностях демократии, верховенства права, деколонизации, «открытых дверях», которые американское общество находило универсальными. Советские представления о справедливом порядке отталкивались от геополитики и имперского прошлого в том виде, в каком их понимало партийное руководство обществом⁶⁸. Здесь чувствуется личное знакомство с Дж. Кеннаном в период дипломатической работы в СССР. Победа коммунистов в Китае, становление просоветских режимов в странах Восточной Европы рассматривались равным образом как ценности и интересы советской внешней политики. Поэтому и холодная война привела к формированию глобальной конфронтации и перешла на общественный уровень.

В-третьих, международный порядок второй половины XX века характеризует ядерный фактор, попытки установления контроля над которым дали временный результат и в целом оказались неэффективны. Этот фактор способствовал растягиванию холодной войны на четыре десятилетия.

⁶⁶ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 285.

⁶⁷ *Ibid.* P. 288.

⁶⁸ *Ibid.* P. 291.

Четвертой важной чертой международных отношений указанного периода выступает деколонизация, которая способствовала становлению нового глобального общества. Данный процесс выступал показателем упадка силы Европы в международном обществе. Если раньше европейские страны брали на себя обязательства действовать в качестве «опекунов» в отношении «слабых» народов, то после Первой мировой войны система подмандатного управления нашла свое закрепление в рамках Лиги Наций, а затем системы опеки ООН⁶⁹. Это повышало международную легитимность сложившейся системы управления, но не способствовало сохранению колониальных режимов.

При этом даже крушение колониальной системы бывший дипломат изображает едва ли не как заслугу самих колонизаторов. Так, решающим шагом в распаде системы он считает хорошо подготовленный вывод английских войск из Индии⁷⁰. Это предотвратило масштабный кризис в регионе и показало направление развития мира. Не упускает он и возможности лишний раз упомянуть, что стандарты и ценности европейской цивилизации во многом сыграли системообразующую роль в формировании новой независимой государственности в период крушения колониализма. Такой подход впоследствии Б. Бузан назвал классическим в оценке колониального взаимодействия, что подразумевало встречу двух культур с взаимной пользой⁷¹. Для многих представителей Английской школы такой подход был характерен в 1960–1980-х годах.

Современная международная система в целом при таких характеристиках выступает как наследница прошлой европейской системы государств, но в модернизированном виде. В экономическом и социальном отношении мир представляется ученому более интегрированным, хотя в отношении политическом он становится все более разобщенным. Разделение мира к моменту написания книги на 180 стран изменяет классические ценности суверенитета в международной политике. Даже страны, которые Ш. де Голль называл «пылью империй», получили независимость и право голоса в ООН.

⁶⁹ См.: *Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis.* P. 294.

⁷⁰ См.: *Ibid.* P. 296.

⁷¹ См.: *Guide to the English School in International Studies.* P. 60–63.

Иначе говоря, в современной глобальной системе государств образовалось противоречие между экономической и социальной интеграцией, с одной стороны, и политическим и культурным многообразием – с другой. Такая ситуация, по мысли ученого, создает возможность движения системы в направлении новой гегемонии.

Историческая социология международных отношений выступала ведущей, но не единственной темой, интересовавшей ученого. Другим важным аспектом, как уже отмечалось, был анализ дипломатии как института системы государств. Примечательно, что первое издание книги по дипломатии вышло почти в одно время с работой «Эволюция международного общества» в 1983 году. Это неслучайно. Дипломатия как институт международного общества подчинялась логике эволюции международной системы. В этом смысле к анализу эволюции данного института А. Уотсон также подходил исторически, а не теоретически. Основные исторические этапы развития дипломатии отражали историю Древнего мира, этап европейского Возрождения, европейское международное общество нового времени и современный период. Впрочем, о современности он писал меньше. Возможно, вследствие того, что в свое время многое в освещении данного вопроса в ходе работы Комитета сделал его учитель Г. Баттерфильд. Последний противопоставлял так называемую историческую и новую дипломатии⁷².

В Древнем мире дипломатическое устройство государств обнаруживало родовую схожесть. Это не противоречит, по мысли ученого, тезису о том, что дипломатическая практика отражает в системе единство религиозной и культурной традиций. Схожесть дипломатий разных стран обусловлена единством цели данного института – ведения диалога между странами⁷³. В тот период такой диалог был спорадическим, отсутствовали постоянные посольства. Дипломатия осуществлялась без записей. Поэтому восстановить особенности диалога в Древнем мире можно лишь на основании фрагментов сохранившихся до нашего времени источников. Сам ученый пишет о дипломатии в Древнем Египте, Хеттском царстве, Древней Греции, Древнем Китае и Индии.

⁷² См.: *Butterfield H.* The New Diplomacy and Historical Diplomacy. P. 182–191.

⁷³ См.: *Watson A.* Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 82–83.

В Древней Греции, к примеру, не было многосторонней дипломатии, хотя существовали военные альянсы и «общее чувство ответственности за мир и порядок»⁷⁴. Это чувство, по мнению ученого, вырабатывалось в ходе совместного проведения религиозных фестивалей и Олимпийских игр. Большие международные конгрессы характеризуют греко-персидский период, когда с 392-го по 367 год до н. э. состоялось восемь международных конгрессов. Главные темы этих форумов – борьба против агрессора и поддержание территориального пата (понятие «баланс сил» не было известно античности). Проксения заменяла грекам постоянные посольства и удовлетворительно работала в период, когда между государствами не было серьезных конфликтов⁷⁵.

Главным источником по дипломатии Древней Индии для А. Уотсона служил трактат «Артхашастра». Эту работу он считал сравнимой с «Государем» Н. Макиавелли. Здесь сохранились исторические свидетельства о государстве, посольствах, функциях дипломатов⁷⁶. Аналогичное можно сказать и о Древнем Китае, история которого, по мысли ученого, представляет познавательную драму борьбы за гегемонию между враждующими королевствами. Здесь существовал обмен посланниками, была дипломатическая борьба, в которой постепенно выделилось государство Чжоу. Однако дипломатия не велась на регулярной основе. Поэтому нередкими были ситуации, когда один посланник не отъехал, а второй прибыл с новым поручением. Такие коллизии привели к упадку дипломатической системы в Древнем Китае⁷⁷. В целом особенностью дипломатии Древнего мира, по мысли исследователя, выступало то, что этот институт носил имперский характер, а сам диалог между странами был подчинен логике силы в международных делах.

В основе дипломатии европейской системы государств лежал опыт итальянских стран эпохи Возрождения. Державы, расположенные на Апеннинском полуострове, со времен Итальянских войн вели постоянный дипломатический диалог, чтобы избежать войны с мо-

⁷⁴ Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 87.

⁷⁵ См.: Ibid. P. 88.

⁷⁶ См.: Ibid. P. 90–91.

⁷⁷ См.: Ibid. P. 96.

гущественными соседями. Такие контакты были направлены скорее на убеждение, чем принуждение. Существовали династические связи, брачные договоры, политические соглашения. Брачные контракты продолжали играть важную роль, поскольку серия смертей монархов могла привести к чрезмерной концентрации власти и нарушить итальянское равновесие. В сущности, в отечественной науке 1960-х годов данный тезис также получил подтверждение⁷⁸. Кроме того, в функции дипломатов той эпохи входила организация заговоров и субсидирование третьих сил ради безопасности своего "stato"⁷⁹.

В отличие от гостевой дипломатии Древнего мира с такими функциями лучше справлялись лица королевской фамилии. Отсюда дипломатия периода Ренессанса не была платной. За исполнение дипломатических функций люди не получали заработную плату. Напротив, исполнение дипломатического поручения считалось даже не делом чести и долга, сколько обязанностью и вопросом самосохранения. Кроме того, в период итальянского Возрождения появляются первые постоянные посольства и практика назначения в качестве дипломатов известных людей. Этот новый метод ведения дипломатического диалога не заменил собой полностью родовитую дипломатию, но лишь отражал расширение дипломатических связей и длительность контактов между государствами.

Примечательно, что комплексный характер дипломатии в новое время А. Уотсон связывает не только с Вестфальским миром 1648 года, но и с Утрехтским договором 1713 года. Последний завершил процесс формирования дипломатического корпуса. Здесь было признано, что наследование должно соответствовать справедливому балансу сил, и в этом угадывалась кульминация дипломатического развития XVII века. Формируется представление не только о балансе сил между государствами в системе, но и понятие «легитимность» в дипломатических представлениях. Это основа формирования норм и ценностей дипломатии. Международная легитимность стала своеобразным синонимом справедливости в дипломатических контактах между государствами.

⁷⁸ См.: *Гуковский М.А.* Англезия Висконти // *Итальянское Возрождение: сборник статей* / ред. В. Макарова. Л., 1966. С. 21–47.

⁷⁹ См.: *Watson A.* Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 96.

Период XVIII века характеризуется дальнейшими изменениями в дипломатическом методе. Это проявилось в трансформации кадрового состава дипломатической службы. Постоянные посольства к тому времени стали общей практикой международного общения в Европе. Расширялась сеть дипломатических представительств, необходимо было большее количество людей, способных отстаивать права и интересы монархов. Работа дипломата стала требовать долгого периода пребывания за границей, и посланники перестали нуждаться в постоянном руководстве. По-прежнему эта работа считалась опасной и финансово обременительной, хотя и почетной. Статус посла стал передаваться едва ли не по наследству и приравнивался к должности министра⁸⁰. Монархи Европы стали в этих обстоятельствах назначать послами приближенных к себе лиц вместо членов королевской фамилии либо известных людей. Дипломатия становится профессиональным занятием. Она перестает быть предметом страстных споров, но требует практических навыков. Отсюда в 1716 году появляется работа Франсуа де Кальера, в центре внимания которой – советы и руководство по дипломатической практике.

Период XIX века, напротив, в силу наступления эпохи «рассеянной гегемонии», демонстрирует возвращение к аристократическому смыслу и содержанию профессии дипломата. Связанные между собой брачными узами, европейские монархи относились друг к другу как кузены и родственники, а не как иностранцы. Отсюда и контакты между странами в дипломатической среде приобретали родственные и дружественные проявления. Конфликты носили локальный характер и не подрывали прогресса европейской цивилизации. Источником трансформации этого института стал рост национального самосознания, который вытеснил международное представление о легитимности⁸¹.

Практика европейского общества не была единственной формой осуществления диалога между странами. Америка, Афганистан, Китай, Османская империя, Персия, Япония имели собственные дипломатические особенности. Но в конечном счете именно европейская дипломатия создавала «стандарты цивилизаций». Помимо

⁸⁰ См.: *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States.* P. 106–107.

⁸¹ См.: *Ibid.* P. 111–112.

А. Уотсона, исследованием и формализацией этого понятия в Английской школе занимался Г. Гонг, посвятивший данной теме отдельную книгу⁸². С точки зрения А. Уотсона, стандарты цивилизаций имелись в разные эпохи и представляли спектр вопросов от борьбы с рабством до правозащитной повестки XX века⁸³. Европейский концерт был разрушен Первой мировой войной, хотя и может считаться кульминационной точкой развития европейского общества. Двадцатый век стал временем перехода от европейской к глобальной системе, хотя следы и ценности европейской дипломатии по-прежнему в ней видны.

Последней темой, которая заслуживает внимание в творчестве А. Уотсона, была проблематика европейской экспансии. Учитывая евроцентричный характер концепции международного общества, нельзя пройти мимо и трактовки европейской колониальной политики в истории международных отношений. Здесь А. Уотсон был также одним из пионеров, который вместе с Х. Буллом развивал указанную тему в своих сочинениях. В отличие от Х. Булла и Д. Винсента, связывавших указанный вопрос с идеями порядка и справедливости, А. Уотсон подходил к проблеме исторически.

Он выделял три направления в истории европейской экспансии в разных своих работах. Первое – южное и западное. Генетически оно было связано с отвоеванием территорий, являющихся частью латинского христианства и завоеванных мусульманами. Впоследствии отсюда выросла морская экспансия европейских стран в Африку и Америку. Второе направление – юго-восточное. Здесь также жили христиане, но не представители латинского христианства. На этом направлении святые места Палестины были главной целью, хотя претензии на наследие Сирии, Египта и Византии давали Европе ряд дополнительных возможностей. Третье направление шло из Скандинавии и немецких земель в сторону тех районов Балтики, которые, по А. Уотсону, были заселены язычниками⁸⁴. Это области между Христианией, Россией и Византией.

⁸² См.: *Gong G. The Standard of "Civilizations" in International Society.*

⁸³ См.: *Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States. P. 117.*

⁸⁴ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion. P. 13–14; Idem. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. P. 148–149.*

Мотивы, которыми руководствовались европейцы на разных этапах и направлениях, экспансии были комплексными. Причины явления находились в религии, борьбе за территории и власть. Материальные преимущества в захвате земель не играли решающей роли сразу, хотя этому фактору в истории экспансии уделяется главное внимание при ее изучении⁸⁵. Помимо направлений, А. Уотсон выделяет этапы в развитии экспансии и колониальной политики. Сам термин «колония» предрасполагал к этому. Первоначально данным словом обозначали поселение мигрантов, но со временем это понятие стало подразумевать навязывание прав колонистов в отношении местных⁸⁶.

На освоенных местах колонисты пытались внедрить собственную систему управления и администрирования. Отсюда и названия некоторых колоний: Новая Гранада, Новый Амстердам. Испанцы при этом, по мысли ученого, пытались изначально договориться с наиболее развитыми племенами Мексики и Перу. Данное обстоятельство контрастировало с политикой Португалии в районах Индийского океана. Экспансия здесь преследовала цель установить коммерческие контакты через моря с другими народами, минуя арабских посредников⁸⁷. Такая модель была разрушена морской деятельностью голландцев. Голландские интересы в Индии осуществлялись через представителя короны, который имел титул вице-короля, хотя фактическим освоением новых территорий занимались купцы, объединившиеся в корпорации. Параллельно Англия и Франция становятся на путь колониальной политики в Северной Америке и Восточной Азии. Здесь экспансия пользовалась покровительством короны. Завершением трехвекового процесса стало навязывание «стандартов цивилизаций» и заключение неравноправных договоров с европейскими державами.

А. Уотсон был еще и одним из тех, кто попытался объяснить успехи колониальной политики в мире. Он выделял четыре ведущие причины, объясняющие успехи европейского общества⁸⁸:

⁸⁵ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion*. P. 18.

⁸⁶ См.: *Ibid.* P. 30.

⁸⁷ См.: *Ibid.* P. 18.

⁸⁸ См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World*. P. 49.

1. Технологические факторы, которые предоставили европейцам экономическое, а как следствие, и военное превосходство. Промышленная и технологическая революции объясняют данный феномен⁸⁹. Однако не только силой оружия и технологическими преимуществами обеспечивалось подчинение населения в колониях.

2. Расширение масштабов и участников, вовлеченных в экспансионистскую политику. А. Уотсон констатирует, что в известном смысле почти все процветающие государства были склонны проводить такую политику. Со ссылкой на известное высказывание А.М. Горчакова А. Уотсон аргументирует это так: «Пытаясь помочь и цивилизовать другие народы, политики были вынуждены все глубже и глубже вторгаться на территорию варваров. Постепенно признавалось моральное обязательство выполнять цивилизаторскую миссию»⁹⁰. К концу XIX века в Берлине был легитимизирован раздел Африки.

3. Создание европейски образованных элит также способствовало укоренению колониальных порядков и зависимости от европейских стран. Здесь проявилось желание части неевропейцев узнать, как живут европейские цивилизации, которые со временем стали иметь в глазах народов Азии и Африки культурное превосходство⁹¹. В XIX–XX веках многие стремились получить европейское образование, что в конечном счете способствовало укоренению ценностей европейского общества. Сегодня данный фактор с подачи Дж. Ная именуют «мягкой силой» в международной политике.

4. Желание обретения собственной независимости и суверенитета. Данное стремление показывало следование европейскому пути. В XIX–XX веках это породило такое явление, как стандарты цивилизаций. Они нашли отражение в так называемых неравноправных договорах. Это обстоятельство не противоречило изначальному характеру внешней политики стран европейского общества, но свидетельствовало об эволюции и форм, и методов экспансии со временем. Европа, более того, сама подыгрывала зависимым странам

⁸⁹ См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 50.

⁹⁰ *Ibid.* P. 51.

⁹¹ См.: *Ibid.* P. 53–54.

с помощью механизма стандартов, заявляя периодически о предоставлении самоуправления, создании местных legislatures или организации содружеств с метрополией при выполнении условий. Все это повлияло на процесс деколонизации⁹².

Таким образом, выделение направлений, форм, этапов, причин успехов и факторов европейской экспансии способствовало становлению внутри школы своего рода подраздела колониальной истории международного общества, включавшего еще и процесс деколонизации, а также особенности первых лет постколониального развития. Как и другие общие работы, «Экспансия европейского общества» была лишь нормативной программой изучения указанной проблематики.

Выводы, к которым приходит ученый, заключались в том, что экспансия Европы не была ни единой, ни систематической. Она занимала несколько столетий, имела сложный состав и прошла через разные этапы. Более того, завершающая фаза экспансии в XIX веке была основана пусть на неравноправных, но договорах, касалась экономических интересов и позволяла смягчить агрессивные мотивы ранних периодов данного процесса⁹³.

Безусловно, такая картина изображения экспансии показывала взгляд самих европейцев на процесс европейской колонизации. Не случайно, что, в силу таких оценок, о международном обществе говорят как о концепции, которая адаптировала слабеющую колониальную политику к практическим потребностям и постколониальным интересам. Такой подход снимал «неудобные вопросы» исторического прошлого и интерпретировал их в лояльном конструктивистском и прагматическом свете.

Но, однако, нельзя не отметить и то, что в рамках макроисторического опыта осмысления разноплановых проблем концепция международного общества сумела стать теоретико-методологической основой для описания и анализа самых разноплановых сюжетов истории международных отношений и внешней политики отдельных стран. Вопросы колониального прошлого и проблемы де-

⁹² См.: *Watson A. The Limits of Independence. Relations Between States in the Modern World.* P. 55–56.

⁹³ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion.* P. 31–32.

колонизации многими школами международной теории вообще не поднимались. А дискурс, примененный для изучения А. Уотсоном, хотя и представляется социологическим упрощением сложной и многоплановой проблемы, был понятен многим европейцам. Дальнейшая разработка указанной темы представителями школы привела к анализу очень широкого и важного вопроса о соотношении международного порядка и справедливости в международных отношениях. Это также контрастировало с американской теоретической традицией, концентрировавшейся на национальных интересах и прикладных аспектах политики.

То обстоятельство, что последние годы жизни А. Уотсон находился и работал в США, свидетельствует о том, что дипломат сумел донести свою систему взглядов на историю и до другой стороны Атлантики. Историческая социология выводила изучение международной политики из традиционного поля конституционной и политической истории, заставляя ученых отойти от концентрации внимания на дипломатических источниках. Концепция международного общества в этом отношении способствовала автономизации предмета изучения истории и становлению самостоятельного историко-социологического подхода к международным отношениям. Хотя А. Уотсон и был первоначальным участником Британского комитета по международной политике, его работы, посвященные исторической социологии международных отношений и дипломатии как институту международного общества, были завершены в 1980–1990-х годах. Кропотливый и масштабный характер исследований, которые он проводил в рамках Английской школы, не позволял ему завершить свой труд в течение формообразующего для школы периода 1960–1970-х годов. Кроме того, в своих оценках экспансии и общем понимании проблематики международного общества он шел вслед за идеями Х. Булла, что позволяет анализировать его творчество в рамках второго поколения «школьников».

Глава 5. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

5.1. «Экспансия международного общества» как этап в развитии совместной практики Английской школы международных отношений

В рамках возникающей научной концепции «Дипломатические исследования» 1966 года были первым опытом написания коллективной монографии школы. Здесь была сформулирована общая проблематика теоретического анализа международных отношений и определена программа изучения международного общества. Поэтому работа не содержала четкой и логически выверенной структуры, жесткого деления на разделы. Это была совместная прорисовка задач и определение повестки формирующегося сообщества, хотя сами участники так свой проблемный сборник эссе не характеризовали и, видимо, не осознавали еще себя в качестве научной школы.

Работы М. Уайта и Х. Булла, вышедшие в 1970-х годах, показывали определенный результат в развитии ранее сформулированных вопросов и тем. В «Системе государств» и «Анархическом обществе» гипотезы 1960-х годов переросли в концепцию, хотя также оставляли возможность ее различной интерпретации. Сам подход к истории международных отношений как к эволюции международного общества носил интерпретативный характер. С одной стороны, он противопоставлялся бихевиоризму как сугубо эмпирическому знанию о поведении государств в международной сфере, с другой – сциентизму, настаивающему на строгой научной верификации знаний о международных отношениях.

В 1970-х годах были развиты и проработаны ключевые понятия концепции: система государств, международное и мировое общество. М. Уайт проанализировал роль наиболее важных, с его точки зрения, системообразующих факторов: культуры, религиозной тра-

диции, пространственных и временных рамок – в создании норм международной системы. Х. Булл развернул анализ пяти ключевых институтов международного общества: баланса сил, дипломатии, международного права, войны, управления международными отношениями посредством великих держав, – обрисовав структуру международного общества. В связи с юбилеем Ч. Мэннинга была отмечена и его роль в формировании концепции, что проявилось как в издании его книги в 1975 году, так и в появлении в 1973 году научного сборника трудов его учеников, развивавших идеи учителя¹. В нем приняли участие М. Уайт и Х. Булл. К концу 1970-х годов обозначилась и потребность в некоторой теоретической проработке вопросов динамики международной системы, которая привела к появлению новой совместной и последней монографии Английской школы.

«Экспансия международного общества», вышедшая в 1984 году, демонстрировала возможности максимального проблемного сближения ученых и пределы совместной проработки ранее поднятых тем. Не случайно, что уже на первой странице книги Х. Булл и А. Уотсон стали уточнять понятие международного общества, что отражало новые дискуссии вокруг термина в Комитете. Они писали: «Под международным обществом мы понимаем группу государств, или в более широком смысле независимых политических сообществ, которые не просто формируют систему в том смысле, что поведение каждого выступает необходимым фактором в расчетах других, но также ведут между собой постоянный диалог, создают сеть общих правил и институтов для осуществления своих отношений и признают общность интересов в поддержании такого порядка»². Это определение отделяло понятие международного общества от международной системы, что отражало булловское видение перспективы изучения международных отношений. Те представители школы, которые отождествляли эти понятия, отталкивались от понимания международной системы М. Уайта и предпочитали термин «система государств».

¹ См.: The Bases of International Order. Essay in Honour of C.A.W. Manning; *Manning C.A.W.* The Nature of International Society. 2nd ed.

² The Expansion of International Society. P. 1.

Анализ расширения международного общества осуществлялся в работе по четырем основным разделам, которые в совокупности и должны были охарактеризовать процесс экспансии:

1. Отношения европейских стран с внешним миром.
2. Вхождение неевропейских государств в международную систему.
3. Вызовы европейскому преобладанию.
4. Новое универсальное международное общество.

При этом заявленные в таких формулировках направления исследования в ряде случаев с неизбежностью редуцировались до изучения ключевых тем. Так, например, в рамках второго раздела книги главное внимание уделялось четырем кейсам: вхождению в международное общество России, Османской империи, Китая и Японии. Были и другие, но проблематику задавали именно данные страны. В иных случаях отдельные статьи «школьников» вызвали разночтение в понимании логики самого процесса экспансии, как и в оценке современности. Можно сказать, что были сформулированы две модели экспансии – классическая и «диалоговая», которые усиливали внутренние расхождения в школе, а современность, как это часто бывает, изначально понималась по-разному и также усиливала расхождения в оценках. Тем самым школа стала утрачивать изначально присущее ей концептуальное единство.

Указанные обстоятельства необходимо было отметить в связи с тем, что исследование задумывалось как попытка обобщить многолетний опыт встреч в рамках Британского комитета по изучению внешней политики и претендовало на концептуальное завершение теоретического (историко-социологического) характера. Оказалось, что не всегда опыт коллективных исследований было возможно свести к общей теории международного общества, хотя попытка такого рода была представлена почти в каждом эссе книги.

Так, А. Уотсон, выступивший в качестве одного из редакторов и авторов книги, попытался выделить этапы в развитии европейской экспансии. При этом, как уже отмечалось, он вынужден был с горечью заметить в конце своего раздела, что экспансия не была ни единой, ни систематической. Она занимала несколько столетий

и имела множество причин³. В целом А. Уотсон выделяет четыре основных периода в этом процессе.

Истоки и содержание первого периода – средневековые походы в Иберию и на Балтику. Это начальные попытки выйти за пределы европейского региона и христианской ойкумены. Мотивы, которые двигали государствами на этом этапе, были комплексными и коренились в своеобразном понимании религии, представлениях о территории и праве, военных столкновениях, представлениях о чести⁴.

Второй период – морская экспансия XVI–XVIII веков, которая растянулась на три столетия и заложила основы морской колонизации мира в новое время. Одновременно происходила эволюция самого западного общества, которое трансформировалось из системы государств, объединенных христианской религией, в европейское международное общество⁵.

Третий этап – промышленная революция XIX века. Она значительно увеличила экономическое и политическое преобладание европейцев. Отсюда и XIX век был решающим в самой организации европейского общества и определении его отношения к остальному миру. Три великие колониальные державы – Великобритания, Франция и Россия распространили свою модель управления и цивилизационное влияние почти на все страны Азии и Африки. Те неевропейские страны, которые юридически оставались независимыми, были вынуждены принимать правила и институты европейского международного общества. Или, как пишет сам А. Уотсон, «судьба мира стала предопределенной в ретроспективе, а внутри Европы после наполеоновских войн великие державы стали действовать по правилам европейского концерта»⁶. На этом этапе процесс экспансии приобрел особое значение для трансляции норм и институтов европейского общества за его географическими пределами.

Четвертый этап пришелся на XX век. Здесь наблюдается ослабление европейского общества, но формирование общества мирового, в котором европейская модель осталась, а сами европейские

³ См.: *Watson A. European International Society and Its Expansion*. P. 32.

⁴ См.: *Ibid.* P. 14–15.

⁵ См.: *Ibid.* P. 26.

⁶ *Ibid.* P. 27.

державы стали играть более умеренную роль в международных отношениях⁷.

В таком понимании А. Уотсона формулировалась классическая схема европейской экспансии, которая просматривается как в книге, так и в истории Английской школы международных отношений в целом. При этом обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, термин «колониализм» изначально заменялся более емким в содержательном отношении и безобидным по своему звучанию понятием «экспансия», которое приобретало логику объективного процесса расширения международного общества. Во-вторых, акцент в модели ставился на европейском происхождении и осевой роли европейцев в становлении современного международного общества, что отражало некую консервативную ностальгию в восприятии реалий международной жизни второй половины XX века, когда Европа занимала подчиненную позицию в биполярной системе. Кроме того, произошло крушение колониальных режимов, что также непросто осознавалось общественно-политической жизнью европейских стран. Европейское происхождение международного общества отражало утрату европоцентризма в восприятии мира. В-третьих, процесс экспансии становился основой, упорядочивающей изучение истории международных отношений. Анализ истории отношений европейских стран осуществлялся через изучение крупных международных систем, а экспансия стала моделью для описания взаимодействия неевропейских стран с системой государств Европы в истории.

Свой вклад в обоснование классической модели экспансии в книге внес еще один известный «школьник» М. Ховард. Он был одним из участников Британского комитета, которых собрали М. Уайт и Г. Баттерфильд. В центре интересов М. Ховарда в Комитете находились вопросы стратегического характера, а сам он был известным военным историком. В данной монографии М. Ховард пытался проанализировать вопрос о причинах европейского военного преобладания⁸. В постановке этой проблемы он исходил из того, что количественно европейцы не имели преимущества перед местным населе-

⁷ См.: Watson A. European International Society and Its Expansion. P. 32.

⁸ См.: Howard M. Op. cit. P. 32–42.

нием в процессе экспансии. Их поселения оставались на побережье, а безопасность колоний часто обеспечивали корабельные пушки, расположенные в бухтах, предназначенных для стоянки судов. Проникновение внутрь колонизируемых континентов и территорий началось только в XVII веке. Но даже в Америке в XVIII веке было лишь два региона, где удалось утвердить преобладание, – это Мексика и Перу, а в Вирджинии (1677 год) и возле Бомбея (1662 год) – создать первые постоянные военные базы⁹. Но как из этих точечных усилий вырастали огромные колониальные империи – вопрос, который для историка оставался непонятным.

Военное преобладание европейцев М. Ховард также пытается вписать в широкую логику процесса европейской экспансии, а поэтому в истории военного покорения он тоже пытается выделить ряд этапов. Первый из них охватывает период 1500–1700 годов. Военное преобладание обеспечивалось морскими кораблями, которые были предназначены для трансокеанских путешествий. Главное содержание этого периода – захват как можно большего пространства.

Второй этап пришелся на период 1700–1850 годов. Специфика его состояла в том, что необходимо было сохранить захваченную территорию путем подавления внутренних конфликтов, которые были неизбежным показателем процесса экспансии. Справиться с данной проблемой европейцам помог целый ряд факторов:

- хорошая внутренняя дисциплина в армии;
- наличие опытных офицеров, которые обеспечивали квалифицированное управление;
- денежные выплаты военнослужащим;
- развитая военная логистика, отражавшая способность организовать снабжение.

Третий этап начинается с середины XIX века и является результатом трех разных процессов: появления парового транспорта, введения скорострельного оружия, которое сделало возможным создание современной артиллерии, и роста медицинских знаний, способствовавших победе над внутренними «врагами» в армии¹⁰.

⁹ См.: *Howard M.* Op. cit. P. 35.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 37–38.

Указанные факторы своеобразно конкретизировали период развития военного дела в условиях промышленной революции в экспансии европейского общества, выделяемый А. Уотсоном. Паровой транспорт сделал возможным массовую переброску войск, медицинские знания сокращали риски гибели людей от невоенных причин, деньги стимулировали службу в колониях, а снабжение и управление – показатели роста профессиональных знаний. Тогда военный фактор был отражением технологического, организационного, научного и экономического преобладания европейцев над местным населением¹¹. Такой подход подкреплял дополнительными аргументами историческую перспективу процесса экспансии А. Уотсона, способствовал обоснованию классического варианта экспансионизма в динамике развития международного общества.

Еще одной работой, безусловно заслуживающей внимания в контексте классической линии аргументации процесса экспансии, было эссе Дэвида Гилларда, посвященное политике России и Великобритании в Азии в XIX столетии¹². В определенном смысле эту работу можно считать апофеозом апологии колониальной политики в коллективной монографии. Д. Гиллард пытался проанализировать некоторые общие аспекты конфликтов двух империй в XIX веке с азиатскими правительствами. Центральный вопрос, который ставил автор, – была ли воинственность России и Великобритании по отношению к соседним государствам Азии знаком нетерпимости к странам, которые считались варварскими и нецивилизованными для международного общества?

Отвечая на этот вопрос, Д. Гиллард приходит к выводу, что главное различие между развитием в Европе и Азии – это не поведение великих держав, но поведение слабых местных правительств¹³. Формирование международного общества, с его позиции, носило объективный характер, а его экспансия была предопределена исторически. Преимущества международного общества были очевидны, и на них обращали внимание А. Уотсон и М. Ховард. Поэтому, полагал

¹¹ См.: *Howard M.* Op. cit. P. 42.

¹² См.: *Gillard D.* British and Russian Relations with Asian Governments in the Nineteenth Century // *The Expansion of International Society*. P. 87–97.

¹³ См.: *Ibid.* P. 91.

Д. Гиллард, независимость в этих обстоятельствах могли сохранить лишь страны, которые имели гибкие и дальновидные правительства. Некоторые такие примеры демонстрировали правители Пенджаба и Афганистана из небольших стран. Более того, Османская империя и Япония принятием правил международного общества добились для себя очевидных преимуществ. Османская империя после Крымской войны рассматривалась частью международной системы, а Россия, напротив, воспринималась почти ее врагом¹⁴. Япония, приняв европейские международные нормы и институты, смогла убедить себя от широкого иностранного вторжения. Непал и Сиам сохраняли свою относительную независимость¹⁵.

Таким образом, ошибки других азиатских стран заключались в том, что слабые режимы Азии позволили себе вступить в войну с правительствами России и Великобритании. Такой ход развития отношений не был предопределен изначально, но был предопределен результат прямой военной конфронтации – подчинение европейским режимам. Чтобы сохранить свою независимость от экспансии европейского общества требовалось время, гибкость, желание разрабатывать альтернативы войне. Многие зависело от того, на какие перемены готовы были пойти азиатские режимы, а также от скорости воплощения перемен, личной готовности правителей к диалогу. Однако большинство режимов оказались негибкими, в результате чего они были низвержены или подчинены. Нежелание азиатских стран согласовывать собственные интересы с правилами международного общества стало одной из причин потери независимости и включения их в международное общество на подчиненном положении¹⁶.

Нет сомнений в том, что такая трактовка колониальной политики европейских стран XIX века превращала экспансию в линейный предопределенный и необратимый процесс в еще большей степени, чем это виделось А. Уотсону и М. Ховарду. При этом «вина» за утрату независимости возлагалась на самих колонизируемых и, в частности, на недальновидность местных элит, которые не могли понять всей

¹⁴ См.: *Gillard D. Op. cit.* P. 88.

¹⁵ См.: *Ibid.* P. 91.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 97.

объективности данного процесса, предопределенности военного и технологического превосходства. Сама экспансия в такой интерпретации приобретала предельно упрощенный и схематичный характер. Нет необходимости детально показывать антиисторичный характер подобной трактовки политики колониализма.

Но при всех недостатках этой схемы наиболее важная проблема, которую невольно поднимала работа Д. Гилларда, состояла в том, что разные страны по-разному входили в международное общество. Модель участия в нем неевропейских стран не была изучена в Английской школе. В целом эссе Д. Гилларда вписывалось в классический вариант понимания экспансии, демонстрируя некоторую новую и прикладную сущность концепции международного общества: она обеспечивала новый дискурс, объяснявший политику колониальных держав после падения колониализма, связывая вместе колонизаторов и колонизируемых. Эссе исследователя предлагало разделить ответственность за колониализм пополам, а использование термина «экспансия» вместо «колониализм», который в международном праве стал рассматриваться как преступление с 1960-х годов, позволяло найти новую основу для анализа процесса в пост-колониальном мире.

Ряд других важных эссе в коллективной монографии как раз был посвящен отдельным кейсам вхождения неевропейских стран в европейское международное общество. Наиболее важными представляются случаи вхождения России, Османской империи, Китая и Японии. Они писались разными исследователями и отражали разное восприятие данной темы в книге.

Раздел по России был написан А. Уотсоном, который считал, что особенность российского варианта заключалась в том, что страна сумела принять, адаптировать и применить нормы и институты международного общества до начала широкой экспансии европейских стран. Историк полагал, что осознанная вестернизация России при Петре I обеспечила стране ключевую роль в европейском международном обществе уже к концу XVIII века. Россия не просто стала участником европейской системы государств, полноправным членом международного общества, но сама начала формулировать нормы поведения в нем. Акцент при вхождении делался на петербургском периоде в истории России. Модернизация российского государства

здесь неплохо вписывалась в идею линейного и прогрессивного развития институтов международного общества¹⁷.

Эссе Х. Суганами было посвящено Японии. Японский кейс включения в международное общество показывал целенаправленное движение страны от периода «насилованного открытия» и борьбы против неравноправного статуса страны в международных отношениях до державы, самостоятельно вставшей на путь экспансии в конце XIX века в отношении Китая, победившей Россию в Русско-японской войне, равноправного участника Лиги Наций в 1920-х годах. По мысли исследователя, проблемы в истории японского государства возникали тогда, когда страна игнорировала нормы и институты международного общества. Период японского милитаризма также доказывал данный тезис. Напротив, приняв европейские международные институты, Япония быстро сумела использовать их преимущества и стала первым неевропейским государством, которое сделалось не просто участником международной системы (здесь первенство принадлежало Османской империи), но и полноправным членом международного общества¹⁸.

Кейс по Китаю был написан Г. Гонгом и показывал вариант иного рода. Китай долгое время в своей истории демонстрировал культурное превосходство над другими странами и с пренебрежением относился к иностранцам, называя их варварами. Поклоны коутоу могут считаться символическим выражением такого рода отношения. Нежелание Китая принимать во внимание интересы иностранцев было одной из причин навязывания стране так называемых неравноправных договоров, которые стали правовым механизмом включения державы в международное общество. После Нанкинского договора 1842 года и последовавших за ним иных неравноправных отношений с другими европейскими странами уже Китай стал восприниматься как зависимая и нецивилизованная страна. Ему были навязаны нормы об экстерриториальности портов и консульской юрисдикции в отношении иностранцев. Он был вынужден разместить иностранные дипломатические и консульские учрежде-

¹⁷ См.: *Watson A. Russia and European International Society. P. 61–74.*

¹⁸ См.: *Suganami H. Japan's Entry into International Society // The Expansion of International Society. P. 185–199.*

ния на собственной территории. Но все это болезненно воздействовало на идентичность китайцев.

Поэтому борьба за отмену неравноправных договоров стала основой политики страны с середины XIX до середины XX века. Отмена навязанных европейцами норм, выраженных в заключенных договорах, породила такое явление, как «стандарты цивилизаций», которые, в свою очередь, стали рассматриваться в качестве условий пересмотра договоренностей с европейцами. Этот процесс завершился в 1943–1944 годах, когда все экстерриториальные преимущества отошли на второй план в условиях Второй мировой войны. Китай стал восприниматься как равноправное государство и даже получил особый статус в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Однако никто из членов международного общества серьезно не просчитывал, что возрождение Китая произойдет на основе коммунистической идеологии¹⁹. Таким образом, вхождение Китая имело свои особенности, которые контрастировали даже с японским вариантом.

Указанные четыре статьи подводили создателей монографии, в общем-то, к привычному для исторических работ выводу: единство исторического процесса не исключает многообразия вариантов его протекания в конкретных случаях. При этом, даже не особенно вдаваясь в детали исторической проблематики внешних политик отдельных стран и специфично показывая колониализм, данный вывод ставил под сомнение единство концепции международного общества. Для демонстрации этого тезиса особенно важно остановиться на анализе провокационного эссе Дж. Винсента в книге²⁰.

Ученый делал акцент на том, что вхождение неевропейских народов трансформировало прежде всего само европейское международное общество. Оно становилось глобальным. В нем изменялись до неузнаваемости ключевые международные нормы и институты. Так, например, Япония после вступления в Лигу Наций стала горячим поборником идеи расового равенства. Сама эта мысль меняла представление о границах международного общества в XX веке. Здесь классический нарратив о европейском военном преобладании

¹⁹ См.: *Gong G. China's Entry into International Society*. P. 172–183.

²⁰ См.: *Vincent R.J. Racial Equality*. P. 239–254.

как ключевом факторе превосходства в процессе колонизации внутренне ставился под сомнение²¹. Победа в войне с Россией вызвала шок в европейских обществах не потому, что Россия проиграла, а потому, что превосходство белых впервые ставилось под сомнение.

Японская социализация демонстрировала обратное влияние колонизованных стран на страны-колонизаторы. Первоначальный дисбаланс между нормами европейскими и неевропейскими в ходе навязывания норм европейского общества сменился на дискурс о диалоге цивилизаций. Эту мысль Дж. Винсент впоследствии развивал и в другой своей работе, когда доказывал, что права человека в практике международных отношений XX века – это дискурс, который по-разному используется Западом, Россией и странами третьего мира в международном обществе²².

Таким образом, интерес к истории как отличительная черта Английской школы в рамках первого и второго поколения исследователей привел в 1980-х годах к углублению исторического изучения ряда частных научных сюжетов. При этом, отталкиваясь от, в общем-то, известного круга источников и общепризнанных фактов при привлечении к написанию разделов иностранных исследователей, разделявших идеи Английской школы, ученые обнаружили некоторые теоретические проблемы. Книга демонстрировала многообразие вариантов участия в международном обществе. Это заставляло расширять картину экспансии в поисках общей логики объяснения происходящего. Но в конечном счете новые попытки вписать исторические сюжеты в общие для школы концептуальные рамки не подкрепляли классическую трактовку колониализма, а подрывали ее. Они переводили единый подход, гипотезу о единстве экспансии международного общества в более проблемный ракурс диалога цивилизаций, где страны, вошедшие в международное общество даже на подчиненном положении, оказывали на него обратный эффект. Расширение географических рамок до неузнаваемости изменяло само данное общество, трансформируя нормы и ключевые институты. Идея расового равенства и была такого рода иллюстрацией расширения международного общества.

²¹ См.: *Buzan B., Little R.* The Historical Expansion of International Society. P. 68.

²² См.: *Vincent R.J.* Human Rights and International Relations.

Не менее сложными аспектами содержания характеризовались и разделы, посвященные современному международному обществу. Трактовка сущностных аспектов современности с позиций концепции международного общества еще больше разрушала предметное единство школы в 1980-х годах.

Большое внимание в работе уделялось возникновению универсального международного общества в ходе экспансии европейских стран и формированию так называемого третьего мира, чему были посвящены работы П. Лайона и Х. Булла в книге.

Х. Булл начал с констатации формирования в начале XX века универсального мира. Обобщая опыт предшественников, он писал, что расширение оригинального по своему происхождению международного общества за географические рамки Европы началось за век до того, как Старый Свет вступил в кульминационную фазу колониальной экспансии. Война за независимость в США и последовавшие за ней революции в испанских колониях Латинской Америки привели обе Америки к новому этапу взаимодействия с Европой²³. Если на Венском конгрессе присутствовали только представители европейских стран, что было показателем развития институтов дипломатического сообщества, то на Парижском конгрессе к их числу уже добавилась Османская империя. Она, правда, стала частью международной системы, но не общества. На рубеже XIX–XX веков на Гаагских конференциях мира международное общество показало лояльность к государствам Азии: здесь были представлены Китай, Япония, Персия и Сиам²⁴. К середине XX века в ООН обеспечивается представительство всех континентов и регионов мира. Более того, неевропейские страны составляют там большинство. Международное общество стало по-настоящему универсальным и утратило свой эксклюзивный европейский характер.

При этом Х. Булл понимал противоречивый характер процесса экспансии, что отразилось и на его оценке появления универсального международного общества. Никто сегодня не сомневается, рассуждал Х. Булл, что европейцы использовали собственные нормы и институты ради отрицания прав других и утверждения специальных

²³ См.: *Bull H.* The Emergence of a Universal International Society. P. 122.

²⁴ См.: *Ibid.* P. 123.

привилегий для себя, навязывая неевропейским странам «стандарты цивилизаций»²⁵. Как результат – требование справедливости, которое отчетливо стало звучать в современных международных отношениях.

Из этого становится понятным, почему Х. Булл стремился обобщить наработки других авторов работ в монографии и предшествующий опыт исследования темы в ходе работы Британского комитета по изучению внешней политики. Он попытался провести строгий водораздел между историей и современностью, настаивая на социологическом изучении норм и институтов международного общества на разных исторических этапах. Рубеж Первой мировой войны был здесь не случаен и отражал позиции большинства членов Комитета (А. Уотсон, М. Ховард, М. Уайт), и развивал оценку Г. Баттерфильда, сформулированную еще в 1966 году в «Дипломатических исследованиях»²⁶.

Отсюда и тема протеста стран третьего мира против западных ценностей в международных отношениях. Х. Булл считал появление третьего мира неслучайным явлением и пытался вписать его в более широкий контекст протеста против влияния западного международного общества в современных международных отношениях²⁷. Как уже упоминалось, Х. Булл выделял 5 форм в развитии протеста против преобладания Запада.

Ученый констатировал, что разнообразные формы протестного движения в глобальном международном обществе XX века отражают историю европейской экспансии и представляют реакцию неевропейских стран на порядок, установленный традиционными нормами и институтами Европы. Требование справедливости – это обратная сторона экспансии и своеобразное отражение диалога цивилизаций в сформировавшемся глобальном международном обществе.

Существенную роль в современном для авторов монографии международном обществе играют «страны третьего мира», осмыслением роли которых занимался П. Лайон²⁸. Истоки данного терми-

²⁵ См.: *Bull H.* The Emergence of a Universal International Society. P. 124–125.

²⁶ См.: *Butterfield H.* The New Diplomacy and Historical Diplomacy. P. 181–192.

²⁷ См.: *Bull H.* The Revolt Against the West // The Expansion of International Society. P. 217–228.

²⁸ См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 229–237.

на он обнаруживает во Франции 1950-х годов. Здесь ученые придерживались так называемой идеи тьермондизма, подразумевавшей деление мира на первый, второй и третий. Явными лидерами в международных отношений были СССР и США, к которым примыкали их союзники. Идея объединения стран в третий мир означала сознательную попытку сгруппировать третьи страны в особую категорию. Эту идею подхватили многие французские авторы (К. Борде, А. Севи, Д. Баландер)²⁹.

Институционализация стран третьего мира произошла в рамках Движения неприсоединения и «Группы 77». П. Лайон анализирует основные вехи становления данных организаций, особенно уделяя внимание первой. Он изучает процесс институционального становления третьего мира по материалам семи первых саммитов Движения неприсоединения. Особое место, по его мысли, отводится первому и пятому саммитам. При этом точкой отсчета выступала не Бандунгская конференция 1955 года, как это было у Х. Булла, а Белградский саммит в 1961 году.

Первая встреча в Белграде обнаружила раскол между так называемыми «умеренными» (Неру) и «воинствующими» (Сукарно, Нкрума) участниками движения. Это повлияло на определение повестки работы организации в направлении антиколониального развития³⁰. Последующие саммиты демонстрировали неуклонный рост числа участников организации за счет деколонизованных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Алжирский саммит (август 1973 года) продемонстрировал оформление общего круга проблем в работе организации после массового падения колониальных режимов. Он развивался по линии Север – Юг, обозначая новые грани разлома в глобальном международном обществе. Элементы этого подхода можно было обнаружить в ходе конференции в Лусаке (1970 год) и встречи в Джорджтауне (1972 год). Таким образом, происходило формирование новой международной субъектности третьего мира, который все активнее начинает играть роль в универсальном международном обществе.

²⁹ См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 229.

³⁰ См.: *Ibid.* P. 230.

Общий вывод, который формулирует П. Лайон, заключается в том, что становление третьего мира через работу международных организаций и отождествление целей его деятельности с широкой экономической, политической и социальной повесткой современных международных отношений создает неопределенное будущее для развития международного общества. Такие организации возникают и существуют как итог больших войн или крупных кризисов в международной системе³¹. Отсюда и будущее универсального международного общества не представляется автору стабильным.

Еще более минорные ноты касательно современных международных отношений прозвучали в монографии в статье профессора Э. Кедури «Новый мировой беспорядок»³². Он предположил, что традиционные институты международного общества в том виде, в котором они сформировались для поддержания международного порядка, перестают быть эффективными. Одна из показательных проблем в этом отношении – соотношение баланса сил с принципом национального самоопределения. Выдвинутый, по мнению Э. Кедури, в период французской революции принцип национального суверенитета привел в XIX веке к выделению ряда стран из Османской империи, а в начале XX века – к ее распаду, как и способствовал крушению Австро-Венгерской монархии, Российской империи. Национальный суверенитет исходил из интересов нации как цели политики государства. В этом своем проявлении данный принцип подрывал сами основы международного общества, вносил элемент беспорядка в него, отбрасывал баланс сил, сложившийся в отношениях между странами. Баланс сил исходил из идеи сосуществования разных участников, а национальное самоопределение провозглашало национальный интерес высшей и конечной целью.

Появление ядерного оружия в XX веке стало продолжением ленинской максимы «кто кого?» в международных отношениях. Баланс сил в условиях идеологического противостояния по линии Восток – Запад трансформировался в баланс террора и устрашения. То, что отношения к середине 1980-х годов после завершения процесса

³¹ См.: *Lyon P. Op. cit.* P. 221.

³² См.: *Kedourie E. A New International Disorder // The Expansion of International Society.* P. 347–355.

деколонизации перестают строиться на противостоянии между Востоком и Западом, не означает восстановления традиционных институтов международного общества. Многие государства современного мира не союзники идеи международного общества, но лишь его бенефициары³³.

Из сказанного становится понятным, что многие исследователи по-разному оценивали растворение европейского международного общества в глобальной политике XX века. В современности европейские нормы и институты распространились по всему земному шару, но само международное общество стало другим. Перед ним стоят новые вызовы и угрозы, подрывающие основы международного порядка и ведущие к растворению традиционных институтов международного общества. Пессимизм от идеи диалога цивилизаций возвращал к уайтовскому пониманию международных отношений как царства повторов и репетиций без всякой надежды на прогресс. Парадоксально и то, что через четверть века после изучения проблематики международного общества под влиянием повестки современных международных отношений в школе стали вновь возникать вопросы о соотношении порядка и справедливости, которые сформулировал еще основатель концепции Английской школы Ч. Мэннинг в Лондонской школе экономики.

Таким образом, «Экспансия международного общества» представляла собой и высшую точку в изучении структуры и динамики международной системы. Но как совместная работа она обозначила и некоторые итоги развития самой Английской школы. Не случайно, что в это же время выходит известная статья Р. Джонса, где автор заговорил о кончине школы³⁴. Сами участники до этого времени свою сопричастность к ней как к единому целому не осознавали. Работа над «Экспансией» заставила многих говорить об исчерпании концептуального единства мнений и о смене креативного периода в развитии школы на интерпретативный.

Другой вариант оценки книги как отражения определенного вида общей практики школы представлен в работах Р. Джексона, Дж. Майалла, Б. Бузана и Р. Литтла. Они полагают, что школа

³³ См.: *Kedourie E. A New International Disorder*. P. 355.

³⁴ См.: *Jones R. Op. cit.* P. 185–206.

«споткнулась» о современность в условиях окончания холодной войны и появления новой глобальной структуры современного мира. Потенциал старых идей иссяк, но, в отличие от оценки Р. Джонса, они считали это кризисом, а не кончиной Английской школы. На первый план стали выходить другие темы исследований: новый солидаризм (Н. Уилер), права человека в международных отношениях (Дж. Доннелли); потребовалось разработать новые методологические подходы к изучению международных отношений, чем в последнюю четверть века занимались Р. Литтл и Б. Бузан.

«Экспансия международного общества» тогда представляла завершение определенного этапа работы школы с ее аристократическим духом выпускников Оксбриджа, занимавшихся поиском общих основ в изучении международных отношений. Наступала эпоха иных теоретических подходов – встреча с постмодернистской повесткой в науке, которую представители школы пытались применить к анализу международных отношений. Не общее погружение в историю, но подход к истории как к сфере, которая дает представление о международном обществе и помогает понять некоторые частные сюжеты в современных международных отношениях, – вот что стало теоретической предпосылкой современного периода развития Английской школы, который начинается с середины 1980-х годов.

5.2. Плюралистско-солидаристские дебаты как источник развития Английской школы международных отношений в 1980–1990-х годах

Из триады ключевых концептов («система государств», «международное общество» и «мировое общество»), которые вытекали из трех традиций международной политической мысли М. Уайта, представители Английской школы особое внимание уделяли разработке международного общества. Благодаря усилиям Х. Булла этот термин стал визитной карточкой всей национальной традиции теоретического анализа и прогнозирования международных отношений. Однако после выхода в 1984 году «Экспансии международного общества» дальнейший общий анализ институтов международного общества оказывался затруднительным. Внутри указанного научного сообщества вслед за расхождением в понимании развития международного общества стали формироваться два теоретических подхода, по-разному определявших цели государств в международных отношениях и направления дальнейшего развития международного общества. Условно эти течения внутри школы получили названия «плюрализм» и «солидаризм».

Представители плюралистского подхода в школе настаивали на традиционном понимании природы международных отношений. Они делали акцент на гоббсианском, либо реалистическом, измерении международного порядка. Согласно этой логике международные отношения представляют собой анархическое поле, где нет верховной власти. Поэтому каждое из государств преследует свои собственные цели. Умеренность плюралистского подхода состоит при этом не в повторении ключевых тезисов и положений американского политического реализма, но в поиске среднего пути, или, как говорил М. Уайт, *via media*, между либеральной и реалистической традициями. Хаос в международных отношениях носит ограниченный характер, и возможно построение хотя и анархического, но все же общества. Это достижимо за счет создания и функционирования определенных институтов в виде баланса сил, ограничения войны, международного права, дипломатии.

Как отмечает один из канадских адептов Английской школы Роберт Мюррей из Альбертского университета, плюралистская версия международного общества подчеркивает минималистское понимание государствами основ международного порядка¹. Об этом также писал и Х. Булл, когда констатировал, что цели международного общества заключаются в гарантиях выживания государств, выполнении достигнутых договоренностей и уважении к иностранной собственности². Таким образом, охрана, защита и продвижение минимального количества прав суверенных государств составляют главные функции такого рода международного общества.

Иное понимание присутствует в солидаризме. Он легко вписывается в более широкий круг современных представлений о международных отношениях. Интересы солидаристов при этом размещаются не только в предметном поле понятия международного общества, но и в теоретических представлениях об обществе мировом. Этот подход соотносится с революционистской (кантианской) и рационалистской (гроцианской) традициями международной политической мысли. Субъектами международных отношений в данном подходе признаются в конечном счете люди. Иначе здесь понимается и государство как актор международных отношений. Это не унитарный игрок в условиях анархии, заботящийся о своей безопасности, но участник, имеющий внутреннее строение и конкурирующие интересы.

После окончания холодной войны аргументы солидаризма активно использовали представители критической теории международных отношений, сторонники различных концепций глобализации, чтобы дистанцироваться от государствоцентричного взгляда на международную политику. К этому подходу часто обращаются и защитники прав человека в международных отношениях, сторонники транснационального общества современной эпохи.

Цель международного порядка в рамках указанного подхода – это не только выживание, но и справедливость. Как писал Дж. Винсент, современное общество остается традиционным, мало шансов на то, что оно радикально изменится, но, чтобы международное

¹ См.: System, Society and the World. Exploring the English School of International Relations / ed. by R. Murray. Bristol, 2013. P. 9.

² См.: Bull H. The Grotian Conception of International Society. P. 66–68.

общество было устойчивым, необходимо дополнить идею международного порядка пониманием справедливости. Порядок среди людей более фундаментальная ценность, чем порядок среди государств. Поэтому он первичен и иногда морально приоритетен³.

Истоки обоих подходов берут начало в работе Х. Булла «Гроцианская концепция международного общества», где основоположник Английской школы заметил, что солидаризм начинается с того, что государства формируют определенный консенсус в отношении роли международного права в межгосударственных контактах. В противовес этому положению Х. Булл поставил плюрализм – ситуацию, при которой государства интересуются не целями сотрудничества и взаимодействия, но лишь выживанием. И в том и в другом случае существует определенная нормативная основа в международном обществе. Но сами нормы исходят из разного понимания международного порядка. По мнению У. Бейна, Х. Булл, таким образом, впервые не только выделил, но и противопоставил одну позицию другой, рассматривая их как антагонистические⁴. Оба подхода имеют как своих сторонников, так и противников внутри школы и изначально противопоставлялись *Realpolitik* в международных отношениях как подходу, делающему ставку на применение силы и отрицающему наличие международного общества.

Разница между этими подходами проявилась в следующем. Во-первых, это понимание войны как международного института. Для солидаризма был характерен взгляд, что существуют не только справедливые причины, но и справедливые методы ведения войны. Война здесь понимается не только как акт политического противоборства государств, но и как фактор легитимного применения силы в международных отношениях. Не случайно, что особое внимание в начале XXI века в школе уделяется проработке международной легитимности⁵. Плюралисты допускают лишь существование спра-

³ См.: *Vincent R.J.* Hedley Bull and Order in International Politics // *Order and Violence: Hedley Bull and International Relations* / ed. by J. Miller, R.J. Vincent. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 43.

⁴ См.: *Bain W.* The Pluralist-Solidarist Debate in English School // *Guide to the English School in International Studies*. P. 159.

⁵ См.: *Clark I.* Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 278 p.

ведливых причин применения силы. Они не видят в войне вообще никакого правового института. Особенно это справедливо в отношении второй половины XX века, когда Устав ООН юридически запретил войну. Война – это не легитимный акт, но время, когда право молчит.

Во-вторых, существует различие в понимании источников права между солидаристами и плюралистами. Для плюралистов в качестве источников выступают лишь международные договоры и обычаи, а солидаристы исходят из существования справедливости, выраженной в нормах естественного права. Внутригосударственное позитивное право часто отрицает естественное право.

В-третьих, различие проявляется в понимании акторов международных отношений. Для плюралистов – это государства. Международное общество здесь почти тождественно системе государств. Для солидаристов акторами выступают индивиды, международные организации и ТНК. Порядок в терминах человеческой справедливости выступает более фундаментальной ценностью, чем выживание держав в международных отношениях. Возможно и формирование глобального сообщества, состоящего из индивидов, государств и негосударственных игроков, в рамках формирования мирового общества.

Список расхождений между подходами не является исчерпывающим, но уже из перечисленного видно, что по таким важным вопросам международных отношений, как акторы, институты, роль международного права, обозначилось существенное различие позиции. История полемики и формирование разного дискурса в понимании международного общества внутри школы на рубеже двух веков были, с одной стороны, кризисом, а с другой – источником дальнейшего развития Английской школы после завершения холодной войны и ухода из жизни представителей первых поколений школы. Как формировались данные подходы и правомерно ли считать их антагонистическими? Рассмотрим эти вопросы на примерах анализа творчества конкретных представителей разных подходов.

Одним из наиболее заметных представителей плюралистского подхода после окончания холодной войны выступил Р. Джексон. Научные интересы Р. Джексона, свидетельствующие о его близости к Английской школе, начали формироваться еще в 1970-х годах. Ему

тогда импонировали идеи исторической социологии, которые он стремился применить для компаративного анализа международной политики. Примечательна в этом отношении работа 1977 года, где он пытался проанализировать проблему нормативного диссонанса для стран, которые принимали идеи международного общества в постколониальном мире⁶.

Здесь он исходил из того, что существуют две разные теории плюрализма. Первая – политическая теория, которая применяется для анализа европейской международной политики, норм и ценностей западного конституционализма; вторая – социологическая теория плюралистического общества, которая может быть применима для изучения постколониального развития в странах третьего мира⁷.

Политическая теория плюрализма базируется на двух важных основаниях. Во-первых, на понятии международного общества как объединяющего начала огромного числа международных взаимодействий. Во-вторых, на концептах, связанных с международным обществом, но отграничивающих от него внутреннюю политику стран и систему государств. Социологическая теория плюрализма подразумевает «кооперацию социальных сил в пространстве, где интересы отражают разрозненные группы, объединенные в процессе взаимодействия»⁸. С помощью разведения двух указанных подходов Р. Джексон тогда пытался проанализировать проблему широкого распространения коррупции в странах, освободившихся от колониальной зависимости.

Ключевой вывод автора заключался в том, что в условиях отсутствия собственных единых социальных стандартов нельзя говорить о принятии странами третьего мира норм и ценностей международного общества⁹. При этом Р. Джексон справедливо замечал, что коррупция имеет место и в западном обществе, что она носит исторический характер. Однако процессы политической модернизации

⁶ См.: *Jackson R. Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis: Research Monography. No. 30.* Berkeley: University of California, Institute of International Studies, 1977. 76 p.

⁷ См.: *Ibid.* P. 4.

⁸ *Ibid.* P. 8.

⁹ См.: *Ibid.* P. 68.

в постколониальных странах привели к формальному принятию норм и институтов европейского международного общества, в то время как внутреннее общество новых государств оставалось разобщенным по разным основаниям. В свою очередь, такая ситуация создавала пространство для переноса частных интересов в сферу публичной политики¹⁰. Результат – масштабы коррупции в постколониальном мире отражают результаты внутреннего развития социальных норм и институтов. Поэтому политическая теория плюрализма в международном обществе оказывается не всегда валидной для анализа стран третьего мира и должна дополняться социологической его концепцией.

Таким образом, уже из данной работы Р. Джексона можно сделать ряд наблюдений, характеризующих плюрализм как направление рассуждений внутри Английской школы. Во-первых, видно, что ученый исходил из теоретической предпосылки о разности изучаемых обществ и стремился с помощью исторической социологии провести компаративный анализ применения норм в международных отношениях. В таком подходе проявляется разделение ученым некоторых элементов концепции международного общества, к которой он со временем склонялся еще сильнее.

Во-вторых, очевидно, что как исследователь Р. Джексон сформировался в период холодной войны, когда была востребована идея деления мира на первый, второй и третий. Отсутствие единого международного общества, различное понимание его норм подталкивало к постановке и развитию ключевых тезисов плюрализма.

В-третьих, идеи Английской школы проявились и в том, что Р. Джексон сосредоточил свой анализ не на институтах, чему была посвящена основная масса работ представителей первого поколения научной традиции, а на нормах, которые создает и применяет международное общество. Вместе с ними в плюрализм перекечевали и недостатки мышления школы – евроцентричный характер взглядов. Поэтому центральное место в анализе норм международного общества для Р. Джексона стал занимать суверенитет. Это стало проявляться в следующей знаковой для изучения его творчества работе в 1990-х годах. Р. Джексон считал, что международный поря-

¹⁰ См.: *Jackson R. Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis.* P. 68–69.

док во второй половине XX века подвергся существенной трансформации. Старые нормы и институты международного общества больше не могут соответствовать новым историческим реалиям.

Развивая данный подход, Р. Джексон в 1993 году публикует работу «Квазигосударства», где пытается показать изменения, произошедшие в международном обществе во второй половине XX века. В основе центрального для работы понятия – «квазигосударство» лежат процессы трансформации суверенитета. В качестве инструмента анализа этих изменений Р. Джексон использует известную дихотомию И. Берлина о позитивной и негативной свободе. Р. Джексон пишет, что категория «свобода» – это понятие, которое применяется в отношении людей. Государственная политика оперирует категорией суверенитета. Применяя схему И. Берлина, по мнению ученого, можно говорить о позитивном и негативном суверенитете¹¹.

Негативная свобода представляет собой пространство, внутри которого люди могут действовать беспрепятственно относительно других людей. Развивая эту аналогию И. Берлина, Р. Джексон пишет, что и негативный суверенитет предполагает свободу действий от внешнего вмешательства. Формально правовое равенство государств и признание независимости других стран выступают фундаментальными признаками такого суверенитета в международном обществе. Именно негативный суверенитет становится основным требованием квазигосударств, которые появились в результате процессов деколонизации¹².

Позитивный суверенитет представляет собой не столько формально-правовой, сколько политический институт. Он необходим

Роберт Джексон
2010 год

¹¹ См.: *Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*. P. 26–29.

¹² См.: *Ibid.* P. 27.

для свободного развития страны. Если негативный суверенитет – это аналог берлиновской «свободы от», то позитивный – это перенос на сферу суверенитета представлений о «свободе для». Такой суверенитет выступает показателем развитого государства, где бенефициарами суверенитета являются граждане, а не только власть¹³.

Само по себе выделение разных сторон в суверенитете применяется как в правовой, так и в политологической литературе. В частности, основу такого деления составляло само понятие суверенитета, введенное в науку, как известно, Жаном Боденом. Ж. Боден изначально выделял две стороны суверенитета в XVI веке: внутреннюю и внешнюю. Для него суверенитет – это высшая власть как внутри государства, так и юридически независимая извне. Соответственно, можно говорить о двух группах прав: внешних правах государств, вытекающих из суверенитета, и внутренних правах государственной власти.

В трактовке Р. Джексона нельзя не отметить искусственности противопоставления разных сторон суверенитета, что имело важные научные и политические последствия. Дихотомия негативного и позитивного суверенитета приводит к противопоставлению одних функций государства другим. Такой подход изначально нивелирует многие страны в качестве акторов международных отношений. Подчеркивание политической стороны в так называемом позитивном суверенитете ведет и к отрицанию общих признаков правосубъектности государств. Это подрывает правовую основу суверенитета. Правовые признаки государства, как известно, носят универсальный характер, что нашло отражение в действующем международном законодательстве в Конвенции о правах и обязанностях стран.

Не случайно поэтому, что Р. Джексон на страницах своей работы пишет об игре в старый и новый суверенитет, а не о реальном взаимодействии государств, каждое из которых обладает определенной спецификой. «Новая игра в суверенитет началась тогда, когда страны третьего мира получили права, аналогичные другим», – полагает автор¹⁴. Поэтому, продолжает далее Р. Джексон, «сегодня

¹³ См.: *Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*. P. 29–30.

¹⁴ *Ibid.* P. 40.

даже недоразвитые государства имеют безусловное право требовать социальной и экономической помощи ради удовлетворения потребностей населения»¹⁵. Современное право прав человека подчиняет суверенитет космополитическому сообществу индивидов, тем самым создавая новую игру для международного общества государств¹⁶.

Помимо противопоставления позитивного и негативного суверенитета, Р. Джексон пытается разделить политическую и правовую составляющие в анализе суверенитета. Первую можно изучать в духе реалистической традиции политической мысли. Она заключается в том, что власть в международных отношениях выстраивается вокруг реально конфликтующих интересов участников международного взаимодействия. Вторая (правовая) сторона утверждает, что государства выступают равными субъектами в международном публичном праве. В своих отношениях государства вынуждены все больше учитывать права и законные интересы индивидов во внутренней и международной сферах, что было характерно для мыслителей-рационалистов (Г. Гроций, Э. де Ваттель)¹⁷. Данное деление также показывает смещение акцентов и фокус автора на формально-правовой стороне суверенитета в XX веке.

Усиление роли международного публичного права для Р. Джексона проявилось в двух отношениях. Во-первых, как уже отмечалось, в развитии права прав человека, которое начинает довлеть над международным обществом государств¹⁸. Как результат, правительства независимых держав сегодня несвободны в выборе ставить или нет свои подписи под нормами о защите прав человека. Во-вторых, другой важной тенденцией в развитии международного права в XX веке стало осуждение прежних стандартов цивилизаций, конститутивной теории признания и других норм, ограничивающих суверенитет¹⁹. При этом сами стандарты цивилизаций сегодня

¹⁵ Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World. P. 43.

¹⁶ См.: Ibid. P. 46.

¹⁷ См.: Ibid. P. 39.

¹⁸ См.: Ibid. P. 46.

¹⁹ См.: Ibid. P. 61.

никуда не исчезли. Они проявляются в растущих требованиях прав человека, различных претензиях на соответствие современности и необходимости развития разных сфер общественных отношений²⁰. Результатом данной тенденции стал выраженный демократический характер современного международного общества, которое включает в себя бывшие колонии в качестве суверенных государств.

Р. Джексон прав в том, что суверенитет как атрибут государства развивается и видоизменяется вместе с ним. При этом изменения, которые имели место в развитии новых государств в постколониальный период, были выделены и обобщены ученым довольно-таки точно. Отдельные характеристики государств подмечены ученым с тонкостью оригинального наблюдателя. Примечательны в этом отношении следующие его оценки.

После получения независимости как правительства, так и оппозиция не могли не избежать возврата к авторитарному прошлому. Конституционные нормы часто заменялись логикой политической целесообразности, легализовывалась модель однопартийных систем. Роль суда и статус судей часто не дотягивали до независимых институтов общества и сводились к дополнительным инструментам политической власти. Парламенты теряли свой авторитет в качестве законотворцев. Сама государственная власть сосредоточивалась в руках приближенных олигархов, поддерживающих сильного диктатора. Выборы становились средством манипуляции для господствующих в партийной системе сил. Оппозиция либо подавлялась, либо смягчала радикализм своих требований.

Вслед за политическими обострялись общественные и гуманитарные проблемы. Происходил рост числа беженцев. Данная категория людей может выступать индикатором общей стабильности как политической системы страны, так и международной системы в целом. В проблеме беженцев обнаруживались нерешенные религиозные, этнические и военные конфликты. Население новых стран лишь формально выступало народом. Границы государств отражали удобство колониального управления. Не существовало общих традиций, языка, религиозной идентичности для формиро-

²⁰ См.: *Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World* P. 144.

вания единого общества. В отличие от прежних эпох границы новых стран оставались открытыми, что и приводило к увеличению количества беженцев²¹. Такое общество, объединенное в новых государственных рамках, отражало стремление к достижению негативного суверенитета.

Общий вывод, который следовал из подобной картины международных отношений, заключался в том, что кантовский мир единой республики в глобальном масштабе остается недостижимым идеалом. Единству мира препятствуют многочисленные проблемы сегментированных сообществ. Африка для Р. Джексона всего лишь территориальное понятие²². Отсюда следовало утверждение плюралистического характера существующего мира. Нетрудно заметить, что многие аргументы Р. Джексона напоминают идеи концепции несостоявшихся (провалившихся) государств, которые развивались на рубеже XX–XXI веков К.Я. Холсти. Однако спустя семь лет после выхода «Квазигосударств» Р. Джексон смягчил категоричность своей критики в адрес новых независимых стран и иначе интерпретировал модель современного международного общества.

Лейтмотивом новой книги Р. Джексона стала идея развития концепции международного общества от точек, на которых остановились М. Уайт и Х. Булл. Кроме того, для ученого возникла потребность устранить противоречия в концепции, которые стали отмечать после завершения холодной войны²³. Заметим, что Р. Джексон был не первым представителем Английской школы, движимым подобными идеями. Б. Бузан и Р. Литтл разрабатывали новую историческую социологию международной системы, продвигали идеи экономических аспектов функционирования международного общества, наконец, формулировали круг вопросов, связанных с концептом общества мирового – третьим компонентом из методологической триады отцов-основателей. Х. Суганами настаивал на исследовании новых международных институтов. Р. Джексон решил отталкиваться от анализа новых международных норм.

²¹ См.: *Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*. P. 148–158.

²² См.: *Ibid.* P. 68.

²³ См.: *Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. P. 25.

Основным тезисом новой книги ученого стала идея нормативного диалога государств в международном обществе. Р. Джексон исходил из его возможности и реальности, несмотря на расширяющийся раскол ценностей между отдельными цивилизациями типа Востока и Запада, Восточной Азией и мусульманским миром. При этом особенность современного этапа развития международного общества (здесь предмет изучения для Р. Джексона оставался традиционен в отличие от Б. Бузана и Р. Литтла) состояла в том, что международные нормы образуют глобальный пакт. Это понятие обозначает первую попытку в мировой истории сконструировать общество государств, основанное на принципах невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета других стран в масштабах всего земного шара²⁴. Последнее уточнение подчеркивает, что создание глобального международного общества прошло несколько этапов в своем развитии. Сам Р. Джексон выделяет пять этапов.

Первый этап начинается с Парижского мирного договора 1856 года, когда в состав европейского международного общества была принята Османская империя. В отличие от некоторых своих предшественников плюралист Р. Джексон не проводил различий между системой государств и международным обществом, считая их «узким» и «широким» значением одного и того же понятия.

Второй этап приходится на Гаагские конференции мира рубежа XIX–XX веков, когда большинство стран Латинской Америки и несколько азиатских держав стали рассматриваться участниками международного общества. Парижский прецедент 1856 года трансформировался в Гаагский принцип включения неевропейских стран в международную систему в XX веке.

Третий этап приходится на деятельность Лиги Наций и ООН, которые олицетворяют своим составом расширение числа участников международного общества.

Четвертый этап приходится на 1960-е годы как точку крушения европейских колониальных империй.

Пятый этап начинается с крушения СССР и распада стран Восточного блока²⁵.

²⁴ См.: *Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. P. 12.

²⁵ См.: *Ibid.* P. 12–13.

Исторический характер развития международного общества, по-видимому, должен был компенсировать категоричность некоторых оценок предшествующего периода. Ключевой проблемой, которую ставит автор в контексте формирования глобального мира, выступает следующий вопрос: как управлять таким международным обществом? Отвечая на него, Р. Джексон пишет, что современные международные отношения гораздо шире, чем известное их определение как силовой политики. Современный мир отличается и от того, что И. Кант называл «мировое сообщество индивидов». Для анализа современного общества нужен соединяющий данные позиции подход, который связывал бы людей в мире через принадлежность их к суверенным государствам²⁶. Из такого понимания становится очевидным, что, как и предшественники по Английской школе, Р. Джексон видит в концепции международного общества идею, примиряющую крайние позиции. Кроме того, она предстает теорией, которая сближает внутривластическую и международную сферы в изучении общества.

Начала глобального пакта, сцепляющего между собой государства, ученый видит в нормативной основе, заложенной Заключительным актом хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Здесь были определены базовые нормы современного международного общества, которые состоят в принципах суверенного равенства государств, неприменения силы и отсутствия угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности, мирного разрешения международных споров, уважения к правам человека, равенства и самоопределения народов, обязанности государств сотрудничать друг с другом²⁷. Данные принципы современного международного публичного права Р. Джексон считает типичными либерально-конституционными нормами. Сердцевина глобального пакта – Устав ООН, где находятся семь из десяти основных принципов действующего международного законодательства. Однако все эти нормы исследователь считает только процедурной основой, определяющей поведение государств в современном международном обществе. Здесь, безусловно,

²⁶ См.: *Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States.* P. 16.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 17.

прослеживается некоторый правовой нигилизм, который проявляется в пренебрежении к свойству императивности в отношении основных принципов международного публичного права, а также в попытке снизить значение Устава ООН, противопоставив его более позднему нормативно-правовому акту регионального характера – Заключительному акту хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Нормативное содержание глобального пакта может быть проанализировано с помощью концепции международного общества. Под последним автор понимает отдельный вид человеческих отношений со своими характерными чертами и лицами, отличающимися от других видов человеческой деятельности. Указанные черты могут быть сведены к следующим основным позициям.

Международные отношения суть отношения социальные. Не существует никаких международных систем за рамками человеческих отношений²⁸. Участниками в международном обществе выступают государства. Независимые державы – это отдельные зоны человеческой деятельности, а мир по-прежнему организован на основе независимых политических сообществ – суверенных стран.

Управление в международных делах осуществляют специальные субъекты, принимающие решения от имени суверенных государств. Указанные лица, однако, несвободны в своем выборе, поскольку существует ряд норм и правил поведения, внутри которых и принимается решение. Здесь есть место и международной морали²⁹. По сути, Р. Джексон здесь воспроизводит идеи М. Уайта о существовании в международных отношениях особой политической этики. В ней отражены наиболее существенные нормы поведения государств. Поэтому международное общество – это легальная и моральная основа для проведения внешней политики, а глобальный пакт – нормативный мост для взаимодействия цивилизаций и культур³⁰.

Дискурс, через который осуществляется диалог в международном обществе, разнообразен. По форме здесь присутствуют заявления политиков, их негласные встречи, дипломатическая переписка

²⁸ См.: *Jackson R.* The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. P. 31.

²⁹ См.: *Ibid.* P. 34.

³⁰ См.: *Ibid.* P. 40.

ка, пресс-конференции. Нормативный диалог может принимать не только разные формы, но также характеризоваться многообразием видов контактов между участниками. Он ведется через постоянные дипломатические представительства, государственные визиты, международные договоры и конференции. Помимо этого, международное общество исторично. Оно развивается и изменяется со временем.

В основе современного международного общества лежат плюралистические и антипатерналистские ценности Европы. Под первыми понимается международная этика, которая утверждает моральную ценность независимых государств и существование общества подобных стран. Антипатернализм представляет собой согласие на признание суверенитета за другими и запрет на вмешательства в дела другого государства³¹.

Таким образом, как и для других представителей Английской школы, международные отношения для Р. Джексона – это не силовое взаимодействие государств в условиях анархии. Силовая политика в ее макиавеллистском варианте мало пригодна для характеристики современного мира. Но не напоминают современные международные отношения и «большую республику» И. Канта. Основа международного общества по-прежнему в государствах, а их суверенные права служат остоном процедурных и содержательных характеристик глобального пакта.

Р. Джексон не только воспроизвел основные постулаты концепции международного общества, но попытался после Х. Булла и М. Уайта проанализировать с ее помощью институты глобального международного общества по окончании холодной войны. Тем самым он показывал возможность прогресса в международных отношениях, что подрывало знаменитое высказывание о них как «царстве повторов и репетиций». В то же время не принимал Р. Джексон и идеи «позднего» Х. Булла о необходимости новой модели справедливости в мире. Справедливость вторична по отношению к международному порядку и вряд ли возможна в условиях разности целей и качества самих государств. Но это не есть теперь полное отрицание суверенитета.

³¹ См.: *Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States.* P. 42.

Новизна подхода Р. Джексона проявилась и в понимании роли акторов в международном обществе. Участники международных процессов вовсе не бильярдные шары, как считал реалист А. Уолферс. Напротив, государства действуют на основе рациональных и моральных правил и ценностей, которые отражают многообразие (плюрализм) современного международного общества. Поэтому глобальный пакт возможен как нормативный диалог в отношениях между разнообразными государствами.

Несмотря на отрицание суверенитета за многими из новых государств и пренебрежительное отношение к так называемому негативному суверенитету в ранних своих работах, в исследовании в начале XXI века Р. Джексон все же сформулировал его новую апологию. Тем самым он выступил сторонником государствоцентричной модели международного общества и фигурой, обосновавшей плюралистский подход к международному порядку внутри школы.

В развитии солидаризма в Английской школе можно выделить собственные концептуальные истоки и даже течения. Помимо общего с плюрализмом происхождения, связанного с работами Х. Булла, истоки солидаризма относят, во-первых, к кантианской (революционистской) традиции осмысления международных отношений. Здесь имеются в виду нормы и механизмы международного взаимодействия, которые рассматривают человека как участника современных международных отношений.

Во-вторых, источником солидаризма внутри школы выступал спор о соотношении порядка и справедливости в международных отношениях, на который участники сообщества отвечали по-разному. Инициировал данную проблему для обсуждения Ч. Мэннинг. Он изначально исходил из своеобразных представлений о социальном инжиниринге в международных отношениях, а также делил участников международного взаимодействия вслед за Р. Нибуром на «детей света» и «детей тьмы» и полагал, что знание о международных отношениях помогает первым избежать ошибок последних³². Такой либеральный взгляд был характерен для эпохи 1930-х годов, когда некоторым казалось, что международные институты вроде Лиги Наций способны разрешить мировые проблемы. Отсюда сле-

³² См.: *Manning C.A.W. The Nature of International Society. 2nd ed. P. IX.*

довал вывод, что общее понимание международных отношений должно строиться на основе коллективной международной справедливости, а не на основе правил международного порядка, который исторически определялся великими державами.

Для Х. Булла, напротив, первичен был как раз порядок, а не справедливость в международном обществе. Никакой общей международной справедливости без наличия основы в виде порядка в международных отношениях быть не может. Хотя в «Гаагских лекциях» 1983 года он и признавал, что порядок должен включать элементы общего экономического благополучия и представления о справедливости, но эти конструкции могли быть реализованы только в пределах плюралистского международного общества. У. Бейн характеризует такой подход Х. Булла как этический универсализм, а не солидаризм³³. Расхождения по таким вопросам, как права человека или гуманитарная интервенция в конце XX века, обострили данную проблему. Это усиливало внутреннюю полемику между исследователями, разделявшими идеи международного и мирового общества.

В-третьих, импульс к развитию солидаризма на рубеже XX–XXI веков придал конструктивизм. Он, как и теоретический либерализм 1930-х годов, исходит из идеи социального инжиниринга. Международные отношения при таком подходе не бытийствуют, а конструируются различного рода участниками международного взаимодействия. Отсюда интерес к иным акторам, чем государство, дискурсу и идентичностям, что создавало возможность методологического обновления и внутри Английской школы теории международных отношений.

В силу многообразия источников внутри солидаризма можно говорить о наличии нескольких течений. Первое было связано с интерпретацией поздних идей Х. Булла адептами школы и представляло собой движение от «консенсусного» солидаризма к насильственному, если пользоваться терминологией Э. Харрела³⁴. Здесь обосновывались варианты разрешения вопросов гуманитарной интервенции и прав человека в современной мировой политике. Первона-

³³ См.: Bain W. Op. cit. P. 161.

³⁴ См.: Hurrell A. Op. cit. P. 149–150.

чальный импульс такой повестке дали исследования Дж. Винсента, а затем Э. Харрел и Дж. Майалл продолжили развивать идеи данного подхода. Особенностью этого типа размышлений было то, что сами изменения рассматривались в пределах международного общества или, точнее, обозначали границы международного и транснационального мира.

Второе течение – это так называемый либеральный солидаризм. Указанный подход стал развиваться после окончания холодной войны. Он исходил из победы либеральных ценностей в современной международной политике и утверждал, что Вестфальский тип международных отношений исчерпал свои возможности и на смену старым принципам суверенитета и нерушимости границ должны идти ценности поствестфальского порядка. Ключевой фигурой здесь был Н. Уилер, а предмет исследования в школе смещался в сторону мирового, а не международного общества. Международное общество как эмпирический факт здесь отрицалось.

Третьим течением внутри солидаризма можно считать конструктивистский его вариант. О нем как о самостоятельном течении пишет Дж. Вильямс³⁵. Здесь изучались вопросы прав человека, но они стали рассматриваться как нормативное конструирование в повестке исследования мирового общества. Представителями этого течения можно считать Э. Линклейтера, М. Финнемор и отчасти Б. Бузана.

Значение такого деления в солидаризме для целей данного исследования определяется тем, что солидаристы поставили вопрос о границах международного общества и о нормативной природе современных международных отношений. Вопросы прав человека и гуманитарной интервенции были объединяющими для всех течений солидаризма, несмотря на некоторые внутренние различия. Новизна подхода отчетливо просматривается в творчестве Н. Уилера.

Н. Уилер привнес некоторый идеализм и нотки сострадания в школу, которая ранее считалась клубом элитарных консервативных ученых. При этом он предложил удачную связку вопросов прав человека и справедливости в международных отношениях, которую можно было противопоставить как реализму, так и плюралистской

³⁵ См.: *Williams J.* Pluralism, Solidarism and Emergence of World Society in English School Theory // *International Relations*. 2005. Vol. 19, № 1. P. 29–30.

интерпретации международного общества. Солидаризм здесь рассматривался автором не как эмпирическая основа фактов сотрудничества в международных отношениях, но как общая основа продвижения прав человека в международных отношениях³⁶.

Критика плюрализма проявилась в том, что, с позиции ученого, применение силы в международных отношениях возможно лишь с получения санкции Совета Безопасности ООН в случаях нарушения международного мира и международной безопасности, но такое положение не выступает гарантией соблюдения прав человека³⁷. Иначе говоря, интервенция по гуманитарным основаниям показывает пределы сотрудничества в плюралистском обществе государств. Она считается законной, только если ее санкционировал Совет Безопасности. Если же она организована в одностороннем порядке и осуществляется без санкции, то ее считают еще большей опасностью для мира, чем сами нарушения прав человека. Гуманитарная интервенция способна легитимизировать и воскресить представление о справедливой войне³⁸.

В этой связи Н. Уилер рассматривал работу неправительственных организаций по соблюдению прав человека как новое общее моральное требование в международном обществе, поскольку эпоха, последовавшая за окончанием холодной войны, потребовала внимание к самым разнообразным гуманитарным кризисам, которые стали происходить повсюду в мире. При этом, как и Р. Джексон, Н. Уилер признает, что подобные кризисы были глубоко укоренены в экономической, политической и социальной структурах общества государств. Тогда важно, чтобы их разрешение заканчивалось в том числе и попытками реорганизации самого общества, в дела которого вмешиваются по гуманитарным основаниям. Такой вывод, с его точки зрения, способствует формированию нового международного консенсуса между Западом и Югом. Создается актуальный диалог, внутри которого возникают и подтверждаются современные стандарты гуманности. Их постепенно принимает Юг, а Запад считает морально обоснованными и справедливыми.

³⁶ См.: *Wheeler N. Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 38.

³⁷ См.: *Ibid.* P. 100, 289.

³⁸ См.: *Ibid.* P. 33–52, 168–169, 283, 285.

Моральным основанием для утверждения гуманитарных интервенций для Н. Уилера служила идея «хорошего международного гражданства», которую он ранее разрабатывал совместно с Т. Дюнном³⁹. Сама идея «хорошего международного гражданства» была озвучена австралийским сенатором и бывшим министром Г. Эвансом в конце 1980-х годов. Последний применил ее для обозначения более интернационалистского типа внешней политики. Н. Уилер и Т. Дюнн стали доказывать, что данная идея может найти применение внутри концепции Английской школы и оказаться полезной для британской внешней политики.

Авторы статьи писали о том, что «хорошее международное гражданство» подразумевает ответственность за предотвращение массовых нарушений прав человека. Нельзя допускать массовых убийств, геноцида и других преступлений против человечности. Однако квалификация таких деяний в тот период входила в полномочия ООН и вступала в противоречие с принципом невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства. Признавая, что одностороннее применение позиции «хорошего международного гражданства» ведет к ослаблению роли международного права в существующем международном обществе, Т. Дюнн и Н. Уилер высказались за четкое определение пунктов правомерного применения силы по гуманитарным основаниям⁴⁰.

К этому добавилась критика плюрализма со стороны представителей критической теории международного общества. В частности, Э. Линклейтер отмечал следующие недостатки.

Во-первых, нормативная эволюция современного международного общества развивается в сторону солидаризма. Говоря словами самого Э. Линклейтера, защита прав человека с течением времени привела к появлению ярлыка «солидарист» как синонима сторонника продвижения прав человека в противовес ярлыку «плюралист» как синониму сторонника, отстаивавшего права государств в международных делах⁴¹.

³⁹ См.: *Wheeler N., Dunne T. Good Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy // International Affairs. 1998. Vol. 74, № 4. P. 847–870.*

⁴⁰ См.: *Ibid. P. 869.*

⁴¹ См.: *Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 262.*

Во-вторых, растущее значение регионов. Опыт интеграционных процессов второй половины XX века, особенно очевидные во второй половине столетия успехи ЕС подвели некоторых исследователей к утверждению возможности прогрессивного развития международных отношений, отказу от уайтовской идеи «повторов и репетиций». Как следствие, поднималась проблема более широких целей международного порядка.

В-третьих, критика Э. Линклейтера касалась статичного характера международного общества. В традиционном для школы ключе сосуществование мыслилось конечной целью международного взаимодействия и единственной основой международного порядка. Многие процессы современного международного общества просто не укладывались в столь узкие концептуальные рамки⁴².

В-четвертых, для «школьников» становилось общепринятым после работ Дж. Винсента растущее значение факторов экономической и социальной справедливости, как и экономическое измерение международных отношений, а также растущее значение инвайроментализма⁴³.

В целом разработка идей хорошего международного гражданства и критика плюралистской версии международного общества послужила основой для формулирования солидаристской этики, которая должна включать следующие положения:

1. Индивиды, различные сообщества и организации принадлежат к числу фундаментальных участников международного общества.

2. В случаях применения силы необходимо избегать излишнего причинения страданий населению.

3. Суверенное политическое устройство мира должно быть заменено личной ответственностью политиков за нарушение правил ведения войны.

4. Привлечение к ответственности в случаях нарушения правил ведения войны по внутреннему и международному праву.

5. Приоритетом должно пользоваться не легитимное применение силы, но международное гуманитарное право.

⁴² См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 67.

⁴³ См.: Ibid. P. 68.

6. Государственный суверенитет необходимо совмещать с защитой прав человека.

7. Суверенитет не должен заслонять право на восстание в случаях нарушения прав человека.

8. Индивиды должны иметь законное право обращения в международные суды в случаях нарушения прав человека⁴⁴.

Таким образом, плюралистские принципы международного общества с этих позиций воспринимались как усредняющие международную реальность и частично устаревшие. Нет сомнений в том, что солидаризм подрывал основы действующего международного законодательства и в этом смысле подрывал один из фундаментальных (первичных, по терминологии К. Холсти и Б. Бузана) институтов как системы государств, так и международного общества. Положения, которые отрицают приоритетное значение суверенитета, явно отрицают основы международного порядка в тех терминах, о которых писали Ч. Мэннинг и Х. Булл. Некоторые из указанных положений воспринимаются как несоответствующие международной реальности. В международном праве прав человека индивиды выступают субъектами. Война как юридическое понятие было запрещено Уставом ООН. Такие противоречия объясняются историческим происхождением многих подобных суждений периода 1990-х годов; оптимистическими надеждами конца XX века, когда многим казалось, что наступает эпоха либеральных ценностей после распада Советского Союза.

Однако спустя некоторое время в самом солидаризме стали возникать иные течения, а оценки стали более сдержанными. Поэтому сами солидаристы считают такие положения не столько прямым руководством к действию, сколько формированием новых этических основ международного общества. Ряд исследователей, понимая противоречивость подобных теоретических положений и опасность их применения в практической политике за пределами европейского региона, склонны рассматривать перечисленные тезисы как относящиеся не к международному, но к мировому обществу, онтологией которого в школе стали заниматься значительно больше на рубеже XX–XXI веков.

⁴⁴ См.: Linklater A., Suganami H. Op. cit. P. 243–245.

Иное понимание концепции международного общества в современном мире демонстрирует творчество Дж. Майалла, чьи взгляды можно идентифицировать как попытку примирения плюралистов с солидаристами. Дж. Майалл повторяет идеи М. Уайта о наличии трех традиций в политической мысли, применяемых для анализа процессов международного взаимодействия: реализм, либеральный рационализм и революционизм⁴⁵. При этом он стремится направить все эти подходы на изучение современного международного общества.

Для реалистов такое понятие, как «международное общество», не существует. Сдерживающим фактором, предотвращающим войну «всех против всех», выступает лишь потребность в самосохранении. Рационализм, напротив, исходит из реальности существования международного общества. Оно представляет собой особый тип социума, который отличается от того общества, которое люди видят внутри государства. Для революционистов международное общество должно возникнуть на основе идей человеческой солидарности⁴⁶. То есть, как и для Р. Джексона, для Дж. Майалла основа размышлений о международном обществе такая же, как и у классиков Английской школы. Однако Дж. Майалл считает эти традиции идеальными типами, находящимися вдоль определенного континуума, на одном полюсе которого находится реализм, применяемый для исследования системы государств, на другом – революционизм, валидный для изучения мирового общества, а посередине – рационализм, который как раз изучает общество международное (рис. 2). Но если международное общество исторично, как об этом писали М. Уайт, Х. Булл, Г. Баттерфильд и Р. Джексон, то оно также находится в определенных пространственных и временных рамках. Тогда верхняя граница международного общества, идентифицируемая исследователем с Вестфальским мирным договором, должна изучаться плюралистским подходом, а нижняя граница, идентифицируемая с современными и будущими международными отношениями, – солидаристским.

⁴⁵ См.: *Mayall J. World Politics. Progress and Its Limits. Oxford: Polity Press, 2000. P. 15.*

⁴⁶ См.: *Ibid.*

Реализм		Либеральный рационализм	Революционизм
		Плюрализм	Солидаризм
Анархия	Система государств	Международное общество	Мировое общество

Рис. 2. Международный порядок и традиции его изучения по Дж. Майаллу

Под плюрализмом Дж. Майалл понимает взгляд на государства как на индивидов, которые имеют различные интересы и ценности, а потому международное общество ограничено только целями сосуществования подобных единиц. Солидаризм же предполагает возможность проведения реформ в международных отношениях⁴⁷.

Дж. Майалл исходит из того, что возникшее в Вестфальский период международное общество было минималистским, т. е. отражало лишь минимальные потребности в сосуществовании стран. Оно было основано на взаимном признании суверенитета, который объяснял правомерность осуществления различных прав, включая право на участие в военных союзах⁴⁸. Однако экономическая и стратегическая интеграции мира, начавшиеся с периода промышленной революции, привели к изменению традиционного понимания концепции международного общества. Промышленная революция усиливала экономическую взаимозависимость между странами. Как следствие, возникает особый психологический солидаризм, который в середине XX века привел к появлению новых политико-правовых правил международного общества в виде универсальных пактов о правах человека, способствовал институционализации международного взаимодействия на более широкой основе.

К концу XX века возникает новая модель солидаризма, когда гуманитарная интервенция и тому подобные новации в сфере защиты прав человека трансформируют представление даже о широкой трактовке международного общества. В оценке этих изменений есть свои оптимисты и пессимисты. Первые верят в формирование миро-

⁴⁷ См.: Mayall J. Op. cit. P. 14.

⁴⁸ См.: Ibid. P. 20.

вого общества на солидаристской основе, вторые – в то, что такие перемены приведут к победе анархии над минималистскими целями сосуществования государств. Сам Дж. Майалл, вопреки распространенной позиции о несовместимости между солидаристами и плюралистами, все же пытается найти компромисс.

Международное общество для него остается обществом государств, а не людей. Границы этого общества меняются со временем, достигая в XX веке глобального масштаба. Устав ООН как определенный индикатор норм и институтов международного общества ограничивает и регламентирует применение силы в отношениях между государствами в случаях индивидуальной или коллективной самообороны путем санкционирования решений Советом Безопасности в целях предотвращения угроз международному миру и международной безопасности⁴⁹. В этом обнаруживаются все те же характерные черты плюрализма. Однако особое место занимает в современном мире проблема гуманитарного вмешательства на рубеже XX–XXI веков, которая становится одной из основных тем, развивающих солидаристский подход Дж. Майалла.

Чтобы избежать спекулятивных оценок в осмыслении темы, Дж. Майалл пытался подойти к анализу проблемы гуманитарной интервенции эмпирически, сосредоточившись на практике 1990-х годов. К числу наиболее важных факторов, определивших новое звучание гуманитарной темы, Дж. Майалл относит, во-первых, сокращение бюджета ООН. В конце 1990-х годов ее бюджет составлял сумму, равную только двум дням боевых действий в Персидском заливе. Поэтому нежелание ООН вмешиваться в ряд конфликтов и стремление делегировать проведение миротворческих операций исследователи объяснял финансовыми трудностями (примерами могут служить интервенции в Сомали и Боснию)⁵⁰. Даже если ООН вмешивалась, как в случае с Сомали, то размер миротворческой миссии оставался небольшим, а сама она не могла быть эффективной.

Во-вторых, проблема принятия решений в Совете Безопасности по гуманитарному вмешательству делала этот вопрос слишком болезненным для мировой политики. Как правило, среди постоянных

⁴⁹ См.: *Mayall J.* Op. cit. P. 19.

⁵⁰ См.: *Ibid.* P. 134.

членов наблюдался раскол и разность позиций относительно целесообразности вмешательства. В такой ситуации просматривалось три варианта дальнейшего развития событий: 1) признание гуманитарной интервенции нелегитимной практикой современных международных отношений; 2) признание необходимости реформирования Совета Безопасности и пересмотр Устава ООН; 3) принятие решений об интервенции на основе не правового, а политического консенсуса государств⁵¹. Например, подобное решение будет справедливым, если правительство нарушает нормы права на самоопределение народа. А формой организации подобного вмешательства может служить так называемая модель «коалиции желающих», обнаружившая себя в дни войны в Персидском заливе. Эта позиция также обозначилась в ходе Югославского конфликта и озвучивалась представителями государств-членов НАТО⁵². Таким образом, общим вектором развития норм о гуманитарной интервенции стало движение от правового к политическому осмыслению указанного вопроса.

Третьей проблемой, связанной с гуманитарной интервенцией, выступает вопрос об адекватности средств вмешательства. Отдельно от вопроса о легальности действий НАТО в дни югославских событий 1999 года значительная доля критических аргументов в адрес НАТО касалась нежелания государств-членов, прежде всего США, осуществлять наземную операцию. Возможность потерь вооруженного контингента подталкивала к решениям о бомбардировке с воздуха. С точки зрения Дж. Майалла, такой подход выступает безусловным показателем слабости военного духа в современных демократических режимах⁵³.

Нельзя не отметить в данном случае очень сдержанную оценку Дж. Майаллом подобного вмешательства. Выступая на словах за ценности гуманитарной интервенции, никто не желает рисковать жизнями собственных граждан в проводимых гуманитарных миссиях. Тем самым интервенты склонялись к применению средств, которые запрещались Гаагскими конвенциями и по ряду обстоятельств

⁵¹ См.: *Mayall J.* Op. cit. P. 141–142.

⁵² См.: *Ibid.* P. 146.

⁵³ См.: *Ibid.* P. 143.

не попали в число международных преступлений после Второй мировой войны. Дж. Майалл же относит это не к преступлениям, а к противоречию между миротворчеством и применением силы в международных конфликтах⁵⁴.

Тем не менее такая оценка поднимает следующую, четвертую, проблему, связанную с гуманитарной интервенцией, – проблему ответственности за свои действия, защиту жертв и снижение страданий населения в процессе проведения гуманитарных операций. Исследователь отмечает, что в ходе выполнения гуманитарных миссий ООН, а затем и другие вмешивающиеся неизбежно были вынуждены брать на себя организацию гражданского и политического управления. Со временем такой подход привел к тому, что одна из задач интервенции стала предполагать создание эффективно действующей власти. При этом выборы даже на местном уровне не всегда было возможным провести в условиях вооруженного конфликта. Здесь Дж. Майалл также скептически оценивает миротворческие миссии в Югославии, как в случае с Боснией и Герцеговиной, так и в случае с Косовом. Альянс своими мерами создавал почву для действий Армии освобождения Косова – структуры, которая зеркально отражала поступки своего сербского оппонента⁵⁵.

Пятая проблема – отсутствие стремления идти путем создания «коалиции желающих» после операции ЭКОВАС в Либерии. Державы утрачивали интерес к подобным операциям, если это не приносило им собственной выгоды. Поиск балансов в новых условиях между вовлеченностью в решение гражданских задач в ходе интервенций и нежеланием вмешиваться в отдаленные регионы показывал неэффективность политических механизмов гуманитарной интервенции. Поэтому единственным эффективным исключением из вмешательства путем создания «коалиции желающих» стали действия Австралии в Восточном Тиморе. Система предоставления гуманитарной помощи не была рассчитана на увеличение количества беженцев в результате этнических чисток.

Таким образом, гуманитарная интервенция, будучи средством разрешения одних проблем, одновременно создавала другие.

⁵⁴ См.: *Mayall J.* Op. cit. P. 142–143.

⁵⁵ См.: *Ibid.* P. 148.

В силу такого развития событий Дж. Майалл считает косовский кризис особым случаем гуманитарного вмешательства, который заслонил другие проблемы интервенции: ответственности за свои действия, гуманитарного вмешательства без санкционирования со стороны ООН или региональных организаций, беспристрастности вмешательства, заинтересованности в определенном развитии событий и прочие.

В целом международное общество для Дж. Майалла – явление историческое. Оно состоит из специфических норм и институтов, часть которых возникла с формированием современной системы государств (суверенитет, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела), другие добавились к существующим нормам недавно (самоопределение, уважение к правам человека). В совокупности указанные нормы формируют международный политический ландшафт современности. Солидаристы считают традиционные институты международного общества устаревшими. Однако Дж. Майалл попытался найти компромисс между этими позициями, используя все ту же концепцию международного общества. Он не противопоставлял суверенитет гуманитарному вмешательству, но искал примиряющие начала между правовой реальностью и политическими интересами государств после окончания холодной войны. Ключевым вопросом, определяющим возможности компромисса, для него выступала следующая проблема: образуют ли институты международного общества в современных условиях иерархию или они имеют равный статус? При первом утвердительном ответе на вопрос можно было считать плюрализм и солидаризм не противоположными подходами к оценке международного общества, но крайними частями общего спектра его функционирования. Здесь концепция оказывалась вновь примеряющей различные оценки тенденций развития современных международных отношений.

Дискуссии о суверенитете, демократизации и гуманитарной интервенции приводили Дж. Майалла скорее к пессимистичным выводам о роли институтов в современном международном обществе. Он трактует суверенитет в солидаристском ключе как манифест, который теперь просто привязывает людей к определенным политическим единицам. Суверенитет, с его точки зрения, – это устаревший титул, ранее предоставлявший особые административные воз-

возможности⁵⁶. Он устаревает, но не развивается. После Второй мировой войны акцент в международных отношениях был сделан на благополучии государств, а в течение второй половины XX века к традиционным институтам анализа международного общества добавились вопросы прав человека. Поэтому и новые, и традиционные институты международного общества оказываются сегодня равнозначными. В их оценке лишь революционизм настаивает на прогрессе в международных отношениях, утверждая возникновение мирового, а не эволюцию международного общества. С позиции плюралистских мотивов в творчестве Дж. Майалла мораль в межгосударственных отношениях вовсе не исключена, однако основу международной системы по-прежнему образует сила. Здесь он парадоксально воспроизводит максимум марксизма о том, что «мораль – состояние бездеятельной активности того, у кого отняли силу». Однако проблема современного общества в том, что мир теряет и реалистическую основу политики. В контексте эволюции концепции международного общества будущее солидаристского видения мира будет зависеть от ценностей, которые разделяют вновь возникшие государства, играющие в нем сегодня все более активные роли. Дискурс Дж. Майалла в дебатах внутри школы обращает на себя внимание своей пластичностью. Это позволяет говорить о том, что дебаты между течениями внутри школы напоминают так называемые большие споры в мировой теории международных отношений, которые, по-разному расставляя акценты при изучении международных проблем, способствуют взаимообогащению и развитию общей международной теории.

⁵⁶ См.: *Mayall J.* Op. cit. P. 150.

5.3. Вопросы прав человека и гуманитарной интервенции в работах представителей Английской школы на рубеже XX–XXI веков

Помимо проблем международного порядка и справедливости в современных международных отношениях, которые были подняты в ходе так называемых плюралистско-солидаристских споров, содержательное развитие Английской школы в конце XX – начале XXI века осуществлялось по линиям проработки отдельных тем и институтов международного общества. Среди них наиболее важными представляются вопросы прав человека и гуманитарной интервенции.

Обе темы для развития в Английской школе актуализировал Дж. Винсент. Помимо двух монографий, о которых речь шла ранее, в 1986 году Дж. Винсент выступил в качестве редактора коллективной монографии, посвященной правам человека¹. В отличие от «Дипломатических исследований» и «Экспансии международного общества» данная монография была скорее сборником статей, чем работой, развивавшей общую концепцию. Однако попытку развития общей практики школы по теме прав человека частью исследователей здесь также можно увидеть.

Дж. Винсент обратился к тематике прав человека не в связи с изменениями в международном праве во второй половине XX века, что было важно для Х. Булла, но из-за политики администрации Дж. Картера по продвижению указанных прав. Тем не менее коллектив авторов попытался вставить сюжеты по правам человека и в широкий теоретический контекст. Поскольку собственная позиция Дж. Винсента была изложена в монографии, вышедшей в том же году, то в данной работе он выступил в роли редактора, написавшего введение и заключение.

Проблема, подлежащая изучению, с его точки зрения, состояла в том, что не существует четкого анализа взаимосвязи между внешней политикой и правами человека². Согласно реализму, господ-

¹ См.: Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses.

² См.: Ibid. P. 1.

ствовавшему в международной теории в тот период, государства в международных отношениях продвигают собственные интересы, но не права людей. Или, как выражался А. Джеймс, индивиды выступают скорее участниками международных отношений, но не членами международного общества³. Во внешнеполитической практике государств права человека отрицаются как подход, который усиливает хаос в международных отношениях. Социальный контракт между властью и обществом внутри государства не распространяется на общество международное.

С позиций Английской школы темы прав человека и внешней политики не являются взаимоисключающими. Обобщая оценки Р. Ховард, А. Риз, С. Морпет, Дж. Майалла и других авторов монографии, Дж. Винсент пишет, что в середине XX века в понимании прав человека произошла революция, воплотившая естественно-правовую доктрину в нормах международного и национального права⁴.

Дискуссии о приемлемости для внешней политики прав человека, с его точки зрения, показывают границу между системой государств и современным международным обществом. Система государств с помощью суверенитета создала защитный механизм от вмешательства международного общества. Принцип невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, также сдерживает развитие института прав человека в современном мире. Однако соблюдение прав человека уже стало частью современных представлений о международной легитимности. Права человека прочно вошли в арсенал правового регулирования международного общества и не могут быть проигнорированы государствами в их внутренней и внешней политике. При этом внутренняя повестка реализации норм о правах человека остается определяющей, а сама тематика данных прав демонстрирует возможность прогресса в международных отношениях⁵. Таким образом, Дж. Винсент и другие авторы данной монографии заложили основы либерального видения вопросов прав человека внутри Английской

³ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* P. 202.

⁴ См.: *Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses.* P. 261.

⁵ См.: *Ibid.* P. 261–264.

школы, связывая данные нормы с концепцией международного общества. Сама проблематика прав человека при таком подходе становилась рубежом, разделяющим нормы и ценности системы государств и международного общества.

Вопросы гуманитарной интервенции также ставились в зависимости от прав человека, институтов и принципов международного общества. Проблема гуманитарной интервенции отражала новации в восприятии прав человека в международных отношениях второй половины XX века. Эта область изучения входила в Английскую школу международных отношений также не только в силу изменений в международном праве, но и в связи со специфическим окончанием холодной войны. Тогда триумф либеральных ценностей самим фактом распада Советского Союза способствовал укреплению позиций либерального солидаризма. Данный подход в школе развивали Т. Дюнн и Н. Уилер. Они интерпретировали подход Х. Булла, сформулированный в последних работах, как фундаментальный солидаризм и стали настаивать на широкой трактовке международного общества, где гуманитарная интервенция была рубежом перехода к обществу мировому⁶.

В действительности Х. Булл до конца жизни оставался плюралистом. Более того, он с определенной жесткостью защищал плюрализм, когда писал, что продвижение прав человека в мировом масштабе в условиях, когда отсутствуют четкие приоритеты развития и их перечень, создает опасность сосуществованию государств, на котором основан международный порядок⁷.

Дж. Винсент не принимал прямого участия в плюралистско-солидаристских дебатах, хотя тематика прав человека, как уже отмечалось, для Английской школы была актуализирована именно им. Но как ученик Х. Булла Дж. Винсент писал о последствиях прав человека для общества государств, тем самым он увязывал их значение с плюрализмом. При этом парадоксальным образом либеральный солидаризм в трактовке гуманитарной интервенции своими истоками обязан не ему.

⁶ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* P. 57.

⁷ См.: *The Expansion of International Society.* P. 18.

Только после холодной войны, в 1992 году, Н. Уилер писал, что права человека открывают фундаментальную тему об отношениях между гражданами и государствами. Они показывают внутренний конфликт в международном обществе, который существует между порядком и справедливостью, между обществом и государством⁸. Таким образом, обе темы ставили вопрос о границах международного общества, а объединяющей их основой стало либеральное видение институтов международных отношений.

Первоначально сторонником либеральной трактовки прав человека в Английской школе выступил и Дж. Доннелли. В 1980-х годах он опубликовал итоги собственной диссертации, посвященной изучению прав человека, защищенной в Беркли в 1985 году⁹. В этой работе Дж. Доннелли пытался вывести относительно объективное понимание прав человека, которое трактовалось в либеральном стиле. Так, он считал, что права человека как идея, свойственная международному обществу, отражают определенную линию эволюцию социальной практики. В отличие от И. Бентама, который считал право разновидностью принятых на себя обязательств, Дж. Доннелли выводил современные права человека из концепции естественных прав, отражающих природу человеческих отношений¹⁰.

Правда, осознавая некоторое спекулятивное звучание категории человеческой природы и естественных прав человека, Дж. Доннелли приводит и другое понимание происхождения прав человека в современных международных отношениях. Оно вытекает из человеческих потребностей, которые удовлетворяют различные нужды, способствуют сохранению и развитию человеческого рода. Здесь права человека предстают как возможность делать что-либо¹¹. В этом ключе писал А. Маслоу, когда утверждал в середине XX века, что «люди рождаются свободными», воспроизводя норму французской Декларации прав человека и гражданина. Помимо этих двух

⁸ См.: *Wheeler N. Pluralist and Solidarist Conception of International Society: Bull and Vincent on Humanitarian Intervention // Millennium: Journal of International Studies. 1992. № 21. P. 482.*

⁹ См.: *Donnelly J. The Concept of Human Rights. L.: Sydney Groom Helm, 1985.*

¹⁰ См.: *Ibid. P. 11.*

¹¹ См.: *Ibid. P. 27.*

значений, Дж. Доннелли пишет и о конструктивистской «тирании» в определении прав человека, когда на это понятие смотрят как на инструмент продвижения определенных целей¹². Для него права есть синоним человеческих потребностей, подлежащих удовлетворению. Таким образом, Дж. Доннелли констатировал наличие разных коннотаций в данном понятии и стремился опереться на либеральную составляющую, заложенную в концепции естественного права представителями европейской политической мысли. С этой точки зрения современное выдвижение прав человека – это реализация подходов, предложенных в общественно-политической мысли предшествующего периода.

Свое развитие данная либеральная трактовка получила в другой работе исследователя в 1989 году, когда он пытался обосновать и проанализировать права человека в современной мировой политике через теорию международных режимов, отражающую рост значения неолиберального институционализма в конце XX века¹³.

Международный универсальный режим прав человека складывался из нескольких составляющих. Во-первых, он был представлен Комиссией ООН по правам человека, которая стала наиболее важным форумом для переговоров государств по всем «человеческим» вопросам¹⁴. Во-вторых, представлен Комитетом ООН по правам человека, который состоит из 18 независимых экспертов и осуществляет мониторинг общей ситуации в сфере соблюдения прав человека¹⁵. В-третьих, представлен международным законодательством с разветвленной системой правил и норм универсального характера по защите прав человека, начиная от принципа соблюдения прав человека и основных свобод, Международного билля о правах до специализированных конвенций, защищающих отдельные права людей.

Вывод, к которому приходит Дж. Доннелли в данной работе, заключался в том, что объективно после окончания Второй мировой

¹² См.: *Donnelly J. The Concept of Human Rights*. P. 31.

¹³ См.: *Donnelly J. Universal Human Rights in Theory and Practice*. Ithaca: Cornell University Press, 1989. 295 p.

¹⁴ См.: *Ibid.* P. 206.

¹⁵ См.: *Ibid.* P. 209.

войны можно выделить ряд этапов в формировании глобального международного режима защиты прав человека, а существование самого режима не может вызывать сомнения. При этом данный режим хотя и распространяется на весь земной шар, но не является универсальным. Он лишь отражает общую тенденцию коллективного видения прав человека с позиций ведущих государств мира. Помимо глобального режима прав человека, сложились и региональные международные режимы, у которых также присутствуют собственные плюсы и минусы.

Допустим, межамериканский режим в этих вопросах в значительной степени зависит от силовых действий по защите прав человека, в то время как европейский основан на региональных конвенциях, содержащих правовые нормы материального и процедурного характера. Режим защиты прав человека в Африке, с позиции ученого, носит чисто декларативный характер, а на Ближнем Востоке и в Тихоокеанской Азии правовые нормы по защите прав человека вообще отсутствуют¹⁶. Дж. Доннелли, кроме того, выделяет некоторую селективность «объектов» защиты прав человека в международном законодательстве. В качестве таковых выступают права рабочих, женщин, нормы, направленные на противодействие расовой дискриминации, и некоторые другие¹⁷. Специальное и региональное регулирование указанных вопросов создает определенные лакуны, которые со временем дают о себе знать на уровне глобального режима защиты прав человека.

Таким образом, Дж. Доннелли одним из первых не просто попытался обосновать и проанализировать международный режим прав человека, но и обозначил определенный круг проблем, возникающих в связи с вопросами по защите прав индивидов в рамках либеральной интерпретации данной темы внутри Английской школы международных отношений. Для него подобные лакуны служили программой для проведения дальнейших исследований и разработки конкретных предложений по развитию международного законодательства и укреплению режима в конце XX века. Но результат поднятой автором проблематики оказался неожиданным. Он привел

¹⁶ См.: *Donnelly J.* Universal Human Rights in Theory and Practice. P. 224.

¹⁷ См.: *Ibid.* P. 225.

к формированию иного подхода. Наличие проблем в понимании международного режима стало отправной точкой в развитии критики либеральной трактовки его интерпретации.

Примечательна в этом отношении статья Оноры О'Нейл, которая выступила с систематизацией критических замечаний в адрес либеральной версии понимания прав человека¹⁸. Для исследователя нет сомнений в том, что идея прав человека стала одной из центральных тем нашего времени. Общественные дискуссии 1990-х годов показали, что права людей стали своего рода индикатором прогресса в международных отношениях¹⁹. Однако права человека понимаются в разных обществах по-разному. Изначально не удалось свести перечень этих прав в единый нормативно-правовой акт. Поэтому для одних стран права человека связаны в первую очередь с гражданской и политической составляющей, для других – с социально-экономическими гарантиями защиты человека. В этой части рассуждений с исследователем нельзя не согласиться. И в Советском Союзе, и в современной России существует разное понимание приоритета тех или иных прав в сравнении с зарубежными обществами.

Однако далее О. О'Нейл замечает, что для слабых стран поставить свою подпись под Пактами – пустая позиция, дань моде, не более того. Пакты для таких государств лишь призыв к определенным действиям. Тем более что в действительности большинство из таких стран скорее нарушают права людей, чем соблюдают их. Поэтому рассматривать подобного рода нормы как юридические обязательства неправомерно. Большинство подобных стран сосредоточены на соблюдении лишь договорных обязательств, в то время как конкретизирующие положения пактов региональные и национальные соглашения остаются декларациями²⁰.

В таких суждениях заметно влияние концепции несостоявшихся (провалившихся) стран, применение которой вряд ли можно считать научно обоснованным инструментом изучения прав человека. Кроме того, исследователь противопоставляет разные виды

¹⁸ См.: *O'Neill O. The Dark Side of Human Rights // International Affairs. 2005. Vol. 81, № 2. P. 427–439.*

¹⁹ См.: *Ibid. P. 439.*

²⁰ См.: *Ibid. P. 434–436.*

юридических норм, имеющих как в национальном, так и в международном законодательстве. Такой подход создает зазор для широкой интерпретации норм о правах человека, что выглядит как проявление правового нигилизма в отношении действующего законодательства о правах человека. Наличие норм-деклараций, норм-принципов, отсутствие санкций в международно-правовых нормах не являются достаточным основанием, чтобы говорить о неправомерном характере как международного права в целом, так и международного права прав человека в частности.

Рассуждения О. О'Нейл, сделанные на рубеже XX–XXI веков, лишь отчетливо демонстрируют, что нарастание критики в адрес единого либерального понимания прав человека в Английской школе не сопровождалось отказом от самой этой идеи как таковой. Более того, права человека некоторые британские институционалисты склонны рассматривать в качестве новых современных институтов международного и мирового общества²¹. Скорее, акцент на «темной стороне прав человека» подготовил переход к их конструктивистскому пониманию. Вступая в противоречие с другими институтами современного международного общества (суверенитет, территориальная целостность), права человека становятся важным вторичным институтом современной мировой политики. Отказ от них обесценивает понимание самого современного международного общества. Идея первичных и вторичных институтов вводила своего рода иерархию в понимание международных норм, подчиняя их плюралистскому варианту трактовки современных международных институтов.

Другое направление критики либерального понимания прав человека, которое способствовало изменению их трактовки в Английской школе, пришло из анализа проблематики международных режимов. Центральной фигурой здесь выступил Б. Бузан. Он обратил внимание на то, что современный мейнстрим теории международных отношений, под которым он понимал структурный реализм и неолиберализм, как и британский институционализм, оперирует понятием международных режимов, но вкладывает в этот термин

²¹ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* P. 187.

различный смысл. Б. Бузан считает это курьезным совпадением разных теоретических подходов, поскольку, с его позиции, Английская школа изначально представляла альтернативный американскому подход к международным отношениям²². Он стремился в одной из своих работ показать различия, которые сводились к следующим аспектам.

1. Теория международных режимов в американской науке делает акцент на современных событиях, а Английскую школу всегда интересовала историческая ретроспектива и перспектива в анализе международных режимов.

2. Теория международных режимов интересуется отдельными структурами формального и неформального характера, которые создаются людьми, а Английская школа видит в нормах и институтах международного общества исторически возникшую структуру, а не научные и политико-правовые концепты.

3. Теория режимов изучает субглобальные и специализированные вопросы в международных отношениях, например правила судоходства, ограничения отдельных видов оружия массового уничтожения, правила международной торговли, а Английская школа подчиняет частные вопросы международного сотрудничества общей логике функционирования системы, т.е. общему характеру и функциям международного общества.

4. Теория режимов выстраивается вокруг технических и экономических тем международного взаимодействия. Английская школа традиционно в фокус изучения ставит военно-политическую повестку.

5. Теория режимов ведет их анализ через акторов, согласующих собственные интересы. Английская школа акцент делает не на механизмах ограничения своих эгоистических интересов участниками, а на общность ценностей и норм²³.

Таким образом, слагаемые международных режимов в практике конкретных исследовательских традиций выглядят по-разному. Объективно такой анализ также торил дорогу конструкти-

²² См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* P. 163.

²³ См.: *Ibid.* P. 161–162.

вистскому пониманию темы прав человека, заставляя усомниться в объективности либеральной трактовки прав человека. Любопытно и то, что английский конструктивизм в этом вопросе оказывался умеренным в сравнении с американским аналогом. Английская школа опять формулировала принцип *via media*, стремясь примирить крайности.

Неслучайным в этом отношении выглядит изменение позиции Дж. Доннелли в понимании прав человека к концу XX века. Он стал также придерживаться умеренно конструктивистского подхода в освещении данной проблемы. Это проявилось в том, что ученый попытался посмотреть на права человека как на новые стандарты цивилизаций²⁴. В историко-социологической манере, присущей Английской школе, Дж. Доннелли попытался вставить вопрос о правах человека в широкий исторический контекст. Он воспринял тезисы и основные выводы работы Г. Гонга о «стандартах цивилизаций», которые он называет классическими. Они выросли из режима капитуляций, представлений об экстерриториальности и консульской юрисдикции, уважения прав собственности иностранцев, что обосновывается в работе Дж. Доннелли теми же кейсами Японии, Китая и Османской империи XIX века. Однако цель такого исторического экскурса состояла не в подтверждении выводов Г. Гонга, а в инструментальном историко-социологическом обобщении (табл.).

Типология прав человека в историко-социологическом измерении

Поколения прав	Режимы прав	
	Универсальные (инклюзивные) права	Частные (эксклюзивные) права
Позитивные (максималистский вариант прав)	Локковское понимание прав человека	Права внутри отдельных конфессиональных групп (кальвинизм, ислам)
Негативные (минималистский набор прав)	Гоббсианский мир государств, где права человека определяются государствами	Классические стандарты цивилизаций XIX века

²⁴ См.: *Donnelly J. Human Rights. A New Standards of Civilizations? // International Affairs. 1998. Vol. 74, № 1. P. 1–24.*

Идея самоопределения XX века привела к краху классических стандартов цивилизаций, а сами критерии цивилизованных государств утратили свое сущностное значение. Классические стандарты цивилизаций носили эксклюзивный негативный характер. Они признавались за определенной страной в каждом конкретном случае. Позитивные стандарты стали возникать в отношении современной трактовки прав человека. Нарушения прав людей, случаи бесчеловечного обращения с ними, массовые убийства и другие злодеяния к середине XX века привели к появлению составов международных преступлений и отказу от стандартов *ad hoc*. Это было зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 года, развито в Пактах 1966 года и других международных нормативно-правовых актах. С этим видением исторического развития режима прав человека нельзя не согласиться.

Однако, по мнению Дж. Доннелли, практика признания прав человека во второй половине XX столетия поднимает проблему соблюдения данных прав в глобальном масштабе. Поэтому ключевой вопрос: будут ли государства соблюдать столь обширный перечень прав? Практика соблюдения прав демонстрирует приверженность государств минимальным универсальным стандартам, а не максимальному универсальному их перечню, который содержит действующее международное законодательство.

Дж. Доннелли считает, что события на площади Тяньаньмэнь все же создали серьезные проблемы для китайского государства и дипломатии КНР. Реакция международного общества на студенческие протесты не изменила внутреннего режима в стране, но продемонстрировала, что соблюдение прав человека становится частью требований справедливости в современном мире. Будучи европейским по своему происхождению, дискурс о правах человека распространяется на другие государства, тем самым становится крепнущей моральной основой современного международного общества. При этом общество государств остается наиболее приемлемой формой сосуществования в международных отношениях. Тогда требования демократического управления и соблюдения прав человека выступают элементом представлений о международной легитимности, но не формируют новый международный институт.

В целом дискурс о правах человека у Дж. Доннелли примечателен в нескольких отношениях. Во-первых, метафора «новые стандарты цивилизаций» не вытесняет, но легитимизирует современные гуманитарные нормы. Призыв к соблюдению прав человека остается устойчивым на протяжении XIX–XX веков. Нет сомнений и в том, что он останется в веке XXI. В силу данного обстоятельства он нуждается в изучении.

Во-вторых, идея прав человека не выступает альтернативой силовому регулированию в международных отношениях. Международное общество по-прежнему покоится на принципе суверенитета, внешнеполитических интересах стран. Традиционные институты сохраняют свое значение, хотя видоизменяются и дополняются. Поэтому применение силы в таком обществе может только ограничиваться участниками.

В-третьих, требование соблюдения международных прав человека тогда представляет собой не отклонение от принципов Вестфальской модели, а возврат к пониманию международного порядка и международной справедливости, которые много старше, чем классические институты современного международного общества. Учитывая, что Дж. Доннелли выводит идею прав человека из естественно-правовой доктрины, элементы которой можно встретить у стоиков и Аристотеля, то можно сделать заключение, что он стремится противопоставить идею человеческой справедливости позитивистской картине мира. Такой взгляд – важный шаг на пути от либерального к конструктивистскому пониманию прав человека.

С последним выводом ученого вряд ли согласились бы представители плюралистского течения внутри школы. Суверенитет для них – первичный институт международного общества и главный в иерархии международных институтов, о которых писал Х. Булл²⁵. Права человека статусом института для плюралистов не обладают. Поэтому противопоставлять их суверенитету в международном обществе нецелесообразно. Не согласились бы с подходом Дж. Доннелли и либеральные солидаристы, для которых человек – первичный актор в международных отношениях.

²⁵ См.: Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization. P. 192.

В силу такой несогласованности между солидаристской и плюралистской трактовками в понимании прав человека конструктивистский вариант их интерпретации становился способом выхода из противопоставления институтов суверенитета и прав человека. Тем самым была обоснована необходимость исторического изучения в современном международном обществе; повышено значение данного вопроса от специфической темы до международного режима.

Развитие идей Дж. Доннелли о правах человека в конструктивистском направлении можно наблюдать в творчестве К. Реус-Смита²⁶. Его работы завершают переход от либерального к конструктивистскому пониманию прав человека и дают дополнительные аргументы в понимании прав человека как института современного международного общества. К. Реус-Смит считает несправедливым противопоставление идей суверенитета и прав человека. Он пишет, что, хотя и считается, что права человека самим фактом ослабляют суверенитет, корректнее в этих международных нормах видеть не альтернативную дихотомию, а два разных дискурса о правомерности действий государств в международном обществе и проявление современных представлений о международной легитимности.

Идея суверенитета возникла и развивалась вместе с государством. В силу этого и американские реалисты, и представители Английской школы считают суверенитет абсолютным эмпирическим фактом Вестфальской эпохи²⁷. Заметим, что акцент на вестфальской картине мира в творчестве исследователя автоматически низводит суверенитет до нормы европейского международного общества, а не фундаментального признака любого государства. В целом К. Реус-Смит придерживается плюралистского подхода к трактовке данной нормы. Проявляется это в том, что, с его позиции, суверенитет как институт международного общества был усилен национализмом в XIX веке.

Последний вытеснил династический принцип организации власти, что усиливало национальный суверенитет в качестве мо-

²⁶ См.: *Reus-Smith C. Human Rights and the Social Construction of Sovereignty // Review of International Studies*. 2001. № 27. P. 519–538.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 520.

рально обоснованной нормы и делало его важным фактором международной легитимности в период с 1850-го по 1945 год. При этом даты фазы национального суверенитета К. Реус-Смит не обосновывает. Можно лишь догадываться, что в середине XIX века сформировались крупные европейские национальные государства – Италия, а впоследствии Германия. Апогеем применения национального суверенитета исследователь считает вильсонианский интернационализм, отраженный в Версальском договоре 1919 года. Нацизм делегитимировал моральную основу национального суверенитета. А после Второй мировой войны игра в новый и старый суверенитет (здесь К. Реус-Смит принимает плюралистскую терминологию в ее джексоновском варианте) стала новой моральной силой в развитии форм суверенной государственности²⁸. Деколонизация и провозглашение идеи национального самоопределения усиливали моральную силу института суверенитета в глобальном международном обществе. Они делали его частью представлений о международной легитимности за счет входивших в международное общество новых стран.

Институт прав человека в современном международном обществе имеет свою историю. Он возник как реакция на фашизм и нашел свое выражение в Уставе ООН и других международных нормативно-правовых актах (Всеобщая декларация прав человека, Пакты 1966 года, иные международные конвенции). В них закладывались новые моральные императивы современного государства. Старые стандарты цивилизаций перестали существовать. Тогда международные нормы о правах человека – это не часть новой игры в новый или старый суверенитет, но реакция на эволюцию политики государств в XX веке²⁹.

Права человека в международном обществе возникали в ходе сложного коммуникативного процесса и зависели от исторического и социально-политического контекста, который, в свою очередь, отражал сложившуюся структуру отношений между странами. Первая волна норм в сфере защиты прав человека преследовала цель ликвидировать наиболее тяжелые последствия вмешательства го-

²⁸ См.: *Reus-Smith C.* Op. cit. P. 530.

²⁹ См.: *Ibid.* P. 524.

сударства в судьбы людей в XX веке. Позднее к этим нормам добавилось желание ликвидации политических форм колониального господства, которое стало восприниматься нелегитимным к середине XX века. Вторая волна норм в сфере защиты прав человека показывала, что развивающимся странам нужны в первую очередь социальные и экономические права, которые в ходе крушения колониальных режимов стали приобретать приоритетное значение перед гражданскими и политическими правами. Индия и Ливан, с точки зрения ученого, в 1951 году сумели доказать, что разные группы стран имеют неодинаковое значение³⁰. Тем самым было положено начало процесса разведения различных групп прав. Третья волна норм гуманитарного характера строилась на фундаменте первого и второго поколений, но обнажила проблемы доступа и борьбы за ресурсы в мировой политике. Здесь права человека стали основой, обеспечивающей через суверенитет справедливые основания по контролю над ресурсами³¹.

Контекст возникновения прав человека демонстрирует многоликость представлений о легитимном государстве и справедливости человеческого измерения международных отношений в современных условиях. Внутри пространства суверенитета и прав человека оказывался возможен нормативный диалог. В этом своем утверждении К. Реус-Смит в очередной раз показывает, что Английская школа международных отношений не похожа на концепцию международных режимов, сдерживающих суверенные права современных государств. Исследователь закрепляет конструктивистское понимание прав человека, которое, помимо сказанного, выступает на этот раз средним (*via media*) между плюралистской и солидаристской трактовками международного общества. Как минимум внутри данного подхода можно говорить о взаимодействии подходов внутри школы, а не об их противопоставлении. Именно поэтому права человека в современных трактовках все чаще рассматриваются в качестве нового института современного международного общества, что не исключает их из анализа системы государств и из общества мирового.

³⁰ См.: *Reus-Smith C. Op. cit.* P. 532.

³¹ См.: *Ibid.* P. 536–537.

Тематика гуманитарной интервенции, как уже отмечалось, была производной от понимания роли прав человека в современном международном обществе для Английской школы. Однако примечательно, что к обсуждению этого вопроса активно подключились американские исследователи, которые стали использовать идеи Английской школы для концептуального обоснования собственных выводов. Это особенно важно отметить в контексте «экспансии» идей самой Английской школы. Считается, что в Америке число сторонников школы растет за счет относительно маргинальных направлений научного анализа: конструктивизма, критической теории, постструктурализма, гендерной деконструкции международных отношений. В то время как мейнстрим американской теории остается по существу реалистским и геостратегическим³².

Примечательна и нетипична в этом отношении статья американского исследователя М. Финнемор, которая ищет способы преодоления бреши между английской и американской традициями за счет использования британского социологического институционализма в конструктивистском поле проблемы гуманитарной интервенции³³. Исследователь в коллективной монографии, посвященной проблемам современной безопасности, обращается к вопросу истории происхождения вмешательства по гуманитарным основаниям, истоки которого обнаруживаются в XIX веке. В центре ее исторического анализа оказываются четыре случая «интервенции», которые ученый истолковывает в конструктивистском ключе: поддержка греческой борьбы за независимость в 1820-х годах, оказание Францией помощи христианам в Ливане и Сирии в 1860-х годах, российская помощь Болгарии в ходе кризиса на Балканах 1870-х годов и армянская трагедия на рубеже XIX–XX веков.

Заметим, это понимает и сам исследователь, что все кейсы отражали религиозные мотивы вмешательства, хотя, следуя конструктивистскому анализу, она причудливым образом воспроизводит

³² См.: *Zhang Y.* The Global Diffusion of the English School // *Guide to the English School in International Studies*. P. 224–226.

³³ См.: *Finnemore M.* Constructing Norms of Humanitarian Intervention // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / ed. by P. Katzenstein. N. Y.: Columbia University Press, 1996. P. 153–185.

выводы ряда советских историков о том, что за религиозными мотивами в конфликтах часто скрывались социально-политические противоречия. Единственное, что отличает позицию М. Финнемора по данному вопросу, – это то, что она склонна видеть геостратегические, а не социально-экономические причины, побуждающие к вмешательству. Кроме того, все рассматриваемые исследователем случаи были направлены против одной страны – Османской империи, что несколько снижает уровень возможных обобщений о самом явлении. По форме вмешательства эти интервенции могли быть как односторонними, так и многосторонними. Последнее обстоятельство требует дополнительных обоснований для концептуализации. Не случайно поэтому, что подход ученого к исследованию данного вопроса оказывается возможным в конструктивистском ключе.

Это проявляется в том, что, обобщая практику интервенций XIX века, М. Финнемор экстраполирует некоторые современные концепты на исторические процессы прошлого. С ее точки зрения, гуманитарная интервенция не выступает новым явлением рубежа XX–XXI веков. Тем не менее мотивы интервенций, как и сегодня, не всегда заключались исключительно в «гуманитарных» основаниях. Это, с ее позиции, объясняет, почему Россия вступалась за Болгарию, но не предпринимала односторонних действий в отношении армянского населения Османской империи. Армянская церковь считалась автономной и не идентифицировалась, как в случае с южными и западными славянами, с общей религиозной традицией. Аналогичным образом религиозная идентификация оказывалась важной для французских действий в Сирии и Ливане в 1860-х годах³⁴. При этом нарушения прав и интересов нехристианского населения даже в не менее исключительных случаях той эпохи: подавление тайпинского восстания, разгром сипаев в Индии, притеснение турок в Центральной Азии, еврейские погромы – не воспринимались как легитимные основания для вмешательства в дела другой страны.

Конструктивистская интерпретация здесь проявлялась и в том, что границы имперских пространств в XIX веке оставались аморфными и часто не регулировались международными соглашениями, что создавало дополнительные возможности для конфликта. Были

³⁴ См.: *Finnemore M.* Op. cit. P. 168–169.

и другие причины стратегического характера для проведения вмешательства, не связанные с нарушением прав подданных. По форме интервенции могли быть односторонними (Сирия, Болгария), многосторонними (поддержка греков в борьбе за независимость), а могли проводиться одной страной с согласия остальных (английская позиция в отношении Балкан в 1870-х годах).

Во всех случаях интервенты идентифицировали себя с жертвами «гуманитарной катастрофы» в некоторых важных отношениях. Прежде всего это общая религиозная идентичность. Гонения на христиан находили отклик и сочувствие в Европе. Подобная реакция встречалась как на уровне государства, так и на уровне общества. В ряде случаев положительное одобрение интервенции со стороны общества было даже более важным, чем интересы властей в том или ином конфликте. Примечательно и то, что был востребован определенный тип религиозной идентичности. Именно поэтому подавление протестов индусов, притеснение турок в Центральной Азии или еврейские погромы не приводили к аналогичным результатам, поскольку интервенты с жертвами себя не идентифицировали³⁵.

Религиозная идентификация европейцев, имеющая в основании христианские ценности, в XX веке трансформировалась в ценности гуманитарные, относящиеся ко всему человечеству. Изменение международного общества от европейского к глобальному, как следствие, трансформировало и представление об основаниях гуманитарной интервенции. Именно в XX веке подобный вид вмешательства стал называться гуманитарным. Такому изменению способствовал ряд обстоятельств: запрет на рабство и работорговлю, аболиционизм, утверждение права нации на самоопределение, деколонизация. Вследствие этих процессов и событий сегодня все народы стали считаться субъектами международного права, а не только цивилизованные державы³⁶.

Правда, и здесь М. Финнемор делает противоречивый вывод о том, что колониализм способствовал осознанию «гуманности» в международных отношениях. В известном смысле, как пишет исследователь, колониализм даже способствовал развитию гумани-

³⁵ См.: *Finnemore M.* Op. cit. P. 169–170.

³⁶ См.: *Ibid.* P. 171–172.

тарных начал в международном обществе, так как представления о гуманизме в отношении других народов до колонизации у европейцев оставались абстрактными и лишенными связи с конкретной жизненной ситуацией³⁷. При таком авторском подходе как колониализм, так и деколонизация могут считаться равными основаниями для становления гуманитарных начал в международных отношениях, что звучит абсурдно. С этой позиции, если бы не было колониального прошлого, не произошло бы и знакомства с европейцами. А, как следствие, другие народы так и не стали бы людьми в гуманитарном представлении европейцев.

Данные черты определяли специфику интервенций XIX века. В XX столетии происходит дальнейшая трансформация идеи гуманитарной интервенции. Односторонние интервенции в XX веке продолжали иметь место, но легитимными со второй половины XX века по преимуществу считаются многосторонние операции такого рода. Как и по XIX столетию, по XX веку М. Финнемор исследует отдельные кейсы одностороннего вмешательства на примерах действий индийских войск в Восточном Пакистане в период образования Бангладеш (1971 год), вторжения войск Танзании в Уганду в 1979 году или вьетнамской операции в Кампучии (1979 год). Ссылается исследователь на американскую интервенцию в Гаити (1983 год), но не пишет о Панаме (1989 год). М. Финнемор замечает, что, как и в XIX столетии, у вторгающихся в XX веке кроме гуманитарных были и иные мотивы для действий. Кроме того, Совет Безопасности ООН не всегда санкционировал применение силы в этих ситуациях. Анализируя практику одностороннего вмешательства, исследователь приходит к общему наблюдению: непонятно, в силу каких причин государства предпочитают мультилатерализм унилатерализму в данном вопросе. Каждая из форм интервенций имеет как сильные, так и слабые стороны³⁸.

К сожалению, данный тезис в главе не получает дальнейшего развития, да и вряд ли его можно проверить выбранным автором методом кейс-стади. Однако ряд промежуточных наблюдений исследователя в этой связи, безусловно, заслуживает внимания.

³⁷ См.: *Finnemore M.* Op. cit. P. 172.

³⁸ См.: *Ibid.* P. 177.

Например, период холодной войны, с ее точки зрения, был проблематичным для руководства многосторонними интервенциями. Коллективные силы противоборствующих сторон взаимно не доверяли друг другу. Глобальное противостояние отражалось и на гуманитарных миссиях³⁹. Указанный тезис, несомненно, вызывает интерес. Однако непонятно, о каких интервенциях в данных случаях идет речь.

Существенным отличием практики современных многосторонних гуманитарных интервенций выступают их качественные характеристики. Мультилатерализм в XIX столетии носил количественный характер, согласно позиции М. Финнемор. Чтобы изменить гуманитарную ситуацию в стратегическом отношении, необходима была интеграция усилий нескольких государств. Когда одна страна была в состоянии переломить ситуацию собственными силами, коллективного объединения усилий не требовалось. Бывали случаи, когда даже при коллективном санкционировании интервенция осуществлялась силами одной державы. Современный мультилатерализм в гуманитарной интервенции призван отстаивать принципы и общепризнанные нормы международного права. Интервенции могут быть основаны на Уставе ООН и нормах иных региональных международных межправительственных организаций. Здесь другая нормативно-правовая основа. Такой подход подразумевает наличие иного понимания международно-правовой ответственности, чем ответственность «цивилизованных» стран XIX века. Здесь нормативный подход противостоит стратегическому пониманию интервенции⁴⁰.

С подобным противопоставлением качественной стороны интервенций количественному подходу в разные эпохи также вряд ли можно согласиться в полной мере. Иные цели и последствия, нежели гуманитарные, в интервенциях рубежа XX–XXI веков озвучивались и анализировались не реже, а то и чаще, чем собственно гуманитарные. Но главные выводы исследователя заключались вовсе не в расхождении оценок по частным аспектам проблемы гуманитарной интервенции, а в том, что данное явление не новая страница постбиполярной эпохи либо периода второй половины XX века. Подобные

³⁹ См.: *Finnemore M.* Op. cit. P. 180.

⁴⁰ См.: *Ibid.* P. 182.

действия были и раньше. Более того, гуманитарная интервенция – явление историческое. Она изменяется со временем по разным направлениям: акторам, нормам, формам осуществления, специфике гуманитарного содержания. Задача современного периода – выделить специфические условия и определить правовые нормы, при которых применение вмешательства по гуманитарным основаниям будет считаться легитимной практикой действий со стороны глобального международного общества⁴¹. С этим положением нельзя не согласиться. Однако инверсией подобного суждения выступает то положение, что в современных условиях вмешательство, вопреки нормам действующего международного права, не легализует гуманитарную интервенцию. Примечательно, что американский исследователь заимствовала нормативный подход Английской школы, но направила его в конструктивистское русло, где есть возможность его различной интерпретации. Большинство юристов-позитивистов с подобными рассуждениями не согласились бы.

Таким образом, вопросы прав человека и гуманитарной интервенции в рамках развития Английской школы международных отношений на рубеже XX–XXI веков примечательны как минимум в нескольких отношениях. Во-первых, они выступили центральными темами расхождений между солидаристами и плюралистами в интерпретации современного международного общества. И та и другая позиции подняли круг важных вопросов, связанных с правами человека, которые нельзя было игнорировать и на которые пришлось отвечать. Тем самым указанный спор стал источником внутреннего развития школы как минимум на протяжении двух десятилетий.

Во-вторых, эволюция подходов исследователей по данным вопросам демонстрирует постепенный переход представителей указанного научного сообщества на конструктивистскую методологию. При этом представители последних поколений в школе использовали в своих работах разные парадигмы международной теории: неолиберальную теорию режимов, неореалистский интервенционизм, наработки политической и правовой науки. Однако как подход Х. Булла, который разрабатывался не один десяток лет, но был уси-

⁴¹ См.: *Finnemore M. Op. cit.* P. 185.

лен периодом разрядки в международных отношениях в момент выхода «Анархического общества», так и работы его последователей отразили специфику общей научной эволюции социальных и гуманитарных исследований. Конструктивизм, становясь все более востребованным, позволил Английской школе отойти от попадания в поток тем американского теоретического мейнстрима и создал возможность сохранения некоторой методологической привлекательности в качестве примиряющей основы внутреннего теоретического диспута.

В-третьих, тематика изучения прав человека и вопросов гуманитарной интервенции показала правомерность дальнейшего развития Английской школы как британского варианта институционализма в международных отношениях. Полемика между солидаристами и плюралистами оказалась примиряющей различные теоретические аспекты внутри концепции международного общества за счет анализа институтов международного общества в истории и современности, что заставляет внимательнее присмотреться к данным темам. В правах человека современные представители школы видят прежде всего институт международного, а не мирового общества, тем самым повышают статус данного вопроса внутри теории международных отношений.

В-четвертых, обе тематические области показывают политическую востребованность наработок Английской школы в современных международных отношениях. К идеям школы стали проявлять интерес исследователи в различных частях света. Изначально, не попадая в мейнстрим современной международной теории, Английская школа обеспечивала себе развитие на рубеже XX–XXI веков путем изучения частных тем, к которым принадлежат вопросы прав человека и гуманитарной интервенции. Процесс собственной интеллектуальной экспансии школы стимулировался острым политическим звучанием поднятых тем, что с учетом привлечения конструктивистского подхода показывало переход школы от изучения политической истории к формированию того, что сегодня получает название исторической политики при организации внешнеполитических подходов отдельных стран.

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ В ХХІ ВЕКЕ (вместо заключения)

Т. Дюнн считает, что потенциал дальнейшего развития Английской школы международных отношений можно проследить через три процесса. Во-первых, разделы, посвященные Английской школе, стали составной частью учебной литературы по международным отношениям во многих странах мира. Во-вторых, влиятельные международные журналы вроде “Review of International Studies” или “Millennium” стали активно публиковать тексты представителей Английской школы и критические статьи по поводу идей указанного научного сообщества. В-третьих, все большее количество исследователей начинает развивать идеи международного общества за рамками исторического хартленда – места возникновения концепции¹.

Можно взять указанную оценку исследователя за основу для определения роли, места и направлений развития Английской школы в современном теоретическом дискурсе по международной и мировой политике. Данные показатели, правда, нуждаются в обосновании и верификации. А, кроме того, за рамками этих индикаторов остается еще важный комплекс вопросов, нуждающихся в уточнении. Прежде всего это вопрос о том, что считать местом создания Английской школы и какую роль она играет в современной британской науке по международным отношениям. Тот же Т. Дюнн чуть позднее утверждал в этой связи, что мы нуждаемся в более острых аналитических инструментах, чем те, которые обеспечили нам М. Уайт и Х. Булл.² Английская школа международных отношений

¹ См.: *Dunne T. Inventing International Society: A History of English School.* P. 130; *Idem. The English School.* P. 268.

² См.: *Dunne T. Sociological Investigations: Instrumental, Legitimist and Coercive Interpretations of International Society // Millennium.* 2001. Vol. 30, № 1. P. 66.

никогда не была синонимом всей британской международной теории, хотя, в силу ряда причин, стала восприниматься в качестве национального теоретического бренда. Поэтому перед оценкой перспектив и направлений развития Английской школы необходимо хотя бы в общих чертах сказать о месте, которое сегодня занимает школа внутри английской международной науки.

В 1960–1970-х годах в науке было признано, что «Дипломатические исследования» представляют собой один из наиболее фундаментальных текстов в развитии самостоятельной дисциплины по международным отношениям в Великобритании. Тогда британский подход стал противопоставляться американскому, который, по известному выражению С. Хоффмана, рассматривал международные отношения частью американской политической науки. Однако дискурс, который формировался в ходе обсуждений в Британском комитете по теории международной политики и нашел свое выражение в указанной публикации, внутри британского научного и образовательного сообщества был распространен лишь в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований, где работали М. Уайт и Х. Булл. Возможно, среди «старых» университетов Великобритании им пользовались еще в Кембридже, где работал Г. Баттерфильд.

Однако для большинства «новых» университетов, открывшихся в 1950–1960-х годах, сделавших возможным знакомство с международными отношениями для широкого круга английских студентов и исследователей, в том числе и для университета в Суссексе, куда перешел работать М. Уайт, указанный теоретический дискурс о международных отношениях был неизвестным. Концепция международного общества во многом оставалась уникальной разработкой Комитета, состоявшего из узкого круга людей, лично знакомых друг с другом. По этой причине не было выхода даже на столичные университеты и другие значимые для Великобритании научные центры. Так, допустим, не сложились связи в 1960–1980-х годах с университетом в Лондоне, не было контактов с Лондонским центром по изучению конфликтов Дж. Бертона, в этот же период создававшего свою социологическую традицию анализа конфликтов. При этом Дж. Бертон разделял некоторые положения концепции международного общества.

Нечто подобное можно сказать и о научных центрах, где осуществлялось изучение международных отношений. Некоторые члены Комитета сотрудничали с Чатем Хаусом, включая М. Уайта и Х. Булла, но в рамках прикладных проектов и стратегической тематики исследований этого института концепция международного общества оказывалась слабо востребованной. Поэтому появление в 1977 году «Анархического общества» Х. Булла можно считать еще и средством «популяризации» наработок школы внутри британской науки, а «Экспансию международного общества» – попыткой выхода на общий теоретический уровень в масштабах страны.

Дебаты между плюралистами и солидаристами о границах международного общества и направлениях его трансформации очертили новый круг проблем, но разрушили концептуальное единство школы в 1980–1990-х годах, тем самым снизив количество потенциальных сторонников теории внутри британской науки. «Большие теории» в национальном масштабе все же требуют единства взглядов на фундаментальные вопросы изучения. В этом смысле последние два десятилетия были периодом внутреннего кризиса школы, а сама концепция продолжала оставаться частной научной теорией. Сама по себе подобная ситуация не является ни плохой, ни хорошей. Она объективна. Кризис в науке, как и в развитии школы, становится периодом поиска нестандартных ответов на запросы времени и часто сопряжен с усилением креативных поисков исследователями.

В таких условиях развитие школы в Великобритании продолжилось за счет мобилизации вокруг специфических тем и проектов, которые предпринимали отдельные представители данного научного сообщества. Майкл Донелан попытался «воскресить» работу Комитета в рамках серии семинаров, проводившихся на базе Лондонской школы экономики. Однако в условиях многочисленных сетевых проектов и развития процессов глобализации в науке, когда научные обмены, стажировки и сетевые конференции становятся ординарным событием, формат возобновления личных встреч «школьников» на рубеже XXI века не принес таких результатов, как творческая атмосфера Британского комитета в 1960–1980-х годах. Хотя сохранение этого формата работы позволяет говорить о том, что школа жива и продолжается в организационном смысле. Однако сама по себе организационная сторона еще не гарантирует создания

творческого «продукта», позволяющего говорить о содержательном развитии научного сообщества.

Огромную работу по выходу из сложившейся внутри Английской школы ситуации за последние четверть века проделал Б. Бузан, который считает, что подход школы по-прежнему сохраняет свой эвристический и теоретический потенциал в изучении международных отношений. Как и в случае с такими знаковыми для данного научного сообщества фигурами, как Г. Баттерфильд и М. Уайт, применительно к Б. Бузану можно говорить об организационном и содержательном вкладе ученого в развитие Английской школы. В организационном отношении именно Б. Бузаном была предпринята попытка «сетевизации» научного сообщества, которая насчитывает сегодня четвертое поколение исследователей. Б. Бузан сумел организовать новый форум после прекращения работы Комитета, осуществляющий свою деятельность в рамках Ассоциации британских международных исследований (BISA).

В содержательном смысле вклад Б. Бузана в развитие школы определяется несколькими направлениями. Во-первых, своими исследованиями ученый способствовал укреплению позиций школы в качестве британского варианта институционализма, что нашло выражение в нескольких монографических исследованиях³.

Во-вторых, заслуживает несомненного внимания, причем не только в рамках его работы в Английской школе, исследование по исторической социологии, написанное вместе с Р. Литтлом. После работ А. Уотсона совместный труд данных авторов стал крупнейшей попыткой синтеза исторических и теоретических исследований по международным отношениям в рамках международной исторической социологии, что нашло признание в мировой науке, в том числе американской⁴.

В-третьих, Б. Бузан предпринял серьезные усилия по исследованию третьего компонента из триады Английской школы – мирового

³ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* 295 p.; *Idem. Rethinking Hedley Bull on the Institutions of International Society // The Anarchical Society in a Globalized World.* P. 75–96.

⁴ См.: *Buzan B., Little R. International System in World History. Remaking the Study of International Relations.*

общества, которое, с его точки зрения, имеет самостоятельный эвристический потенциал и способно завершить спор между солидаристами и плюралистами путем формирования самостоятельного предмета изучения внутри указанного концепта. Три направления исследования общества – межгосударственное, межличностное и транснациональное должны изучаться по-разному⁵.

В-четвертых, это развитие связей между международной политэкономией и концепцией международного общества. Игнорирование экономической стороны в изучении международных отношений традиционно считается недостатком Английской школы. Б. Бузан стал заполнять эту нишу некоторыми темами и пытается определить программу совместного изучения с представителями международной политэкономии⁶.

В-пятых, привлечение внимания в проблематике школы к региональным международным обществам, что изначально предполагалось сделать за счет развития представлений о комплексах региональной безопасности⁷. Данное направление работ положило начало тому, что впоследствии стали называть Копенгагенской школой безопасности. Однако нельзя не отметить, что интерес к стратегической повестке у Б. Бузана начал формироваться еще раньше⁸. А связь между стратегическими идеями и их дальнейшими преломлениями в творчестве Б. Бузана проследить несложно. Данный момент подчеркивает то обстоятельство, что Б. Бузан может работать в различных теоретических парадигмах, а широта его взглядов и научных интересов не всегда укладывается в рамки Английской школы, хотя нет никаких сомнений в том, что сам себя с ней он четко идентифицирует.

В-шестых, адаптация современных конструктивистских подходов к предметному полю исследований международных отноше-

⁵ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization.* P. 269–270.

⁶ См.: *Buzan B. Economical Structure and International Security. The Limits of Liberal Case.* P. 597–624.

⁷ См.: *Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis.* L., 1998; *Buzan B., Waever O. Powers and Regions. The Structure of International Security.* Cambridge, 2002. 387 p.

⁸ См.: *Buzan B. Seabed Politics.* N. Y.: Prayer Publishers, 1976. 313 p.

ний и мировой политики. В силу данного фактора Английская школа получила известность и стала востребованной за пределами Великобритании, что особенно важно отметить, и в США, а сам Б. Бузан стал восприниматься в качестве одного из влиятельных в мировой науке конструктивистов-международников.

Таким образом, вклад ученого в развитие школы на рубеже XX–XXI веков оказался настолько значительным, что научное творчество многих других видных представителей школы стало отходить на задний план. Как и в случае с Х. Буллом, за спиной которого стояла работа научного коллектива на протяжении двух десятилетий, феномен Б. Бузана не возник на пустом месте. Научная школа по определению не может быть сведена только к творчеству отдельных своих талантливых представителей. Она по-прежнему представляет собой определенный кластер мышления и коллективный способ рассуждений о международных отношениях. В этом плане К. Навари сегодня занимается переосмыслением и развитием методологии школы. Она сумела объединить в рамках изучения отдельных аспектов концепции многих современных «школьников»⁹. Э. Харрелл и Я. Кларк пытались оригинальными работами привлечь внимание к идеям научного сообщества, а также занимались публикацией работ и рукописей Х. Булла¹⁰.

Таким образом, школа сумела преодолеть внутренний кризис, связанный со сменой нескольких поколений, эволюцией собственной концепции, переформатированием круга проблем исследования, изменением формата деятельности. Более того, интерес к школе в мировой науке растет. И тем не менее отождествлять Английскую школу со всей теорией международных отношений в Великобритании было бы несправедливо. В современной английской науке о международных отношениях присутствует и собственный структурный реализм, и неолиберальный институционализм, и критическая теория, и гендерные исследования, и неомарксизм, и международная

⁹ См.: Guide to the English School in International Studies. 246 p.

¹⁰ См.: Hedley Bull on International Society. 279 p.; Clark I. Globalization and Fragmentation. International Relations in the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004. 220 p.; *Idem*. Legitimacy in International Society; Hurrell A. Op. cit. P. 143–158.

политическая экономия, и многочисленные прикладные исследования с пестрой теоретической палитрой. На этом фоне Английская школа сохраняет свой автономный статус как британский институционализм, способный стать прочным фундаментом для дальнейшего развития специфического подхода к анализу и прогнозированию международных отношений. Кроме того, представители школы, как это нередко бывало в ее внутренней истории, активно взаимодействуют с представителями «новых» теоретических подходов. Английская школа здесь часто выступает площадкой для диалога, примиряющей различные теоретические течения.

Нормативный подход и институционализм развивает в своих работах К.Я. Холсти. Э. Линклейтера часто называют представителем критической теории. Ц. Энло и М. Залевски считаются сторонниками гендерного подхода к международной политике. Нет сомнений в том, что на А. Вендта повлияли идеи Х. Булла, как нет никаких оснований отрицать взаимосвязь между Английской школой и Копенгагенской школой в области изучения безопасности. Связь с современным конструктивизмом позволяет заключить, что Английская школа сумела адаптироваться к реалиям развития современных процессов в науке и включить в себя новые парадигмы современного гуманитарного знания. Школа оказывается чувствительной и к критике со стороны современного сциентизма, пытается интегрировать наработки экономистов и культурологов. Ценность ее как *via media* в международной теории по-прежнему актуальна. Автономность ее концептуального содержания не означает автаркии в отношении британской и мировой науки, как и название школы никогда не обозначало заикленности ее предмета на национальных проблемах и интересах.

Развитие школы при этом будет продолжаться и по другим траекториям. Можно говорить о качественных и количественных индикаторах ее дальнейшего развития. В качестве примера пространственной экспансии Английской школы можно сослаться на работу Й. Зэнга, который пишет о четырех направлениях распространения идей данного научного сообщества: американском, европейском, австралийском и афро-азиатском¹¹. Безусловно, что в этом

¹¹ См.: Zhang Y. Op. cit. P. 225–229.

перечне американский вектор развития выступает в качестве магистрального. Американская наука о международных отношениях остается центром развития дисциплины. По-прежнему львиная доля работ выходит в США. При этом история взаимодействия американской науки и Английской школы полна парадоксов и перипетий. Достаточно вспомнить в этом отношении, что знакомство со школой для американской науки началось с известной полемики между Х. Буллом и М. Капланом, которая стала в 1960-х годах исходной точкой второго «большого спора» в международных отношениях между традиционалистами и бихевиористами. Парадокс заключается в том, что в центре упомянутой полемики находилась проблема методов изучения международной сферы – как раз та тема, которой Английская школа в лице своих создателей не уделяла практически никакого внимания. Комитет создавался для изучения специфических общих оснований, которые позволят комплексно изучать международную политику. Слабость методической стороны признавали и последующие поколения школьников, и частично сам Х. Булл, который в конце жизни писал, что среди социенистов мало ученых вроде Т. Шеллинга. Но классические для того периода аргументы критики как социенизма, так и американского бихевиоризма были даны именно «англичанами». Таким образом, знакомство школ началось скорее с конфронтации, чем с сотрудничества, о чем мечтал Фонд Рокфеллера.

Парадоксом во взаимодействии двух традиций выглядит и то, что М. Уайт одно время даже подменял Г. Моргентау, читая один и тот же курс по теории международных отношений. М. Уайту предлагали продолжить работать в Соединенных Штатах. Но результатом его стажировки в США оказался набросок книги о трех традициях международной политической мысли. Парадокс, но столь значимая для Английской школы работа была задумана и приобрела первые очертания именно в Америке. В каком-то смысле соприкосновение с американской международной теорией способствовало осознанию собственной непохожести и разработке самостоятельной концепции изучения международных отношений.

С течением времени ситуация начала постепенно изменяться. Американец Г. Гонг в 1980-х годах написал важный для школы текст о «стандартах цивилизаций», а его соотечественник Дж. Доннелли

развивал тему о правах человека в стиле Английской школы. А. Уотсон, напротив, последние годы жизни жил и работал в Америке, где вписался со своими научными интересами в американские стратегические исследования. Таким образом, конец XX – начало XXI века можно рассматривать как период взаимодействия двух разных научных традиций, которые оказались комплементарны. Это сказалось и на некоторых оценках Английской школы в Америке, где ее пытались представить в качестве английского варианта реализма. Тем более что ранние работы М. Уайта, как и стратегические исследования Х. Булла, давали тому основания¹². «Анархическое общество» Х. Булла стало восприниматься в качестве хрестоматийного пособия по неореализму (структурному реализму), как и работы К. Уолтца. В действительности, связь между книгой Х. Булла и книгой К. Уолтца «Человек, война и государство» скорее хронологическая, чем идейная и содержательная. Сам Х. Булл из реалистов ценил С. Хоффмана, который, в свою очередь, написал предисловие ко второй публикации работы Х. Булла.

Сегодня ситуация еще более изменилась. О. Вайвер пишет о взаимном влечении английского и американского институционализма друг к другу¹³. Решающая роль такого встречного движения принадлежит конструктивизму. Путем критики господствующих теоретических подходов Английская школа стала входить в исследовательскую традицию США, где конструктивизм остается предметом споров и, в свою очередь, активно подвергается критике представителями стратегических исследований и неореалистами. Однако сторонники конструктивизма в Америке выражают признательность Английской школе. Дж. Рагги пишет, что Английская школа на него оказала сильное влияние¹⁴. А. Вендт считает Английскую школу одной из четырех ведущих парадигм изучения международных от-

¹² См.: *Wight M. Power Politics*. L., 1949.

¹³ См.: *Waever O. Four Meanings of International Society. A Trans-Atlantic Dialogue // International Society and the Development of International Relations Theory / ed. by B. Robertson*. L.: Printer, 1998. P. 80–144; *Idem. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // International Organization*. 1998. № 52. P. 719.

¹⁴ См.: *Ruggie J. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and Constructivists Challenge // International Organization*. 1998. № 52. P. 855–885.

ношений сегодня¹⁵. Д. Лейк и П. Морган активно используют идеи комплексов региональной безопасности¹⁶. М. Финнемор ищет способы преодоления разрыва между английской и американской традициями¹⁷. А Т. Нардин писал о необходимости защиты концепции международного общества от ее оценки как английского варианта неореализма.

Означает ли такая ситуация, что идеи Английской школы востребованы в США лишь «маргинальными» теоретическими направлениями? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Можно сказать и да и нет. Безусловно, что конструктивистам своим вниманием к проблемам дискурса, идентичности, изучению отдельных социальных групп, гендерной деконструкции международных отношений удалось привлечь интерес и к Английской школе. Однако концепция международного общества востребована не только ими. С. Краснер называет Английскую школу лучшей социологической перспективой для изучения международных отношений¹⁸.

Наконец, нельзя не отметить, что Америка – это не только США. Канадец Р. Джексон считается одним из ярких представителей плюралистов в Английской школе. Именно ему принадлежат разделы, посвященные школе, в некоторых современных учебниках по теории международных отношений¹⁹. Выходят в Канаде и монографические исследования, как показывающие растущий интерес к анализу и применению наработок концепции международного общества, так и демонстрирующие рост числа ее адептов в стране²⁰.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Австралии, которая также показывает распространение и развитие идейного влияния

¹⁵ См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. P. 32.

¹⁶ См.: *Regional Orders. Building Security in a New World* / ed. by D. Lake, P. Morgan. Pennsylvania, 1997. P. 31; *Buzan B., Waever O.* Op. cit.

¹⁷ См.: *Finnemore M.* Op. cit. P. 153–185.

¹⁸ См.: *Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*.

¹⁹ См.: *Jackson R. The Political Theory of International Society // International Relation Theory Today* / ed. by K. Booth, S. Smith. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1995. P. 110–127.

²⁰ См.: *System, Society and the World. Exploring the English School of International Relations*. 73 p.

школы в рамках англоязычной периферии. В значительной степени этому способствовала фигура Х. Булла, который до конца жизни не порывал связи со своей родиной. Он многое сделал для становления науки о международных отношениях в этой стране. В течение десятилетия он преподавал в Национальном университете, возглавляя кафедру. Ему принадлежит идея анализа роли Юго-Восточной Азии и Пасифики, а к этому региону он относил и Австралию, в мировой политике. Нельзя однозначно утверждать, что в этом отношении его творчество выступало новаторским в изучении среза региональных международных отношений. Однако результатом такой работы стала публикация коллективной монографии по данному предмету²¹. Эту книгу можно рассматривать и как попытку создания научного сообщества международников в этой стране. В Канберре в Австралийском национальном университете существует центр имени Х. Булла, который сегодня публикует работы не только своего известного соотечественника, но и труды его учеников, которыми были и продолжают оставаться Дж. Винсент, К. Реус-Смит, К. Белл, хотя последняя была одновременно и коллегой, и ученицей М. Уайта в Лондонской школе экономики.

Несколько неоднозначно выглядит ситуация с распространением идейного влияния школы в континентальной Европе. Нет сомнений, что идеи школы отчетливо звучат в творчестве таких ученых, как О. Вайвер, Н. Онуф, Я. Стивахитс, К.Я. Холсти. Однако в их творчестве ощущается не столько общее концептуальное воздействие школы, сколько бузановское видение проблем международной безопасности, склонность к изучению международных институтов необязательно в британском варианте их прочтения. Дискурс школы здесь развивает и дополняет индивидуальное видение отдельных тем европейскими исследователями.

Такая ситуация говорит, с одной стороны, о том, что наследие и влияние Английской школы, безусловно, востребовано в европейском регионе, с другой – о наличии некоторых препятствий для формирования подобных кластеров мышления в континентальной науке. «Мода на школу», занесенная в Европу усилиями Б. Бузана, может не пустить свои корни в виде формирования научных сооб-

²¹ См.: Asia and Western Pacific Towards a New International Order. 387 p.

ществ в других европейских странах, но дать лишь краткосрочный эффект за счет развития и востребованности отдельных идей в условиях формирования конструктивистской парадигмы в современном гуманитарном знании. При таком сценарии развития событий идейное влияние школы как частной научной концепции может подвергнуться темпоральной маргинализации или быть заслоненным иными частными научными подходами и целыми научными школами по изучению международных отношений, которые существуют в Европе: французская социологическая традиция, Копенгагенская школа изучения проблем международной безопасности, Стокгольмский институт исследования проблем мира.

Правда, существуют и некоторые исключения из подобного сценария развития. Они представлены в виде интереса к школе со стороны профессора университета в Милане Б. Вигецци, который активно занимается ее исследованием и защищает ее ценности²². В этом случае можно говорить о развитии ситуации по типу Канады, когда усилиями отдельных европейских представителей могут быть сформированы небольшие, но значимые центры изучения международных отношений на основе концепции Английской школы. Развитие подобной тенденции позволило бы осторожно заявить о наличии признаков формирования кластера размышлений о международных отношениях в рамках концепции международного общества в континентальной Европе.

«Азиатский вектор» идейной экспансии Английской школы также характеризуется специфическими тенденциями. Во-первых, адептов и интересующихся школой людей можно обнаружить от Турции до Японии. К их числу относят турецкого исследователя Н.А. Юрдусева, японцев Й. Икедо и Х. Суганами, китайца Й. Зэнга. Перечень имен и работ данных исследователей не является ни полным, ни исчерпывающим, но лишь призванным показать, что сторонников школы можно найти сегодня в любом уголке земного шара. Как следствие, стараниями Й. Икедо в Японии «Три традиции» М. Уайта были переведены и опубликованы в 2007 году, а «Дипломатические исследования» – в 2010 году. Усилиями Й. Зэнга некоторые из текстов Английской школы были переведены на китайский

²² См.: *Vigizzi B.* Op. cit. P. 37–58.

язык в 2003 году. Наряду с марксизмом и реализмом дискурс школы считается основным в теоретическом поле китайской науки²³. Б. Бузан бывает частым гостем в Китае, и, если судить по его собственным словам, он отмечает большие перспективы для Английской школы в КНР²⁴.

Во-вторых, Английская школа в научном пространстве данного региона занимает подчиненное, в сравнении с американским теоретическим мейнстримом, положение. Структурный реализм, неолиберальный институционализм и конструктивизм превалируют среди иностранных теоретических подходов. Вместе с тем нельзя говорить и о маргинальном статусе английской теоретической традиции в этом регионе в силу следующей, третьей, тенденции.

В-третьих, Английская школа оказывается привлекательной из-за внутренних возможностей синтеза культурно разнородных подходов и их применения к изучению исторического опыта развития азиатских стран. Национальные научные сообщества международных в странах Азии в Английской школе часто видят специфическую геокультурную перспективу, которую можно противопоставить недавним концепциям однополярного мира и унилатерализма, прочно ассоциирующимся с американской политической наукой. Подход Английской школы, отстаивающей ценность международного общества, коллективизм и общую ответственность за международный порядок, бросает вызов теоретическому мейнстриму американской науки о международных отношениях.

Данный подход в этом регионе способен в перспективе привести к «провинциализации» американской теории и «национализации» собственных теоретических наработок. Теория Английской школы на этом интеллектуальном фоне остается более понятной в национальных научных и политических сообществах и, как следствие, более востребованной. Она объясняет подъем современной Азии, понимает гибельность и конечность колониализма в качестве института международного общества, разделяет идеи справедливости и диалога цивилизаций в международных отношениях, тем са-

²³ См.: Zhang Y. Op. cit. P. 227.

²⁴ См.: Бузан Б. «Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств...» // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3 (30–31). С. 73–82.

мым отказывается от этно- и западоцентризма в международных делах. Сами эти идеи были «запущены» усилиями представителей второго поколения Английской школы в 1980-х годах и нашли выражение еще в «Экспансии международного общества». Однако в условиях краха неолиберальных и неоконсервативных концепций последних двадцати лет они выглядят более обоснованными вариантами теоретической рефлексии, сформулированными еще в период окончания холодной войны.

В последние десятилетия эта осторожная и, по сути, консервативная рефлексия по поводу мирового порядка стала дополняться новыми тенденциями сетевизации научного знания и появлением на этой основе новых научных сообществ, действующих виртуально и общающихся дистанционно. Представители Английской школы достаточно умело использовали подобные форматы работы, обосновывая и транслируя собственные идеи в формирующихся национальных полях изучения международных отношений в странах Азии. В силу этих обстоятельств Й. Зэнг считает «азиатское направление» развития школы наиболее успешным за счет пространственного расширения, которое, по мысли исследователя, является критически важным фактором в репрезентации идей научного сообщества²⁵. Парадоксально другое: концепция международного общества оказывается сегодня востребованной в научном дискурсе бывших европейских колоний и зависимых территорий. Не менее любопытно и то, что концепция Английской школы противопоставляется неоколониальной риторике, которая звучит в современном теоретическом мейнстриме изучения международных отношений. Здесь следует пояснить, что изначально школу считали консервативным теоретическим обоснованием истории колониальной политики.

Идеи Английской школы в странах современной Азии служат легитимации собственного культурного своеобразия через научный дискурс современного Запада. Такой подход позволяет конструировать многообещающие перспективы научного и политического знания о международных отношениях. Таким образом, хоть в количественном, хоть в качественном отношении Английская школа сегодня позиционирует себя в глобальном масштабе, что позволяет говорить

²⁵ См.: Zhang Y. Op. cit. P. 237.

об имеющихся перспективах ее развития в будущем. Наиболее вероятными траекториями ее дальнейшего развития выступают адаптация концепции к современным вариантам методологии конструктивизма, функциональный анализ международных институтов, взаимодействие с проблематикой международных режимов, углубление тематики исследований «мирового общества» и взаимодействие с международной политэкономией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баталов Э.Я. О философии международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 131 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М., 2002. – 388 с.

Бузан Б. «Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств...» // Международные процессы. – 2012. – Т. 10, № 3 (30–31). – С. 73–82.

Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 869 с.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). – М.: Высшая школа, 1974. – 309 с.

Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теория, социология. – М., 2013. – 349 с.

История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. – М.: Международные отношения, 1994. – 382 с.

Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923: в 14 т. – М.: Прогресс, 1989–1990. – Кн. 1, т. 1–2. – 1990. – 768 с.

Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

Коркунов Н.М. Лекции по международному праву. – СПб., 1883–1884. – 346 с.

Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 3–20.

Нейман А.М. «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30–60 гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1978. – 21 с.

Никольсон Г. Дипломатия. – М., 1941. – 153 с.

Нитце П. Прогулка в лесу // Международная жизнь. – 1989. – № 11. – С. 119–134; № 12. – С. 129–138.

Павлов Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М.: Международные отношения, 2012. – 798 с.

Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. – М.: Наука, 1991. – 232 с.

Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 731 с.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.; СПб., 1996. – 478 с.

Хрусталева М.А. Методология анализа международных переговоров // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. – Т. 2, № 3 (6). – 2004. – С. 66–80.

Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 238 с.

Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. – М., 2011. – 511 с.

Armstrong D. The Nature of Law in an Anarchical Society // The Anarchical Society in a Globalized World / ed. by R. Little, J. Williams. – L.: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 122–139.

Asia and Western Pacific Towards a New International Order / ed. by H. Bull. – Melbourne, 1975. – 387 p.

Attitude to Africa / ed. by A. Lewis, M. Scott, M. Wight. – Harmondsworth, 1951. – 161 p.

Bain W. The Pluralist-Solidarist Debate in English School // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 159–169.

Booth K. Strategy and Ethnocentrism. – L.: CROOMHELM, 1979. – 191 p.

Brown C. The Development of International Relations Theory in the United Kingdom: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories // International Studies. – 2009. – Vol. 46, № 1–2. – P. 221–237.

Bull H. Arms Control and the Balance of Power // The Control of the Arms Race / ed. by F. Praeger. – L., 1961. – P. 37–62.

Bull H. Disarmament and the International System // Hedley Bull on Arms Control / sel. and introd. by R. O'Neill, D. Schwartz. – N. Y., 1987. – P. 27–40.

Bull H. International Relations as an Academic Pursuit // Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – P. 246–263.

Bull H. International Theory: The Case for the Classical Approach // World Politics. – 1966. – Vol. 18, № 3. – P. 361–377.

Bull H. Introduction // Wight M. System of State / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 1–19.

Bull H. Justice in International Relations: The 1983 Hagey Lectures (1984) // Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – P. 206–245.

Bull H. Society and Anarchy in International Relations // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 35–50.

Bull H. Society and Anarchy in International Relations // Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – P. 77–94.

Bull H. Strategic Arms Limitation. The Precedent of Washington and London Navy Treaties. – Chicago, 1971. – 44 p.

Bull H. Strategic Studies and Its Critics // Hedley Bull on Arms Control / sel. and introd. by R. O'Neill, D. Schwartz. – N. Y., 1987. – P. 11–23.

Bull H. Strategic Studies and Its Critics // World Politics. – 1968. – July. – P. 593–605.

Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – N. Y.: Columbia University Press, 1977. – 335 p.

Bull H. The Control of the Arms Race. Disarmaments and Arms Control in the Missile Age. – L.: Institute for Strategic Studies, 1961. – 215 p.

Bull H. The Emergence of a Universal International Society // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 117–126.

Bull H. The Grotian Conception of International Society // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 51–73.

Bull H. The Grotian Conception of International Society // Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – P. 119–124.

Bull H. The Moscow Agreements and Strategic Arms Limitations. – Canberra, 1973. – 50 p.

Bull H. The Revolt Against the West // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 217–228.

Bull H. The States Positive Role in World Affairs // Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – P. 139–156.

Bull H. Twenty Years Crisis. Thirty Years on // International Journal. – 1969. – Vol. 24, № 4. – P. 625–638.

Bull H. War and International Order // The Bases of International Order. Essay in Honour of C.A.W. Manning / ed. by A. James. – L.; N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 116–132.

Burchill S. et al. Theories of International Relations. – 3rd ed. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 310 p.

Butterfield H. Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 132–148.

Butterfield H. Christianity, Diplomacy and War. – L.: Epworth Press, 1953. – 125 p.

Butterfield H. International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View. – Connecticut: Greenwood Press, 1974. – 123 p.

Butterfield H. Raison d'état. The Relations Between Morality and Government. – URL: <http://www.mwmt.co.uk/documents/butterfield.pdf>.

Butterfield H. The Englishman and His History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1944. – 142 p.

Butterfield H. The New Diplomacy and Historical Diplomacy // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 181–192.

Butterfield H. The Peace Tactics of Napoleon, 1806–1808. – L., 1929. – 213 p.

Butterfield H. The Whig Interpretation of History. – N. Y.: Norton Company, 1965. – 135 p.

Butterfield H. Writing on Christianity and History / ed. and introd. by C. McIntire. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1979. – 273 p.

Buzan B. Culture and International Society // International Affairs. – 2010. – Vol. 86, № 1. – P. 1–25.

Buzan B. Economical Structure and International Security. The Limits of Liberal Case // International Security: in 4 vol. / ed. by B. Buzan, L. Hansen. – L., 2007. – Vol. II. – P. 597–624.

Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 295 p.

Buzan B. Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. – L.: Harvester Press Group, 1983. – 262 p.

Buzan B. Rethinking Hedley Bull on the Institutions of International Society // *The Anarchical Society in a Globalized World* / ed. by R. Little, J. Williams. – L.: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 75–96.

Buzan B. Seabed Politics. – N. Y.: Prayer Publishers, 1976. – 313 p.

Buzan B., Little R. International System in World History. Remaking the Study of International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 452 p.

Buzan B., Little R. The Historical Expansion of International Society // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 59–75.

Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. – L., 1998. – 198 p.

Buzan B., Waever O. Powers and Regions. The Structure of International Security. – Cambridge, 2002. – 387 p.

Clark I. Globalization and Fragmentation. International Relations in the Twentieth Century. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 220 p.

Clark I. Legitimacy in International Society. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 278 p.

Cohran M. Normative Theory in the English School // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 185–204.

Cohran M. The Ethics of the English School // *The Handbook of International Relations* / ed. by C. Reus-Smith, D. Shnidal. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 286–297.

Coll A. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and Philosophy of International Politics. – Durham: Duke University Press, 1985. – 173 p.

Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L.: Allen & Unwin, 1966. – 227 p.

Donnelly J. Human Rights. A New Standard of Civilizations? // *International Affairs*. – 1998. – Vol. 74, № 1. – P. 1–24.

Donnelly J. The Concept of Human Rights. – L.: Sydney Groom Helm, 1985. – 120 p.

Donnelly J. Universal Human Rights in Theory and Practice. – Ithaca: Cornell University Press, 1989. – 295 p.

Dunne T. Inventing International Society: A History of English School. – L.: Macmillan, 1998. – 305 p.

Dunne T. Sociological Investigations: Instrumental, Legitimist and Coercive Interpretations of International Society // *Millennium*. – 2001. – Vol. 30, № 1. – P. 66–91.

Dunne T. The English School // *The Handbook of International Relations* / ed. by C. Reus-Smith, D. Snidal. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 267–285.

Dunne T., Little R. The International System – International Society Distinction // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 91–108.

Epp R. The British Committee on the Theory of International Politics // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 25–36.

Finnemore M. Constructing Norms of Humanitarian Intervention // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / ed. by P. Katzenstein. – N. Y.: Columbia University Press, 1996. – P. 153–185.

Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses / ed. by R.J. Vincent. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 283 p.

Fox W. The Super Powers: The United States, Britain and Soviet Union – Their Responsibility for Peace. – N. Y.: Harcourt Brace, 1944. – 181 p.

Gillard D. British and Russian Relations with Asian Governments in the Nineteenth Century // *The Expansion of International Society* / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 87–97.

Gong G. China's Entry into International Society // *The Expansion of International Society* / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 172–183.

Gong G. The Standard of “Civilizations” in International Society. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 267 p.

Green D. Introduction to the English School in International Studies // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 1–7.

Griffiths M. Fifty Key Thinkers in International Relations. – L.: Routledge, 1999. – 275 p.

Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – 246 p.

Hall I. Martin Wight: A Biographical Overview of His Life and Work. – URL: <http://www.mwmt.co.uk/>.

Hancock B. Herbert Butterfield. Biography. – URL: <http://www.giffordlectures.org/Author.asp?AuthorID=32>.

Hedley Bull on Arms Control / sel. and introd. by R. O'Neill, D. Schwartz. – N. Y.: St. Martin Press, 1987. – 302 p.

Hedley Bull on International Society / ed. by K. Alderson, A. Hurrell. – L.; N. Y., 2000. – 279 p.

Howard M. Ethics and Power in International Policy. The Third Martin Wight Memorial Lecture // International Affairs. – 1977. – Vol. 55, № 3. – P. 364–376.

Howard M. Problems of a Disarmed World // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 206–214.

Howard M. The Military Factor in European Expansion // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 32–42.

Howard M. War as an Instrument of Policy // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L., 1966. – P. 193–200.

Human Rights in Global Politics / ed. by T. Dunne, N. Wheeler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 337 p.

Hurrell A. Order and Justice // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 143–158.

International Relation Theory Today / ed. by K. Booth, S. Smith. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1995. – 367 p.

International Relation Theory. A Bibliography / ed. by A. Groom, C. Mitchell. – N. Y., 1978. – 222 p.

Jackson R. From Colonialism to Theology: Encounters with Martin Wight's International Thought // International Affairs. – 2008. – Vol. 84, № 2. – P. 351–364.

Jackson R. Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis: Research Monography. № 30. – Berkley: University of California, Institute of International Studies Research, 1977. – 76 p.

Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 225 p.

Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 464 p.

Jackson R. The Political Theory of International Society // International Relation Theory Today / ed. by K. Booth, S. Smith. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1995. – P. 110–127.

James A. System or Society? // Review of International Studies. – 1993. – Vol. 19, № 3. – P. 269–288.

Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // Review of International Studies. – 1981. – Vol. 7, № 1. – P. 185–206.

Kedourie E. A New International Disorder // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 347–355.

Kedourie E. Religion and Politics: Arnold Toynbee and Martin Wight // British Journal of International Studies. – 1975. – № 5. – P. 6–14.

Linklater A. Prudence and Principle in International Society: Reflections on Vincent's Approach to Human Rights // International Affairs. – 2011. – Vol. 87, № 5. – P. 1179–1191.

Linklater A., Suganami H. The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 302 p.

Little R. Obituary: John Vincent 1943–1990 // Review of International Studies. – 1991. – Vol. 17. – P. 106.

Little R. The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 317 p.

Long D. C.A.W. Manning and Academic International Relations. – URL: <http://www.rockarch.org/publications/resrep/long.pdf>.

Lyon P. The Emergence of the Third World // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 229–237.

Mackinnon D. Power Politics and Religious Faith: The Fifth Martin Wight Memorial Lecture // British Journal of International Studies. – 1980. – № 6. – P. 1–15.

Manning C.A.W. "Empire" into "Commonwealth" // South Africa Society Papers. – 1970. – № 3. – P. 34–48.

Manning C.A.W. In Defence of Apartheid // Foreign Affairs. – 1964. – Vol. 43, № 1. – P. 135–149.

Manning C.A.W. Political Justice at the Hague // South Africa Society Papers. – 1972. – № 8. – P. 42–61.

Manning C.A.W. The Legal Framework in a World of Change // The Aberystwyth Papers: International Politics 1919–1969. – L.: Oxford University Press, 1972. – P. 301–335.

Manning C.A.W. The Nature of International Society. – 2nd ed. – L.: London School of Economics and Political Science, 1975. – 280 p.

Manning C.A.W. The Politics of British Dominions in the League of Nations. – L., 1932. – 159 p.

Manning C.A.W. The United Nations and South West Africa // South Africa Society Papers. – 1971. – № 6. – P. 78–93.

Manning C.A.W. The University Teaching of Social Science: International Relations. A Report Prepared on Behalf of the International Studies Conference. – P.: UNESCO, 1954. – 100 p.

Mayall J. The United States // Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses / ed. by R.J. Vincent. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 165–188.

Mayall J. World Politics. Progress and Its Limits. – Oxford: Polity Press, 2000. – 170 p.

Mayall J., Jackson-Preece J. Nationalism and International Relations. – L.: London School of Economics, 2011. – 109 p.

Nardin T. Law, Morality and the Relations of States. – New Jersey: Princeton University Press, 1983. – 386 p.

Navari C. English School Methodology // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 205–220.

Northedge F. Order and Change in International Society // The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning / ed. by A. James. – L.; N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 1–23.

Northedge F. The International Political System. – L.: Faber and Faber, 1976. – 336 p.

O'Neill O. The Dark Side of Human Rights // International Affairs. – 2005. – Vol. 81, № 2. – P. 427–429.

Ottoman Diplomacy. Conventional or Unconventional? / ed. by A.N. Yurdusev. – L.: Palgrave Macmillan, 2004. – 202 p.

Peaceful Change. An International Problem / ed. by C.A.W. Manning. – L., 1937. – 193 p.

Regional Orders. Building Security in a New World / ed. by D. Lake, P. Morgan. – Pennsylvania, 1997. – 406 p.

Reus-Smith C. Human Rights and the Social Construction of Sovereignty // Review of International Studies. – 2001. – № 27. – P. 519–538.

Ruggie J. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and Constructivists Challenge // International Organization. – 1998. – № 52. – P. 855–885.

Satow E. A Guide to the Diplomatic Practice. – 3rd ed. – L.: Longman, 1932. – 519 p.

Scott T. Faith, History and Martin Wight: The Role of Religion in the Historical Sociology of English School of International Relations // International Affairs. – 2001. – Vol. 77, № 4. – P. 905–929.

Sharp P. The English School, Herbert Butterfield and Diplomacy. – URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20021100_cli_paper_dip_issue83.pdf.

Suganami H. C.A.W. Manning and the Study of International Relations // Review of International Studies. – 2001. – № 27. – P. 91–107.

Suganami H. Japan's Entry into International Society // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 185–199.

Suganami H. The English School, History and Theory // Ritsumeikan International Affairs. – 2011. – Vol. 9. – P. 27–50.

System, Society and the World. Exploring the English School of International Relations / ed. by R. Murray. – Bristol, 2013. – 73 p.

The "Special Relationship". Anglo-American Relations Since 1945 / ed. by R. Louis, H. Bull. – Oxford, 1986. – 408 p.

The Anarchical Society in a Globalized World / ed. by R. Little, J. Williams. – L.: Palgrave Macmillan, 2006. – 234 p.

The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning / ed. by A. James. – L.; N. Y.: Oxford University Press, 1973. – 218 p.

The Eighty Years Crisis: International Relations in 1919–1999 / ed. by T. Dunne, M. Cox, K. Booth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 248 p.

The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 479 p.

The Foreign Policies of the Powers / ed. by F. Northedge. – L.: Faber and Faber, 1974. – 388 p.

The Future of International Relations: Masters in the Making / ed. by I. Neumann, O. Waever. – L.: Routledge, 1997. – 412 p.

The Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smith, D. Snidal. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 772 p.

Vigazzi B. The British Committee and International Society: History and Theory // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 37–58.

Vincent R.J. Hedley Bull and Order in International Politics // Order and Violence: Hedley Bull and International Relations / ed. by J. Miller, R.J. Vincent. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 39–62.

Vincent R.J. Human Rights and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 237 p.

Vincent R.J. Nonintervention and International Order. – Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1974. – 457 p.

Vincent R.J. Racial Equality // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 239–254.

Vincent R.J. The Function of Functionalism in International Relations // Yearbook of World Affairs. – 1973. – Vol. 27. – P. 332–344.

Waever O. Four Meanings of International Society. A Trans-Atlantic Dialogue // International Society and the Development of International Relations Theory / ed. by B. Robertson. – L.: Printer, 1998. – P. 80–144.

Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // International Organization. – 1998. – № 52. – P. 687–727.

Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – N. Y.: Basic Book, 1992. – 287 p.

Watson A. Diplomacy. The Dialogue Between States. – L.: Eyre Methuen, 1982. – 239 p.

Watson A. European International Society and Its Expansion // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 13–32.

Watson A. Introduction // Coll A. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and Philosophy of International Politics. – Durham: Duke University Press, 1985. – P. 1–20.

Watson A. Russia and European International Society // The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 61–74.

Watson A. System of States // Review of International Studies. – 1990. – № 16. – P. 99–109.

Watson A. The British Committee for the Theory of International Politics. – URL: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>.

Watson A. The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. – L.; N. Y., 1992. – 337 p.

Watson A. The Limits of Independence. Relatives Between States in the Modern World. – L.; N. Y., 1997. – 160 p.

Wendt A. On Constitution and Causation in International Relations // *The Eighty Years Crisis: International Relations 1919–1999* / ed. by T. Dunne, M. Cox, K. Booth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 101–117.

Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

Wheeler N. Pluralist and Solidarist Conception of International Society: Bull and Vincent on Humanitarian Intervention // *Millennium: Journal of International Studies*. – 1992. – № 21. – P. 463–489.

Wheeler N. *Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society*. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 316 p.

Wheeler N., Dunne T. Good Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy // *International Affairs*. – 1998. – Vol. 74, № 4. – P. 847–870.

Wight M. An Anatomy of International Thought // *Review of International Studies*. – 1987. – Vol. 13, № 3. – P. 221–227.

Wight M. *Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics* / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L.: Allen & Unwin, 1966. – P. 148–175.

Wight M. *British Colonial Constitution 1947*. – Oxford: Clarendon, 1952. – 286 p.

Wight M. Christian Pacifism // *Theology*. – 1936. – Vol. XXXVIII, № 163. – P. 24–39.

Wight M. *De systematibus civitatum // System of State* / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 21–41.

Wight M. *Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini* / ed. by G. Wight, B. Porter. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 160 p.

Wight M. *Hellas and Persia // System of State* / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 73–112.

Wight M. *International Theory: The Three Traditions* / M. Wight; ed. by G. Wight, B. Porter. – Leicester: Leicester University Press, 1991. – 236 p.

Wight M. *Power Politics* / ed. by H. Bull, C. Holbrooke. – Leicester, 1979. – 317 p.

Wight M. *Power Politics. Royal Institute of International Relations*. – L., 1949. – 68 p.

Wight M. *The Balance of Power and International Order // The Bases of International Order. Essays in Honour of C.A.W. Manning* / ed. by A. James. – L.; N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 85–116.

Wight M. The Church, Russia and the West // *Ecumenical Review. A Quarterly.* – 1948. – Vol. 1, № 1. – P. 25–45.

Wight M. The Development of Legislative Council 1606–1945. – Oxford, 1946.

Wight M. The Gold Coast Legislative Council. Studies in Colonial Legislative. – L., 1947. – Vol. 2. – 286 p.

Wight M. The International Legitimacy // *System of State* / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 153–172.

Wight M. The Origins of Our State-system: Chronological Limits // *System of State* / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 128–152.

Wight M. The Origins of Our State-system: Geographical Limits // *System of State* / ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 110–128.

Wight M. Western Values in International Relations // *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics* / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L.: Allen & Unwin, 1966. – P. 89–131.

Wight M. Why is There No International Theory? // *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics* / ed. by H. Butterfield, M. Wight. – L.: Allen & Unwin, 1966. – P. 17–34.

Williams J. Order and Society // *The Anarchical Society in a Globalized World* / ed. by R. Little, J. Williams. – L.: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 13–33.

Williams J. Pluralism, Solidarism and Emergence of World Society in English School Theory // *International Relations.* – 2005. – Vol. 19, № 1. – P. 19–38.

Yurdusev N. International Relations and the Philosophy of History. A Civilization Approach. – L.: Palgrave Macmillan, 2003. – 204 p.

Zhang Y. The Global Diffusion of the English School // *Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari, D. Green. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – P. 223–237.

Научное издание

Миронов Виктор Владимирович

ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография

Редактор *О.К. Голошубина*

Технический редактор *М.В. Быкова*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 17.04.2017. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 27,25. Усл. печ. л. 25,34. Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 70 экз. Заказ 52.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а
